

Свеча

№ 12/2008

Тема 12 номера:

«ПРОСТОРЫ ПРОЗЫ»

10-летию
ВОСРП ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Издается в Вологде с 1993 года, с 1996 при содействии
Союза российских писателей, Вологодское отделение.*

*Издание «Свеча» зарегистрировано
в Тверской РИ, региональный № Т-0219*

*Редактор-составитель Галина Щекина
galera50@gmail.com Т. 75-24-63*

*Материалы принимаются только
по e-mail. На обложке - графика*

*О. Ронжиной, карта «Вологда
с птичьего полета» 1994 года, фрагмент.*

Логотип «Свеча» создан Татьяной Шмелевой.

Отпечатано ООО «Фирма «Леда».

160035, г. Вологда, ул. Зосимовская, 3а,

Заказ № 210, тираж 100 экз.

2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ДНЕВНИКИ

А. Астафьева - вологда	- 3
Т. Баканова - москва	- 5
В. Башкурова - кадуЙ-вологда	- 7
Ж. Вандышев - вологда	- 9
И. Василькова - москва	- 12
Е. Волкова, О. Кузнецова - вологда	- 18
Н. Горланова, В. Букур - пермь	- 22
Е. Гудошникова - воронеж	- 25
С. Донец - вологда	- 29
А. Дудкин - кадуЙ-вологда	- 30
М. Илясов - кадуЙ-вологда	- 32
М. Кулаков - нижний новгород-москва	- 36
И. Купцова - чагода вологда	- 80
Н. Макеева - москва	- 82
Е. Напорова - череповец	- 84
Н. Парусник - вологда-спб	- 87
А. Ружьев - москва	- 90
Н. Сидорова - мирный	- 92
И. Смирнов - череповец	- 93
И. Смирнов (Несмирный) - лос-анжелес	- 96
М. Сопин - вологда	- 99
Н. Усанова - харовск-вологда	- 107
Е. Чегодаева - вологда-москва	- 111
П. Шабанов - вологда	- 113
Г. Щекина - вологда	- 115
Е. Юшкова - вологда	- 122

КРИТИКА, ЭССЕ

С. Донец - вологда	- 125
А. Дудкин - кадуЙ-вологда	- 126
А. Пиджаков - кадуЙ-вологда	- 127
И. Захаров - череповец	- 129
Р. Соболева - вологда	- 129
Н. Писарчик - вологда	- 130
С. Фаустов - вологда	- 133

СОБЫТИЯ ГОДА

III Межрегиональный фестиваль - нижний новгород	- 135
Праздник славянской письменности молодеет (Плюсовая поэзия) - вологда	- 136
К Илья-Премии - москва	- 137
События - КОРОТКО	- 138
Конкурс	- 138

БОТИНКИ, КОТОРЫЕ ТЫ НОСИШЬ

Я свалила дурака. Я попробовала «выйти замуж». Я попыталась от тебя сбежать. От тебя - читай - от себя, а, стало быть, бесполезно, бессмысленно.

Никогда не думавшая прежде, что могу быть такой стервой, стала ею - сварливой, толстой, нестриженной, не накрашенной, в затрапезном халате, не всегда тихо ненавидевшая своего сожителя. Я сделалась точной копией типичных жен.

Днем я изо всех сил выдерживала, переживала свое «замужество»: ходила в магазин, чистила картошку, варила суп, стирала, гладила рубашки, которые мой «муж» предпочитал менять через день. Если бы это были твои рубашки, осоловевшая от счастья, я бы стирала и гладила их круглыми сутками. Но это были его рубашки, и я их ненавидела, как и их хозяина.

Вечером я выполняла «супружеский долг», нарочно соблазняя его ежедневно, чтобы ненавидеть еще больше. Мне был омерзителен его запах, его кожа, его биологические сливы, после которых он неизменно напоминал мне, что если я «залечу», то непременно пойду на аборт. Он даже никогда не целовал меня, не ласкал так, как мне хотелось.

Он уходил в свою комнату, в свою постель, а я свободно, не боясь быть услышанной сквозь его храп, вволю ревела в подушку, выла под одеялом, звала тебя, кричала тебе о том, как мне плохо. И еще старалась вспомнить твой запах, твой вкус. Воскрешая в памяти твой образ, я доходила до галлюцинаций, мистических переживаний, где я переставала различать реальность и вымысел. Ты был рядом. Ты был со мной. Я сходила с ума. Я вызывала из прошлого твои глаза, восторженно светящиеся при виде меня, твой тихий мягкий голос, твой легкий всегда чуть сдержанный смех. Я звала твои руки, твои губы, твои слова, до отупения повторяя самые ласковые из них. Я улыбалась, припоминая, как ты радовался, если что-то похожее и родное находил во мне, в моем образе жизни. Была ли то скатерть на кухонном столе, печенье одного сорта, отчего-то купленное нами одновременно. Только я его несла в свой пустой дом, а ты - жене и детям. И ты радовался. Радовался, когда открывал, что нам нравятся одни фильмы, одна музыка, одно вино, одни люди, один, созданный нами для нас мир. И я никогда не понимала, почему же мы не вместе? Если все так славно и радостно. Ты смеялся, ты грустил, ты сходил с ума от страсти, ты молчал, ты говорил, ты смотрел на меня, ты смотрел сквозь меня, ты не видел меня, ты храпел... Стоп! Ты никогда не храпел. Это храпел он в соседней комнате, и я, выброшенная этим отгратительным звуком из фантазий в мир настоящий, снова выла под одеялом. Если бы это храпел ты, я бы наслаждалась. Все, что я любила в тебе, в нем я ненавидела, да в нем и не было ничего от тебя.

Так я выдержала девять месяцев. И сбежала от него - читай - от себя, потому что снова бессмысленно. Я уезжала от себя в трясущемся лязгающем вагоне,

и все тридцать шесть часов пути клялась себе и тебе, что вернувшись, никогда, ни за что не приду к тебе, не позвоню.

Пять месяцев я держалась, но однажды вечером оделась и пошла к твоему дому. Сердце грохотало, протестовало разум, ныла душа, а вот ноги мои шагали себе и шагали, разве что чуть ослабело стгибаясь в коленях. Я села на скамейку в твоём дворе и стала чего-то ждать. Горел свет в твоей квартире, я видела в окне движущийся силуэт, думала, что это ты. Я не рассчитывала на встречу, почти не хотела ее, просто сидела в твоём дворе и мерзла. Ясных мыслей в голове не было. Меня словно приморозило к скамейке, и я равнодушно околевала, лишь изредка разминая заледеневшие в тонких перчатках пальцы.

И у подъезда остановилась твоя машина. Ты вышел из нее, хлопнул дверцей, выведя меня этим из оцепенения. Я проговорила твое имя. Оно рассыпалось стекляшками, застывший язык не повиновался. Тогда я крикнула твое имя. Ты обернулся. Я снова перестала различать реальность и вымысел: твой взгляд, удивленно и восхищенно вскинутый на меня, твой тихий смех, ласковый голос, твой запах. Все это закружило меня, завьюжило, замело разум.

Ты говорил, что мы оба сумасшедшие, иронично спрашивал, каково мне замужем. Я отмахивалась рукой, но ты, плохо скрывая ревность, говорил глупости о том, что там у меня любовь, не слушал моих возражений. Ты жаловался на усталость, на работу, ты говорил, что хочешь есть. Ты неожиданно поцеловал меня и велел зайти завтра на работу, чтобы все, ВСЕ обговорить. Ты засмеялся, что замерз, что на тебе тонкие брюки, а мороз, похоже, подваливает градусов под восемнадцать. И слегка поддернул брючину, чтобы показать, что под ними действительно ничего не поддето теплого. Я успела увидеть сверкнувшую кожу голый ноги, чуть съехавший носок, а еще я увидела твои новые ботинки. Ты еще что-то говорил, шутил, а я застыла взглядом на этих ботинках - черных, на тонкой подошве, не дорогих, но довольно изящных. Эти ботинки в одно мгновение откинули меня в пережитое, откуда я удрала. Мы выбирали мою «мужу» обувь. Мне вообще нравится мужская обувь, она широкая, удобная. А одни туфли особенно приглянулись мне: изящные, на тонкой подошве, модные и не очень дорогие. Я предложила ему их купить, но его перекосило, словно он прожевал горсть клюквы. Он рявкнул, что я ничего не понимаю, и купил жуткие грубые, под кроссовки лаженные ботинки, в которых после до крови натер ноги. Я махнула рукой и еще несколько раз подходила к выбранным мною туфлям, даже подержала их в руках - легкие, с удобной колодкой. От таких и походка-то особая становится.

И вот в таких-то, именно таких ботиночках стоял сейчас передо мной ты. Тоска скрутила мою душу, слезами набухли веки, и мне неодолимо захотелось опуститься на колени перед тобой, обнять усталые замерзшие ноги и целовать эти несчастные ботинки. «Господи! Даже его ботинки я люблю!» - стонала моя душа, надрывалось сердце. - Господи! Почему я не с ним?!»

Ты убежал домой отогреваться, а я сразу помрачнев, сложившись в плечах, побрела к дому.

Завтра мы встретимся, но реанимация трупа нашей любви закончится для нее очередным летальным исходом.

И я еще не раз буду убежать от тебя-себя, уезжая в другие города, начиная, пытаясь начать жить без тебя, возвращаясь снова и снова.

Только все видения, все фантазии, связанные с тобой теперь перекрыли эти злосчастные ботинки, которые ты носишь. Я все представляю, как обнимаю твои усталые ноги и целую, целую запыленные ботинки. «Господи, почему я не с ним?!»

Бывая на рынке, я часто подхожу к рядам с мужской обувью и стоя чуть в стороне, подолгу с тоской смотрю на эти ботинки. Ничего не выбираю, не покупаю. Продавцы раздражаются, видимо, подозревая во мне воровку.

Но я не смогла увести даже тебя, где уж мне украсть ботинки, которые ты носишь.

ОЖИДАНИЕ

Однажды она меня позвала. Именно позвала. Сама. Я частенько проходила мимо нее, не замечала, увлеченная поиском грибов, а тут - словно прозрела, услышала зов и подняла от земли глаза.

Она росла в гордом одиночестве на едва заметном взгорке, а метрах в трех вокруг, будто расступившись в почтении слуги, застыли тонкоствольные молодые сосны. Не раздумывая, я поняла, что это царица надменно высится над своей челядью. Была она стара, стояла наклонно, напоминая этим Пизанскую башню. До самой вершины ствол ее был гол - отсохли, обломались с годами ветви. Отчего-то я долго не решалась подойти к ней.

День выдался жаркий, ослепительно-солнечный. Лесные пичужки резвились и играли, прыгая по ветвям деревьев, перелетая с одного на другое. Вдруг одна из них, совсем крохотуля, с зеленоватыми перышками на крыльях, уселась на ствол царицы-сосны и тюкнула клювом ее толстую, наверное, почти каменную кору. Мне представилось, как рассердится, разбухнет сейчас дерево, стряхнет с себя дерзкую птичку, но птаха улетела, не найдя ничего съедобного, а все осталось по-прежнему тихо.

Тогда я скинула с себя оцепенение, поставила на мох в листья брусничника полупустую корзину, подошла к сосне и обняла ее. Рук моих хватило лишь на половину обхвата ствола. Он был теплый, нагретый за день солнечными лучами. Светло-коричневые, размером с ладонь шашки коры лепились отдельно друг от друга и напоминали рисунок на теле жирафа; кое-где кора была проточена вредителями, издолблена неглубокими дуплами, затянувшимися слезящейся смолой. Деловито устремляясь к вершине, ползли по стволу крупные черные муравьи. Своими объятиями я нарушила им проторенную дорожку. Насекомые смешались было, но через мгновение осмелели, заползали по моей руке, пытаясь прыснуть едким спир-

том своим в неожиданного врага, хорошо, что рукав куртки защищал меня. Я примирительно убрала руку с пути муравьев, и черный ручеек выровнялся, вновь побежал размеренно. Мне слышалось, что в сердце-вине дерева таким же ровным потоком текут соки, несут живицу от корней к вершине, к искривленным изломанным ветрами ветвям.

Крона сосны была так далеко, так высоко, что легко представлялось, как цепляются за нее белые облака, да и само небо держится на ветвях сосны, как на плечах древнего Титана. Ей и тяжело и торжественно это, она знает, что хрупкие тонкие тела молодых сосен, столпившихся вокруг, никогда не выдержали бы такой ноши, потому и полна царица снисходительной заботливости к ним, как мудрая старуха с превосходством знания жизни, но и со слезами умиления взирает на неразумных ребятишек.

Холодные дожди, секущую порошу, ураганы, ласковые весенние ветры, жару, палящее солнце; острую боль от точащего ее тело жука-короеда, спасительный, но и жестокий клюв дятла; смятение и тоску от разносящегося по бору треска упавшего дерева, ужас и панику от далекого визга бензопилы; усталость и упокоенность - все знала древняя сосна. И мечта была у нее - ей хотелось умереть своей смертью. Не рухнуть подпиленной, не завалиться истерзанной с вывороченными корнями во время урагана, а золотым осенним днем, когда откричат прощально улетающие на зимовку птицы, в бору зазвенит тишина, и в дрему погрузятся все деревья, с тихим стоном усталой надломленной души, с глубоким вздохом умиротворения, не круша своей многовековой тяжестью молодняк, медленно опуститься на землю, в объятии раскинув по ней истомившиеся ветви, и замереть, все еще слыша, как протяжный вздох ее передается от сосны к сосне, улетаая далеко и затихая навсегда...

Пройдут многие зимы и весны, пока затянется ствол царицы мхом, покроет брусничником, осыплет перезревшими семенами, и сокроется, срастется с землей то, что было когда-то могучим гордым деревом. А на его месте взрастут юные ершисто-колкие сосенки. У них и мечты будут совсем иные: скорее подрасти, вытянуться, подняться к солнцу.

С замершим сердцем слушала я исповедь дерева и едва слышно отвечала ему: живи, не поддавайся смятению и бурям, настанет день, и я приведу к тебе самого дорогого человека, чтобы мудростью своей примирила и обвенчала нас, даровав столь же долгий счастливый век нашей любви.

Она понимала меня, кивала согласно ветвями, и мы долго еще стояли, обнявшись, думая каждая о своем.

Прошло уже более десяти лет с того дня, когда сосна впервые позвала меня. Я всегда прихожу к ней, если оказываюсь поблизости. Как и тогда прижимаюсь к ней, и она сдержанно вздыхает, видя, что я снова и снова прихожу одна. Она ждет, как мать ждет часа благословения детей своих, после которого упокоенно станет доживать свой век.

Так и сосна моя будет ждать, зная мое одиночество, и это даст ей силы жить еще и еще.

Только бы не набрел на нее жестокий лесоруб, а меня миновало несчастье обманутых ожиданий. Так мы и думаем друг о друге долгими зимами: сосна-царица в далеком занесенном снегами бору, а я - в слякотном городе. Ждем. Обе ждем весны...

ТАТЬЯНА БАКАНОВА (МОСКВА)

ПРОКЛЯТЬЕ ЛЕТА

Я ступаю лапками по горячему асфальту. Молодой ветерок обдаёт меня своим горячим дыханием и невзначай заглядывает под подол сарафана. Я почти физически ощущаю как к моему лицу, плечам, рукам и ногам пристаёт загар. Понимаю действительный смысл слова «блаженство». Так знакомо шелестят листочки. Сам вид пышной кроны высоких красавцев - южных тополей вселяет в меня, северянку, небывалый оптимизм. Знакомые запахи будоражат и опьяняют. Но и тревожат память. Начинает темнеть, неожиданно быстро, как всегда на юге. Жаркое дыхание ветра сменяется уютной прохладой вечера. На море смотреть не возможно; заходящее солнце, решив искупаться перед сном, осторожно входит в воду и, расплавленное, растекается по поверхности, как горячее масло, слепя глаза.

Сердце сладко щемит от обуревающих ощущений, запахов, вкусов, видов.

Прохожу в маленький сквер, наполненный теми же огромными великанами. Прогуливаюсь по дорожкам и незаметно для себя, постепенно, натягиваюсь, как струна, в готовности в каждую минуту оглянуться на зов. Ищу знакомое лицо среди чужих. Понимаю, что безнадежно, но надежда не умрет, пока не умрет что-то большее, еще не понятое, но уже почувствованное где-то на дне души. Проходит полчаса, и из всех уголков души на поверхность начинают подниматься мятежные осколки невысказанного, несделанного, окисляясь памятью, становятся едкими и рвутся наружу.

Я спускаюсь к воде и, скинув оковы, вхожу в море слез, курортных романов, соединяя печаль и грусть, выплескивающиеся на щеки из глаз, и дождь смывает старую боль, оставляя надежду в пустоте. Это всего лишь первый день на юге. Окунуться в лето, где кто-то клянётся никогда не клясться и обещает не давать обещаний. Чтобы осень предъявила счет к несбывшимся надеждам и нереализованным мечтам невысказанного, и вернуться в зиму с начальным капиталом. Хорошо бы без потерь.

Всего лишь первый день на юге. Впереди две недели пьянящего счастья и гнетущей тоски, чтобы потом паническим бегством вырваться в задумчивое одиночество осени.

ЧЕЛОВЕК В ДОРОГОМ КОСТЮМЕ

Нелепый душный день упрямо давил на виски. Вокруг сновали радостные выпускники. Там и здесь слышался веселое стрекотание девушек и их глупый звонкий смех, расторопный вычурный басок юношей. Всюду были приторно улыбающиеся лица, как будто ничего не произошло, как будто она еще жива и здесь, среди них. Но для него хоровод лиц был бешеной свистопляской, веселый хор голосов начинающих и многообещающих юристов сливался в невыносимую уродливую какофонию беспорядочных звуков. Он стоял среди этой безликой толпы и невидящими глазами бессмысленно смотрел в пустоту.

Ему хотелось не просто плакать, ему хотелось рыдать, выть, биться головой о стены.

Он едва не закричал: «Господи! Что вы за люди? Как вы можете веселиться после всего?!» Но лишь сильнее стиснул зубы, побледнев еще больше. Бескровные руки впились в диплом, невыносимого оттенка нелюбимого цвета венозной крови, вцепились так, как будто он был последней и единственной ниточкой, все еще связывающей его с этим миром. Людей, подающих надежды. Людей, преуспевающих. Людей, легко и быстро забывающих.

Он подумал о ее мягкой улыбке, искрящихся глазах. Тогда также ярко светило солнце. Тогда оно согревало душу, вселяло надежду в сердце. Теперь солнце безжалостно жгло, прожигало насквозь, душило, не давало дышать.

Внезапно в толпе он увидел ее, улыбнулся и пошел навстречу. Но чем ближе подходил, тем дальше она удалялась. Он шел, натываясь на людей, которые, кто удивленно, кто раздраженно, оглядывались и через мгновение уже забывали о нем. Он очнулся и понял, куда вели его ноги, только на мосту. Свесившись через перила, он долго смотрел на воду, как они любили раньше. Вдруг резко обернулся, с отчаянной надеждой. Потом, вглядываясь в темную глубь воды как в глаза, в которых хотелось ему так часто утонуть, как-то очень медленно и отрешенно он перегнулся через перила.

Молодой человек лет 27 в дорогом костюме, склонив голову, стоял на кладбище возле неухоженной могилы не божественно красивой, а скорее невзрачной девушки. Коллеги этого преуспевающего юриста-консультанта известной фирмы очень бы удивились бы, увидев его здесь с простеньким букетом фиалок в руках. Отрешенность и пустота в его глазах за холодно поблескивающими стеклами очков странно контрастировали с его респектабельной внешностью. Он бережно опустил цветы и маленький клочок бумаги на холодный камень. Медленно поднялся. Вдруг резко обернулся, будто с надеждой увидеть кого-то, и на мгновение в его мертвых глазах мелькнула искорка жизни и тут же погасла. Постояв немного, он медленно пошел прочь. Тоскливый моросящий дождь размывал чернила, которые безрезультатно пытались собраться в строчки: «Ты была права. Все юристы - гнилые люди». Ветер сдернул записку с камня и размал ее по голой земле.

Был теплый солнечный день. Легкий ветерок слегка перебирал листочки на деревьях. Двое шли по городу, крепко держась за руки. Она - длинноволосая и длинноногая, статная, пугающая своей бесконечной красотой. Он - стройный, сильный и мужественный. Они нежно смотрели друг на друга и радостно улыбались каждому встречному. И лица людей ответно озарялись улыбкой. И многие, поряженные красотой этой пары, оборачивались и смотрели им вслед. Казалось, эти двое созданы друг для друга.

На углу стоял нищий, прося милостыню. Он был стар, безобразен и слеп. Изредка кто-нибудь подходил и брезгливо опускал монетку в его протянутую руку, стараясь даже кончиками пальцев не дотрагиваться до него.

Пара подошла к нему, и мужчина положил в ладонь нищего монету. Как только пальцы мужчины дотронулись до руки, нищий вздрогнул и невидящими глазами уставился на мужчину и женщину. Через мгновение его безобразное лицо исказила гримаса ужаса и ненависти, он схватил палку и бросился на мужчину с криками «Это Они! Они! Я узнал Их! Люди, разве вы не видите? Гоните их из города! Это Они!».

Он действительно узнал их. Когда-то давно он был молод, красив и богат. Был Пока не повстречал их. Да, без сомнения он узнал их. Она - коварная Жестокость. Он - циничный Расчет...

Мужчина легко оттолкнул нищего, нежно улынувшись своей спутнице. И они, обнявшись, отправились дальше. Людям не понравилось поведение нищего. Они рассердились. Никому не было позволено в городе обижать гостей. Тем более таких! На городском Совете было решено; нищий сошел с ума, его надо проучить: выгнать за пределы города. Так и сделали.

Нищий испугался и умалял не выгонять его. Но люди были глухи к его мольбам. Он стучался в ворота и умолял впустить его. Город оставался глух и нем. Лишь мальчишки кидали в него камнями с городских стен, показывая на него пальцами, кривляясь и дико хохоча. Но вскоре и они ушли. Город спал, ничто не могло нарушить его сон...

Утром люди одумались, решили, что поступили жестоко с беззащитным стариком. И они открыли ворота. Но нищий был мертв...

Был теплый солнечный день, и легкий ветерок слегка перебирал листочки на деревьях. А двое все также шли и шли по городу, крепко взявшись за руки. И люди улыбались им и радостно оборачивались вслед.

ВЗРОСЛЫЙ И РЕБЕНОК

Взрослый и ребенок много лет жили вместе. Их дни были наполнены обычной рутинной совместного существования. Честно говоря, они терпеть не могли друг друга. И часто высказывали свою ненависть и отвращение друг к другу. Наверное, из-за зависти. Ребенок мечтал стать скорее взрослым, а взрослый

втайне хотел вернуться в детство. Несмотря на взаимную неприязнь, друг без друга им тоже было как-то неуютно. Поэтому они вынуждены были терпеть друг друга и мирно сосуществовать.

Но однажды пришел злой дядька. Ему понравился взрослый, а ребенок - нет. Поэтому ребенок был выставлен за дверь. Злой дядька и взрослый стали жить вместе. Иногда по ночам втайне взрослый плакал. Вот так печально и нелепо произошло становление моей личности.

ОЖИДАНИЕ

Они ждали встречи всю жизнь. Ждали этих мимолетных встреч раз в году. Ждали так, как никогда и ничего не ждали. Ожидание было смыслом их жизни. Они мечтали о том, как, однажды встретившись, уже больше никогда не расстанутся, и будут часами сидеть рядом, нежно взявшись за руки, ничего не говоря.

И вот такой день настал. И они часами сидели, взявшись нежно за руки... Спустя сутки им это надоело, и они расстались.

СКАЗКА

Часть I. Поиск

Он стоял на остановке и терпеливо ждал следующего автобуса. Как всегда, сосало под ложечкой. Хотелось есть. Пожалуй, даже жрать. Из всех немногочисленных обычно его желаний осталось теперь только одно это. Хоть бы корочку черствого хлеба. Холод собачий. Автобус. Пропустите, пропустите! Он шел по салону автобуса, такой маленький, грязный и жалкий, пошатываясь и пытливо заглядывая в глаза, занятые пустыми мыслями.

Теперь обратно. Нет, не нашел. На следующей остановке вышел. Он найдет, обязательно найдет. Найдет своего человека. Обязательно надо только быть терпеливым, не думать о голоде. И холоде. Его звали Петюнчик. Так его назвал хозяин. Он был маленькой злой голодной дворняжкой. Петюнчик искал своего Человека.

Часть II. Город брошенных псов

- Петюнчик, почему ты такой грустный? Ну чего тебе не хватает? Все есть. Будка, миска, кость. Половичок. Ну погрызи тапочек. А хочешь, погоняем кота Барбариса?

- Нет, спасибо.

- Все тоскуешь по своему Человеку? Зря. Впрочем, скоро все равно забудешь. Все забывают.

- Не забуду.

- Забудешь. Обязательно. Так должно быть. И так есть.

- Скажи, Старый, ты здесь давно. Скажи, что будет дальше?

- Дальше?.. Дальше будет осень, потом зима, весна и снова лето.

- Я не о том. Вот раньше, когда я был с людьми, тамЯ часто думал, а что будет потом, когда я умру? Темнота и черви?.. Теперь я живу в городе Брошенных Псов. А что дальше? Что потом?

- Господи, Петюнчик! И хочется тебе все время ломать голову над всякой ерундой! Живи проще. Сегодняшним днем. Ни о чем не думай. Чтобы жить. Забудь о прошлом, его не вернуть, не думай о будущем. Живи здесь и сейчас. Поверь, в этом заключено счастье бытия.

- Я так не могу. Я слишком долго жил с людьми. И я хочу знать.

- Хорошо. Я скажу тебе. Когда закончится твое время здесь, ты снова отправишься к людям

- Не может быть! Как?

- Ты проживешь здесь долгую и счастливую жизнь здесь. Потом умрешь. И воскреснешь...

- Вот как!

- Да, воскреснешь. И я не должен тебе, этого говорить... воскреснешь...

- Что?

- Воскреснешь человеком!

- Не может быть! Это неправда!

- Зря я тебе это сказал!.. Прости.

- Нет, ты меня прости. Я не должен был спрашивать. Спасибо, Старый. Теперь я хочу остаться один, и подумать Погоди!.. Скажи еще... все собаки становятся людьми?

- Нет, Петюнчик. Только те, что живут здесь в городе Брошенных Псов.

- Но почему?

- А ты не догадываешься? Да потому, что мы и так почти уже стали людьми. Мы слишком долго жили с ними и слишком много страдали от них же. Если уж страдания делают людей людьми...

- Постой, Старый, постой! А люди? Люди? Что происходит потом с людьми?

- Я не могу тебе этого сказать, Петюнчик. Я сказал тебе уже и так слишком много.

- Старый! Неужели люди становятся Не может быть! Неужели псами?!

- Да, Петюнчик. Это правда. И знаешь, что я тебе скажу? Я много думал над этим. Послушай. Люди приручают нас. Потом бросают. Мы становимся людьми. Забываем все, но помним злобу. Бросаем их. И все начинается сначала. Зло идет по цепочке. Поэтому так много брошенных псов... Поэтому так много брошенных людей...

ВЕРОНИКА БАШКУРОВА

(кадуй-вологда)

СТРЯХНУТЬ ЛИШНЕЕ

Вале

Кругом одни маски! Что же ты спрятался за них, Человек?! Рядом так много этих искусственных лиц, и ты сам их ненавидишь и презираешь за порой чертовски правдивую лживость! Не говори, что ты та-

кой же, как они! Ты не смотришь мне в глаза, и я не поверю твоим словам. Посмотри в зеркало. Спроси себя, кто ты? Тебе смешно и больно? Посмотри! Один на один. Сам с собой. В твоих слезах мелькнула чистота, я видела ее! Только ты боязливо спрятал ее в кровавый стонущий кусок боли...

Стой. Дай мне свои обожженные руки! Тебе больно? Возьми ими этот остаточек чистоты, пока она не умерла. Ну же, возьми! Прошу тебя!! Последним усилием воли. Брось этот искрящийся сверток в лица и маски. Маски, должно быть, отвернутся. Пускай. Пускай озлобятся, хотя внешне будут все также улыбки. Пускай они захлебнутся ярим гневом, появившимся оттого, что они не могут вот так - взять и стряхнуть лишнее, оставшись собой.

А люди... Кто-то порадуетя исконно светлому в этом черно-черном, и из-за их улыбок уже стоит стараться... Кто-то ожесточенно взглянет исподлобья - они уже не смогли это спасти...

16 мая 2006 г.

ВОПРОС К УХОДЯЩЕМУ ПОСЛЕ ДОЛГОГО РАЗГОВОРА

Ты спрашиваешь, почему я уйду?

Потому что гладиолусы! Разве ты меня еще не изучил?

Потому что одиночество!

Потому что пропащая заваленная осенними листьями яма зовет нас, живых, под землю, под маленький людской эскалатор из человеческих рук, засыпающий нас. Мы будем заживо погребены. И никто не узнает наш подвиг из тех, что обычные, стандартно презирающие подвалы и не замечающие цвета асфальта под дождем, и да живите вы счастливо, если сможете, умершие! Счастливы для нас совсем не то. Для нас, видно, другое нужно. Однако, по-моему, наша ненормальность на самом деле лучше, чем их нормальность.

Копится кожаное раздражение. Хочется нагло им остаться собой. Остаться живой среди крестов, голубеньких оградок и белых плит. Деавтоматизированной стать навсегда везде и во всем. Деавтоматизированной абсолютно, шустрой поэтому, ловкой и гибкой, убежать от автоматических существ-механизмов с расписанными по пунктам программами.

И я пойду по рельсам и по камешкам на железной дороге, присяду на кусочек металла и ощущу себя бесконечно живой и потому счастливой рядом с шумным лесом, среди нескольких узких тропинок, среди крохотного куска пространства-бесконечности. Я буду разглядывать смелые маленькие травинки и крупички песка, находя в их жизнях больше смысла и красоты, чем у всех тех, кто просто ходит по ним. И я, может быть, лягу на рельсы и тогда увижу небо, которое не видят обычно по утрам горожане. И если вдруг вечное небо сменит голубую и белую яркости на тучную темноту и решит заплакать, я радостно рассмеюсь и на губы, растаявшие в улыбке, польются обильные слезы вперемешку с каплями дождя, и

глаза хотя бы на какое-то время избавиться от круглой пустоты. Как хочется плакать! Как страшно потерять этот миг, это счастье, когда что-то можно выплеснуть, ничего и никого не боясь, выплеснуть то кровавое, гнилое, что копилось столетиями, откашляться, отплеваться, отплакаться и почувствовать становление гигантской силы жить снова. Жить. Жить по-своему. Жи-и-ть... Упиваться этим словом и этим понятием.

И даже когда небо начнет чистить запотевшее в заводах стекло воздуха молниями и громом, я протяну руки к дождю и к небу и потеряюсь в них, и раздам им себя по капле так, что ничего не останется внутри, только легкость. И я уйду с рельсов только тогда, когда поезд будет громыхать слишком близко и от его ветра будут развеиваться путанные длинные волосы. А, может, не уйду...

Буду ласково смотреть на темные составы... Как здорово! Они знают, куда им двигаться... Потом - вглубь леса, через поваленные деревья и рвы. Утопая в одиночестве, безумно любя его и мучаясь им...

А ты говоришь: остаться. Ну, как же?

Ты посмотри на меня! Глупый! Нет, ты умный... Не обижайся, все-таки совсем глупый...

Встретимся завтра, родной. Не будем нарушать моих сладких бедствий: странных молитв и черных сказок. Завтра я расскажу тебе их еще, если хочешь. Закрой глаза, я хочу поцеловать тебя в веки и в нос. Спасибо. И спасибо, что не отталкиваешь сразу, как это делают некоторые, а пытаешься понять мое безумство.

Я вижу, что ты понял меня. Да, я ухожу не потому, что мне плохо с тобой. Слава Богу, ты понял. Значит, все будет хорошо, родной...

9 октября, 2006г., Вологда.

Я открыла окно,
И хлынул на меня ветер!
Хлынул огромною любовью!
А за окном, в холоде,
Бегало солнце
По асфальту,
Деревянным балконным домам-романтикам,
По обнаженной красоте деревьев темных
И листьям, немногим из выживших
и уцелевших на тонких ветвях
И в облаках редких!
И в лужах, почти что ледных!
И в желтых коврах на земле.

15 октября, 2006г., Вологда.

Ресницы
Длинные, черные
Тушь новая. Для тебя.
Опять чушь
какую-то думаю.
Снова немножко с ума сошла.

Пытаюсь выдумать
Что-то новое, нескудное,
Чтоб интересно было... Для тебя.

Чудовищно редкая птица
Эта любовь!
Не найти.
А зачем?
Есть тело и игра.
Можно теперь обойтись
без адского труда.

17 октября 2006 г., Вологда.

СОБАКА

Страшные твари, но тоже Божьи... Частицы высокого собирать по каплям в их мясных сердцах... Обидно как-то чувствовать себя чем-то вроде собаки, которая пытается говорить по-человечьи, а ее не понимают.

А у нее, у собаки этой, пересыхает в горле...

Она прерывает свою вполне членораздельную речь, Поднимает еще добрые, но уже тухнувшие глаза на слушателей -

...и понимает, что все это зря и никому не нужно...

Не правда ли, все это несколько глуповато, товарищи?

А, может, даже несусветная тупость?

Декабрь, 2006 г., Вологда.

СВОБОДА

Тротуар. Темный, мокрый. Ночная весна. Хотя вообще-то конец ноября. Вода, вода...

Медленно ступаю тяжелыми ботинками, трудно отрывая их от асфальта. Расстояние от них - до магазина, и от магазина - до старого, местами серого, местами голубоватого дома - вот она, свобода. И все-то...

Мои волосы, которым всегда негде развернуться, сегодня спокойно мешают и не стесняют головы резинками, удавками, шапками, шляпами... Я выбросила все это. Мои волосы - тоже свобода. Крохотная, но как она дорога!

Фонари, вывески... Город. Одна. Может, на вокзал?

Но мне надо в этот магазин и в этот дом... Задущенная свобода. Добровольно задавленная моими же грубыми ботинками по чьему-то желанию...

Мокро и хорошо... здесь, на асфальте. Смотрю на ботинки удивленно: они идут сами...

Покупаю в магазине половинку батона, сметану и сыр. По диете мне можно хлеб 1 раз в день... Черт, совсем забытая свобода. А я так люблю свежий хлеб! Откусываю кусочек и вдыхаю этот запах - плевать, видят ли продавщицы. Какое им дело... до карабкающейся по золоотвалам и кирпичным обломкам свободы?!

Выхожу из магазина, иду по той же улице еще медленнее Поднимаю голову, расправляю плечи Короткая свобода. Истинная.

Я обожаю это темное небо. Вот где хватит места на всех Просторная свобода.

Хочу идти. Идти час, два, три... Не встречая знакомых, не пророня ни слова Одинокая свобода.

Проезжают машины. Может, ступить туда, где не успеют остановиться?..

Смотрю в темноту, не моргая. Там, за три часа автобусного расстояния будут рыдать и ломать руки, по крайней мере одни точно... Невозможная свобода.

26 ноября 2006 г., Вологда.

ЛЮБИТЬ

Сине-черное небо; пустынные белые улицы, печально заснеженные, кажущиеся пышно-пушистыми, мягкими и холодно-нежными, как замерзшие тонкие пальцы скрипачки в метро... Ходить по одиноко наполненным комнатам, где тикают будильники, журчат сковородки и болтают, не умолкая, телевизоры - это так знакомо; а в окне - тишина и покой. Становится интересно: как там темному большому небу, усталой малокровной земле, глухим коробкам домов и обнаженным худеньким деревьям? Хочется туда, за окно, в небо, размахивать руками и обжигаться морозным бодрящим воздухом, попадающим прямо в гортань, или же босиком по снегу...

Где же, где же твои всегда теплые широкие ладони? Где твои сильные плечи, искренний смех и длинные мягкие волосы? Где твои упрямые брови и глаза, что-то скрывающие? Может, ты там, за окном? Слышишь ли ты меня, запугавшуюся, слышишь ли мое озябшее сердце? Знаешь ли ты мою дикую грусть? Чувствуешь ли ты? Хочешь, я приду по этому светлому горячему пуху, босая, к Тебе, или смело прибегу по просторному воздуху? Хочешь, не ты, а я достану тебе звезду, самую дальнюю, самую красивую, алую от крови моих оцарапанных, изрезанных в раны рук, которые достанут тебе эту звезду, не обратив внимания на боль, усталость и ее недоступность?

... Ты любишь этот снег, любишь высоко заирать голову и смотреть на него и на звезды, шурясь и смеясь от шуточных ласковых пощечин хлопьев по щекам, губам и кончику носа. А я люблю тебя.

24 января 2006 г.

ЖОРЖ ВАНДЫШЕВ (вологда)

ПОГРЫЗЕМ ШАМПАНСКОГО

- Папа, расскажи сказку, папа, покажи сказку - пристаёт медвежонок к медведю.

- Ладно, сынок, слушай, - достает из сундука два человеческих черепка.

- Вася, а в этом лесу медведи есть?

- Да ну, брось, откуда здесь медведи?!

Рубишь бамбук, береги голову

(Китайская поговорка)

Поход за елками - дело безусловно веселое. Во-первых, ни один нормальный человек подобное мероприятие не затеет. Посудите сами: нужно в обход различного рода лесоохраны (милиции, егерей и, наконец, просто любителей природы, то бишь общественных экологов) выбраться из леса, проскочить в город и донести зеленую красавицу до дома. Во-вторых, все вышеизложенное предполагает компаньона (как минимум одного).

Оптимальный вариант здесь - махнуть в ближайший лесок, подыскать елочку и, выбрав момент, ласково тюкнуть ее топориком под корень, затем "махнуть" за дровосеков и, уже под вечер, благо темнеет зимой рано, вернуться тайными тропами, отдать лыжи напарнику и гордо прошествовать по городу с видом счастливого покупателя.

Все это, конечно, очень романтично, но Василий и Борис природу любили, елку рубить пожалели, а постольку, поскольку отмечать Новый год начали еще с 29 декабря, решили: раз гора не идет к Магомету, Магомет сам идет к ней. Они точно не знали, сколько именно гор не пришло к Магомету, и сколько шлялся он потом по этим каменным истуканам, но отметить праздник в лесу показалось забавным. К тому же в старости будет что вспомнить.

Нишему собраться, только подпоясаться. Жареная курица быстро перелетела из духовки в рюкзак, два литра булькнули туда же. Из традиционных побуждений взяли бутылку шампанского, радио, чтоб создать какие-либо звуковые эффекты, кроме пьяных криков посреди леса. Распределили теплую одежду.

Когда вышли из города, понятие "лыжня" было достаточно абстрактным. Во-первых, довольно неприятный ветер дул в правое ухо и заметал округу колючей поземкой. Во-вторых, темень кромешная (времени до праздника чуть больше двух часов), а катить на лыжах с фонарем не так уж удобно. Кто не верит, можете попробовать сами.

Отдых на природе предполагает собой не просто "приехали, выпили, упали", а достаточно трудоемкий процесс поиска сначала места, где можно "выпить и упасть", затем дров для разжигания огня, кой необходим для приготовления более-менее цивилизованного ужина (просто пить в лесу не считается интеллигентным), и, наконец, добывание того самого огня.

Побродив между елками, искатели приключений решительно остановились - "Здесь!", побросали в снег рюкзаки и, повесив радио на ветку, открыли первую бутылку. Время поджимало. Новый год хотелось-таки встретить вовремя, хоть и вдалеке от родных и близких, как космонавты на орбите или Чук и Гек где-то на севере.

Искать дрова ночью в зимнем лесу - дело неблагодарное. Поэтому, не мудрствуя лукаво, навалили кучу лапника, плеснули немного бензина и запалили огонь. В это время радио голосом президента начало отсчитывать пятиминутку (в смысле поздравлять население и наших героев, само собой тоже). Ребята же, только-только разлившие по второй, несколько занервничали. Руки заняты стаканами с водкой и едва прикуренными сигаретами, шампанское еще не открыто, о закуске вообще говорить не приходится, ибо она основательно промерзла и за оставшиеся пару минут явно не разогреется. Короче, дело дрянь. Однако долго раздумывать не в правилах "больших мужиков". Тем более, закусывать водку на морозе вовсе не обязательно. Короче, успели. Пробка шампанского, тоже основательно замерзшего, упорно не взлетала, но уж учить "бравых парней" обращаться с пробками тем более не стоит. Обиженно чихнув, она отправилась в костер, а ребята чокнулись стаканами как раз с двенадцатым ударом.

Лапник горит хорошо, но сгорает еще лучше (в смысле быстро). Еще через несколько минут стало ясно: либо искать нормальные дрова, либо новогодняя ночь пройдет в лихорадочном обрубании веток и подтаскивании их к вечно загухающему огню. Стало быть, без вариантов.

Рубануть деревцо - дело в принципе не хитрое, но когда самое тонкое оно сантиметров двадцать в диаметре, да основательно промерзло, намашешься от души. Махать решили по очереди топором и в момент смены стаканами.

Медведь ничего не мог понять. Ему просто в голову не приходило, что какие-то раздолбай будут посреди ночи глумиться на крыше берлоги. Сначала он грешил на дятла. Этот наглец еще осенью достал своим стуком на весь лес и, пользуясь тем, что медведи, к сожалению, не летают, нормального языка упорно не понимал. Сейчас стук опять мешал спать. Вылезать не хотелось. Тем более, раз этому придурку взбрело в голову постучать, он все не уgomонится. Хотя, какой к черту дятел посреди зимы?! Мишины мысли прервал треск, и последующее падение чего-то тяжелого на голову.

- В натуре, оборзели, - пробормотал он, очнувшись через несколько минут. Стук не прекращался. Кроме того, в дыру, пробитую сваленным деревом, ясно слышались человеческие голоса.

- Долбанные строители! - выругался медведь - И сюда добрались!

У него уже был опыт общения с людьми. Все они, за исключением деда Федора, иногда подкармливавшего его свежей рыбкой, были потенциальными врагами. Хоть дед Федор и объяснял, что люди разные

попадают, эти трое (столько голосов доносилось снаружи) были безбашенными отморозками. А кому еще придет в голову валить лес посреди ночи, матерясь при этом на всю округу?

- Надо сваливать, - решил медведь - авось ночью догонять не побегут. До деда два шага, глядишь, заспутится. Надо только рыкнуть для понта и ходу.

Он собрался с силами, взревел и ломанулся из сугроба наружу.

Дед Федор жил неподалеку. Он считался сумасшедшим, но потому как был безобиден, его никто не тревожил понапрасну. В войну дед был партизаном, и прятаться в лесу умел не хуже Чингачука. После войны его под общую кучу "бывших на территории врага" замели на десяток лет в тундру, вернувшись откуда, он поселился в маленькой деревеньке. Прошло еще лет десять-пятнадцать, точно уже никто не помнил, и у деда помалу начала съезжать крыша. Он все чаще стал уходить в лес. Вырыл где-то в чаще себе землянку, куда со временем и перебрался. Жил он тем, что под руку подвернется. А что может подвернуться под руку лесному человеку? Да все, что угодно! Людей он сторонился, да куда от них денешься?! «Все, что угодно» приходилось менять иногда в городе на необходимые вещи. Из друзей у деда был один только Михаил. С этим матерым, но вполне добродушным зверюгой Федор был знаком уже несколько лет. Однажды, еще медвежонка, пришлось его подлечить от огнестрела. Как подпустил к себе человека медведь - подранок одному богу известно, но тем не менее. Сейчас Мишель явно прогрессировал в эволюции, и если еще не начал говорить, то понимал-то точно все. Правда спать зимой еще не разучился, и сегодня дед сидел и отмечал Новый год в одиночестве, попивая самогон, настоенный на травах. Душа требовала общения. Такое с ним бывало крайне редко. Очевидно, малость перебрал.

Услышав стук топора, Федор удивился.

- Старею, уже галлюцинации, - подумал он, умылся талой водой, попытался взять себя в руки. Стук не пропал.

Черт его знает, что такое! К тюканью топора пришеивались возгласы двух мужских голосов. Явно молодых и не сильно трезвых.

- Ничего не понимаю, - Федор оделся, взял берданку, на всякий случай фляжку самогона, и пошел проверить. Подойдя к самой медведевой берлоге, он услышал, как взревел зверь, и увидел взметнувшееся облако снега.

Первый литр был уже порядочно оприходован, когда дерево наконец рухнуло. Теперь следовало рубить его на мелкие полешки, которые можно положить в костер. Этим ребята и занялись. Отрубив парочку сели передохнуть. Разлив водку, собрались еще раз выпить за новый год, как вдруг послышался страшный рев, и из ближайшего сугроба появилась оскаленная медвежья морда. Друзья оцепенели.

- MORITURI TE SALUTANT - пробормотал Борис почему-то на латыни.

- Здравствуй, дорогой, - машинально перевел Василий. Спорт спортом, но ходить с топором на медведя ни которому не приходилось.

- Во, попали! Это в Новый-то год! - подумал Борис.

- Все, кранты... - Василий закрыл глаза.

Выскочив из берлоги, Медведь обшарил глазами поляну. Двое сидели у костра и явно не врубались в происходящее. Судя по всему, огнестрельного оружия у них не было. Где же третий? Голос раздавался откуда-то с дерева. Никогда раньше не видевший радио, мишка ринулся на неизвестного врага. Он уже собирался махнуть лапой по черной коробке, висевшей на ветке, как вместо нормального голоса из нее полилась совершенно непонятная какофония звуков. «Ну их всех на хрен», - подумал медведь, и, не зная, чего ждать от сумасшедшего ящика, дернулся было в чашу, как вдруг услышал знакомый хохот и увидел деда Федора, стоявшего за одним из деревьев.

- Нарвались ребята, - подумал дед Федор. Двое парней лет двадцати трех - четырех замерли со стаканами в руках. Разъяренный медведь, правда, повел себя несколько неадекватно. Вместо того, чтобы бежать куда глаза глядят, он подскочил к дереву. Встал на дыбы и, судя по всему решил биться с безобидным радио, голос диктора в котором сменился безшабашной музыкой. Зверь испуганно дернулся и засуетился в сторону Северной звезды. Дед расхохотался. Мишель, заметив его, сконфуженно остановился и медленно подошел - «мол, меня здесь обижают и плохо кормят».

- Пошли пообщаемся с молодежью, - Федор потрепал его по загривку и направился к ошалевшей компании. Повеселевший мишка потрусил рядом. С дедом он пошел бы и в разведку и вообще, куда пошлют.

Когда медведь вдруг дернулся на утек, откуда-то из-за деревьев послышался совершенно бесовский хохот. А еще через минуту ребята увидели возвращающегося зверя, и, рядом с ним черную фигуру человека. В голове в общем-то не склонных к мистике молодых людей зашевелились совершенно шальные мысли о неведомом хозяине леса.

- Какого хрена не спать?- спросил оказавшийся не таким уж страшным подошедший старик. Стоявший рядом медведь оскалился.

- С праздником! - первый пришел в себя Борис и, все равно теряя нечего, влил в себя содержимое стакана. Больше здесь сработала врожденная вежливость, чем осознание ушей опасости.

- И вам того же, - дед подошел ближе к огню. - Зачем зверя обижают?

Медведь, слыша, что разговор о нем, гордо рыкнул, мол, «кто ваша крыша, братки, я не в курсах, но попадалово у вас конкретное».

Выпил и Василий. Его трясло, сказывалось нервное напряжение.

- Да мы...

- Что вы?!- Федор повысил голос - Спал Миша, никого не трогал, а у кого-то лавры камикадзе в заднице играют. Сейчас вот ухватит за ее самую, да оторвет половину. Как с полужопой по девкам пойдете? - и луково прищурился. Медведь снова зарычал. Он уже понял, что драки не будет, но решил подыграть. Ребята инстинктивно шарахнулись.

- А вы кто? - спросил Борис.

- Кто-кто, дед в пальто, не видишь что ль.

Ребята заулыбались. Еще не совсем успокоившись, но все же с меньшей опаской. Дед стоял в тулупе до пят, на пальто пошожем очень в малой степени, но шутка немного расслабила. Медведь стоял спокойно и не выказывал признаков агрессии.

- Может водки? - предложил осмелевший Василий.

- Есть и шампанское, - поддержал Борис. Он протянул руку и взял стоящую на снегу, выпитую до половины бутылку. Здесь его ждала оказия. Вместо жидкости в бутылке, простоявшей на морозе около двух часов лежал приличный кусок льда.

- Можно погрызть! - нашелся он.

- Да, давненько не пивал, - Федор взял бутылку в руки и посмотрел сквозь нее на огонь. - Однако и сегодня, похоже, не судьба. Хотя можно и подогреть. - установил бутылку между двумя никак не желающими заниматься поленьями. Василий вскрыл вторую литровую бутылку. Налил полный стакан и передал деду. Тот крикнул и не спеша опрокинул водку в себя. Выдохнул. Подумал. Помотал головой, отказываясь от куска курицы, протянутой Борисом. Медведь нервно облизнулся. Запах вкусной курочки - это тебе не предложенный дедом, пусть и шутку, окорок из человечины.

- Совсем в стране бардак, - сказал дед, - водку делать разучились. Мало того, что из табуретки, так еще и слабая. Аж льдинки на зубах скрипят. Ты, милый, курочку-то отдай зверю, а то обидится. Мало того, что разбудили, так еще и жрать не дают.

- А можно?

- Попробуй,- усмехнулся Федор.

Борис с опаской подошел к медведю. Не привыкший есть с рук, тот оскалился. Есть хотелось. Последний раз питался мишка перед спячкой. То есть довольно давно. Борис положил кусок в метре от него и отошел. Хрустнули нежные куриные косточки. Медведь облизнулся. Для зверя его массы кусок величиной с ладонь, что вам чайная ложка. Ребята переглянулись. Взятые с собой бутерброды благополучно кончились. Добрая же половина птицы еще лежала в котелке. Старик внимательно смотрел на друзей. Очевидно, проверял на шивость. Борис принял решение. Оторвал ножку - «это нам»- и положил остак перед Михаилом. Тот благодарно заурчал.

Федор улыбнулся - «наши люди».

- А, что, ребята, может своего? - он достал из кармана флягу. - Для вас, «цивилизованных» людей, может и табуретовка - ликер, а я к такому суррогату не привык. Парни протянули стаканы. Старик, ухмыльнувшись, набулькал по половине.

- Ваше здоровье, - ребята выпили. От крепости

перехватило дыхание. Занюхали по очереди оставленной ножкой...

Дальше воспоминания их были несколько расплывчатые. В одном хороводе слились ужасная оскаленная медвежья харя, не передаваемый дикий хохот старика, почему-то без тулупа, предлагавшего еще, бесконечная дорога домой на сломанных лыжах, с разбитым фонарем. Мать Бориса рассказывала, как в седьмом часу утра в дом ввалились два снежных кома, очертаниями чем-то напоминающие людей, держащие в руках лыжные палки и обломки, когда-то бывшие лыжами. С абсолютно сумасшедшими глазами, пьяные в дугу. С трудом разделись и, зайдя в комнату, рухнули прямо на пол, где и проспали до вечера.

- Спят усталые зверушки, мишки спят... - дед Федор сидел в берлоге и, посасывая из горла все-таки оттаявшее шампанское, напевал дремлющему медведю колыбельную. Природа взяла свое. Вылакавший за компанию грамм двести первача, зверь залез в спячку. «Интересно, - думал он, засыпая, - будет ли по весне похмелье?» И улыбнулся совсем человечьи, ощущая на загривке теплую руку друга.

ИРИНА ВАСИЛЬКОВА (МОСКВА) СТРЕЛКА

И о чем только думают взрослые, говоря детям такие вещи? С детьми вообще про смерть надо осторожно.

Ты и не знаешь, как я с ней познакомилась. Первый раз - наверное, в сказках. Но в сказках - не страшно. Мертвая царевна красиво спит в хрустальном гробу. Или золотой петушок красиво клюет в темечко гадкого старикашку.

- Ба-а-б, можно на твоей перинке поваляться?

- Можно, - отвечает ласково, я зарываюсь в пухлое облако, темно-синий ситец с белыми звездами. Кажется, закуталась в небо. Только раскладушка подо мной противно скрипит.

Бабушка Маша приехала недавно, нянчить нас с братом. И перинку эту с собой притащила - как уютный дом на горбу. Как защиту, как гарантию устойчивости. Пережив войну, оккупацию, сохранив в аду троих детей - теперь цепляется за уютное, мирное. Ласково журчит ее речь, и разве это может напугать - если гроб хрустальный, если царевна все равно оживет, и все остальные добрые оживут - кого водой побрызгают, кого из волчьего живота освободят. Немного напугают - но потом освободят.

Или вот я о чем тебе расскажу, о поблекшей фотографии - из тех, что не в парадном плюшевом альбоме для гостей, а в картонной зеленой папке с завязками. Люблю на нее смотреть, замирая от приторного головокружения. Бледный красивый мальчик утопает головой в подушке с оборками. Лицо сосре-

доточенное и чистое - не то, что у теток в черных платках, облепивших, как мухи, белую сказочную ладью, на которой он уплывает неведомо куда. Их черты так некрасиво и судорожно искажены, что глазам неприятно, и хочется видеть только мальчишка, мраморного и загадочного. Но опять не страшно.

- Пап, это кто?

- Это Коля, мой двоюродный. Перед войной в Ленинграде под трамвай попал.

А вот брат не разделяет моего интереса. Он эту фотографию терпеть не может.

В военный городок из райцентра ходит синий носатый автобус. Ползет долго, особенно если закрывают железнодорожный шлагбаум. Иногда приходится пропускать несколько составов, один за другим. Ожидание затягивается, я скучаю, смотрю в окно на замасленные нефтяные цистерны и груженные бревнами платформы, на пыльную траву и знаменитый пивной ларек, прозванный в народе «Голубой Дунай» - не иначе, за то, что облагорожен блеклой синей краской. Рядом - керосиновая лавка, керосин разливают металлическим стаканом на длинной ручке. Желтоватая маслянистая струя бежит в бабушкин бидон. Мне почему-то нравятся запахи керосина, скипидара, олифы. Вот бензин - тот не выношу. Или нагретый металл... Шлагбаум тем временем поднимается - из будки выплывает дебая тетка в красном берете и крутит железную ручку. Смотрит на всех, как охранительница, как дарительница жизни - если б не она, как знать, сколько глупых людишек погибли бы под колесами поездов. Черно-белый шест взмывает в небо, автобус чихает и ползет к цели, мимо тихих палисадников и пыльных рябин. Дальше предстоят три минуты ужаса - дорога проходит под высоковольтными проводами, вид которых пробуждает во мне панику. Тихое жужжание нарастает, керамические изоляторы жирно блестят, металлические раскоряченные опоры и чуть провисшие провода будто рассекают черными трещинами идиллический фарфоровый пейзаж. Распадается все - беспечальное тихое небо, пестрый цветочный луг и три больших, каскадами, пруда, окаймленные березовой рощей. Автобус движется, сетка трещин, секущих картину, смещается, монотонный звук зудит уже где-то внутри головы, и кажется, что мир разваливается на части. Металлический вкус во рту и колючая часовая шестеренка в желудке. Сижу, вцепившись в какой-то поручень, и почти умираю. Бабушка смотрит в мои безумные глаза и спрашивает:

- Ты чего, деточка? Тошнит? Может, выйдем?

Выйти и остаться на пустой обочине под этими смертельными раскоряками? Ни за что. Молча мотаю головой, силясь сглотнуть комок слюны. Скорее, скорее миновать страшную зону!

Тем не менее, в следующий раз опять канючу, просясь с Машей в керосиновую лавку. Брат же не разделяет моей любви к керосину и ужаса перед высоковольтной линией. Лучше он останется дома со своей игрушечной железной дорогой - крошечные паровозики впечатляют его гораздо больше.

Ты слушай, слушай. Если пешком - от вокзала есть другой путь, короче. Срезать угол, оставить шлагбаум в стороне. Набитая тропка пересекает железнодорожные пути - пять или шесть, влият между столбиками, семафорами, лужами мазута, выбегает на гравийную насыпь и уходит в никуда, как подземная речка. Несколько раз я бывала там со взрослыми - они становились напряженно-жесткими от сознания ответственности. Что ходить по путям опасно, знали все, но как еще можно было догнать у «Голубого Дуная» упущенный автобус.

- Осторожнее, - говорит папа, - здесь стрелка.

Но сам теряет всякое чувство опасности. Забывает, что скорее надо миновать неприятную зону. Ему нравится объяснять ребенку всякие премудрости физики и техники, вот и теперь он ждет, чтобы автоматическая стрелка сама перещелкнулась и я поняла бы, как поезд легко попадает с одного пути на другой.

- Раньше были стрелочники, - объясняет он с энтузиазмом инженера, - вручную переводили, а теперь автоматика.

Стрелка перещелкивается с тяжким стальным шлепком. Кажется, от удара гудят не только рельсы, но и весь воздух. Но папа торопит - сейчас по этому пути пройдет поезд.

Мы смотрим на состав, уже спустившись с насыпи. Огромные колеса проносятся почти на уровне наших глаз, поднимается пыль. Железо отвратительно лязгает, ветер свистит.

Разговор на кухне - явно не для моих ушей.

- Девчонка сегодня у переезда под электричку - сообщает отец бабушке. Вид у него не то, чтобы трагический, но какой-то смурной. Ну да, я тоже знаю, что по этой тропинке часто бегают в школу, на ту сторону путей. Но ведь не маленькие - соображают. Мальчишки, правда, могут лихачить, но чтоб девчонка Мне все еще не страшно, но любопытно.

- Паап, а почему убежать не успела? - выпытываю я.

- Нога в стрелку попала, - неохотно отвечает он. - Один наш офицер видел, все у него на глазах случилось. Девчонки втроем шли, или вчетвером. Стрелка зашелкнулась, она в крик, подружки ее тянут-тянут, и никак, а потом увидели близко электричку и бсжать

- А он? Офицер? Почему он не спас?

- А как спасешь? Намертво попалась, как в капкан.

- И что он?

- А что? Накрыл ее своей шинелью, сам еле успел отскочить.

Папа быстро обедает, благодарит бабушку Машу и опять уходит на службу. Но мысли не дают мне покоя - не про девочку, а про шинель. Бабушка без аппетита хлебает суп, потом долго о чем-то думает, опершись на красивую руку. Маша в синем платье с белыми звездами - оно из того же отреза, что перинка, у нее коса вокруг головы, где по черному - несколько ярких седых прядей. Ей всего пятьдесят.

Когда-то она тоже работала на железной дороге - в украинском городке, выросшем вокруг паровозного депо, больше там и работать было негде. Иногда она забывается и в ответ на мои расспросы о жизни как-то сомнамбулически выдает неприятные ей подробности - типа того, как немцы бомбили железнодорожный мост или отлавливали девушек для гестапо, но вдруг, будто проснувшись, обрывает себя на полуслове, наглухо запечатывает память, и жалобно просит:

- Поди, поиграй, деточка.

Мне всегда казалось, что она говорит картинками - видна сетчатая железная конструкция моста, оранжевые разрывы и столбы взметнувшейся вверх серебристой водяной пыли. Люди мечутся, падают в реку, замасленная кепка кружится на воде. Я даже вижу - бррр! - сизые человеческие внутренности, висящие на проводах. Я вижу, как Маша зачем-то лезет под вагон вместо того, чтобы бежать прочь от железнодорожного полотна, но потом замечаю торфяную топь, зелено и свежо заросшую айром, по которой, она знает, все равно далеко не убежишь. Заползая, Маша ударяется о рельс колени и, как в кино, поворачивает ко мне перепачканное сажей и расщеченное ссадинами красивое лицо с дикими от ужаса глазами. Вот она скрылась, мне ее уже не видно - интересно, что она там, под вагоном, думает, что чувствует. Но вряд ли я смогла бы ее понять - главным ужасом была мысль не о собственной гибели, а об оставленных дома детях, которым при таком исходе грозила голодная участь сирот.

Вот теперь мне страшно. Шинель, дурацкая шинель не идет из головы. Ничего сделать было нельзя. Ничего нельзя Уже ничего Господи, какая тоска! Девочка незнакомая, так что вряд ли я страдаю именно о ней. Как всегда, думаю картинками - знакомый семафор, массивная стрелка, хохочущие подружки. Могу разглядеть даже красивого военного, скидывающего шинель но дальше, дальше меня будто накрывают этой шинелью, и больше я уже не вижу ничего. Меня мучает не сама смерть бедняжки, а мысль о ее последних минутах, она наполняет живот холодом, а рот металлической слюной. Офицер, что он сделал для нее? Накрыл, чтоб не видела смерти. Чтобы мир свернулся до черной тесноты, а она склалась в нем, как в утробе. Чтобы не видела, как налетает на нее железная морда электрички, страшная зеленая морда с глазами-окнами и красной кровавой полосой вместо рта. Но ничего этого она теперь не видит - не вижу и я, но зато слышу, свернувшись в точку в темном пространстве, разрывающий уши лязг и свист, чувствую нарастающую мучительную вибрацию стального полотна и стук собственного сердца, до боли в ушах, а потом - желанную тишину небытия как избавление от дикого страха. Миленькие такие мысли у дошкольницы перед сном.

Эй, а ты уверен, что меня слышишь?

С этих пор смерть уже не казалась прозрачным стеклянным гробом, временной спячкой окуклившей-

ся царевны на пути к неминуемому воскресению. Она была страшна своим предстоянием - темнотой и теснотой, режущим уши ужасом, невозможностью дышать и двигаться. Раньше я любила прятаться под одеяло с головой, изображая домик, теперь даже от мысли о том, чтобы оказаться в коконе, мне делалось нехорошо. Ее постоянное присутствие связалось не с абстрактным выбором между «быть» и «не быть» - но с реальным физиологическим ощущением экзистенциального ужаса. Именно оно меня настигло, когда мы, будучи студентами, обсуждали внезапное самоубийство однокурсницы с химфака - целый день она растирала в ступке какую-то дрянь, а потом молниеносно развела водой и выпила на глазах изумленного преподавателя. Она знала, что от этой дряни сворачивалась кровь, но не учла, что не сразу - и уже через несколько минут, обезумев от страха, рыдала и умоляла непременно ее спасти. Процесс был необратим - спасти ее уже ничто не могло.

Вокруг случалось и другое разное - студенты сигналы из окон или с мостов, а самым странным способом свел счеты с жизнью знакомый аспирант, соорудив целую конструкцию из проводов и приставив к сердцу металлическую ложку. Но эти случаи сводили минуты предсмертного ужаса к минимуму, бедная же девушка растянула его на целых двадцать минут. Не так жутко умереть, как очутиться в пространстве, где «уже ничего нельзя сделать», в таком же, как под шинелью.

Поэтому думать о прыгающих-летающих, ставших на краткий миг Ариэлями, было не так страшно, как о засыпанных или заживо погребенных. Слушая рассказы тетки об Ашхабалском землетрясении, я снова сжималась и задыхалась. Тетка говорила о трещинах, разверзающихся в земле и схлопывающихся обратно, успевших прихватить с собой целые дома, набитые людьми, как огуречными семечками. Похороненный в летаргии Гоголь мог бы, верно, тоже что-то такое рассказать, как и средневековые красавицы из легенд, замурованные в стенах за какие-то непонятные прегрешения. Заблудившиеся в пещерах относились к той же категории, и хотя автор не дал Тому Сойеру по-настоящему ужаснуться, плакса Бекки лучше него поняла суть дела. Впрочем, вряд ли дети умеют ужасаться по-настоящему - какой-то предохранитель все же присутствует в их сознании, в нужный момент подсовывая утешительный миф.

В третьем классе миловидная и кокетливая Люсечка Исаева была предметом моего восхищения, и хотя мне запрещалось водиться с «мальчишницей», я не могла устоять перед приглашением в гости - посмотреть коллекцию открыток с киноактрисами. В коммуналке пахло лекарствами, мы отворили тяжелую дверь и прошли на цыпочках в комнату. На диване спал Люсечкин папа - болеет, объяснила она. Болел он, как оказалось, инфекционной желтухой, которая почему-то не привязалась к Люсечке, а привязалась ко мне, и месяц пришлось торчать в больнице. Процесса лечения не помню - вытеснен из памяти, но помню, что бурные скачки по кроватям и битье подушками

по голове меня страшно веселили, как и девятиртых моих соседок. Веселье кончилось, когда привезли тяжелого мальчика, Васю - он неделю лежал в отдельном боксе, так называлась выгороженная в коридоре клетушка, примыкающая к стеклянной стене нашей палаты. Стекло было покрашено белой краской, но в краске зияла дырочка вроде тех, которые я любила вытаивать на заиндевевших окнах зимнего трамвая. Каждая из нас по очереди приносила к глазу, с болезненным любопытством наблюдая трагедию. Тихий свет там не гас даже ночью. Для нас это было кино - красивая изможденная мама у кровати, с ужасом глядящая на капельницы и трубки. Лицо мальчика поражало полным равнодушием и неестественным темно-желтым цветом. Мы смотрели бы «кино» все ночи напролет, если бы вбегавшая ночная нянька не шлепала нас своей мокрой тряпкой. Однажды утром обнаружилось, что бокс пуст - ангел смерти прилетал ночью, чтобы нас не испугать.

- А Вася где? - удивилась маленькая Нина.

- Унесли - равнодушно произнесла нянька, мрачно возя по полу неизменной тряпкой.

Хулиганка Танька спросила с непривычной пискливостью:

- Оживлять понесли?

- Оживлять! - фыркнула нянька и ушла.

- Ввидите, видите, - затараторила Танька, - я знаю, там палата такая есть, специальная, где оживляют.

Мы утешились, подушечные битвы продолжались, и о Васе уже никто не вспоминал.

Вот говорю что-то, бубню сонному в ухо, а надо ли? Как и у прочих людей, у тебя своя коллекция личных ужасиков, на их фоне мои кажутся лишними, я и не знаю, вылавливаешь ли ты из потока главное, или замечаешь только скучные бытовые подробности и нерезкие лица с чужих фотографий.

Сон прервался резко, толчком - в затуманенной голове возникло желание именно сегодня непременно купить себе свитер. Оно настырно зудело и жужжало в мозгах, пока я варила детскую кашу, поглядывая на законный градусник и оставляя бабушке ультимативные указания, в чем сегодня выгуливать правнука. Снисходительная улыбка на совсем уже испекшемся лице выдавала степень ее непослушания, и я подозревала, что она опять натянёт на него две шапки. Борьбаться с этим было нереально, только и оставалось напустить на себя строгий вид. Впрочем, я забыла о шапках уже в лифте, прикидывая, куда могу заскочить до работы, уступая странному позыву и обезвреживая таким образом неприятное жужжание.

В универмаге долго колебалась между серым и красным, внезапно выбрав черный. Черного я раньше никогда не носила.

- Ну, зачем вам такой похоронный? - расстроилась продавщица. - Те приятней.

- А хочется! - неожиданно грубо отрезала я, сама удивившись, но как бы плывя по течению.

На работе заскочила в туалет, содрала бирку и с

чувством правильности происходящего натянула обновку, рассчитывая привлечь внимание сестер по разуму.

- Привет! - жизнерадостно грохнула я дверь в родную лабораторию.

На мое веселье никто не ответил. Коллеги прятали глаза, в ответных голосах слышались неприятные механические модуляции. Никакой привычной утренней болтовни - все молча делали вид, что страшно заняты. Я напряглась. Минут через десять завлаб Сереженька не выдержал:

- Слушай, давай выйдем.

Он подождал, когда я умоюсь в одном из двух обшарпанных кресел курилки, а сам остался стоять.

- Только что твои родители звонили. Ну, в общем, с братом несчастье...

Хорошо, что я сидела - а то упала бы. Только теперь поняла, что значит «потемнело в глазах». Брат полгода как служил в армии и писал оттуда смешные и бодрые письма.

- Жив? - шепотом спросила я.

- Ну, видишь ли... пока неясно... - он пошел красными пятнами, начиная с шеи.

Я вскочила, вцепилась в лацканы его пиджака и начала трясти, крича все громче и громче:

- Он жив?! Скажи, он жив?!!

Голова Сергея моталась из стороны в сторону, он пытался отцепить мои пальцы, но, устав сражаться, выдохнул:

- Нет. Не жив. Ты это... держись. И вот еще, бабушке просили не говорить пока.

Черный свитер и впрямь оказался похоронным - случайных совпадений не бывает, внутри меня накануне, видимо, что-то уже порвалось, проводок какой-то. Но ведь никаких томительных предчувствий, никакой беспричинно сосущей тоски - просто навязчивая мысль о никчемной тряпке. Несчастный случай с братом был чистой нелепостью, как оно случается в строительных войсках - трех солдат погребло под обломками рухнувшего аварийного здания, а как уж они там оказались - бог весть, начальство темнило, явно покрывая чью-то халатность. Первые дни после похорон были не так страшны, как последующие, недоумение вытесняло ужас - но детские кошмары будто бы поджидали подходящего случая возвратиться. Ни венки с черно-красными лентами, ни желтая мокрая глина в яме, ни крохотные снежные наносы на мертвом лице не были так страшны, как мысли о том, как это - *под шинелью*,

- Пап - как-то решаюсь я спросить. - Ты медицинское заключение видел? Он как... сразу?

- Десять минут...

И я все пыталась представить, каково ему было - в замкнутой сдавленной темноте, с переломанными ребрами, с разбитым лицом, сразу ли все понял или еще надеялся? Металлический тошнотный вкус во рту, ледяной черный комок в животе - с ним это или со мной?

Пригородный «Икарус» мягко идет по шоссе.

Июльские леса и луга обступили дорогу, мелкие дикие цветы заполнили опушки, кто-то веселый выдувает в небо пену кучевых облаков, на горизонте они синеют, роняя еле различимые косые дождички, радуги бледнеют и смазываются, едва проявившись. Днем в автобусе народу мало, в основном тетки образца «между городом и деревней», в бесформенных туфлях, с кошелками, с изуродованными работой руками, но в веселых простецких люрексах, а то и в золотых сережках с простецкими камушками. Два мужика запойного вида отпускают теткам косноязычные, приправленные перегаром комплименты. Те хохочут, плюют семечками в ладони и обсуждают женитьбу местного вдовца на молодой чеченке. Жена с патриархальным нравом теток вполне устраивает. Мужики комментируют и хохочут, открывая беззубые рты. Им весело.

Сижу сзади, на самом трясуемом месте, и смотрю в окно. Ты со мной не поехал, сославшись на дела, но что возразишь против дел? Через пару дней приедешь - мне нравится, как ты открываешь калитку, а я тут как тут, вроде бы случайно оказываюсь на дорожке и бегу навстречу. Но сейчас мне и одной хорошо, так радуют живописные пригорки подмосковной Швейцарии, свет березовых стволов, небесная феерия и начавшийся отпуск. Лето зеленое и влажно-голубое. Мысли пускаются врассыпную, как козлята на траве, можно чуть подпрыгивать, повторяя рессорный ритм, не думая ни о чем. Нас догоняет дождь и косо штрихует стекла, пейзаж расплывается и бликует. Сады-1, потом Сады-2, потом черные провисшие провода высоковольтной линии - ах, мои детские страхи!

И вдруг ни с того ни с сего начинаю плакать - тихо, беззвучно, ручьями. Просто ливнями. Вода катится из-под прикрытых век, будто во мне бездонные ювенильные запасы, и капает на футболку. Мужеподобная пассажирка искоса посматривает, разрываясь между жалостью и любопытством, пожимая плечами и отворачивается. Застыдившись, загораживаюсь рюкзаком и делаю вид, что дремлю. А вода все льется, не желая кончаться. Похоже, наплачу сейчас море, как Алиса в стране чудес - но из-за чего? Причина внутри, скрученная в горчичное зернышко - но вот она разворачивается, пускает ростки сначала в грудную клетку - там начинает невыносимо шемить, а потом и в голову. И тут я понимаю.

Я плачу потому, что боюсь - а вдруг мы с тобой после смерти больше никогда не увидимся? А вдруг в том пространстве куда больше измерений, чем в этом, и наше инь-ян разорвется на разбегающиеся половинки, или там вообще нет никаких половинок и никакого разбегания, просто все понятия существуют по отдельности? В дурацком дачном автобусе я плачу о возможной метафизической катастрофе, о космическом одиночестве, о холодной дурной бесконечности. А вдруг теплая земная геометрия идеально прилаженных друг к другу живых тел, единственно созданных друг для друга, там не работает - а работает геометрия отчуждения или взаимоуничтожения, когда одно тело испарявает другое, как кли-

нок? То, что было защитой, станет опасностью. То, что отзывалось живым на живое, стянется к абсолютному нулю.

Автобус останавливается, из него гуртом вываливаются Жизнерадостные тетки, я выхожу последней, отворачивая лицо, а они все текут, текут Пока иду к даче, высыхают на ветру.

А помнишь историю с маньяком?

Сталинская высотка МГУ по ночам напоминала замок с привидениями. Сложные переплетения этажей, коридоров и лестниц, растушеванные экономным освещением, вдруг выбивались из трехмерности, обнажая пугающие зеркальные пространства и продлевая бесконечные анфилады других измерений. Ветвящаяся система вентиляционных шахт пронизывала этажи, и вовсе не удивляли фантастические рассказы ученых подруг, дежурящих по ночам на предмет отслеживания очередного многочасового эксперимента. Неорганика сплеталась с органикой, как в большом термитнике, биомасса тараканов и мышей, обитающих в пустотах и полостях цитадели, казалось, превышала человеческую. Иной раз за вентиляционной решеткой под потолком появлялось бледное лицо маньяка, речи которого были безумны, а жесты непристойны. Безысходные корчи узника стены вряд ли сулили настоящую опасность, но психику научных дев, несомненно, травмировали.

Была почти ночь, когда после одиноких вечерних бдений я отключила прибор, захлопнула дверь лаборатории и вышла в маленький освещенный предбанник. Оставалось опечатать дверь пластилиновой печатью, как требовали соображения секретности, но пока я мудрила над податливой липкой блямбой, свет погас и тяжесть чужого тела обрушилась на меня мерзко и неожиданно. Липкие руки сомкнулись на шее, хотелось заорать, но голос пропал совершенно, хотя вряд ли крик мог помочь - никого больше не было на этаже. Я поскользнулась шпилькой на кафельном полу и упала, боль от ушиба на миг отключила сознание, а когда голова опять стала соображать, оказалось, что сижу у стенки и задыхаюсь от удавки, а та стягивается все сильнее и сильнее. Тяжелое алкогольное дыхание мужчины и дрожь его тела выдавали маньяка более явно, чем вся infernalная ситуация. Теснота и темнота, холодок смерти - ощущение, мучившее с детства. Невидимая стрелка перещелкнулась, чудовищная морда электрички неслась на меня. Воздуха не хватало, пальцы чувствовали на шее злосчастную веревку, кто-то убивал мою жизнь, я не понимала, кто и зачем, тело делалось безжизненным и ватным, в голове мутилось, пространство сжималось, засасывало в черную воронку без дна, рваные мысли крутились в ней подобно ненужному сору, но мрак почти померкшего сознания электрической вспышкой пронзила мысль - мой ребенок теперь останется сиротой! Это, видимо, и спасло - не знаю, что я сделала, но мышцы стали как пружины, то ли локтем засадила обидчику под дых, то ли коленкой в пах, удавка чуть ослабла, я глотнула воздуха и сумела просунуть под веревку ладони.

Дальнейшее напоминало соревнование кто сильнее - псих затыгивал, я растягивала, но пространство подыгрывало мне - будто становилось все свободнее, помогая стряхнуть страшные тиски небытия. Веревку удалось стянуть через голову, я вскочила и замолотила руками в темноту, попав психу, видимо, по носу - послышалось что-то вроде хныканья.

- Включи свет! - завопила я.

Он почему-то послушался. Теперь я видела уroda во всей красе - с немтыми соломенными патлами, мутными глазами и в мешковатом зеленом свитере домашней вязки.

- Мама вязала? - более идиотского вопроса трудно было придумать.

- Мама - удивился он детским голосом, и я ухватилась за интонацию, как за спасительную ниточку.

- А как она тебя в детстве называла? - подсознанка автоматом выдала еще один зигзаг.

- Вася - ответил верзила, расслабленно улыбаясь.

Мне удалось втиснуться спиной в щель меж стеной и шкафом с архивами, так было безопаснее, я могла бы отбиваться каблуками-шпильками, будучи практически недосыгаемой, но как заставить его уйти?

Господи, мы просто разговаривали! Разговаривали минут двадцать, нить беседы казалась причудливой и опасной, как маршрут скалолаза. Я старалась быть предельно осторожной, но нащупать трогательные детали его детства удавалось не всегда, от некоторых он зверел и дважды снова гасил свет, будто понимая, что темноты я сейчас боюсь больше всего. Диалог измочалил меня, но его больше. С пятки на носок покачивался уже не жуткий маньяк, а просто подвыпивший балбес, который отказался от душегубства, но не мог уйти побежденным. Оставалось намекнуть на идею грабежа, и он как-то послушно поменял одну роль на другую, изъяс в качестве трофея серебряные сережки-колечки. Они большой ценности не представляли, зато позволили парнише ощутить кураж победителя. Уже уходя, он обернулся, оценивающе посмотрел на свитерок, привезенный кухней из-за границы, и потребовал добавить и его. Свитерка мне было жалче всего, но продолжения триллера совсем не хотелось.

Дня три я шарахалась от патлатых блондинистых мужиков и темных углов, стриангуляционная полоса на шее была замаскирована шейным платком, а синюшные пятна на лице замазаны гримом. Думала, скоро пройдет, но нервозность нарастала, тогда подруга поволокла меня к экстрасенсорше. Та обитала в сталинской высотке на Котельнической - почти отражении университетской, с такими же полуосвещенными бесконечными коридорами и лестницами. Эзотерическая дама снимала испуг колдовскими пасами и заклинаниями - теперь это называли бы НЛП. Завершив целительную процедуру, она сообщила, что моей кармой было предопределено - погибнуть насильственной смертью, но якобы я ее, эту карму, преодолела усилием воли.

Преодолела?

Стрелка, стрелка...

Так и не пойму, сработала тогда автоматика, или нет.

Жду тебя из командировки. Отвергательное ожидание, ужин давно остыл, бутылка вина выглядит глупо и нелепо, не понимаю, что происходит, пытаюсь читать. Телефон бьет по ушам, хватаю трубку, голос незнакомой тетки капризно интересуется:

- Моя дочь у вас?
- Нет - не въезжаю я.
- Но я уже всем звонила, все приехали, а Олечки нет. А сын ваш вернулся?
- Какой еще сын? - хочу сказать, что она ошиблась.
- Слава.
- Славы нет еще Но это не сын, это муж И при чем тут ваша дочь? Вы, наверное, что-то путаете?
- Да, путаю - легко соглашается она и кладет трубку.

Ключ поворачивается в замочной скважине, сердце трепыхается, бегу навстречу и вижу тебя с незнакомой девушкой. Каштановые кудряшки, строгие очки и розовые круглые щеки... Девушка ничуть не смущена, деловито стаскивает серый беретик.

- Напои нас чаем - весело просишь ты, - мы замерзли. Это Олечка. Коллега. У нас неподвижная ситуация. Сейчас объясним.

Ну, мало ли что случается с людьми в дороге. Брюки твои по колено в снегу, ее сапожки мокры насквозь - по сугробам лазили, что ли?

Пока они усаживаются в комнате, завариваю самый лучший чай в самом лучшем чайнике, и чашки достаю парадные - тоненькие, с китайскими пейзажами. Темно-красный бамбук на костяном фарфоре, трофейный сервиз, еще от твоих родителей. Ваши голоса еле через дверь слышно журчат - обсуждают что-то бурно, но тихо.

Несу поднос в комнату, накрываю стол. Так, салфетки, ложки, сахарница. Олечка смотрит изучающе. Смущаюсь даже. Варенья хотите? У меня есть свое, ну да, абрикосовое. Салфетки, ложки, розетки. Ложки, розетки розетки извините, что-то у меня с головой кружится вроде

- Да вы съядте, - советует Олечка, - я сама разолью.

У нее совсем детские пальцы с обкусанными ногтями. «Земляничный ройбуш» пахнет летом, только во рту противный металлический вкус, и растет ледяной комок в животе. Хочу улыбнуться и не могу. Олечка допивает чай. Жесткий ветер терзает бамбуковую рошу, нежные губы розовеют на красном ободке. На чашке тончайшая сетка, рваный ритм кракелюр, паутина трещин. Трещины растут, рассекают пространство, обои, торшер, кресло, комната разваливается, действительность осыпается ветхой фреской, остаются безликие бетонные стены и серая тоска. Она накрывает мир, в ее серых полях стоит туман ноября и воет невидимый поезд.

- Знаешь, дорогая - начинаешь осторожно, чужим голосом. - Ты ведь современная личность В общем, мы с Олей решили пожить вместе. Попробовать, то есть. Ты не волнуйся, может, еще и не получится. Будь молодцом.

Розовое чудо облизывает варенье с ложки и решительно добавляет:

- Жизнь вообще непредсказуема. Да что вы так переживаете?

Комната сморщивается, как мягкая простыня, предметы наезжают друг на друга и под бамбуковым ветром начинают вращаться - медленно, потом быстрее и быстрее, ввинчиваясь в черную воронку, шумящий мальстром, дыру в никуда. Меня затягивает бездна, из которой я однажды уже вернулась. Но теперь все не так inferнально. Мирный звяк ложечки о блюдце возвращает меня обратно.

- Ну, едем домой, Олечка? - спрашиваешь ты. Кудряшки кивают. Хлопает дверь.

Утром из зеркала смотрит морда, похожая на предвесеннюю картофелину. Но я еще жива. Горячее махровое полотенце на лицо, крем, макияж, самый строгий пиджак, самая белая блузка. Хожу на работу, читаю лекции студентам, вожусь с курсовиками, дописываю статью для научного сборника. Бумаги, бумаги, потом заседания кафедры, потом научное студенческое общество. Я почти в форме, меня не в чем упрекнуть, кроме тихого алкоголизма по вечерам. Даже не переколотила в бешенстве чашки с бамбуковыми рошами, какая разница. Все равно в доме только серый ветер над серыми полями и далекий вой электрички.

И разве расскажешь кому, как это бывает - хлопает дверь, и обрушивается мрак, и давит, душит. Темнота волочит, крутит, бьет об углы и стены, как-то массы и формы выжимают тебя из лишенного координат пространства, ищешь укрытия в прогалах, кавернах, в кессонных пузырьках воздуха, а потом наступает утро. Черная дыра выплюнула меня - но другую.

И порочная человеческая привычка - вербализовать картину мира для пушей ее устойчивости - подсовывает готовую формулу.

Репетиция смерти. Нет, не то.

Локальная метафизическая катастрофа. Изменилась геометрия мира. Прекрасная цельность, божественная округлость инь-ян разорвана надвое, и два головастика, виляя хвостами, разбегаются в разные стороны. Белый с черной точкой внутри - это я. А черная точка в моем белом - это смерть. И если с ней, грозящей извне, я когда-то справилась, то с ней, растущей изнутри, не справлюсь уже никогда.

Стрелка перешелкнулась.

Пока она - просто геометрическая точка, но я чувствую ее каждый миг - стеклянную крошку-убийцу в вене, жемчужину в раковине, сингулярную точку большого взрыва. Нуль-координата будет спать, сколько хочет, но постепенно расправит псевдоподии, выпустит паучьи лапки, брызнет каракатицыными чернилами и распустится темным дендритом параллельно кровеносной системе. Теперь все твои уходы или приходы, раскаяния или оправдания не будут значить уже ничего. Инверсия необратима. Ты ни при чем, это же не стрелочник виноват.

Автоматика сработала.

Мне говорят - прекрасно держись. Советы дают. Думают, это такая перестановка фигурок - типа он ушел к кому-то, она нашла кого-то, и все будут сча-

стливы. Смешные! Это же только внешняя оболочка, а внутри - прорастающий антимир, вражий зародыш в темном пространстве, разрывающий уши лязг и свист, нарастающая мучительная вибрация и стук собственного сердца до боли в ушах, и когда она еще настанет - желанная тишина. Может, такое существо и к студентам подпускать опасно - вдруг антимир заразен, сыплет сквозь меня спорами, заражает вирусами этих розовощеких, с их кудряшками и очками.

Термодинамика необратимых процессов.

Чего уж теперь..

Нет, нет, я еще не все досказала. Правда, не уверена, что тебе об этом стоит знать. Но ведь, если не расскажу, так и будет мучить изнутри?

В длинном замоскворецком переулке ни машин, ни людей. Ветер ноября, скупой свет, тусклое одиночество. Мне кажется, я уже привыкла к своей пустыне. Например, научилась различать столько оттенков серого, что некоторые кажутся даже красивыми. Скучный, приглушенный уличный пейзаж даже утешал бы, если б не небо сегодня, слишком уж ледяное. Два ряда невысоких домов сомкнулись длинным коридором, а в его конце - маленькая фигурка. Спешит, летит, торопится на цокающих каблучках, волнуются по спине прямые обесцвеченные волосы, красная куртка не достает до талии - абсолютно мне незнакомая, обобщенный образ, райская птичка, где под теплыми перышками - железный эгоизм молодости.

Я пропустила момент, когда что-то ворохнулось внутри. Что-то росло и выпускало крылья - темные, кожистые, перепончатые, они рвались наружу неудержимее тошноты. Не успев испугаться, я услышала хруст и чем-то (не глазами же, нет!) увидела одно такое крыло, выплеснувшееся на волю - черное, громадное, оно уже билось по асфальту, вздымая до крыш пыль и последние сухие листья. Что-то изменилось - магнитное поле, что ли? - картинка пошла волнами, как испорченный экран, воздух потрескался и посыпался битым стеклом. Мне надо было удержать тварь в себе - впахнуть внутрь, вернуть обратно, я собрала все силы и тянула, тянула - будто веревку с привязанным грузом, отчаянно, до грохота в ушах, с горящим искаженным лицом.

Но веревка лопнула.

Завизжали тормоза - там, в конце длинного переулка. Сквозь смутный воздух мелькнул стального цвета автомобиль. Фигурки уже не было.

Крыльев тоже.

Я иду вдоль переулка долго-долго, сначала медленно остывая, потом дрожа и держась за стены. Девушка лежит на спине, каблучки нелепо торчат вперед, волосы блестящей волной стекают с тротуара. Из-под заголенной куртки - белая полоска живота. Редкая толпа зевак, ждут санитарную.

Сирена. Два здоровых невозмутимых медика перекладывают тело в черный пластиковый мешок, застегивают молнию. Зеваки расходятся, лишь я остаюсь стоять, все еще хватаясь за стену.

И уже не чувствую *ни-че-го*.

Думаешь, я не знаю, что ты мне ответишь? «Такого не бывает - про что ты сейчас подумала. Глупости. Случайное совпадение. Вечно у тебя всякая дурь в голове!»

А вдруг?

Молчишь?

И вспомнилась почему-то Маша, бабушка моя, в свой последний год жизни. Опухоль почки, интоксикация организма, бессмысленная желтая маска. Но иногда, в минуты просветления - вот она, сидит на кровати, прямая, в белой рубаше с двумя заплетенными на индейский манер седыми косами, абсолютно вне места и времени, смотрит в пространство торжественно и бесстрашно, и шепчет: «Домой. Скоро домой...». Поговори со мной о Ней. Просто поговори. Со взрослыми можно и без осторожности.

ЕЛЕНА ВОЛКОВА, ОЛЬГА КУЗНЕЦОВА
(вологда)

СКАЗКА ПРО МЫШКУ СОНЮ

Идея этой сказки пришла к авторам давно, когда их дети были еще маленькими. Теперь дети уже так подросли, что вряд ли будут это читать, сидя за компьютерами. Вероятно, окончание сказки будет дописано для внуков...

Глава 1

Всю ночь мышке Соне снился один и тот же кошмарный сон: будто бы бежит она к своей норке, чувствуя спиной горячее кошачье дыхание. А норка, вместо того, чтобы приближаться, все удаляется и удаляется. Справа ухает полярная сова, слева воют голодные злые волки. И некому помочь бедной мышке. «Раз так все страшно и примитивно, значит это сон», - решила Соня и проснулась. Она была очень необычная мышка, отличающаяся самообладанием и бесстрашием. Поэтому о ночном кошмаре решила тут же забыть.

На часах было без пяти семь утра. В семь двадцать Соня должна была отправиться в далекий путь. Ей предстояло выйти из своей уютной норки, расположенной в южной части Дворца Деда Мороза, обойти два сугроба, обогнуть парадное крыльцо, и по сильно пересеченной местности добраться до своей кухни Тони. Та жила в северном углу Домика для друзей.

Соня вдела лапки в лямки рюкзака и посмотрела на себя в зеркало. Оттуда глядела задорная мордочка молоденькой мышки, коротко стриженной «под мальчика».

- Пора! - сказала себе Соня.

Осторожно приоткрыв дверцу норки, она высунула нос наружу и понюхала воздух. Пахло сыром.

- Голландский! - сразу поняла Соня. - Опять мышеловку подсунули.

Она хотела было уже быстро проشمгнуть мимо

мышеловки, поставленной специально на нее котом Ерофеичем, но не удержалась от своего обычного фокуса.

Из рюкзака был извлечен специальный блокиратор - Сонино изобретение. Аккуратно подведя его под пружину, Соня свободной лапкой отпилила себе добрую половину сырного куска, и резко вырвала блокиратор.

Отдышавшись, Соня сунула сыр в рюкзачок и побежала дальше. Время было раннее - ночные обитатели вотчины Деда Мороза уже ложились спать, а дневные еще не просыпались. Соня рассчитывала преодолеть расстояние до Тони быстро и без приключений.

Вот уже видна была заветная щель под порогом входной двери, как вдруг раздался гром, даже не гром, а страшный рев какого-то зверя. Соня на секунду замерла:

- Зверь! - думала она. - Но откуда во Дворце зверь? Гром? Но грома среди зимы не бывает. Значит это.

Соня начала красться вдоль стены и вскоре попала в парадную комнату Дворца. Так и есть! Прямо на троне спал Мороз Иваныч и звучно храпел.

- Что же это такое? - сказала вслух Соня. - Весь день работает, ночь работает, даже поспать как следует не может. Как же он будет гостей принимать?

Дед Мороз, конечно, мышиноного писка не услышал, даже не пошевелился.

- Ах так! - крикнула мышь. - Ну, погоди!

Соня уцепилась за дедовы валенки и начала карабкаться вверх. Когда она поднялась до бороды, Мороз Иванович пошевелился и Соня полетела вниз. Если бы не пушистые кисти на кушаке (поясе то есть), так бы упала наша альпинистка прямо на ледяной пол.

- Врешь, не уйдешь! - завизжала Соня и снова покарабкалась вверх, к красному носу Деда Мороза, из которого при каждом выдохе вылетали снежинки. Добравшись до этой снежной круговерти, Соня перевела дух и подняла хвостик. Рискую обморозить его кончик, она сделала из хвоста спираль и, дождавшись вдоха, буквально ввинтила его в ноздрю ничего не подозревающего Деда.

Ох, и чих же раздался в ту же секунду. Заподрагивала люстра в ледяных сосульках, зазвенели хрустальные стекла, подпрыгнули подушки на кроватях, а из настенных ходиков выпала кукушка и, спросоная, не разобравшись что к чему, неожиданно закукарекала.

Мороз Иванович проснулся, посмотрел на птицу и пробормотал:

- Да! Заработался я! Аж до первых петухов! Пора на боковую? - и пошел к себе в опочивальню.

Сонька очнулась и увидела, что морозным чихом ее отнесло обратно к норке. Она лежала прямо у мышеловки - одно неверное движение и ее наверняка прихлопнет.

- Ну, что ж, - подумала Соня, - раз я снова здесь, не пропадать же добру.

И остаток голландского сыра был тут же извлечен из мышеловки проверенным способом.

- Вот и помогай людям, - бормотала Соня, выравшаяся наконец из Дворца. - Ты им добро делаешь, а они на тебя чихают.

На парадном крыльце было пусто. Соня кубарем скатилась прямо в первый сугроб.

- Осторожно вы! - завершали из сугроба.

- Кто здесь? - спросила Соня.

- Кто, кто! Серый Крот!

- Да-а-а! А что вы здесь делаете, Крот в пальто?

- Аудиенции ожидаю, не понятно, что ли?

- Понятно. А что такое аудиенция?

- Ну, значит - встречи, приема - по личному вопросу, - объяснил ученый Крот.

- И какой же у тебя личный вопрос? - спросила Соня.

- Выгнали меня, старого ученого Крота, из норки прямо посреди зимы.

- Кто выгнал?

- Не кто, а что, - строго сказал Крот. - Звуковые колебания.

- И кто же тебя так сильно колеблет? - не унималась Соня.

- Да гости ваши ежедневные. Топают над головой, топают, да еще и в ладоши хлопают. Какая же нервная система выдержит?

Тут Соня все поняла, схватила Крота под лапку и потащила во Дворец. Там опять все стонало и ухало - Мороз Иванович похрапывал в своей опочивальне.

- Мороз Иваныч, а, Мороз Иваныч! - расталкивала дедушку Соня, - да проснись же ты!

Дед Мороз даже не пошевелился. Пришлось Соне опять закручивать свой хвостик и щекотать нос Деда...

Глава 2

В газете «Вести Деда Мороза», которая выходила в резиденции дважды в неделю, мышка Соня служила младшим корреспондентом. Ей отвели самую скучную третью полосу, на которой печатались хозяйственные новости. А какие могут быть в хозяйстве зимнего волшебника новости? Ну, заморозил браконьера Тротилюка - так ведь Тротилюку заморозка только на пользу идет. Он от нее еще пуще молодеет и после снова как новенький.

Третьего дня, правда, генеральную устраивали - новые перины снегопоном набивали. Этот снегопон - последнее изобретение ученого Пантелеймона Масленникова - наделало много шума в научных кругах. Пантелеймону удалось доселе невозможное: он вывел породу снега, который не таял при плюсовых температурах. Причем это был не искусственный снег, а самый настоящий - белый, пушистый - почти такой же, какой в неограниченном количестве водился на родине Деда Мороза - в городе Великий Устюг. Однако ни на ощупь, ни на вкус Пантелеймонов снег не отличался от настоящего. Неохотно, таял он только на раскаленной сковородке, плавясь на ней, как кусок хорошего вологодского масла.

- Этого не может быть, - авторитетно заявляли приглашенные ученые с мировыми именами.

Пантелеймон только улыбался и подбрасывал горсть своего снега в печку. Вопреки ожиданиям, снег

не шипел на дровах, а начинал весело загораться и потрескивать. Пламя, правда, от него было необычное - зеленоватое.

Ученый Пантелеймон Масленников был в вотчине местной знаменитостью. Мороз Иванович любил вести с ним длинные вечерние беседы о тайнах бытия вообще и кристаллической решетке в частности. А мышка Соня имела обыкновение в это время, сидя под треном, стремительно записывать откровения Пантелеймона, и уже на следующий день в газете «Вести Деда Мороза» за подписью С. Быстрая появлялась статья о том, какими разработками вскоре «порадует нас ученый П. Масленников». Пантелеймон не успевал делать открытия. Они сыпались из него, как манка из дырявого мешка. То есть он не успевал сделать одно открытие, как уже открывал следующее. Это ученый Масленников изобрел теперь уже всем хорошо известные крупорушку - в зависимости от желаня она производила порошу разного калибра. По его проекту построили мельницу, которая заводила снежную карусель. Крупорушки продавались оптом и в розницу, и те, кто их приобрел, могли сами делать погоду в радиусе 5-10 километров.

Дед Мороз, конечно, немного посмеивался над всеми этими изобретениями. Он-то мог творить чудеса одним мановением рукавицы. Но ученых Мороз Иванович уважал и считал, что наука для того и существует, чтобы объяснить прежде всего ему самому, как это у него чудеса получаются. Ближе всех к разгадке и был Пантелеймон Масленников. Вместе с ним к сияющим вершинам шла журналистка Соня Быстрая, она же наша знакомая мышка Соня. Благодаря знакомству с Пантелеймоном, Соня быстро сделала хозяйственные новости на третьей странице гвоздем каждого номера газеты. Как! Ты не знаешь, что такое гвоздь номера?.. Хорошо, что рядом сейчас нет Сони. Она бы тебе объяснила, что это такие новости, которые вбиваются в голову, как гвозди и которые можно выгашить только клещами.

Глава 3

Редактор газеты «Вести Деда Мороза» Горгоний Константинович Петухов обычно появлялся на работе неожиданно. Он никогда не снимал шапки, ни с кем не здоровался, его узкие, заплывшие глазки смотрели обычно в сторону: в правую, если ветер был южный, и в левую, если - северный. В тот день с утра ветер был переменных направлений, о чем пунктуально сообщило областное радио.

- Терпеть не могу неопределенности, - пробурчал себе под нос Горгоний Константинович, - и куда ж мне прикажете теперь смотреть?

Своего редактора мышка Соня видела редко и потому всякий раз пугалась, когда он появлялся на пороге ее кабинета.

- Э-э-э - говорил обычно редактор Петухов, не имевший привычки запоминать имена своих работников.

- Быстрая моя фамилия, - подсказывала ему Соня.

- Да я уж вижу, какая ты быстрая. Опять с утра к своему Пантелеймону бегала?

- Но, Горгоний Константинович, - вспыхивала Соня, - он опять сделал большое открытие. Его санисамоходы способны развивать скорость до 70 километров в час. Причем, им не требуется горючего.

- Хватит сказки-то рассказывать. Стыдно слушать, - перебил Соню редактор. - Поди у него под санями моторчик приспособлен.

- Да как вам - загоралась Соня. - Пантелеймон - выдающийся ученый с областным именем. Его сам Дед Мороз ценит, а вы все время его унижаете.

Только одно упоминание имени Деда Мороза приводило редактора Горгония в оцепенение. Он и так был невысокого роста, а сейчас стал и вовсе коротышкой.

- Настоящий злобный карлик, - подумала тогда про себя мышка Соня.

Горгоний действительно был карликом. Только высокого роста. Высокий карлик, как ни покажется вам это странным. Мало кто поверит, но он, будучи взрослым, все еще отмечал свой рост на косяке кухонной двери. И однажды заметил, что рост у него меняется. Как-то раз, повздорив с ученым Кротом, он обнаружил, что подрос на целых три сантиметра. На следующий день, чтобы проверить свое открытие, он прямо с порога накричал на Соню Быструю. И тут же помчался домой, чтобы проверить результаты опыта: еще два сантиметра были ему наградой.

Всю последующую неделю Горгоний Константинович злобствовал: хамил, наступал на ноги, лапы и хвосты, плевал с балкона на прохожих, а по вечерам, когда город засыпал, он набирал первый попавшийся номер телефона и говорил в трубку самые гадкие слова. В магазинах он откусывал края свежвыпеченных булочек и мял пачки печенья, чтобы те превратились в крошки. Горгоний так разошелся, что даже пошел на охоту с браконьером Тротилюком, причем на следующий день написал про него же в газете под рубрикой «Браконьерству - бой!». Когда Тротилюк обиделся на Горгония, тот подрос на рекордные 5 сантиметров. Он даже стал поглядывать свысока на третьеклассника Сашку Комарова. И это была настоящая победа!

Глава 4

Ученый Пантелеймон Масленников на главной площади города показывал свое новое изобретение. Прямо на глазах собравшихся он выстраивал дома, замки, снежные крепости, бензоколонки, столовые быстрого питания, общественные туалеты и киоски распечати. Целые части зданий вылетали готовенькими из большой печи, похожей на микроволновку. Подручные Пантелеймона подхватывали блоки и соединяли их один с другим, как детский конструктор. Материал, из которого складывался сказочный город, назывался снегопон. Он мог быть одновременно мягким и твердым, прозрачным, как стекло, и непроницаемым, как камень. В распушенном виде он набивался в мягчайшие перины, а спрессованный был тверд, как алмаз. Кстати, и блестел он как дра-

гоценный камень, так что первые модницы Велико-го Устюга Леночка и Олечка уже украсили свои пальчики колечками со снегопоном.

Был, правда, у снегопона один маленький недостаток - детские мячи, сделанные из него, прыгали только с утра и до обеда. В обед по ним снова нужно было пару раз стукнуть, чтобы они прыгали до вечера.

Вот такой универсальный материал нового тысячелетия показывал в этот день на главной площади города ученый с областным именем Пантелеймон Масленников. Надо заметить, что при этом на нем был элегантный серый в зеленую елочку костюм из снегопона и прочнейшие снегопоновые ботинки - местный умелец Харитоныч сшил их для сегодняшнего праздника за одну ночь.

Соня стояла в первом ряду и записывала на диктофон все подряд. Пантелеймон видя, что народ все прибывает, и крошечную Соню могут затоптать, быстренько соорудил для нее комментаторскую кабинку - такой высокий домик, из большого окна которого Соня видела всю площадь как на ладони.

- Молодец, Пантелеймон! - кричали в толпе.

- Масленников, давай! Покожем всем, как в Устюге зимуют!

- Масло! Масло! - скандировали местные старшеклассники. И тут же получили награду - хоккейный корт. Настоящий хоккейный корт с разливованным льдом и надписями на бортиках «Дед Мороз - чемпион!».

Великое строительство продолжалось до полудня, когда уже фантазии изобретателя и публики истощились. Последним выстроились бассейн. Назвали его «Столичный», заполнили чистой снежнопоновой водой и объявили чемпионат города по снежному полу открытым.

Соня подбежала к Пантелеймону, который устало откинулся на спинку кресла, закутавшись в пушистый плед. «Снежнопоновый», - подумала Соня.

- Скажите, Пантелеймон, вы довольны результатом своего эксперимента? - спросила она и вдруг почувствовала, что вокруг нее сгущается розовое облако. Когда оно рассеялось, журналистка обнаружила себя за рулем розового «Кадиллака», мчавшегося к ее редакции.

«Так красиво меня еще никто не отсылал», - восхитилась мышка.

Глава 5

- Пятнадцать сантиметров! Целых пятнадцать сантиметров за одну неделю! - бормотал себе под нос Горгоний Петухов, в который раз перемеряя отметки своего роста на дверном косяке.

Да, действительно, Горгоний вырос. Ему уже не надо было вставать на цыпочки, чтобы достать дверную ручку, и подставлять табуретку, чтобы зажечь свет. Горгоний гордился собой, как может гордиться альпинист, достигший вершины горы. Горгоний покорил даже не Джомолунгму (самую высокую вершину мира), он покорил ОБСТОЯТЕЛЬСТВА...

Мало кто поймет душу карлика - маленького,

злобного карлика, которого не любил никто, даже он сам.

Горгоний, идя на работу, теперь специально делал крюк, чтобы пройти мимо школы. На большой перемене во двор вываливала детвора и Горгоний не отказывал себе в удовольствии посмотреть на нее свысока.

- Дети, - думал Горгоний снисходительно.

- Карлик, карлик! - весело кричали дети.

Они так и не заметили, что этот странный взрослый, каждый день стоящий около их школы, вырос на целых 15 сантиметров.

- Как я ненавижу детей! - успел подумать Горгоний, как вдруг мимо него, чуть-чуть не задев, промчался розовый «Кадиллак». Машина была обвязана роскошными подарочными бантами, за ней вился зеленоватый дымок, а за рулем... Нет, нет, конечно же ему показалось... За рулем автомобиля сидела мышка Соня Быстрая.

- Откуда у этой вертливости такая машина? - воскликнул Горгоний. И вдруг вспомнил, что сегодня ученый Пантелеймон устраивал сказочное представление.

Все ясно: опять всем раздавали подарки, и этой - Шустрой Ловкой то есть Быстрой - досталось.

Часть 6

До Нового года оставалась неделя. Газета «Вести Деда Мороза» каждый день печатала уточненный прогноз погоды на новогоднюю ночь. Прогноз менялся каждые два дня.

- Цецилия Львовна! - гневалась Соня в телефонную трубку, - как же так? Вчера еще мы шли на рекорд, а сегодня...

- Но, Софья Пилигримовна! - отвечала интеллигентная Цецилия - старший дежурный синоптик службы метеорологического обеспечения, - рекорд по морозу был побит нами в прошлом году. И до этого целых шесть лет мы только и делали, что били рекорды. Они уже начали нас бояться

- Кто?

- Рекорды!

- Как?

- Ах, Софья Пилигримовна! - манерно вздыхала Цецилия. - Если бы вы знали, как сложно договориться с поставщиками. Сроки не выдерживаются. Транспортники подводят. Ждешь Циклон с утра, а он вечером еле-еле доползает.

- Цецилия Львовна! - строго отвечала Соня. - Давайте говорить, как взрослые люди.

- А! Да... Давайте... Хотя... Простите, а до этого мы как?

Соня начала сердиться. Через час ей надо было сдавать материалы в набор, а прогноз до сих пор был не сделан. Мечтательная Цецилия Львовна всегда тянула до последнего. Именно дежурный синоптик определял, какая погода в вотчине Деда Мороза должна быть завтра. Не предсказывал, а именно определял, можно даже сказать, назначал. В соответствии с пожеланиями главного зимнего волшебника. Пожелание всегда было одно:

- Погода должна быть! - обычно говорил Дед Мороз и уезжал на снегоходе по делам, только его и видели.

Дежурному синоптику предстояло выбрать нужную погоду - как блюдо в меню богатого ресторана.

Погоды во владениях Деда Мороза могли быть четырех видов, двенадцати подвидов, двадцати четырех разновидностей и трехсот шестидесяти пяти сортов. А в високосный год - и всех трехсот шестидесяти шести. И только старый опытный синоптик мог сделать выбор и не ошибиться. Ведь погода эта распространялась не только на всю Вологодскую область, но и дальше - на соседние - Костромскую, Архангельскую и Кировскую. На Ленинградскую область дедморозовские синоптики не работали - все-таки столица, пусть и северная, там свои волшебники.

Цецилия обычно не торопилась с окончательным выбором. Она придирчиво рассматривала путевые листки прибывающих к границе вотчины Циклонов, Антициклонов, Тайфунов, Туманов, Дождей с Градом, Грозных фронтов, редких для Вологодской области Штормовых ветров. Легкие Оттепели теснили собой отяжелевшие Зимние метели, а суетливую Поземку прибывал к земле Мокрый Снег.

- Ну ладно! - решала, наконец, Цецилия Львовна.

- Пусть сегодня будет... - она зажмурилась глазами и тыкала острым карандашиком в кучу бумаг. Карандашик прокалывал бумагу и Цецилия вытягивала на свет заветный путевой листок.

- Есть! Ветер Восточный, Юго-Восточный, умеренный. Температура 5-7 градусов ниже ну... но... ну... ноля!

Уже через секунду все приходило в движение.

И даже ожиревший на казенных харчах бывший дикий голубь Сизарь суетливо привязывал к лапке записку с прогнозом-заказом, чтобы лететь на дальнюю заимку.

Связи с ней не было никакой: ни по интернету, ни телефонной, ни телеграфной, даже радиосвязи. Это гиблое место знал только Сизарь. Он был знаком с Юго-Восточным ветром - таким же бездельником и хулиганом, как и он сам. Юго-Восточный прихватывал его на крыло, и уже через 20 минут они бывали на месте.

Прогноз-заказ обычно исполнялся через 1 час 37 минут. Неисполнение прогноза дежурного синоптика считалось чрезвычайным преступлением. А их в обозримом Сонеи прошлым подобный случай произошел только однажды. Это было в 1986 году. Вологжане до сих пор помнят те 45-ти градусные морозы. Птицы не могли подняться в воздух, звери стаями уходили на юг, а люди не покидали своих домов. Счастливы были только дети: им разрешили не ходить в школу. Глупые первоклассники в валенках и теплых кофтах дули в замерзшие стекла и смотрели, как на улицах свирепствует жуткий холод.

Причина тех страшных морозов была самая что ни на есть банальная: Цецилия Львовна забыла дома очки. А без очков эта немолодая уже женщина могла разглядеть только свой нос. И, конечно, в прогноз, вкралась трагическая ошибка. Вместо мягких - 4 гра-

дусов Цецилия отметила - 44. И стройный тогда еще Сизарь понес на дальнюю заимку роковой прогноз: «Ветер Северный, порывистый, температура 43-45 градусов ниже нуля». Испытание морозом вологжане выдержали. Дед Мороз тогда собрал срочное совещание и велел в ближайшие несколько десятков лет запасы холода не трогать и людей больше на прочность не испытывать.

Протокол того совещания подшили в дело и все последующие зимы на Вологодчине отличались мягкостью, снежностью и пушистостью. «Глобальное потепление климата, - писала мышка Соня в одной из первых своих аналитических статей, - есть не что иное, как пересмотр всемирной тепловой политики»...

**НИНА ГОРЛАНОВА,
ВЯЧЕСЛАВ БУКУР**
(ПЕРМЬ)

НЕБО ЗАХОДИТ В ГРУДЬ

- Ракета летела-летела и села, - бормотал Горка, - ушла глубоко в планету. Спасатели начали откапывать. И там же была звездочка Лианея, дочь Трех Солнц...

Рядом дышит инопланетянин, рогатый и на четырех ногах. И как наступит каменным копытом на ногу!

- Лыска! - завизжал Горка. Корова в знак извинения прошлась языком по его щеке - теперь до вечера половина лица будет гореть. А тут отец заходит:

- Ты что, п.да рогатая, моего Георгия обижаешь? А мы все для тебя, надо тебе витамины - вот я купил тебе витамины, надо тебе ветеринара - и вот ему я мотор перебрал.

Все понятно: воскресная стопка имела место. Отец взял вилы, и комки навоза только полетели со свистом в окошко.

Прихрамывая, Горка вышел из сарая. Так, прикинул он, ракету я практически спас, от нападения инопланетного туземца я пострадал, пойду отлежусь в межзвездном модуле, почитаю, что там дальше с Гарри Поттером.

А Аполлон-то Засушенный еще ничего не сделал, только выбрел из дома, хрустит ногами по снегу к своему сараю. А вдруг он новость сообщит! От новости ведь себя не помнишь, так что приходится все силы бросать на то, чтобы сохранить на лице взрослое мужское выражение.

Увидев Горку, Аполлон Засушенный свернул к забору. Привет - привет.

- Идешь в шахту?

- Сейчас по-легкому разбросаю завалы угля и всех спасу (что значит: быстро выкидаю весь навоз). У Аполлона Засушенного отец работал шахтером, и поэтому Павел непрерывно играл в спасение из-под земли.

А Витька Попеляев представлял все время, что он разминировать поле, как его старший брат - сапер

в Чечне. И надо очень осторожно выкидывать мины - куски навоза (больше всего взрывчатого вещества скопилось возле задних ног коровы). А вот он и бежит, Витька, и кричит:

- Горка! Пашка! - Потом спохватился и сказал солидно: - Ребя, там интернатскую привезли, мертвую. Поканали, посмотрим!

- Я хромаю...

- Ну и что! Шофер-то поседел весь! Пошли! Предчувствуемая жуть уже летала между ними и звала повзрослеть еще сильнее. Они побежали по припорошенной, с блестками, дороге. Как всегда, навстречу им попалась Изюмская, которая подчеркнуто рассеянно посмотрела на Горку и сказала:

- А я уже все видела, ничего интересного (между мертвой Поздеевой и живой мной кого надо выбирать, непонятно, что ли?) - Вдруг она клоунски повела глазами в сторону: - По химии не могу разобраться, завтра понедельник, и всегда химик по понедельникам меня спрашивает.

Горка на миг задумался, и его осенило:

- Потому что Сей Сеич по понедельникам с похмелья. У тебя фамилия Изюмская, а из изюма знаешь какая бражка получается.

- Да ты просто Каменская в штанах! Так я приду?

- Я не знаю... Наверно, сегодня никак.

Вот если бы тебя звали не Ольга, а Лианея, дочь Трех Солнц, подумал Горка, вот тогда была бы встреча в параллельном мире!

Он догнал ребят. Они сначала обгоняли одинокие фигуры, потом эти шагающие фигуры кучковались по двойкам, по тройкам и в конце, перед домом Поздеевых, сбились в пестрый ковер лиц, ждущих подробностей. Розовел над ними пласт дыхательного пара.

Первым делом Горка сразу выделил лицо свирепой красоты, слегка постаревшее. Это был учитель химии, который думал: «Прекрасны жемчужные завитки пара и этот брейгелевский пронзительный снег. И никому про это не скажешь. Не поймут».

Тут Горка догадался, почему Сей Сеич не просыпает. Ведь он знает, что за глаза его зовут: «Химия - Залупа синяя».

Ладно, сейчас не до этого, надо прокручивать в голове слова собравшихся людей:

- Неужели сама выпала под колеса?

- Да приставал он к ней!

- Мирошников пора прятаться, а то...

- А то что? У нас тут не Кавказ, не кровная месть. Наелись вы телевизора и ничего не понимаете.

- Кто не понимает - я не понимаю? Как вы можете так говорить, если я всю жизнь проработала главным бухгалтером!

Кто же не знает, что деревня это беспрерывный мозговой штурм.

Приехал следователь, выдернутый из-за праздничного стола. Поэтому он говорил мрачно: «Шас всех опросим», и было видно, как внутри него чувство долга жестоко борется с алкоголем. Качнувшись, шепнул что-то участковому милиционеру, и тот стал обходить толпу - просил всех не расходиться. Тотчас все начали расходиться.

Нашли фургон, чтобы перевезти тело в фельдшерский пункт для вскрытия. Вынесли человеческую фигуру, завернутую в одеяло. Мать шла рядом и с жуткой разумностью спрашивала у тех, кто еще не разбежался:

- Она меня сейчас видит, нет?

Кто-то сказал, что видит, а кто-то проявил принципиальность, которую огласил Сей Сеич:

- Молекулы перестали двигаться, и драгоценное сознание распалось.

- Твоя принципиальность,

Как плохое вино,

Напоило нас

Горькой чернотой.

Горка привычно запоминал слова, которые мерцали в голове друг за другом.

Ветер снег уносит

Не знаю куда.

Но осторожной кошкой

Вернулось желание жить.

Вечером Горка присоединился к разговору родителей, когда за ужином они скупо обсуждали горе Поздеевых:

- Мам, почему все шумят, что шофер приставал к ней? - Он выпрямился, мысленно поместил во рту трубку и стал говорить прекрасным квакающим голосом артиста Ливанова (Холмса): - Во-первых, Мирошников только и ходил из дому на работу и с работы домой.

- Запруду сделал у ручья, карпов туда запустил, - добавила мать Горки.

Сын посмотрел на нее с выражением, как иногда смотрел отец - мол, женщина, что такое? - и продолжал:

- Во-вторых - он же поседел от потрясения. А если бы он был гад Гады не седеют. В-третьих же - все происходило в глухом лесу, и он мог бы ее закопать в снегу, и до лета бы тела никто не увидел. Это же элементарно!

Отец сказал:

- Ну, Горка, ты казак: туда побежал, здесь сшурпил.

- Просто адвокат какой-то! - добавила мать. А лучше бы сказали: мол, сэр Джордж, вы блестяще проанализировали эту комбинацию.

В это время пришла соседка Маруся Семиколеных. Она попросила листочек алоэ:

- Еще и палец нарывает! И так вечером упаду перед иконами, реву-реву, кричу-кричу!

- Вся Васильевка знает: Маруся молится, - вставил отец с непроницаемым лицом.

- Ну ничего: утром выпью водочки, запляшу, запою! Уныние ведь смертный грех.

- И вся Васильевка слышит: Маруся борется с унынием.

- У нас алой засох, пока к дочке ездила. Мой бегемот пьяный не поливал...

- Ну, какой же он бегемот, если в декабре заработал пять тысяч.

Маруся от возмущения казнила алоэ, только сок брызнул:

- Заработал, да все в горло пошло. Когда прихожу на исповедь, так и говорю: отец Сергей, надо что-то со мной делать. Мой так пьет, терпение ведь кончается, так и хочется топором его тюкнуть. А батюшка мне: тише, тише.

- Нет, зачем же, - невозмутимо заметил отец. - Пусть вся Васильевка знает: наша Маруся кается. Маруся слегка смолкла, показывая своим видом: вы думаете, я за алоем пришла? Понюхала табак, мелко потряслась, как трясогузка, взлетела с табуретки и сказала:

- Надо бежать. Сегодня к Поздеевым ходила, два часа как не бывало, а самогонки еще не нагнано к моему дню рождения. Да, хорошо, что у них еще дети есть.

Мать щедро отрезала Марусе еще пару целебных шипастых листьев алоэ (вместо прежних) и как бы невзначай обронила:

- А Горка сказал, что Мирошников не мог ничего такого над ней сотворить. Ведь гляди, какой у него сад! Какие арбузы в теплице!

- И кролики как из воздуха плодятся, - добавил отец и закурил.

- Все завидуют, ведь в чужих руках все толще, вот и говорят о нем что попало, - сказала Маруся. Две струи дыма из отцовских ноздрей свивались и иллюстрировали перепутанность этого дела.

- А вы... возьмите поллитру и идите к Яковлевичу, там следователь остался ночевать. - Маруся подумала и добавила ради истины: - Хотя к рукам нашего участкового что-то прилипает, но он еще неплохой.

Горка тут сразу воткнулся в очередное размышление: как это - взятки берет, но вот прошлым летом обкуренная молодежь из района на «Газели» сбילה старика и помчалась дальше. Так Иван Яковлевич пустился за ними на старом «уазике»! Неизвестно, что там произошло в лесу, но участковый привез их обратно на «газели» всех семерых - связанных, избитых, а у одного было прострелено плечо.

У Ивана Яковлевича было еще много талантов, например, он хорошо пел. Как из него могуче изливалась «Многая лета» на юбилей Васильевки!

Пока родители отсутствовали, Горка боролся со страхом, бормотал: такой он сообразительный, этот Георгий, все его любят, Изюмская сказала: ты Каменская с яйцами... то есть не так сказала, но с таким смыслом. И вдруг - раз, и в яму под деревянный крест?! Горка словно весь налился безнадежной жидкостью, но избавился от нее с помощью привычного хода мысли: наука что-нибудь придумает, молекулярное омоложение там.

У участкового было простое лицо лесника. Отец Горки помаячил перед этим лицом склянкой и сказал: - Что ты тут думаешь? Давай зови следователя.

- Он спит.

- Да, слабые эти городские... Знаешь, если Мирошников хотел бы все скрыть, он бы ее в снегу закопал, звери кости растащат - и все.

- По делу говоришь, - одобрил участковый. - Да я и сам Мирошникова в обиду не дам. Он же наш, васильевский.

Склянка звенела о края стопок до тех пор, пока отец Горки не сказал, глядя на плакат с губернатором:

- Пора кончать, а то у двуглавого орла уже три головы появилось.

А Петр Мирошников в это время говорил жене:

- Не могу спать.

Уж дальше он не продолжал, что видит задавленную у комода. Но жена догадывалась: у него все время было разговаривающее лицо, то темнеет, то светлеет.

Вышел Петр в сад, однако и туда она успела: стоит возле занесенного снегом пруда в какой-то рубашке белой и нисколько не мерзнет. Тут Петр не выдержал, и прорвался у него разговор наружу:

- Конечно, я виноват, что не проверил дверку...

- Петя, - позвал сзади голос жены, - пойдем домой, не мерзни, здесь никого нет.

В самом деле, подумал Петр, зачем я буду за этой белой рубашкой по огородам бегать. Дома он сел и включил телевизор, и ему под ноги высыпались слова диктора:

- И только таким образом призрак стал понятнее и человечнее...

Жена - домашнее МЧС - выхватила у него пульт и погасила экран. Петр стал ее успокаивать: сейчас я засну, засну. Лег и вдруг на самом деле заснул.

В холодном белом свете кладбищенская ворона сидела на ветке и смотрела на всех. Пар поднимался из ее ноздрей двумя клубами. Лицо Сей Сеича и здесь выделялось из всех лиц свирепой красотой. Он взял Горку за локоть и изрек:

- Когда и я умру, найдите и поставьте мне реквием Моцарта.

Аполлон Засушенный услужливо закивал:

- Да, да. А если не найдем, поставим Киркорова.

Горка занес в стайку на подстилку солому, и она засияла как солнце. Лыска тяжело задышала и просяще посмотрела на него, то есть в его лице - на всех людей. Горка вспомнил, как по телевизору антилопа на бегу родила, детеныш шлепнулся, и мать недоуменно стала оглядываться: что-то легко стало, кажется, надо уже о ком-то заботиться.

Горка вприпрыжку бежал домой и думал: домашние животные тяжело рожают, потому что зимой мало двигаются. Вот бы их прогуливать как-то по графику...

- Мама, мама, Лыска рожает!

Мама засияла слезами, улыбкой, боком глянула в сторону божницы, и они втроем изо всех сил побежали в сарай. У отца было ведро с теплой водой, а Горка нес хлеб с солью. Радеемся тут, думал он, а чего радоваться? Вырастет бычок, зарежем его осенью и будем есть. Как сейчас доедаем его брата Мартика. Но возбужденный шепот родителей и первое короткое мычание теленка, похожее на нежный рожок - все слиплось в какое-то нелепое, но сокрушительное доказательство жизни, и оно отменило Горкины печальные мысли.

Посреди леса лежало продолговатое небо с облаками. Жара жгла, как крапива. Горка помчался, на ходу раздеваясь, и залетел с размаху в голубую прохладу озера, дробя все вокруг себя в жидкие алмазы.

И снова пошли, постукивая, звуки:

Небо словно заходит в грядь... И создает душу... Устройство под названием стрекоза испугалось, стартовало с камыша и понеслось над живым зеркалом, переливаясь и треща.

Горка любил купаться без всего, первозданно, обнимаемый извилами умной влаги со всех сторон. Он нырял и выныривал с ожиданием, что миг - и он родится в какую-то новую, очень всем нужную жизнь.

А Сей Сеич тоже думал в моем возрасте, наверно, замирая в мечтах гладиаторским лицом, что вырвется а кончил ежедневной спиртовой пропиткой. Горка вышел на берег - из драгоценности воды, сияя, как жемчужина. Вот бы сейчас меня увидела Лианея - дочь Трех Солнц, которая в последнее время все чаще представляется с лицом Изюмской. Вдруг он заметил, что пиявка присосалась к левому колену. Сейчас я избавлюсь от тебя, чудовище, достану свой бластер, сказал Горка. И прицельно помочился. Пиявка отпала - он не стал ее давить. Ползи к своей судьбе.

Липы цветут, у них сегодня большой прием пчел. Вот бы сейчас пчелой вжикнуть домой. После купания сил не осталось, ноги - ленивый студень без мышц. А до дому еще пилить пять километров!

И тут весь накопившийся зной раскололся в неожиданном звуке. Горка прыгнул в сторону. Дядя Коля снял руку с сигнала и захохотал:

- Садись, прокачу!

Но вместо радости, что час по жару превращается в десять минут езды с ветерком забоялся Горка, если честно. Сейчас засну, выпаду, и под колесо! Поседевший дядя Коля, причитания матери А ведь с этой осени буду учиться в интернате, надо ездить на попутках, пора привыкать.

- Что, сцышь? - пронизательно спросил дядя Коля.

- Не надо, бесполезно. Я в твои годы от мачехи ушел, волков видел стаи! Садись.

Потом он закурил и приказал:

- Рассказывай что-нибудь, а то я за сутки тут к баранке прирос, как бы не заснуть.

- Дядь Коля, Мирошников вчера привез новую породу карпов, говорят - генная инженерия.

- Ну и правильно, это лучше, чем ночами гоняться за мертвой Поздеевой. Видел я в одном фильме: по ночам рыбы-мутанты выползали из воды, залезали на березу и пели - как соловьи.

ЕЛЕНА ГУДОШНИКОВА (ВОРОНЕЖ) СЕМЬ СТРАСТЕЙ С ПОСЛЕСЛОВИЕМ

1. Счастье

Посвящается Леше

Его, бесконечно желанное и трудно удержимое, я испытала в полной мере только во сне. В двадцатипятилетнем возрасте, когда чувственность особенно была настроена на счастливое восприятие жизни, я увидела длинный и красивый сон.

Снился Сахалин (так объяснили начальные титры сновидения). Бесконечное синее пространство воды, переходящей в небо, шелковые зеленые берега и блистающее солнце. Его отражение и мягко, и остро мерцает в воде, траве, листьях, во мне самой. Радость и легкость тела поднимают меня надо всем этим раем, но не дают оторваться от него. Так и парю, наблюдая и восхищаясь.

Просыпаюсь от восторженного спазма в горле, желаемом петь что-то божественное. Ощущение это запомнила на всю жизнь, как и бархатную картину вождя Сахалинского пейзажа.

Прошло много лет. В один прекрасный день мои друзья с телевидения обратились с просьбой провести в кинотеатре «Юность» выставку молодого, талантливого художника, не выставляющегося нигде по причине строптивого нрава. Я согласилась охотно: люблю молодых, талантливых, строптивых.

Явленский поразил меня, прежде всего, красотой - высокий, стройный, изящный и дерзкий, он был воплощением моего представления о настоящем природном художнике. Картины, которые он показывал мне одну за другой, были похожи на него. Всю бешеную ярость этого мира жадно впитал в себя этот двадцатилетний мальчик. Прежде, чем открыть мне свою последнюю работу, он сказал: «Это я видел во сне. Моя первая работа. Не судите строго. Мне было семнадцать лет» И открыл. Я онемела, почти парализованная точностью совпадения картины с моим сном - та же яркая синяя вода с солнечными бликами, мягкие зеленые берега и скромно искрящееся небо.

Выставку мы провели довольно успешно, после чего я, с некоторой застенчивостью, сказала: «Леша, художники, которые у нас выставляются, обычно дарят на память одну из своих картин» Леша посмотрел на меня прозревающе-подозрительно: «Берите все! Но только не это!». И закрыл своими тонким телом мое воплощенное на холсте счастье. «Спасибо, детка, ничего другого мне не надо», - смиренно сказала я. Через полчаса, забрав свои работы, он вошел в мой кабинет и грубо произнес: «Черт с тобой! Забирай!». Не дождавшись моих комментариев, быстро исчез.

Несколько лет сине-зеленая эта картина была для меня источником вдохновения, наслаждения и просто хорошего настроения.

А Леша умер. Неожиданно, непонятно...

Его красивая, моложавая мама Света (на несколько лет моложе меня) пришла с вином и печеньем. Мы помянули удивительного мальчика. Картину я ей отдала по собственной инициативе и не жалею об этом. Бархат, блеск и свежесть ее - во мне. А само воспоминание - тоже счастье.

2. Полет

Всю жизнь летаю во сне и мечтаю испытать это наяву. Или хотя бы понять механизм истинного, органичного полета. Поэтому пристально всматриваюсь в птиц, люблю их пушистость и легкость. С детства мне везло: я вечно натыкаюсь на выкинутых из гнезда голых птенцов, тощих, головастых и страхолю-

ных, подраненных чаек и ворон, которые нещадно клюются в благодарность за мои порывы выхватывать их, на полудохлых городских голубей, мимо которых приходится проходить, отворачиваясь. Все благие порывы, как правило, кончаются печально - я только продлеваю мучения пернатых, у которых своя судьба.

Мой знакомый биолог из тамбовского пединститута постоянно твердит, что у птиц - особая планида, в нее нельзя вмешиваться нам, двуногим и бескрылым. И вообще, животный мир должен существовать самостоятельно. Понимаю и соглашаюсь, но пройти мимо живого птенца, валяющегося на асфальте, не могу.

В моем любимом Галдыме, единственном месте, где я бываю безмятежна и счастлива, на третий день приносят мне двух голых лесных птенцов. Они найдены на просеке, маленькие, пищашие и одинокие. Мой отдых превратился в каторгу. По давнему уже своему опыту знаю, что кормить этих новорожденных можно только живыми насекомыми. Как маньяк, ловлю мух, комаров, и даже уничтожаю любимых мною кузнечиков. Пернатые дети ненасытны - их крик с раннего утра до поздней ночи раздражает мою дочь и недавно приехавшую подругу. Упомянутый выше биолог, живущий в домике рядом, пеняет мне: «Зачем Вы вмешиваетесь в естественный процесс?». Сам, однако, выращивает двух маленьких сирот-гадюк, чья мама была убита ретивыми отдыхающими.

Птичка-девочка вскоре умерла, а мальчишка, полувивший имя Кибальчиш, быстро рос и набирал силу. Через пару недель мы с ним, вполне уже оперившимся, выходили на охоту. Выпускаю его на луг, сама усаживаюсь рядом. «Ну, валяй! Лови!». Он смотрит на меня непонимающе, как ребенок. «Ну, вот, - объясняю, - это муха, хватай ее!». И делаю неуклюжее движение в сторону улетающего насекомого. Кибальчиш глядит с изумлением и даже некоторым презрением: «Негоже, мама!»

Учу его летать. Подбрасываю со второго этажа нашего строения и спешу вниз. Маленький хитрец послушно слетает и ждет меня. Я, обозленная, иду в лес, приговаривая: «Мне, что, здесь с тобой сидеть до зимы?» Птенец резво бежит за мной. Друг мой биолог объяснил, что птичка эта называется лесной конек и бегаёт также резво, как и летает. Моя прагматичная подруга злится: «Ты что из птицы собаку сделала?».

Когда мы уезжали, Кибальчиш был уже почти взрослым, летать научился, но предпочитал ходить по земле, считая, что он сын двуногой женщины. Я же хотела быть дочерью крылатых. Вот так мы совпали. Надеюсь, он жив и сумел адаптироваться в лесном пространстве без меня, двуногой.

3. Удача

Не знаю, как кто, а я прирожденный страстный картежник, на удачу всегда рассчитывала и загадывала. Начиная от знака: «Вот сейчас успею перебежать улицу на зеленый свет - и все будет хорошо!» Перебегала, но, что именно будет хорошо, при этом загадывать не успевала.

С годами пыталась конкретизировать свои основные желания и выбирать постоянные символы для их воплощения. Хорошее, интересное занятие.

Лет десять назад, бесцельно бредя по тусовочному Арбату, рассматриваю массу безделушек, амулетов и веселых приколов. Один из продавцов, мрачный и угнетенный плохо идущей торговлей, подзывает меня к себе. «Посмотрите нечке!» А то я их не видела! «Это - Ваш божок», - и протягивает мне старичка в капюшоне с запрокинутой головой и доверчивым взглядом, обращенным в небеса. «Это - Фу Тэн, Бог успеха и удачи, - говорит мне грустный продавец, - я думаю, он Вам пригодится». Фу Тэн отлит из дешевой пластмассы, но смотрит живо и трогательно. Стоит совсем недорого. Покупаю, бережно кладу в карман, загадываю и больше уже с ним не расстаюсь, внедряя в маленькую фигурку свои мечты, веру и надежды.

Я сумела заразить признанием этого смешного Божка моего неверяющего любимого друга Сережу. Когда мне повторили облик Фу Тэна в слоновой кости (друзья, любящие воплощать материально что-то уже одухотворенное), Сережа скромно попросил ему подарить эту копию.

Копия превосходила оригинал - она была из настоящего мамонтова бивня и сделана аккуратными и тщательными руками моей подруги-художницы. С этим Фу Тэном Сережа уехал в Москву искать удачи. Он ее нашел. Но в процессе поиска фигурка Фу Тэна то раздувалась, то сокращалась, как бы указывая правильный вектор. Однажды Сережа приехал в несвойственном для него паническом состоянии и рассказал, что фигурка Фу Тэна в его кармане вдруг вывернулась и деформировалась. Меня это не удивило и не испугало - наш маленький талисман выполняет свою миссию. Претерпев это, Сережа пошел дальше, со свойственной ему мужественной поступательностью. И всего добился.

Не отношу это за счет Фу Тэна, но вдохновителем в какой-то период он был.

Мой же Фу Тэн стоит рядом и пока ничего не обещает. Но я еще жива, а значит, хочу удачи. И посылаю ему свои дурацкие импульсы с просьбой дать везение Бог вещь в чем, что сама сейчас не понимаю, чем именно мне нужно заняться, но ведь удача - это не только карьера. Это - умение в чем-то состояться и остаться в этой жизни. Зачем? Бог вещь!

4. Любовь

«Бывают разные виды любви», - сказала толстая девочка Женя, героиня повести Рувима Фраермана. Однако любой «вид любви» предполагает единственную и незыблемую основу - верность и преданность. Думаю, никто не станет спорить со мной - преданнее собак любить не умеет на этом свете никто.

У меня собаки не было никогда, о чем я глубоко скорбела лет с пяти. Но восполняла недостачу верности и преданности дружбой с собаками бездомными или околodomными. Их было много, добрых, веселых и шелудивых, но один пес запомнился мне особенно.

Звали его, как водится, Шарик. Большой, могучий, головастый и черно-белый, он был умен и добр.

Жил в нашем дворе (большого хрущевского дома) и содержал свою семью - жену Веру, множество щенков разных пометов и примкнувших неудалых шавок.

Веру я не принимала близко к сердцу за ее истеричность, щенки появлялись и пропадали (то забирала их к себе добрые люди, то убивали, потехи ради, злые), а с Шариком установились отношения. Ловя с ходу мою восторженность, он несется навстречу, разбрызгивая грязь. «Шарик! Ноги!» - кричу я отчаянно, представляя, каковой явлюсь на работу после объятий дворового друга. Шарик тормозит передними лапами, подъезжая ко мне на полусогнутых, и кротко смотрит в лицо. Снизу вверх. Глаза на белой большой морде черные и доверчивые.

Когда мы с моей маленькой Анькой ходим в оперный театр, Шарик нас сопровождает и ждет на ступеньках театра почти до полуночи. Домой идем вместе. Огромная собака! Она никому не позволяет к нам приблизиться.

Шарикову семью расстреляли поутру ретивые службисты городской администрации. Шарик чудом уцелел, но погрузился и тихо зачах - где и как он умер, не знаю.

Свято место пусто не бывает. В то же печальное лето судьба послала мне маленького, в пол ладони, щеночка, которого нарекли мы Бони.

Это было в Галдыме, столь щедром для меня всегда и во всем. Боничку мы выкупили у тупых, злобных аборигенов (которые, впоследствии, друг друга убили). Щенок был полудохлый, вялый и слабо реагирующий. Принесенную миску сиротского супа из столовой он съел за две минуты. Раздулся и упал. Проклинаю свою дурость, я держала его на ладонях, поглаживая шелковый животик. Мальчик явно умирал. Икота, судороги и взвизгивания сопровождали его первое в жизни обжорство. Он оклемался. И маленьким комочком бегал за нами, идущими по грибы. Самая низкая трава была выше Боника, но он мужественно преодолевал все препятствия, лишь бы сопроводить своих спасителей.

В день нашего отъезда из Галдыма я пошла возвращать сковородки и кастрюли в тот мрачный дом, где две недели назад томился бедный щен. Уже подросший и окрепший, он меня сопровождал. При подходе к знакомой калитке бедный мой Бони завыл и уперся ногами в рыхлую землю, раздолбанную коровами и козами.

Страшную для него черту он так и не переступил. Ничего не оставалось, кроме как везти его в Воронеж. У меня, наконец, появилась собака. Своя. Увы, это счастье длилось недолго. Непривычный к городским условиям, Бонька погиб под колесами автомобиля на седьмом месяце своей жизни. А любовь свою мне оставил.

5. Скорбь

Кто из нас не любит скорбеть? Упоительное чувство, дающее просветление и осознание. Страсть. Предмет скорби передо мной - шикарно оформленная скромная картинка. Весьма небрежный рисунок потрясающего мужика - Александра Калабухова.

Он, скромный, явился мне в качестве дополнения своей и моей подруги Наташи Когут.

Наташа - разговор особенный. Актриса до мозга костей и кончиков пальцев, она играет всегда и везде. Знакомство наше состоялось в ее игровой манере - прекрасным летним днем мой рабочий кабинет посетило некое инопланетное существо неопределенного пола. Имея на голове странный круглый колпак с идушими от него проводами, на лице - мотоциклетные очки, на худых чреслах шорты, украшенные новогодними блестками, существо промолвило: «Привет! Давай знакомиться!».

Сняв свой колпак, в котором, оказывается, гнездились наушники от плеера, пришпиленного чудесным образом на голом животе, гостя представляется просто и пленительно - Наташа. Темперамент и разговорчивость ее непомерны, но не обременительны, ибо Наташа умна и наблюдательна - слушать ее интересно. Она красива и очень моложава, но не той молодостью, что дается добротным образом жизни и хорошей косметикой, а внутренней юной энергетикой и позитивным восприятием нашего непростого мира.

Я полюбила Наташку, а, увидев ее на сцене, и вовсе обалдела - вот это актриса! Скромно являя мне свои достижения, она доходит до последнего и самого главного: «Это - мой муж Саша».

От Сашиной красоты у меня перехватывает дыхание (слаба, млею). Он молчалив и как бы отстранен ото всего, но так покоен и самодостаточен, что смотреть на него можно часами. Дивный мужской экземпляр! Статный, коренастый, бородатый, русоголовый Добрыня Никитич Калабухов.

В нашем городе они надолго не задержались. Собрались в Геленджик, где ждал их хороший театр. Тусовочная Наталья устроила пышный отходняк - в Доме актера собрались их друзья и поклонники. Я пришла с неуместными цветами вместо бутылки водки. Наташка резвилась в стайке юных поклонников. Саша тихо выпивал в уголке стола. Мне стало скучно. Расцеловавшись с Натальей, подхожу к нему. Говорю какие-то пожелания и ободрения. Саша смотрит мудро и спокойно. «Хватит пи**ить, мать, - говорит он, наконец, - поцелуй меня. Мы больше не увидимся». Следуя непонятному наитию, целую его прекрасные глаза и говорю бодро: «Как же, не увидимся! Вы же с Наташкой завтра придете забирать свои вещи из «Юности»...» Он молча кивает головой и улыбается.

Наутро мчусь в белом брючном костюме на свидание и прощание с дорогими уже людьми и с размаху падаю в огромную лужу, дно которой покрывает жидкая, липучая грязь. Пока вернулась домой, переделалась и добралась до «Юности», ребята уехали. Кассирша передала мне маленький, помятый рисунок - портрет Натальи работы Калабухова.

Саша не прожил и года в вожделенном доме у моря. Умер, оставив эксцентричную Наташку одну-единешеньку. Его рисунок мой хороший знакомый оформил роскошной, несколько траурной рамой. Теперь это - картина. Она висит передо мной, заставляя скорбеть об умершем Саше и затерявшейся где-то Наталье.

6. Надежда

Надежда, пожалуй, самая эфемерная из человеческих страстей, обосновывается на неосновательном. Впечатлении, обреченном на разочарование, мечтах и чаяниях, не имеющих ничего общего с сиюминутной жизнью.

Символом надежды я, безнадежная, выбрала кривое дерево, хорошо видное из окна моего рабочего кабинета и спасенного мною декоративного крысика, нареченного Му-Му.

Кривое дерево, пережив зиму, осталось полно листьев. Правда, совсем сухих и порыжевших. То, что показалось мне, далекой от биологии, знаком жизнестойкости, оказалось признаком вымирания - дерево утратило способность адаптироваться к погодным условиям, и по весне его срубали. Опечаленная утратой очередного символа, я задумалась о сложной своей судьбине. Но бодрый друг и соратник Коля сказал оптимистично: «Подумаешь, дерево! Ведь жив Му-Му!».

История Му-Му достойна пера Бианки, Брэма и, может быть, даже академика Павлова. Крыс - подросток был куплен в качестве корма для благородного пятнистого удава, гастролирующего в кинотеатре «Юность» со своими товарищами по серпентарию. То ли удав был не в духе, то ли крысенок попался невкусный, но наутро, после отъезда экзотической выставки, бедное недоеденное животное металось по фойе, уклоняясь от веников и швабр добросовестных уборщиц.

Я подобрала взъерошенный, окровавленный комочек и отнесла в свой кабинет, где поместила в коробку из-под обуви и отпаивала водой из пипетки. Два дня Му-Му стонал, как бессильный ребенок, а на третий день исчез. Обнаружился он под сейфом, где соорудил себе гнездо, выходя по утрам поздорваться со мной и весьма благодарно принять еду. А вечерами забирался ко мне на колени, нервно вздрагивая от телефонных звонков и визитов самых разных прихожан.

Прожил он в этом своем обиталище больше пяти лет, став знаковым животным кинотеатра. Много курьезных и драматических моментов было связано с пребыванием Му-Му в «Юности».

Дружная стайка юннатов из Дома пионеров вваливается в мой кабинет. Самый смелый натуралист звонким голосом восклицает: «Мы слышали, у вас здесь крыса живет в нечеловеческих условиях!» Смирно соглашаюсь: «В нечеловеческих!» Му-Му пионеров не покусал, но оскалился свирепо.

Второй эпизод был печальнее: с моим юным другом Лешей мы нашли на улице покалеченного воробушка и отнесли его ко мне в кабинет. Наутро от птички я не нашла ни перышка - бесследно исчезла. Подозрения пали на хищного от природы Му-Му - съел птаку. Один из взрослых, мудрых друзей живописал эту картину так: «Они там, под сейфом сидят и дискутируют. Му-Му, умудренный печальным опытом, говорит воробью, что в этой жизни нужно быть крысой. Только крысой - иначе хана».

Тем не менее, мой милый крыс был податлив и

добр - когда настала пора умирать (в весьма преклонном для крысы возрасте), он пришел ко мне, смиренно-скорбящей. Забрался на колени и тихо усоп.

Еще некоторое время я держала на руках брентное, уже холодное тельце, когда опять же пришел здоровый Коля и сказал: «Это - наше МП (Муниципальное предприятие)».

Мумусика я похоронила на другой день в парке, примыкающем к кинотеатру.

7. Гармония

Кошка - гармоничнейшее существо - все принимает, терпит и понимает. Наверное, поэтому так много бездомных кошек во всех городах. Если они чего-то просят - только еды. Участие наше им не нужно. Если они хотят чего-то от нас - только свободы в обмен на свою красоту.

Сколь приятно гладить шелковую шерстку и слушать тихое «мурр», Обещающее неведомо что. А как тихо и нежно подкрадывается это животное ночью, когда и наступает его пора! Спит рядом, обнимает и что-то рассказывает, ему одному ведомое.

Страсть к гармонии идет через кошек - спокойных, ласковых, пушистых, а иногда непонятно - раздражительных и злых. Кошку не нужно любить деспотичной и требовательной человеческой любовью - кошку нужно чувствовать и уважать. Мой, увы, покойный друг Андрюша Высоцкий, совершенно чуждый сентиментальности, уверял, что кошки - единственные из всех животных, владеют второй сигнальной системой. Они общаются и разговаривают на интеллектуальном уровне.

Мой опыт общения с кошками печален - мне, вообще, не везет с животными - все истории кончаются трагически. Кошки живучи, и поэтому на них я делаю ставку.

Брюська - пятая кошка в моей жизни. Привезла мне ее дочь Анна в больницу, где я лежала с нарушением мозгового кровообращения. Котенок был абсолютно голый (бесшерстный), в струпьях и ранах, неведомого происхождения. Рыдаем над приобретением вместе - я, полуживая от недавней капельницы и дочь, остро чувствующая и сострадающая. Конечно же, Брюська осталась с нами. Выписавшись из больницы, я таскала ее по разным ветеринарным клиникам, где удивительно единодушные врачи уверяли: «Кошка будет у Вас - загляденье!».

Брюся стала загляденьем в прямом смысле слова - красивая, пушистая и большеглазая, она может замереть, вглядываясь в любимых хозяев, на полчаса. С нею хорошо и спокойно. Даже тогда, когда по ночам котная Брюся рождает на мне, спящей, маленких, мокрых котят.

Один из них, не утопленный по причине утери бдительности, был назван Саксофоном. Его забрала в свой временный дом веселая француженка Маржолен. В этом же доме я оставалась на время ее постоянных отъездов в командировки, наслаждаясь свободой, одиночеством и тихой лаской Саксофона.

Это были не худшие вечера в моей жизни - тихие, нежные закаты, полная свобода и веселый крик де-

тей во дворе. А в доме напротив жил нервный и красивый актер Сережа Глазков. Он по вечерам приходил пить кофий.

Как все хорошее, гармония быстро кончается. Маржолен уехала куда-то в Поволжье, забрав кота. Они потеряли друг друга - самодостаточный Саксофон и легкомысленная Маржолен. Но в моей памяти осталась гармоничная картинка нашего всеобщего сосуществования в неудалой, но обогретой нами квартире. До сих пор, проезжая мимо этого дома, я испытываю ностальгические мучения: «Ах, как все было хорошо!..».

8. Яковлев

Последний счастливый день рождения в кинотеатре «Юность» подарил мне знакомство с удивительным человеком. Поредевшая, но весьма монолитная стайка моих друзей и коллег собирала пожитки для праздничного пикника. Первое, яркое летнее утро, которое я всегда так любила и люблю.

Среди всеобщей суеты, поздравлений и шампанского появляется незнакомый, но сразу располагающий к себе человек. Он похож на гриновского героя - сухощав, как бы овеян неведомыми ветрами, смугл, строен и синеглаз. Помимо прекрасного синего взора лицо украшает детская белозубая улыбка. Глуховатым, но очень выразительным голосом он застенчиво представляется: «Яковлев. Доктор, - а, поняв, что мне его имя ни о чем не говорит, уже совсем смущенно добавляет, - Я - муж Тани Кутихиной». Кутя, звездная наша актриса, Золотая маска России, недавно впервые в жизни вышла замуж, о чем охотно вешала вся воронежская пресса. Я искренне радуюсь знакомству, с любопытством разглядываю гостя, но тороплюсь - трюмы задраены, пора на пленэр. Яковлев тих, деликатен и все понимает: «Вы торопитесь? Я вас поздравляю У меня просьба Нельзя ли взять кассеты с записью Танюшиных спектаклей?..» Наспех выбираю кассеты, отдаю, получив взамен скромную визитную карточку.

Яковлев пропадает надолго. Я бы уже стала беспокоиться за судьбу своих любимых кассет, если бы не впечатление от знакомого лица и трогательной фигуры неожиданного знакомого.

Через пару месяцев - звонок. Тихий, мягкий баритон без тени горечи сообщает: «Был инсульт. Лежал в реанимации Сейчас лучше. Я привезу Вам кассеты». Приезжает с дочерью Кристиной - тоненькой ясноглазой девочкой, очень похожей на отца.

Глядя на их любовь, я тихо млею от нежности - простота и гармония, столь редко встречающаяся в мире людей.

Как мне кажется, мы подружились. Тихую статью Юрия Николаевича я делю на свою импульсивность. Получается неплохо.

Его дивный дом, увешанный часами, картинами, уставленный граммофонами, патефонами и прочим музыкальным раритетом, похож на музей. С той разницей, что музей не содержит таких тщательных, страстных и ревнивых хранителей. Яковлев - хранитель. Мне кажется, что он хранит и восстанавливает

не только вещи, но и мысли, впечатления, ощущения. От этого и болеет - велика нагрузка!

Романтическая его натура впитывает все - любовь, верность, коварство, вероломство, и все прощает. У него дивные друзья, весьма разнообразные, похожие в одном - абсолютной и полной искренности.

Яковлев как настоящий художник фальши не приемлет. Целыми днями оттирает своими составами старую икону, чтобы добраться до настоящего образа. И добивается. В жизни удается это сложнее и болезненнее.

Не всякая истина приятна и красива. Нежный и добрый Юрий Николаевич от многих открытий мучается и страдает. Но живет и помогает жить другим, в том числе и мне.

Согретая ласковым теплом его дома, заряжаюсь энергией и оптимизмом - хорошо жить на этом свете, господа! Перезвон часов, разговор, стихи и музыка - что может быть лучше? Только любовь. Но именно она растворяется в стенах этой маленькой квартиры, гостеприимной, открытой для всех.

А что творится в душе смуглого, синеглазого героя - об этом можно только догадываться. Хорошему человеку плохо - это какой-то дурацкий закон. Юрий Николаевич должен жить долго и счастливо, сохраняя свои раритеты и даря тепло друзьям. Рассказ не закончен по настоятельной просьбе его синеглазого героя...

СЕРГЕЙ ДОНЕЦ (вологда) НА КРАЮ ОЙКУМЭНЫ

Наступила безмолвная южная ночь. Еще одна ночь в нашей жизни. Сильвестр сидел на столетней тютине и плакал. Пока закат бродил по степи, ало переливаясь на прибрежных камышинках и плавниках карасей на потаенном дне пруда, на строгостях гусиных перьев, на вишневой бороде петуха - султана, на волнах пшеничного моря и узорах снятой тюбетейки, у него еще была надежда, что отец с матерью скоро вернутся ночевать в Ильинку.

Но панбархат ночи уже утопил в своих объятиях сельские окрестности. Далеко - за Цукоровой балкой - лениво брехали сторожевые собаки. Рукоятка ковшы Большой Медведицы указывала в направлении совхоза Вильямса, куда унеслась на свадьбу к родне тачанка с отцом и матерью. Сильвестра оставили ночевать у дяди Кости. Постелили постель в просторном зале на перине. Как степной ручеек журчал репродуктор на выбеленной мелом стене, а за окнами сходили с ума чокнутые сверчки.

В горнице у хозяев тикали старинные ходики. Сердце у Сильвестра тукало вместе с ходиками. Немного полежав, он выкатился с высокой перины и сполз на глиняный пол. Вышел из тихой комнаты. В коридоре было темно и он споткнулся обо что-то теплое и пушистое. В темноте вспыхнули два живых зеленых огня.

- Брысь! - Сильвестр отшатнулся от кота и приоткрыл дверь на улицу. Со двора тянуло ночью и острым запахом домашних животных. Звезды ложились на низкие камышовые крыши и кололи глаза мертвым ледяным светом. Сильвестр прислушался. Было так тихо, что в ушах позванивали колокольчики. Люди, утомленные дневной жарой, пребывали в дремоте.

Дремали и звери. Забился в будку старый Полкан. Притихли на тоненьких жердочках усталые голуби. От тишины и одиночества хотелось выйти на дорогу и пойти по следам быстрой тачанки. Но дорога пугала бесконечностью и стуком копыт чужих лошадей. Оставалось ждать.

Так Сильвестр забрался на дерево. С высокой тютины было далеко видно. Сильвестр всматривался в колдовскую ночь. По пыльному тракту одинокими звездами блуждали огни полуторок и зисов. Он долго ждал. Конной тачанки все не было. Ожидание полностью поглотило Сильвестра, как дуло старой тютюны, не оставив других желаний, проникло в разбушевавшуюся кровь. Слезы кончились. Обессилев, мальчик обнял ствол дерева и заснул. Там его утром и нашли отец с матерью.

Мать терла глаза, а отец угрюмо молчал, снимая Сильвестра с тютюны.

В траве на краю ойкумены лежала тубетейка, окрашенная первыми лучами восходящего солнца.

Старухи деревенские, если одни - без мужиков - говорят обычно: или о соседях своих и знакомых общих, или об огородах своих и огородах соседней и знакомых, или же о лесе. Об его дорогах, тропинках, ягодных и грибных местах, озерах, пожнях. Правда, лет пятнадцать назад появилась еще одна тема - обсуждение и пересказ любовных сериалов.

Мужики обычно поддерживают разговор на любую из этих тем (окромя последней - сериальной) и добавляют свою - политическую: о выборах там всяких, о депутатах-чиновниках и о плохих законах.

Но вот лесу посвящено, как минимум, четверть их дум. Четверть!

Читаешь доброжелательные (а таких мало) книжки о деревенском мире прошлых времен и всегда находишь в них подтверждение этих моих слов:

«Со своим, принадлежащим деревне лесом сжигались, он был родным Он, как драгоценное ожерелье, окружал хорошую деревню. Им любовались, гордились А неписанные законы сохранения своего леса действовали в деревне лучше царских указов». (Виктор Бердинский «Крестьянская цивилизация в России», Москва, 2001 г.)

Или еще оттуда же и главное: «Окружающие человека дикие, домашние животные были близки и понятны. Их всех хорошо знали. Умели с ними общаться... Человека трудно было заставить врасплох. Он знал, в чем разница между ужом и гадюкой. Многообразие живого мира радовало, а не подавляло».

Не думаю, что человек, всю свою жизнь проживший в одной и той же деревне и отлучавшийся из нее несколько раз на сотню-две километров и ходивший по одним и тем же лесным дорогам, видит и знает меньше человека, каждый год путешествующего за тридевять земель. Просто он - никуда не уезжавший - видел другое, знает иное. Он другой цивилизации принадлежит. Крестьянской, что ли. Или лесной.

И наоборот: тот, кто пришел в лес, чтобы изучить (не понять почему-то!) его с помощью мерных вилок и лент, буссолей, высотокронометров, аэрофотосъемки и других сложных и точных приборов и способов, не узнает о лесе ничего. Вернее, он узнает о нем только то, что до него придумал о лесе кто-то что-то другой. И, может быть, в лучшем случае, придумает свое. И все.

Природа и погода - авторитеты и государи крестьянской деревни. Власть их, конечно, навязчивая, но не порабошающая, не насилующая, правление не тоталитарное - авторитарное.

Природа для крестьянина - сам Бог, погода же может быть и под покровительством Бога и во власти дьявола.

Природа - записанные законы - Библия; погода - писанные - предсказуемые, обходимые, логические.

АЛЕКСАНДР ДУДКИН (кадуй вологда) ЛЕС КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Записки лесничего

Сидят деревенские старухи в деревенской избе. Пришли накануне сорочин отдать должное, необходимое, обязательное своему покойному соседу.

- Была ли ты в это лето в лесу-то? - спрашивает одна другую.

- Да как без леса-то? Ходила.

- И чего принесла-то?

- Да всего помаленьку. И солонины, и брусники, и черники, и беленьких грибков.

- А, что, Коля, - спрашивает уже другая женщина недавно зашедшего в избу мужика, - правда ли говорят, что по Ягодной дороге и в Силахинах вырублено все? Мест теперь, говорят, не узнать.

- Да, - отвечает тот, - приходишь туда и все незнакомое. В памяти сидит, что вот тут болото быть должно, а там ручей. Вот по ним только и ориентируешься.

- Да и зачем это лес-то рубить разрешают?! - восклицает громко до этого молчавшая старая крестьянка. Наивная. Ничего не понимающая. Мало что знающая. Совсем-совсем не информированная. Но правая!

Законы природы (то есть сама природа) понимаются неосознанно, посредством общения и любви; законы погоды - ясным, холодным умом и расчетом.

Крестьянин часто (такая работа. Вернее, такой образ жизни) вынужден оставаться один: наедине с лесом, полем, скотиной. Так как от рождения человек добр, а мысль делает его духовно зрячим, то результат думания в большинстве случаев - добро. И поэтому среди крестьян мудрых (мудрый = доброжелательный + рассудительный) больше, чем среди учителей, инженеров, чиновников, журналистов. Среди рабочих их, кажется, нет совсем.

Но деревня отстала и ограничена - раньше, теперь и в будущем - до собственного скончания, которое не за горами. Если раньше эта ограниченность демонически не влияла на душу и дух крестьянина, и он, в силу этой ограниченности и в силу близости природы - Бога, был прост, но самодостаточен, наивен, но мудр, беззащитен, но добр и человечен, то сейчас, когда крестьянство вырождается, когда легкодоступны телевидение (которое, конечно же, расширяет кругозор, но только в одной, горизонтальной плоскости), желтая пресса, поп-культура, деревня удаляется от природы (Бога), тяготеет к одиночеству, а городские (пролетарские) стереотипы - норма и даже идеал, а все кондовое - архаика. Деревня творит все меньше и меньше, а, может, и вовсе уже не творит.

Горожане более рабы, чем жители деревни. Ведь городское благополучие даже (а, может, и только) на минимальном уровне зависит от начальства, от его ума, расторопности, деловитости, принципиальности. Крестьяне же зависят от природы да от погоды. Другие деревенские жители вообще ни от чего и ни от кого, начальства же просто боятся.

Истоки покорности и терпения русского народа привыкли видеть в многовековом крепостном праве, в семидесятилетнем советском рабстве. Но разве терпение не одно из качеств свободного человека?

Разве бунт: голодовка, демонстрация, митинг, восстание, революция, простой протест и бессильный ропот - не отчаянное действие зависимого люда?

Терпение всего русского народа складывается из миллионов терпений, а бунт неделим, иерархичен, построен по принципу «демократического централизма», разум возмущенный кипит только у малого числа восставших.

Нищим, ничего не имеющим крестьянам было что терять.

Землю, которая номинально им никогда не принадлежала (и не принадлежит).

Природу, то есть Бога.

И родину (а Родину они не чувствовали, только представляли).

И терпение его от привязанности к земле, к родной природе. Лишаясь этого, ничего не имеющий крестьянин теряет все: и веру, и Веру, и надежду, и любовь, и одиночество (мудрость), превращается в люмпена, в пролетария. (Люмпен, пролетарий - человек без мудрости и без веры). И бунтует крестьянин только тогда, когда видит или предчувствует посягательство даже не на «его» кусок земли, а на его взаимоотношения с землей, с природой.

Посягался ли на это кто до большевиков?

Народ безмолвствует не потому, что не понимает, а потому, что думает и не понимает. Для крестьянина (в начале XIX века крестьянство и весь народ разные названия одного и того же) непонимание не есть повод для разглагольствования и для возмущения.

Крестьянин всегда покорялся барину, преклонялся перед царем-батюшкой, видел силу и Закон в Боге, в природе, но никогда не подчинялся юридическому закону и демократическому большинству.

И это тоже является доказательством его свободы. Он хоть и в клетке, но свободен, не чувствует металлических решеток, мешающих (мешающих по-настоящему) видеть мир и свое положение в этом мире такими, какие они есть на самом деле.

Если я в клетке, но не знаю, не чувствую этого, разве я в плену? Разве я невольник?

Самая непатриархальная семья крестьянская. Не просто деревенская, а именно - крестьянская.

Цивилизация - это быт вместо природы, то есть и отсутствие быта и отсутствие природы.

Все кончается. Начинаясь, кончается. В первых числах июня я утверждаю: лето на исходе.

- Не грузи, - огрызается мой шестнадцатилетний товарищ, - почти три месяца не хуя делать не надо.

Но я глупо и тупо настаиваю: кончается лето, кончается. А потом дразню: скоро в школу! скоро в школу!

Ненавистник примерного поведения и отличных оценок обижается и зло ворчит:

- Тебе тридцать лет, а ты что ли умираешь?

- Да, - отвечаю, - умираю, то бишь старею.

- Тогда жаль мне тебя, старик, - иронизирует друг.

Мы сидим на поваленной вчерашним буйным ветром, но не лежащей, а только опирающейся ветвями и корнями о землю, на не мертвой, а умирающей сосне.

И сколько месяцев и лет предстоит потратить времени, чтобы сломать и уложить сосновый ствол на землю? Сколько лет и лет, чтобы покрыть его влажным зеленым мхом? Какие долгие похороны.

Но все кончается. Возникает и кончается. И не начинается никогда.

Мне жаль тебя, старик. Это я самому себе, себе самому.

Все впереди. Так говорю я в середине августа моей восьмидесятилетней доброй знакомой, жалующейся на плохой урожай нынешним летом огурцов.

- Ой, милоч, твоими бы устами да... - она отворачивается, машет рукой.

- Господи, баба Таня, не последнее ведь лето живем. Не последнее! - я почти что кричу.

Она обижается, злится:

- Не дразнись, - говорит, - не дразнись, последнее, может, и живу.

Но все впереди. И никогда ничего не кончается и никто не умирает. Баба Таня, слышишь? Никто не умирает. И шепотом, про себя: во всяком случае, для меня.

...небо дневное, или сумеречное, или же ночное, но задернутое облачной пеленой - потолок. Такое небо не только укорачивает взгляд, но и спасает, пусть и иллюзорно, от космических ветров и стужи. Под таким небом человеку спокойно, хоть и не всегда уютно. Вернее, почти всегда неуютно.

Но окажись человек в ясную безлунную ночь на приподнятой над чистым снежным полем дороге, и он почувствует не только свое личное одиночество, но и одиночество всего человечества. Усеянное миллионами разновеликих звезд небо - бездна, пропасть. Кажется, подпрыгни, и ты сорвешься в эту бескрайность. И поэтому хочется к земле припасть, прижаться к ней, вкопать себя в нее.

Наверное, человек, смотрящий в такое небо и в таком месте, где ни глазу, ни рукам не за что зацепиться, ощущает то же самое, что и человек, стоящий на кромке самой высокой и отвесной скалы.

Большинство считает, что передавать российские леса в частную собственность нельзя. Они, дескать, являются общенародной собственностью и приватизации не подлежат.

Я-то вот думаю, что у леса собственник быть должен. Но ведь собственник собственнику рознь. Есть разные ипостаси собственничества. Кто-то владеет газовой трубой и получает, уверен, немалые деньги за прокачку газа. Ему - этому собственнику - выгодно эту самую трубу эксплуатировать нещадно. Все соки из нее бедной выжимать.

А есть собственник дома. Дом нужен ему, чтобы жить. И собственник этого дома, чаще всего, дом не эксплуатирует (это дом эксплуатирует собственника), а украшает, обихаживает, уют создает.

Так вот: лес - это наш дом. Лес нам нужен для того, чтобы жить. И поэтому одну только выгоду иметь от него - стыдно...

А есть люди (и их не большинство, но они, к сожалению, решения принимают. «Как скажу, - слышится в каждой их речи, - так и будет!»), которые ничего страшного не видят в том, чтобы лес передавать: передавать в аренду, выставлять на торги, обменивать на стиральные машины. «Ничего плохого нет в том, - уверяют натужно они, - что у какого-то лесного участка появится единоличный собственник. В лес ведь придут порядок, дисциплина и деньги».

Не спорю, порядок многие из лес купивших навести смогут, и денег, скорее всего, дадут.

Но беда-то вся в том, что этот порядок будет НЕСПРАВЕДЛИВЫМ. Власть, отдавая лесные участки в аренду, продавая лес на корню с аукционов, пренебрегает людьми, которые живут рядом, бок о бок с этими участками. Ведь это они старые, чаще всего, крестьяне и крестьянки имеют полное право всем этим распоряжаться. Это они решения имеют право принимать, а не бюрократки и бюрократы из областного управления природных ресурсов и Росприроднадзора, не директор лесхоза, не глава районной администрации, не губернатор и не президент с депутатами. Как они скажут, так и быть должно. Им виднее, им знать дано, какое дерево рубить можно, какое же ни в коем случае трогать нельзя.

МИХАИЛ ИЛЯСОВ (кадуй)

ПЕСНИ ЛЮДСКИЕ

А песни людские прочнее, чем люди

Как стареют грампластинки, мы не видим, а слышим. Только самые грубые морщины видны на виниловом диске, остальные малозаметны. Но метаморфозы с пластинкой происходят все те же, не зависимо от ее возраста, хотя каждый раз восприятие голосов диска может быть иное. Достаточно одного взгляда на необычный закат солнца, воспоминания о разговоре двадцатилетней давности, узора недавнего сновидения, как картина меняется. Только что были развалины посреди золотого песка, а сегодня совсем другой образ. Пусть он необычный, но его надо принимать таким, какой есть. Поэтому я соглашаюсь видеть на звуковых дорожках маленьких змеек, свернувшихся клубками. Допускаю, что они спят до тех пор, пока не закружится диск. Затем они превратятся в птиц с грациозно изогнутыми длинными шеями. Те полетят, но будут запутывать в колючем терновнике из шрамов, царапин. Кажется, они на поверхности, но на самом деле протягивают корни на глубину. Треск оттого и появляется, что звуки проваливаются в трещины, натываются на иглы.

Когда-то у меня, как и многих, хранилось дома немало черных виниловых дисков. Но со временем часть их я раздал, другие выбросил, как ненужные вещи в век цифровых технологий, сделав исключение только для одной пластинки, о которой соб-

ственно и хочу рассказать. Недавно я попытался переписать ее на магнитофонную ленту, и мне это удалось, за исключением второй стороны пластинки - та оказалась безвозвратно утраченной. Мне это показалось символичным. В жизни то же ведь сначала происходит какое-либо событие, потом оно, возможно, запоминается. В конце концов, многое начинает забываться, но тем интереснее иногда предстают воспоминания...

Когда я смотрю на этот диск, то он мне напоминает срез дерева: такие же годовые кольца, можно считать года, обратиться к самому началу. Изящная плоскость винилового круга становится неразличима от времени, когда я его встретил. В конце семидесятых в Вологде при ВГПИ была художественная студия, которая называлась "Балаганчик". Там-то я и услышал, уже не помню от кого, немного странные строки: "Крутится колесико у меня в груди, у меня в груди, у меня в груди". Стихи запомнились мгновенно - все-таки мы в студии жили среди стихов, поэтические миры Лорки, Рубцова, Есенина были настолько ослепляюще близкими, что ко многому в жизни хотелось относиться поэтически. Поэтому новые, только что услышанные стихи, радовали. Вскоре кроме стихов про колесико (это, кстати, африканская народная поэзия) я услышал и другие, те вообще меня ошеломили. А пластинка называлась "Песни людские", поэтический спектакль на стихи зарубежных поэтов в исполнении Анатолия Шагиняна. Не знаю, помнит ли кто еще ее? По крайней мере, вологодский писатель Вячеслав Белков, написавший маленький роман о нашем тогдашнем поэтическом сообществе, не упоминает о ней, хотя сам те стихи помнит до сих пор. Однажды, прожоячая его, я на вокзале вдруг прочел, чуть даже сохраняя интонации Шагиняна: "До сих пор все это живо в моей памяти". И надо было видеть, как сразу оживилось его лицо. Он сразу понимающе улыбнулся. Можно подумать, что адепты какого-то тайного учения обменивались неким изречением, смысл давно уже недоступен другим. Ничего не поделаешь - магия юности. Вскоре, в те же студенческие годы, пластинка попала ко мне в руки, мне ее подарили на день рождения. С годами я этот прекрасный концерт выучил наизусть и только намного позднее начал понимать, что была за тайна, которая так влекла к стихам. Ведь по-настоящему смысл большинства их открылся мне только сейчас. В них была недоступная для нас, советских молодых людей, боль. Я плохо чувствовал ее, но она, как иголочками пронизывала тексты, исподволь завораживая грустью, трагичностью. В советской поэзии такого не было. Рубцов замечательный поэт, но он творил в стране, где не было социальной несправедливости. Он не видел ни голодных, ни бездомных, ни несчастных беспризорников. Сам жил, почти нигде официально не работая, за счет гонораров за свои стихи. Такое могло быть только в Советском Союзе. Вот одно из моих любимых стихотворений из "Песен людских":

"Они по бульвару гуляли втроем:
Красивая девушка с взором наивным,
А рядом с ней парень отчаянно длинный
В костюме, как ультрамарин голубом.
А третьим был пес, потому что их было трое,
Огромный, лохматый, апатичный от зноя.
Она говорила, что в будущем близком
Будет очень известной артисткой.
Он важным начальником в главной конторе.
Молчал только пес. Да, тот самый, который большой,
лохматый,
Апатичный от зноя. Он был дальновиднее, чем эти двое".

Вот именно. Если ты родился в бедности, так всю жизнь и проживешь в трущобах. А начальниками будут другие, те у которых много денег. Можно лелеять самые светлые и нежные мечты, все равно мир, где правит чистоган, принадлежит богатым. Остальные лишние.

Или вот стихи про ребенка, у которого режутся зубы. Теперь он откусит жирный инжир распробует нежное мясо телят. Но это в том случае, если у родителей мешок денег. А если тош у родителей кошелек? "Тогда не едять пирогов и вообще он прекрасно бы мог обойтись без зубов". А мы жили и росли в совсем другой стране, все пути-дороги были открыты перед нами: хочешь магистрали строй, хочешь в космос лети, одним словом реализовывай себя. Учась в Вологде, я платил за общежитие всего, кажется, три рубля. О плате за коммунальные услуги тогда никто и не думал, их предоставляли практически бесплатно. А, учась, уже в другом вузе, череповецком, я тратил за неделю всего двенадцать рублей, именно столько я брал из дома. И этой суммы хватало на то, чтобы нормально питаться, ходить в кино, не отказывать себе в маленьких удовольствиях в виде сигарет, вина. Сколько надо современному студенту, чтобы посидеть в ресторане? Да, наверное, и всей стипендии не хватит. А в Череповце мы с приятелями любили захаживать в кафе "Фрегат", где, помню, отлично умели готовить цыпленка - табака. К нему же подавали чудный херес - алкогольных подделок тогда в стране не было. Сейчас уже трудно вспомнить все наши разговоры, такие уже далекие, как Млечный путь, но бытовых тем в них точно не было. Двигаясь по дорогам, тропам знаний, открываемых книгами, мы уже неплохо сумели обжить заповедные пространства, где у каждого был свой берег или остров. Какие-то намеки, понятные лишь избранным, аллюзии, даже шутки ясны должны были тем, кто хорошо разбирался в том или ином тексте.

Конечно, это была элитарность. Но элитарность в лучшем смысле. И потом, сейчас мне думается, она была все-таки в чем-то ушербна, такого санаторного типа, роднившего его с инфантильностью. Поэтому к горделивому величию воина-аскета не имела прямого отношения. Оттого те и стихи в исполнении Шагиняна открывались прежде всего с эстетической стороны. Хотя сама элитарность была порождена самим советским строем. В официальной государственной идеологии была область, роднившая ее с рыцар-

скими орденами, самурайским кодексом, с любимыми аристократическими принципами. Прежде всего, это верность долгу, чести, самопожертвование во имя страны. Во главу угла ставилась порядочность человека. В духовном плане он должен постоянно расти, быть моральным. Это были требования, которые предъявлялись к людям, называемых в древней Индии высшими кастами. Уже в послевоенное время большинство людей стало тяготиться подобными требованиями. Отсюда и раздражение советским строем. Многим захотелось гедонистической безответственности, реабилитации пороков, низкопробных развлечений, всего набора масс-культуры. Гораздо позднее, уже сегодня я нашел у философа Александра Панарина подтверждение этой мысли, но выражена она была в другой форме, и то же, безусловно, интересной. Говоря о причинах краха советского строя, он пишет, что народ, как юноша Эдип, взбунтовался против воли строгого отца, то есть государства. Быть самураями уже не хотелось. Тянуло больше к автомобилям, удовольствиям, к копанию огородов. Тем не менее, элитарность до губительной перестройки воспринималось как само по себе разумеющееся. Да, откровенно говоря, мы ее вообще не замечали. Вот яркий пример. В те же семидесятые вышла пластинка Давида Тухманова "По волне моей памяти". Она имела просто бешеную популярность. А ведь это были песни, написанные на высочайшие образцы мировой поэзии: Сафо, Верлен, Бодлер, Шелли, причем часть текста звучит на языке оригинала. То есть, мы молодежь, слушали Гете по-немецки, Мицкевича по-польски и не видели здесь ничего особенного. А ведь Мицкевич это вам не муси-пуси.

Когда-то мы жили в великую эпоху. Теперь иное время. Конечно, если следовать интеллектуально точным ориентирам, то нынешний период следует называть временем Кали-юга. Но, чтобы подчеркнуть ничтожество и убожество страны, в которой мне сегодня приходится жить, я даю название всему происходящему сегодня - муси-пуси. Понятно, что для культуры места сейчас нет. Нет уважения вообще к культуре. Если бы в свое время мы услышали песни из диска "По волне моей памяти" в современной телевизионной версии - ее недавно представили на канале СТС - так на них, без сомнения, и внимания бы никто не обратил. Я думал, вот популярные песни извлекли из долгого забвения, и уже только по этому отнесутся к ним с уважением и подобающей нежностью. Но как чудовищно их изуродовал маскульт бессмертной пошлостью людской. Весь фильм промелькали туда-сюда какие-то фигуры в дурацких балахонах. Поют плохо, бездарно, видимо, совершенно не понимаю смысла стихов. Лолита почему-то с папиросой в зубах изображает Сафо - она исполняет песню на ее стихи. Перед ней на столе кривляется грудастая женщина, вокруг стола тоже слоняются женщины. Сафо похожа на истаскавшуюся певичку самого захудалого ресторана. Единственное исключение составила незнакомая молодая девица, я думаю, полька, (сразу видно, что польский ее родной язык) мастерски спевшая из Мицкевича. Но и ту надо

было слышать, закрыв глаза. Такая песня и - на фоне идиотского действия, похожего на рекламу стирального порошка. Из волны моей памяти получилась заунывная пена. Право, лучше бы не вспоминали все это.

Но если из этого диска хотя бы иногда что-нибудь исполняют, например, песню вагантов, то из "Песен людских" я никогда нигде не слышал стихов. Такое ощущение, что тот блестящий поэтический спектакль уже прочно забыт. Да и помнят теперь в России актера Анатолия Шагиняна, наверное, единицы. Где-то в году 87-ом я, слушая "Немецкую волну", вдруг услышал его знакомый голос. Не скрою, было приятно. Я даже, улыбаясь, мгновенно мысленно процитировал еще одни дорогие мне строки из его "Песен". Это Галчинский.

- Что это, думаю, популярность, популярность широких масс?

- Ах, уже ль мои сочинения и впрямь облетели весь свет?

Так, значит, он ныне живет в Германии, вот оно что. Особого значения я этому не придал, но, помнится, пожалел, что продолжения такого мастерского чтения не будет. И был прав: знаменитая когда-то пластинка так и осталась единственной и неповторимой. А увидел я его, правда по телевизору, кажется, два года назад. Случайно включил канал "Культура", а там идет программа Олега Башиловича "С потолка" и как раз, посвященная Анатолию Шагиняну. С ним автор и беседовал. Передача шла из Франции, где теперь и живет Шагинян. У него старинный, каменный дом, сам вполне могущий стать героем стихотворения, пропитанный иными временами, поэтичный. Человек, читавший "Песни людские", оказывается, когда-то жил в Ленинграде и играл БДТ. К сожалению, из всего интервью я застал самый кончик. Запомнилась почему-то одна его фраза про коров. "У них такое здесь розовое вымя, - говорил он восхищенно, чуть ритмизируя речь, словно желая выделить ее стихотворной строкой. Да, хотелось бы узнать о нем побольше, но даже сами актеры, знавшие Шагиняна по театру вспомнили о нем только недавно. А в прессе я так и не нашел ничего об этом выдающемся русском чтеце, о его тогдашнем поэтическом представлении.

Но я часто воспроизвожу его в памяти, целиком или кусками, смотря какое настроение. Теперь мне кажется, что по-другому Лорку, Хикмета, Хьюза, Тувима, всех иных поэтов из спектакля, и читать невозможно. Внутренняя мелодия их стихов навсегда получила гениальную оркестровку. Вот уже на протяжении многих лет они повторяются во мне, многократно воплощаясь вновь и вновь. Прямо какая-то буддийская сансара. Их уже можно повторять, как мантры. Но зачем?

- По лунной эмали скитаюсь, гуляю.

- Зачем?

- Я не знаю.

Несмотря на мою связанность с ними, стихи живут вполне самостоятельной жизнью. С годами даже выявилась одна особенность - стихотворению уже достаточно сверкнуть лишь одной гранью, строкой

и она, как пароль мгновенно делает доступным все остальные слова. Долгое время я не выпускал стихи из себя. То есть читал вслух, порой мысленно для себя, крайне редко для какого-нибудь человека. На стихи постепенно наслаивались, вплелись личные впечатления, переживания, настроения. Они приняли характер исповедальности, впрочем, не явной, незримой, внешне закрытой некой доступностью. Что же, это не каббала какая-то, берите книги, читайте, мировая поэзия открыта всем. Но вот что странно. Вокруг стихов образовался некий ров, как у средневекового замка. Но, по-моему, я сознательно суживаю проблему, говоря только о стихах - ров, причем, он делается все более широким, пролегает ныне и по другим пространствам. Дореволюционные русские, советские люди по отношению к сегодняшним россиянам смотрятся, как иностранцы. Те женщины и эти - это вообще, люди и марсианки. Лорка, пусть и звучавший по-русски, все равно будет испанцем, а Хьюз американцем. Но мы их благодарно принимали, благодаря языку нашей культуры, находя в их иностранности даже своеобразный шарм. А значит ли теперь для кого-то поэт, которого так замечательно перевела Марина Цветаева? "Начинается плач гитары". Лорка? Это, который Лорка? Миры культуры делаются все недоступнее, все дальше. Она уже наполовину похожа на Антлантиду. Если сегодня в России сказать, что нужно быть, прежде всего, глубоко порядочным человеком, верным долгу и чести, то тебя просто засмеют. Сразу решат, что ты, скорее всего, иностранец. Русский теперь больше на свете любит водку, рыночную экономику и давить своего ближнего.

...Только однажды я почему-то решил не скрывать и дать послушать записи Шагиняна своим знакомым. И, правда, пусть люди послушают.

- Эти стихи в очень редком исполнении, - пытался я дать настрой. Мне даже показалось достаточным этих слов для магического воздействия. Еще немного и они будут восхищаться ими так же, как и я.

Мне захотелось понаблюдать за ними, ведь почти все они и сами, что-то сочиняют, пишут. Да, все выслушали одну сторону скорее благосклонно, хотя никто не сказал, что стихи и чтение им понравилось. Но что меня удивило больше всего. Я все ждал, что кто-нибудь скажет:

- А давайте, послушаем и остальные стихи.

Волна романтически-ностальгического настроения у меня не иссякла, и я надеялся, а вдруг-таки вспомнят. Но, нет, все было прочно забыто. Стоило после этого приводить с собой стихи, знакомить с ними. Я даже, помнится, за них обиделся. Ну, да, ладно, проживем и без слушателей. Я их только прочнее укрыл плащом и они, в знак признательности, еще сильнее зазвучали во мне. Все-таки, старинный театр полон, я видел в зале забытых друзей юности, девушек, когда-то умевших слушать, многих дорогих мне людей, персонажей любимых романов. А в одном из кресел мне показалось, что я увидел самого господина Лорку. К черту все остальное, будем читать бесмертные стихи. Маэстро, музыку!

- Песни людские, прекраснее, чем люди,
Печальнее, чем люди, прочнее, чем люди.
И песни любил я больше людей.

Я мог бы жить в одиночестве - прожить без песен не мог.

"Песня - бытие", - вспомнил я строку из сонета Рильке. Но подойти к пониманию поэзии, которая есть стремление к невыразимому, так же трудно, как и к познанию Бога. Когда-то на Афоне существовала странная религиозная секта - имяславцы или имябожцы. Они считали, что Бог живет, находится прежде всего в самом слове Бог. Но где живет поэзия? В хороших стихах? Но разве не может заключаться поэзия в каком-нибудь изысканном воспоминании или музыке? Но если песня - бытие, разве способна быть песня без слов? Итак, поэзия - это песня. Причем, Рильке уподобляет поэта в своих знаменитых сонетах к Орфею именно к этому богу. Хайдеггер в эссе о поэзии Рильке "Петь - для чего?" прямо пишет: "Сказывание певца сказывает безущербную целостность мирового настоящего, которое незримо раскинулось в сердечном пространстве внутреннего мира. Петь - значит быть вовлеченным в тягу вихря, которую создает неслышанная середина полной природы. Песня и сама такой "ветер". Ключевое слово в его рассуждениях "отвага". Поэтому он, следуя Рильке, считает, что поэты отважнее, чем сама жизнь. Это те, кто "на один выдох отважнее". Все это связано и со всем благородным в человеке. Не случайно Рильке в своей девятой элегии говорит:

- Преображение - разве не это призыв твой горячий?

Тот мрак, в котором пребывает ныне России, по-моему, как раз и связан с утратой людьми, обществом благородных принципов. А как потеряли благородство, так ушло и мужество, честь, порядочность, желание преобразить мир, растить в себе Человека. Главное, люди престали петь и слушать Песни. Уход из жизни Юрия Кузнецова, последнего настоящего поэта, поэта еще советской эпохи, страна даже не заметила. Орфей в России больше не поет. Разрушилась до набора бессмысленных слов даже эстрадная песенная культура. Но ведь путь поэта, путь Орфея, и в этом стоит согласиться с Хайдеггером, ведет туда, где "в незримости внутреннего мирового пространства, представителем которого в мире выступает ангел, целостность земного сущего становится зримой". Россия не пошла за Орфеем, она выбрала беспесенность рынка мяенял. Конечно, я понимаю, что стихи из круга "Песен людских" и поэзия Рильке - это разные вещи. Но разве это меняет суть проблемы? Ведь речь идет о значении поэзии вообще. И что происходит, когда отворачиваются от песен. Но разве не в мире этого проклятого рынка, не мире несовершенства родилось это стихотворение, плохо понимаемое в советское время? Я его запомнил сразу с пластинки:

- Перекопай лунную пыль, пыль ветров, пыль штормов, пыль облаков.

Где-нибудь да найдется, хотя бы одна пылинка мечты, которая не продается.

Кто знал, что пройдет время, и оно станет удивительно современным. Только сейчас я осознал его светлую безнадежность. Я вновь в который раз прочту на память весь спектакль. Как лунатик из стихотворения Тувима буду бродить по его карнизам, крышам и дорогам.

- И что же, так будет всегда и везде?

- Всегда и везде. Меня уж на ключ запирали, Решетки в окна вставляли.

- И что же, не помогает?

- Не помогает.

Буду ходить, жить, читать, пока крутится колесо у меня в груди.

МАКС КУЛАКОВ (нижний новгород-москва)

АЗ ЕСМЬ ПАЦАН

повесть

Глава 1: «Новичок»

Я и понятия не имел, в какое место попаду, но знал, что больше не увижу старых приятелей, не жалеющих денег на мои рисунки. Я думал, что окажусь в обыкновенной, скучной школе, где трудно будет найти покупателей, или где не будет дорогих «декораций». Я даже не представлял, что когда-нибудь буду думать, что лучше бы так и случилось.

Теперь меня отдали в обыкновенную школу, до которой пять минут пешим ходом. И вот я впервые вошел в нее. Раздевалка находилась в подвале и пахла, как старая пепельница. Мы с мамой прошли этот коридор, с правой стороны которого было множество дверей - раздевалки разных классов. Она сказала охраннику, что мы идем на запись. Он пропустил нас, и мы поднялись по небольшой узкой лестнице на первый этаж.

Остановились мы перед дверью с надписью «Директор», и мама постучала в нее. За дверью было маленькое помещение, где за столом с компьютером сидела секретарша. Еще одна дверь была справа.

- Можете проходить, - не поднимая глаз от клавиатуры, оповестила нас секретарша.

- Можно, да? - машинально и очень тихо произнесла мама, но ответа дожидаться не стала.

Мы вошли в просторный кабинет, столы которого стояли долговязой буквой «Г». Директор оказался директрисой. Она еле заметно улыбнулась, и предложила нам сесть. Я посчитал тогда, что она подумает, что я решил, что будет невежливо отказать и потому сел. Мудрено, да? Но на самом деле мне было до пня на то, что она там себе думает. Мне просто хотелось усадить себя куда-нибудь и отвлечься.

Мама что-то обсуждала с ней, пока я вспоминал все, что слышал от друзей об этом месте. Конечно, я вспоминал не тех друзей, что были в частной школе, а тех, с кем общался тут, ведь многие из них тут учились. Но вспомнить удалось только одно. Мой друг Диман как-то сказал: «Если перейдешь к нам, то сразу

ни на кого не нарывайся - п..зды дадут и все там». Да, так он и сказал. Слово в слово.

Они закончили разговор, и мама позвала меня. Пора идти домой. Мне было абсолютно наплевать, останемся мы там на ночевку, или пойдем домой. Я, с полной апатией на лице, поднялся и отправился с ней. Я был слишком углублен в себя и даже не слышал, что мне пригласила мама. Мне ничего не хотелось.

На следующий день я поднялся рано утром, позавтракал в постели и отправился в школу. Я не знал, радоваться мне, или огорчаться, что я теперь здесь учусь. Я был уверен, что мне это еще предстоит узнать. Я вошел в раздевалку и снял зимнюю обувь. Там было много учеников, но я не знал, с кем из них мне предстояло делить класс. Я знал только, что моя раздевалка, это та, на которой табличка «5 в». Я даже не знал, где мне посмотреть расписание, но, благо, на встречу мне вразвалку шел Диман и лучезарно улыбался.

- Первый день? Ну, как?

- Пока не знаю.

- У тебя есть, что покурить?

- Нет. А что?

- Ну, это может оказаться важным.

- Да? Почему?

- Просто все очень, - Диман старался говорить рассудительно и тоном соответствующим. Он был на год старше меня.

- Ну?

- Тех, у кого есть сигареты, всегда уважают.

- Уважают?

- Ну, да. А что тут такого. Ты же новенький. Прояви себя. Пускай у тебя хотя бы будут сигареты.

- И что теперь?

- Не знаю. Постарайся со всеми подружиться. Так проще.

Зазвенел звонок.

- Ладно.

- Увидимся.

- Давай, - он пошел в противоположную сторону и вывернул за угол.

Только когда он исчез из виду, я понял, что, черт возьми, напрочь запарил узнать, где расписание. Я поднялся на второй этаж и прошел по коридору. Никого по дороге не встретил - шел урок. Я огляделся перед тем, как спуститься обратно вниз, и тут заметил, что пролетел висящее на стене расписание. У нас первым уроком оказалось рисование в 41 кабинете, но для меня это был пустой звон. Чтобы найти этот кабинет, мне было необходимо обойти всю школу.

Но тут мой гениальный мозг родил фразу «число большое». Это не то, чтобы очень важная фраза. Но она возникла потому, что сразу я не догадался о невозможности расположения 41 кабинета ниже третьего этажа.

Поднявшись, я прошел по длинному коридору и остановился перед дверьми с табличкой «Кабинет изобразительного искусства». Я постучал и открыл дверь. Внутри была тихая и спокойная обстановка, которая нарушилась из-за моего прихода. Повсюду возник шепот и межпартовые переговоры. Мне не

надо было догадываться, что дискуссию ведут обо мне. Многие бесстыдно тыкали в меня пальцем и в полный голос говорили «новичок» или «придурок». Честно говоря, меня больше удивляло первое слово. Нет, не потому, что я действительно придурок, совсем нет. Просто я впервые встретил школу, где бы говорили не новенький, а новичок. Я увидел приятного вида паренька, сидящего за партой одного. Я, не раздумывая, подсел к нему. Он тут же протянул ладонь и сказал:

- Паша, - его взгляд говорил о том, что он не из тех, кто судит человека по наличию денег или сигарет.

- Макс, - я протянул ему свою руку и он, слегка пожал ее.

- На перемене познакомьтесь, - прервала так и не начавшуюся беседу учительница.

На уроке она рассказывала о том, что прежде, чем рисовать акварелью, нужно тщательно растереть лист наждачной бумагой.

- Нанося карандашный контур, старайтесь не повреждать поверхность слишком сильными нажатиями или ластиком, который протирает бумагу. Иначе будет утеряна гармония, созданная при помощи «шкурки», - вещала она.

- У тебя есть альбом? - дружелюбно спросил Паша.

- Да.

- Карандаш? Ластик? Шкурка?

- Шкурки нет, - ответил я.

- У меня тоже, но ничего. Можно и так. А краски?

- Да, есть, - я полез в портфель за красками и удивился, - то есть, нет. Я забыл.

- Ну, это у меня есть.

До конца урока мы рисовали уходящую вдаль улицу, образец которой был на доске. Потом прозвенел звонок. Ученики повалили из класса, а Паша обещал проводить меня в кабинет русского языка.

Когда мы вошли туда и сели, до конца перемены была еще уйма времени. Большая часть класса столпилась возле меня и не знала, что сказать. Я и сам не знал, познакомиться они хотят, или просто понаблюдать.

Тут ко мне подошло странное существо. Конечно, это был человек, то есть человек. Маленького роста, очень-очень худого телосложения, со стрижкой «каре» и зелеными глазами оно спросило меня:

- Ты новенький? Я тоже новенькое - я знал, что мне послышалось, но все равно думал, что у меня глюки.

- Это он или она? - спросил я Пашу после того, как нечто ушло.

- Это-то? Ирка Шимшурина. Хачик.

- В смысле?

- Кличка у нее - «хачик» или «хачка».

- Почему?

- Не знаю, - с легким смешком сказал он.

- Она только-только пришла и уже кличка?

- Так бывает.

- Всегда?

- Нет, но бывает.

- Понятно.

Дальше я просто сидел и привыкал к обстановке.

Там и тут слышались громкие матерные возгласы, посылы, хамство и шуточные драки. Мимо меня пролетел деревянный стул, и на полном ходу врезался в спину высокому мальчику в очках.

Трудно было разобрать, что так громко хрустнуло, стул или мальчик. Он согнулся пополам и присел, скрыв лицо в коленках.

- Ты в Некита попал, мудила! Ты что совсем, что ли? - закричал кто-то сзади.

- Ты! Ты ша за мудилу, сука, ответишь! Пасть свою не открывай, не подумав!

Я подумал, что Никита плачет, и мне стало его жаль. Но я ошибался. Он вдруг вскочил с искаженным бешенством лицом, и ловко схватив стул, швырнул его обратно. Я резко обернулся. Одна ножка, видимо поврежденная при ударе о Никиту, оторвалась в полете и шлепнулась в пространство между рядами парт. Остальная часть стула очень быстро летела в мальчика с откровенно уголовным лицом, злобный вид которого портил лишь удивленный и полный ужаса взгляд - стул летел прямо ему в голову, и ничто не могло этому воспрепятствовать. В последний момент сработал его инстинкт самосохранения, и он отпрыгнул в сторону. Сильно ударившись, сначала локтем, потом плечом, он в ярости глянул на то место, где он стоял долю секунды назад и его взгляд сфокусировался на стуле, который, от невероятно мощного толчка, и набранной скорости, вдребезги разлетелся, сделав несколько вмятин в каменной стене.

Он поднялся и, глядя исподлобья, двинулся на Никиту. Шум и гам мгновенно превратился в звенящую тишину. Время как будто замедлилось, и все видели великолепно исполненный специальный киноэффект: вот он подходит, размахивается обнажив стиснутые зубы и сдвинув брови, бьет оторопелого Никиту в глаз. Раздается шелчок, опять тишина, всхлип, крик, который тут же обрывается, и время вновь начинает течь совершенно нормально. Никита, неуклюже растопырив руки и вздернув одну ногу куда-то вверх, безжизненно болтаясь, как выпотрошенное чучело, падает навзничь. Вокруг него рассыпаются мелкие осколки. Никита сворачивается на полу, на этот раз, без сомнения, зарывав, и держится рукой за левый глаз. Рядом валяются очки, в которых не хватает одного окуляра. Между пальцами Никиты начинают появляться тонкие струйки крови. Некоторые из них останавливаются и впитываются в рукав кофты, другие же стекают в один широкий ручей и сходят на пол.

Обидчик плюет в его сторону и, круто развернувшись, возвращается за свою парту в самом конце класса. Все это происходит в гробовом молчании, и никто даже и не думает подойти и помочь мальчику, тихо сотрясающемуся от рыданий и лежащему бесформенной кучей под классной доской.

Я тоже не подошел. Я тоже молчал. Я был всего лишь каплей дерьма, добавленной в общее ведро, в общую парашу. Я не воспрепятствовал вони этого ведра. Я влился в него и тонул, медленно притягиваемый ко дну молчанием и бездействием.

Новичок.

У меня было подавленное состояние, мне хотелось пройтись и подышать свежим воздухом. Ни с кем, ни зачем. Просто пройтись и подумать. Такие желания возникают у меня крайне редко, но я знаю - если хочется, то надо. Я поднялся на свой этаж, забросил портфель и отправился на прогулку. Пройдя пятнадцать метров от подъезда, я сообразил, что кое-что забыл. Развернувшись, я вновь отправился в подъезд.

Для того, чтобы не «запалиться» во все времена существовали «нычки». Это места, обычно находящиеся рядом с домом, где можно было спрятать сигареты от вездесущих глаз родителей. Иногда нычки бывают общими. У нашего подъезда она была единственная. Но не надо удивляться - никто ни у кого ничего не тырил. Все просто. Дело только в том, что нуждающихся в этой нычке в подъезде было всего двое: я и Диман.

Я повернул налево после входа и запустил руку за щит большой и старой батареей. Нащупав пальцами «радиаторную решетку», я сунул руку чуть дальше и поймал свою пачку «Примы» с фильтром. Не смешно. В то время мама моя жила в Москве, а бабушка болела хронической жадностью, и кроме «Примы» и «Явы» у меня редко что бывало. Сунув свое добро в карман, я опять вышел из подъезда и направился в сторону близлежащего общежития, за которым находился детский городок.

Запах зимы уже стал привычным, а лицо привыкло к морозу. Изредка пролетали снегири, делая остановки на безлистных ветвях берез. Я повернул направо и увидел краешек детских деревянных домиков. Я прибавил шагу, и иней под ногами захрустел сильнее.

Меня привлекал не сам детский городок, а его вид. Я не знал ничего прекраснее панорамы деревянных, построенных в славянском стиле горок и башенок, стоящих на фоне тихого двора с маленькими двухэтажными домиками.

Я невольно вспомнил об аллее детства. Да, эти два неразлучных слова. Когда я был дошкольником, я гулял только с бабушкой. Никогда не бродил в одиночку. Мы всегда ходили с ней по аллее, которая шла вдоль трассы, по которой очень редко кто-нибудь ездил. Мы проходили мимо старой котельной, от которой остался только кирпичный каркас - все остальное сгорело при пожаре, мимо древней, заросшей мхом и облупленной, булочной. Мимо детского приюта и мимо длинных верениц однообразных, желтых двухэтажных домов. Эта аллея была для меня чем-то очень важным, как будто неким духовным наставником или вдохновителем. Сейчас я иногда вижу ее, но теперь для меня это всего лишь трасса.

Я несколько раз обошел вокруг городка и направился к сараям. Две длинных вереницы стояли параллельно друг другу и дополняли «коллаж».

Я остановился у пристройки, где пахло затхлым гниющим деревом, и запустил руку в карман. Заметив, что из-за угла здания выходит парочка ребят, я поспешил вынуть пустую руку. Один из них был маленький, с квадратной головой и такой походкой,

будто он весил тонну. Второй же - моего роста, в надутой болониевой куртке и каким-то странным лицом - шел, неуклюже переваливаясь, и волочил за собой санки. У него были одутловатые щеки, маленькие глаза и пухлые выпученные губы. Первого я узнал сразу, это был мой старый знакомый Слава, который жил в этом общежитии. Он целыми днями сидел без родителей. Они все время были на работе. Видимо, так уставали, что из внерабочих увлечений у них была только порнография во всех видах, которую они коллекционировали. Когда они уходили, Славик оставался с этой порнографией один на один, и она становилась постепенно главным делом его жизни, поскольку делать ему больше было нечего.

Я достал пачку и стал вылавливать сигарету. Паренек с санками, которого я не знал, ускорил шаг в моем направлении. Слава закричал ему в спину:

- Опять?! Сань, если ты туда пойдешь, я с тобой больше не дружу! Слышишь? Слышишь или нет?.. - надрылся он.

Но Саню, похоже, эти слова не тронули. Либо он не считал коротышку другом, либо его дружба была настолько незначительна, что Саня готов был ее променять на сигарету. Он подошел ко мне.

- Куришь? - не медля, спросил я.

- Да. Дай одну.

Я протянул ему сигарету, и он стал чиркать зажигалкой. Она только пускала искры. Наконец он справился с ней и с наслаждением затянулся. Около двух минут мы молчали, затем он спросил:

- Это ты - новенький?

- Ты у нас в классе?

- Нет. Это ты у нас в классе.

- А давно ты куришь?

- Год. Может меньше, - его явно интересовал какой-то вопрос, но он не осмеливался его задать.

- Что-то не так?

- «Не так»?

- Ну...

- Откуда ты? - вдруг выпалил он.

- Не понял.

- Из другого города?

- Нет... Почему я должен быть из другого города?

- Потому, что ты не такой, как все. Странный какой-то.

- В чем же?

- Не знаю. Я даже не знаю, почему я так решил, но ты странный.

- Понятно.

- Так ты местный?

- Да. Я тут живу.

- В каком доме?

- Там, ближе к школе, - я махнул рукой в сторону своего дома. Обшага мешала его увидеть.

- Ясно. А ты...

Тут его очень сильно что-то ударило. Это был обледенелый ком снега, попавший ему в затылок. Сзади послышался смех. Славик хохотал во все горло и никак не мог остановиться.

- Ну, ты идешь?! - наконец, сквозь смех, крикнул он.

Но, вместо ответа, он получил сильнейшим рядом льда в лицо.

- Дурак, что ли?! - из носа и из губы у него текла кровь, Славик стал сплевывать ее на снег.

- П..ДАРАС, Зотик! - закричал Саня.

«Зотиком» оказался, как я и думал, Слава. Но это его развеселило. Он опять по-идиотски рассмеялся.

- Иди, катайся! - крикнул злобно Саня.

- А ты когда придешь? Я за..бался тебя ждать!

- Иди тогда домой! - Саня был в тот момент абсолютно равнодушен.

Зотик молча двинулся обратно к горке, вытирая кровь перчаткой.

- Тебя, ведь, Макс зовут? - вдруг спросил Саня.

- Да, а ты...

- Саня.

- Да. Будем знакомы, - он протянул мне руку.

- Отлично, - я потряс ее.

- Пойдешь кататься?

- Нет, не хочу.

- Ну, тогда пока. Ты домой?

- Да, пожалуй.

- Ну, давай.

- Пока!

Я отправился в сторону своего дома. Мне хотелось есть и смотреть телек. Я отправил пачку обратно в батарею и стал подниматься по лестнице.

Когда я пришел домой, было только два часа дня. Сел, поел и стал смотреть телек. Я так жил каждый день. Но к пяти часам вечера все интересное заканчивалось, и делать становилось нечего. Хотя было уже темно, решил опять пойти погулять.

На улице пахло свежим ночным воздухом. Именно такой зимний аромат мне нравился больше всех запахов улицы. Я пошел обратно в городок. Но теперь он был каким-то другим, каким-то темным, страшноватым. Я издалека увидел два силуэта и на долю секунды я подумал, что это они, но сразу понял, что это не так. Эти двое были выше, старше и крепче. Они что-то выкрикивали, у них в руках виднелись огоньки сигарет.

Подошел ближе, облокотился на теплотрассу из больших синих наружных труб, которые пересекали весь этот район и проходили по краю городка. Два парня были крупнее меня ненамного, но явно были старше. Один из них заметил меня и спустился с горки. На какой-то миг я испугался, но страх развеялся, когда он остановился с другой стороны теплотрассы. Черная шапка закрывала почти весь лоб, из-под нее глядели большие темные глаза, а на губах была еле заметная улыбочка.

- Курить есть? - он смотрел мне прямо в глаза немигающим взглядом.

- Есть, - тихо сказал я и увел глаза.

- Дай, - весело, но твердо потребовал он.

- Вот, - я достал ему одну сигарету и протянул.

- Спасибо, - он взглянул на сигарету. - Идем к нам. Чего ты там встал?

- Ладно, - я перелез через трубы.

На горке стоял второй парень и его, в отличие от первого, я знал. Это был Секс. Нет, не то да, я и сам

не знаю! Просто его так зовут. Он выглядит сильно больным, плохо одет и много курит. Общается со взрослыми пьяницами и бухает с ними. И это все при состоятельных родителях. Полная кличка «Секс-Бомж». Я и сам не знаю, почему, но придумывал не я.

- Покурим, Макс, - сказал Секс.

- Ага, подышишь, - усмехнулся его приятель.

- Ну, Макс.

- Да, покурим-покурим. Как тебя звать-то? - спросил Макс.

- Макс.

- О, тетка! Ты моя тетка!

- Ты тоже Макс? - надо же было спросить. Для вежливости.

- Ага.

Тут меня заметил Секс и прыгнул с горки ко мне. Я стоял у подножия лестницы, и он остановился на последней ступеньке.

- Дай сигарету.

- У меня мало осталось.

- Дай одну.

- Мало осталось.

- Ша вь..бу!

- Серег! А я за своего тезку пойду!

- Не, Ма...

Макс одним прыжком преодолел лестницу, схватил Серегу за шиворот и отшвырнул назад. Тот приземлился на горку, перелетев площадку, и съехал вниз. Макс прыгнул обратно и на большой скорости поехал ногами вперед. Серега в последний момент увернулся. Макс устроил фонтан снега ботинками, пока тормозил. Потом поднялся и хотел было опять схватить Секса, но тот оказался проворнее и запрыгнул обратно на горку. Макс за ним. Серега, с отчаянным воплем, опять сел на горку, но обидчик в последнее мгновение дернул его за плечо. Тот поехал не той стороной и ударился спиной об лед. На этом «казнь» завершилась.

Макс вернулся ко мне и продолжил беседу.

- Где ты учишься-то? - было видно, что он заинтересован.

- Тут, через дорогу.

- Понятно, в 137-ой?

- Да. А ты?

- Дальше по дороге. В 26-ой

- Понятно. А ты знаешь Санька?

- Какого Санька?

- Он тут живет. В этой общаге.

- А фамилия у него какая?

- Не знаю. Он со Славиком водится.

- С Зотиком?

- Да.

- Зотика знаю, а его нет. А что?

- Просто.

- Идем к нам, на горку.

- Пошли.

Я перелез через трубы и направился следом. Мы стояли на горке до позднего вечера, смеялись, разговаривали. Но мне в этой компании было как-то непривычно. Макса сильно волновала проблема драк, хотя нет - слово «волновала» здесь не подходит. Вер-

нее сказать - интересовала. Он постоянно задавал вопросы одного типа: «а ты Зотика выхлестнешь?» «а его (Серегу) выхлестнешь?» и т. п.

Мы разошлись часов в десять, когда на улице было темно, хоть глаз выколи. Но я не стал спрашивать адрес или телефон Макса, решил сначала приглядеться, что он за человек. Мы договорились, что встретимся завтра в час на этой горке.

Утром я проснулся неохотно (как и всегда), но встал и отправился в школу. Несмотря на то, что я пробыл в этой школе всего один день, мне уже хотелось из нее уйти. Я боялся. Я действительно очень боялся. Что бы вы там себе ни думали, но я имел полное право бояться за свою жизнь. Если эти дети с такой легкостью могут швырнуть тяжелый стул в спину, то что им мешает убить непонравившегося одноклассника. Тем более, новенького нет, новичка.

Я и не заметил, как оказался в раздевалке. Сняв одежду, я отправился наверх. Первым уроком был русский, и я уже знал, где это. Это 4-ый кабинет на первом этаже, рядом с выходом из раздевалки. Остановившись перед дверью, я задумался. А что, если я войду, а они начнут смеяться, оскорблять меня? Что если будут провоцировать меня на драку? И что будет, если их ожидания не оправдаются?

Я старался избавиться от этих мыслей, но они не желали уходить. Тут я увидел, что идет девочка из нашего класса, и, не раздумывая, открыл дверь и вошел. Все чувства и инстинкты были на пределе, я был готов нагнуться при свисте летящего стула. Но я ошибся. Ничего не произошло. Все мирно разговаривали. Отправился на свое место к Паше, который еще не пришел. Я сел, достал учебник, и стал смотреть по сторонам. Мне было хорошо видно весь класс. Я сидел на второй парте центрального ряда и мог видеть всех учеников. На первой парте левого ряда сидело оно. Новенькое грызло ручку и ковыряло дырку в кофте. Я никогда раньше не видел таких маленьких и тоненьких людей. Рядом сидел тот самый Никита в новых очках.

Наконец в класс вошел Саня. Я впервые увидел его без шапки, и мне показалось, что это не он. Его надутые щеки и черепашня мордашка совсем не гармонировали с очень короткими светлыми волосами и выдающимся затылком. Форма его головы напоминала бобовое семя.

Оказалось, что он сидит на последней парте левого ряда. Того же, где и новенькое. Я до сих пор не свыкся с тем, что это была девочка.

Саня увидел меня только когда сел. Он опять встал и пошел. Мы пожали друг другу руки и завели беседу.

- Слушай, а это, правда, девчонка? - я ткнул пальцем в него.

- Это Хачик.

Хачик ковыряло в носу тупой стороной ручки. Саня достал из кармана комок бумаги и запустил в него-ее. Оно-он-она, с перепугу, сунуло ручку так глубоко, что даже не смогло вскрикнуть - дыхание перехватило. Мне должно было быть жалко ее?.. Может быть. Но я смеялся. Смеялся со всеми вместе, и не потому, что

боялся быть белой вороной, а потому, что было смешно. Да-да, мы садисты-малолетки и идиоты, издевающиеся над слабыми. Я знаю. Но было смешно!

Тут в класс вошел Паша и тут же упал. Он приподнялся, держась за грудь, а сзади в дверях появился Эльдар. Мне Паша вчера сказал, что его так зовут.

- Понял?! - крикнул он.

- Иди ты! - Паша попытался лягнуть Эльдара ногой, но лишь чуть-чуть задел его.

- Ох.ел, что ли?! - Эльдар пнул Пашу по ноге, - стрела тебе.

Услышав эту фразу класс взорвался криками и овациями. Шум и гам продолжались очень долго. Я решил, что лучше мне тоже знать, что это за праздник.

- Сань, что все орут-то?! - я еле-еле перекрикивал ор.

- П..здилка будет!

- Что?!

- Драка! ДРАКА!!!

- Пашок и Эльдар?!

- Да!

- А почему? То есть, откуда все узнали?

- Что?!

- Откуда все решили?!

- Я же говорил, что ты странный!!

- И что?!

- Забить стрелу, значит ну, типа как на дуэль вызвать, или вроде того!!!

Всего лишь пятый класс - подумал я - и уже всякие дуэли.

- А почему все радуются-то?!

- Ха-ха-ха! Ты реально странный. Я даже не знаю, как тебе объяснить. Это вроде того, когда ты ждешь клевый киношник по телеку. Типа как зрелище!!!

Шум длился еще долго. Он прекратился, только когда вошла учительница. Урок ничем не отличался от остальных. Обыкновенная провинциальная школа. Так прошел весь день. Когда уроки кончились, весь класс помчался в раздевалку. Никто не хотел опоздать на зрелище. Все оделись и стали подниматься. Два «дуэлянта» шли раздельно. Оба молчали. Весь день они не разговаривали. Саня - «Трепещите!», тот самый, что избил Никиту, шел впереди всех, как центурион, ведущий армию в пекло.

От входа в школу мы повернули налево, и пошли вдоль школьного палисадника. А за следующим поворотом (опять налево) остановились. Я огляделся. Мы стояли на безлюдном тротуаре, разделяющем школу и ее забор. Дверей тут не было, только, как я потом узнал, окна кабинета труда, которые изнутри загораживали станки и фанера. Никто не мог нас видеть. Был почти весь класс, даже девчонки. Толпа образовала круг, в центре которого оказались Пашок и Эльдар. Они смотрели друг на друга с минуту, а потом...

Все шептания и разговоры прекратились - Паша нанес первый удар. Эльдар увернулся и неуклюже махнул рукой. Паше даже не пришлось уворачиваться - удар все равно был неточным. Это позволило ему перехватить инициативу, и Эльдар получил сильный удар в зубы.

Я ходил вокруг этого круга и смотрел с разных сторон. Все были увлечены дракой настолько, что даже позабыли выкрикивать подбадривающие реплики. Я увидел другого мальчишку, который тоже бродил вокруг. Я еще не знал, как его зовут, но надо было что-то сказать.

- За кого болеешь? - тупо спросил я.

Он проигнорировал вопрос. Но, сделав два шага, передумал. Круто развернувшись, он сказал:

- За кого за кого, за Эльдарика, конечно! - и пошел дальше.

Я вернулся к Саньку и встал рядом с ним.

- А ты за кого болеешь? - опять я задал тупой вопрос.

- Ни за кого, - просто ответил Саня.

Мы смотрели это еще минут пять. Потом я сказал:

- Сань, пойдем уже, а? - мне драка совсем не казалась увлекательной.

- Пойдем, - к моему удивлению ответил Саня.

Мы развернулись и пошли обратно к выходу из школы - только там был проход в заборе. Я хотел было повернуть направо - ведь там были наши дома, но Саня обернулся и спросил:

- А в магазин?

- Мм...

- Пойдем!

- За чем?

- А у тебя есть сигареты?

- Одна.

- А у меня есть десять рублей. Пошли!

Мы отправились в магазин. Минимаркет назывался «Утес» и находился на трамвайной остановке «Больница». Тут же протекала всем известная «Речка-Срчка» - нечто вроде наземной канализации. Трамвайный путь проходил через мост, на котором и стоял «Утес». Ближайший ее конец был возле магазина «Настенька». Там была решетка, которая пропускала содержимое этой канавы в более незаметную «обитель». Настоящая, черт возьми, река! Там даже рыбаки есть. Не верите?! Зря! Летом на пересекающих трубах сидят рыбаки разных возрастов и усердно удят. И удачно! Кто бы мог подумать, но там водятся караси! Ладно. Забудьте.

Мы вошли в минимаркет. Это был постный магазинчик, большую часть витрины которого занимали сигареты. Надо отдать должное, выбор был очень велик. Многих марок я даже не знал и никогда не видел. Саня отдал десятку и попросил «LD». Он положил пачку в карман и мы вышли.

- Слушай, тебе кличку надо «черепашка» дать, - начал я разговор.

- Пошел ты!

- Нет, серьезно. Ты и лицом похож и фамилия сразу черепашек-ниндзя напоминает.

- Ничего моя фамилия не напоминает.

- Да? А «пицца»? В твоей фамилии слово «пицца».

А они пиццу только жрали.

- Ну и что?

- Просто.

Мы пошли домой. Я зашел, поел и стал смотреть телек. Я ждал, когда же будет час, чтобы пойти на встречу с Максом.

В час дня я был на горке. Я даже не знал, что меня к ней тянуло. Но что-то, какое-то странное желание быть рядом с ним все же присутствовало. Общаться с ним. Желание иметь рядом сильного человека. Еще вчера я не был уверен, что приду. Но уже сегодня я не мог дожидаться, когда же будет час.

Вот пятнадцать минут второго, но его нет.

Уже двадцать. Блин!

Полчаса!

Блин, сорок минут! Где его носит?

Два часа. Его нет. Но

Вдали, со стороны аптеки, что находится намного дальше от школы, чем мой дом, показался силуэт. Да. Это был он. Он шел быстрым шагом, на лице серьезная мина. Находясь в двадцати метрах от меня, он обвел взглядом окрестности и подозрительно посмотрел на меня.

- Тут кто-то был? - спросил он серьезным, напряженным голосом.

- Нет. А кто-то должен был?

- Возможно.

- В чем дело? Ты какой-то не такой сегодня.

- Тут что-то не так.

- О чем ты?

- Говоришь, никого не было?

- Да, я...

- А это кто? - он смотрел за мою спину.

Я развернулся и посмотрел. На лавочке около двухэтажки сидели четыре парня и искоса поглядывали на нас.

- Не знаю. Я на них внимания не обратил.

- Пошли отсюда.

- Что с тобой? Кто это?

- Не знаю, я просто хочу погулять в другом месте.

Пойдем к твоему подъезду.

- Ну, хорошо, пошли.

Мы направились к моему дому. Парни продолжали сидеть. Они смеялись и разговаривали, и больше не косились на нас. Мы шли молча. На полдороге Макс остановился, повращал глазами и тихо сказал:

- Идем обратно. Я передумал.

- Да что все это значит?! - вскипел я.

- Пошли. На горке расскажу.

Когда мы пришли, на лавке никого не было. Мы залезли на горку и он начал рассказывать.

- Мы тут на днях одного паренька «е..нули». Сначала нах..ярили ему, потом обобрали. Сняли телефон, деньги, барсетку. А оказалось, он с зеленого форта.

- С какого еще форта? «Зеленого»?

- Ну, «зеленый форт» - это следующая остановка троллейбуса, третий дом по левой стороне, за ним коробка.* Там и есть «зеленый форт». Знаешь это место?

- Это то, где зимой на коньках катаются?

- Да-да, оно. Точно.

- И что в этом такого?

- То, что там и живет Крач.

- Да ты что! - Крач был злейшим врагом его авторитетного брата. Он мне об этом рассказал накануне.

- Вот-вот. Теперь он хочет нас выловить и вон глянь! - он развернул меня и показал пальцем. На лавке опять сидели парни. Те же парни.

- Это они?

- Видишь того? В синей куртке?

- Да.

- Это он.

- Крач?

Парень в синей куртке ничем не отличался от своих собеседников. Только, увидев, что мы на него смотрим, он решил этому воспрепятствовать. Что-то сказав трем напарникам, он встал. Они последовали его примеру.

- Уходим! - звонко шепнул Макс и схватил меня за рукав.

- Куда? - я был сильно испуган и растерялся.

- За черный гараж.

Черный гараж - это старое место, о котором знали очень не многие. Я удивился, откуда Макс о нем знает. Маленький черный круглый гараж, в котором стоял мотоцикл, находился между двумя другими и задом приходился в упор огородному забору. Там обычно все «прожирали» деньги и праздновали. Сзади него был наклонный выступ, который занимал почти всю стенку. На него надо было облокотиться, даже прилечь, и упереть ноги в забор. Если потесниться, там умещалось четверо пацанов, и взрослые не могли их заметить.

Мы побежали туда. Длинная цепь гаражей, среди которых он и был, находилась прямо перед моим домом. Он забрался на него и ждал меня, но я никак не мог вскарабкаться. Я никогда не был крепким и сильным. Это мне мешало. Но он не стал смеяться или подбадривать словами. Он схватил меня за руку и с легкостью закинул на гараж. Я тогда подумал: «Какой же он, черт возьми, сильный!» Мы легли на выступ и стали ждать. Ждали около десяти минут, потом я спросил:

- И долго мы тут сидеть-то будем?

- Не знаю.

- Как ты хочешь от них оторваться?

- Не знаю.

- Может позвать кого?

- Нет.

- Но тут же общага рядом. Там, скорее всего, Колян и Ромик.

- Нет.

- Почему?

- Они услышат.

- А что тогда делать?

- Ждать.

- Кого?!

- Тихо...

Сзади послышался разговор.

- Ты их до вечера будешь искать?!

- Если понадобится.

- Какого х.я?! Иди и на..башь его брату!

- Нет. Так не пойдет, - голос был тяжелый, взрослый, и я понял, что Крач намного старше меня и Макса.

- А что тогда?

- Его братишка на второе. К тому же его надо выцеплять. Он все время в компании.

- А этому ты что хочешь сделать? Он же мелкий!

- Е..ало ему расшибу и хватит. Он тоже Леху п..здил! Они все получают свое.

Меня стала пробивать дрожь. Я никогда так не боялся.

- Но он не мог никуда деться. Он где-то тут. Может на крыше? - продолжал Крач.

- Дома? На крыше дома?

- Нет, осел, на крыше гаража.

Эти слова послужили для Макса сигналом. Он унул руку в проем между гаражами и извлек оттуда половину кирпича. Те стали шептать, и ничего не было слышно. Макс слепо кинул кирпич через себя. Послышался удар об асфальтированную дорожку перед гаражом. Очевидно, Макс промахнулся.

- Они тут где-то, суки! За гаражами! - злобно крикнул Крач.

Я услышал резкий шорох и понял, что кирпич отправился обратно. Я взглянул вверх и увидел, что кирпич летит прямо на меня. От испуга, я не успел среагировать, и он больно ушиб меня в ногу.

- Идем! - крикнул Макс.

- Куда? - прохрипел я, корчась от боли в ноге.

- В огород!

- Ты с ума сошел! Там в окне псих! Он стрелял в Коляна солью!

- Плевать! Быстрее!

Он схватил меня за руку и потащил в огород. Он наступил на забор, тот под его весом заскрипел и упал. Мы тоже упали. Макс поднялся, поднял меня, и мы помчались дальше. Вот виднелся второй забор, за которым огурцовые грядки. Дело в том, что в заборе была маленькая дырка, наскоро в которую пролезть не получится. Макс подбежал к ней и сильно ударил в забор ступней. Несколько досок вылетели прочь, несколько беспомощно повисли. Их он шибал кулаком. Мы пробежали по грядкам, топчя бывшие и будущие огурцы, и остановились перед последним забором, за которым была спасительная тропинка к детскому городку.

Вдруг сзади послышались выстрелы, вскрики, ругань. Похоже, те шли за нами, и псих со второго этажа решил поразвлечься.

Макс руками стал выдергивать доски. С огромным скрипом и шумом, но они поддавались. Наконец, он образовал достаточный проход, и мы побежали в городок.

Глава 4: «Шалаш»

Отдышавшись, я стал задавать вопросы, много вопросов. В основном, все они касались преследователей, но один вопрос был особенным и ответ был для меня весьма непонятным.

- А что твой брат авторитет что ли? - спросил я.

- Вообще-то так можно сказать. Ему 18 лет и он общается с крутыми парнями, - буркнул он, но не без гордости.

- А почему они его решили оставить напоследок?

- А тебе не плевать, что и почему они решили? Забей!

- Ладно-ладно. Пойдем, мне вчера Саня сказал, что тут на четвертом этаже живет. Я догадался, что вон те, - я показал пальцем, - это его окна.

- Че, орать его будем?

- Да, а что?

- Да, эти п..дарасы где-то тут. Они сразу прибегут. - Они уже ушли. Точно. Ты что, забыл, что их тот псих подстрелил?

- Ну ладно. Позовем. А кликуха у него есть?

- Можно, наверное, так сказать. Я ему придумал.

- Какая?

- «Черепашка».

- Да

- Что?

- Ничего, - он посмотрел на окно, - Санек! Саня!!!

- Сань!!! Черепашка!!! - заорал и я.

- Черепашкин! - кричал Макс. Я не знал, почему он вот так кричит, но исправлять его не стал.

Никто так и не озвучился. Мы кричали около десяти минут, потом вернулись на горку. Стояли, беседовали. Потом пришел Секс, потом Вова.

Вова - третьеклассник, фанат футбола. Так-то я с ним не общался, но он тут жил и для меня было вполне понятно, что он тут гуляет. И тут мне в голову пришла блестящая идея.

- Снег липкий! Давайте сделаем хату из снега! - крикнул я.

- Шалаш что ли? - переспросил Макс.

- Да! Скатаем комья и сунем под башню. Потолок есть. Останется только стены выровнять!

Рядом с горкой стояла башня. Ее «платформа» начиналась на высоте около метра, а то, что было до этой точки (типа «подвал») не было огорожено. Только четыре столба и платформа, которая сошла бы за крышу.

- А это неплохая мысль! - возрадовался Секс.

Нет. Это грубо. Лучше я буду дальше называть его по имени. Серега.

Мы приступили к работе. Все катали по большому кому и законченные оставляли у башни. Потом мы выставили их между столбцов и получили неуклюжие, непостоянные и уродливые стены. Тем не менее, через полчаса эти развалины превратились в ровные, красивые и гладкие борты. С одной из сторон был небольшой проем - дверь. Она заслонялась картонкой. Внутри все было очень красиво. Хата была на четырех человек - каждому по углу. Весь пол был застлан ровным, хорошим картоном. Красивые подсвечники, «выгравированные» на стенах в каждом углу придавали уют этому шалашу. Каждый обустроил свой угол так, как хотел. У меня был холодильник для лимонада и окно. Конечно, холодильником эту штуку назвать очень трудно. Это больше похоже на снежный цилиндр, у которого в центре яма для полторалитровой бутылки лимонада. Что-то вроде сумки для бутылки. Или вроде того. Короче, неважно. Забейте.

Те, у кого были свечки, сходили за ними. Сек есть, Серега принес три, а Вова - одну. Но всем хва-

тило. Мы поработали на славу. В шалаше было так уютно! Мы сидели, рассказывали истории и смеялись.

Наверное, прошло не меньше часа, но мы и не заметили. Наконец, я подошел к Макс и предложил:

- Может, выйдем на воздух?

- Пойдем, - он повернулся к остальным - мы не надолго.

Мы вышли на свежий воздух. После задымленной каморки этот воздух показался райским.

- Может, еще покричим?

- Не, не надо. Поздно уже.

- Да, наверное. Может

- Забей. Вон смотри! Это не он?

- Где?.. Да! Это он! Сань! Санек!

Саня огляделся и увидел меня. Я заметил, что он притормозил - внушающие страх размеры Макса явно насторожили его. Но он подошел.

- Привет, - сказал он мне и протянул руку.

- Привет. Это Макс. Знакомьтесь, - кивнул в сторону Макса, и они тоже пожали руки.

- Пойдем в шалаш, Сань! Там прикольно! - с восторгом крикнул я.

- Вы шалаш построили? Из снега?

- Там места не хватит, - холодно сказал Макс.

- Потеснимся. Он в мой угол сядет.

- Ну, пошли.

Мы пролезли в дверной проем, но все оказалось совсем не так плохо. Вова, оказалось, ушел домой, и мы легко поместились в комнате. Мы, как всегда, закурили и начали беседу. Точнее ее начал Макс:

- Сань, ты Секса выхлестнешь? - он искоса глянул на Серегу и глубоко затянулся. Мигающие огоньки свечек придавали шалашу вид магического дома.

- Ага, - издевательски ухмыльнулся Серый.

- Не знаю - Саня сразу смутился, невозможно было ожидать, что первым вопросом будет именно это.

- А его? - Макс ткнул пальцем в меня. На его лице заиграла знакомая незаметная улыбочка.

- Я тоже не знаю - он был в конце смущен, ему явно хотелось пойти домой.

- А меня? Ха-ха! - Макс широко улыбнулся и потушил окурок в снежной пепельнице.

- Ха-ха-ха - безразлично прыснул Саня. Он решил, что лучшим вариантом будет - повторить смех Макса.

- Да, ты прав, - заумным тоном проговорил Макс, - глупый вопрос.

- А ты Пашу Моторова знаешь? - спросил Саня Макса.

- Это ты мне? - ответил тот.

- Да.

- Конечно. Этот лох в твоём доме живет.

- Да. Ты его выхлестнешь? - Саня смотрел на Макса с откровенным любопытством.

- Этого лоха? Да, как не х..й делать! А что?

- Ничего, просто.

- Ты самый сильный в классе? - спросил я Макса, решил немного отвлечь его от Санька.

- Нет, наверное... не знаю.

- Наверное, да, - я начал льстить, чтобы предать атмосфере больше веселой энергии.

Мы долго еще просидели вчетвером. Секс задава... простите, Серега задавал мало вопросов. Точнее, вообще молчал. Мы общались втроем, а он просто сидел и слушал. Потом мы решили, что пора расколоться. Мы вылезли из шалаша, задвинули дверь картонкой и попрощались. Саня пошел к углу общаги, Серега за сарай - к желтым домам, а мы с Максом направились в сторону моего дома.

- Ты разве тут живешь?

- Нет, просто хочу еще прогуляться, вот и решил проводить. Домой неохота идти.

- Если хочешь, я с тобой еще погуляю.

- Давай. Может, вернемся в шалаш?

- Пошли.

Но не успели мы и шага сделать, как наткнулись на знакомого Максу парня. Им оказался его брат. Они о чем-то оживленно заговорили, и Макс решил показать ему нашу постройку. Мы двинули вместе.

Я издалека увидел фигуры вокруг нашего шалаша. Мне сразу стало не по себе. Они что-то там делали и кричали. Было темно, и я даже не мог понять, мужики это или парни. На более близком расстоянии я осознал, что они делают ни что иное, как рушат наше творение. Они нас не замечали, видимо здорово вошли в раж. Повсюду валялись снежные глыбы, шалаш был уничтожен...

Глава 5: «Леха и Крач»

Макс увидел, что там творится, и ринулся в битву. Его брат не отставал. Он (кто?) подбежал к шалашу первым и схватил одного из злодеев. Он взял его за плечи и толкнул-швырнул от себя. Тот ударился головой об основание башни, но устоял. Тогда Леха сильно пнул его по ногам и сбил. Но на этом он не остановился. Пнув его в бок, он нагнулся, приподнял за шиворот и бросил вновь на то же самое место. Возможно, это был ход, показывающий превосходство, но если учесть, что враг лежал на льду лицом вниз и не шевелился - ход вполне удачный.

В это время Макс «дубасил» второго. Он делал это как-то больно просто. То рукой, то ногой, то коленом. Но это, тем не менее, тоже имело свой успех. Его «клиент» был так ошарашен, что не мог сообразить, что надо делать - он просто неуклюже размахивал руками и тряс окровавленной головой.

Леха в этот момент красиво наказывал очередного злодея. Сзади на него попытался напасть еще один, но брат здорово сыграл пяткой: сначала ударил его промеж ног, за чем последовало моментальное сложение пополам, затем той же пяткой по лбу.

Тут случилось нечто неприятное. Максу не удалось удержать инициативу, и крепкий парень, явно крупнее и старше его, схватил его сзади за капюшон, и отшвырнул в сугроб. Леха это увидел, добил своего, и побежал на помощь. Оказавшись в непосредственной близости с обидчиком брата, Леха подпрыгнул, полетел ногами вперед мимо врага и обхватил его голову рукой. Прием был эффектным. Леха

приземлился на мягкое место, чего не сказать о его «спарринг-партнере». Тот плюхнулся лицом вниз и решил, что лучше будет не двигаться.

- Впечатляет, - послышался лилейный голос. Это был Крач. Он стоял около горки, метрах в десяти, поэтому мог легко убежать, если что.

- Х..й ли ты творишь, мать твою?! - закричал Леха.

- Я? А ты? Ты что делаешь? Леху вы накрыли неплохо, да? Он один был. А что же ты теперь жалуешься? - тут он посмотрел мне прямо в глаза, и мне стало страшно, какой-то инстинкт сработал и стал долбить: «он видел! видел мое лицо!» - А этот что, самый лох, что ли? Че он там стоит и глядит? Ждет, пока можно будет трубить победу?

В тот момент мне стало жутко стыдно. Я стоял и молчал, не мог даже возразить. Самый лох.

- Твой Леха - позорная крыса! Он, сукин сын, действительно крыса! Он был дома у Лысого, и сп..здил брошь его матери! За это он и получил! И ты получишь, тварь! Я тебе обещаю! Иди сюда!

Леха был на пару сантиметров ниже Крача, но по сложению гораздо крепче, хотя, чего там говорить, трудно судить, когда они оба в куртках.

- Знаешь что? - уже закричал Крач, - Я лучше подожду с твоим наказанием. Увидимся! - и он быстрым шагом скрылся за сараями.

- Ты как? - Леха легко поднял Макса из сугроба.

- Ничего.

Я боялся, что сейчас они начнут спрашивать меня, почему я стоял, почему не помог. Но я ошибался.

Я потом еще думал об этой ситуации. Не знаю, может, они просто из вежливости ничего не сказали, но ясно одно - мысль, которую высказал Крач была в головах и у Макса с Лехой. Самый лох.

Глава 6: «Завязка»

Часто я потом вспоминал этот случай. Весь вечер того дня я обдумывал его. Тревога моя усиливалась вместе с осознанием того, что Макс из «племени» сильных, и он уверен, что я тоже оттуда.

Утром я проснулся с неохотой, проще говоря, как обычно. Мне было интересно, что думает про Макса Санек, и еще больше мне хотелось рассказать ему, что произошло.

- Ну, как тебе Макс? - жадно спросил я, как только прозвенел звонок на первую перемену.

- Не знаю. Никак.

- Никак?! Не может быть.

- Слушай, не нравится он мне. От него - жди беды. Он только и думает о драках и разборках! Не надо, Макс, не водись с ним.

- Почему?

- Потому! Я тебе говорю, просто послушай меня!
- Нет, я так не могу. Ты не хочешь - не общайся, а я сам решу. Не вижу причин для волнения.

- Успеешь еще увидеть, успеешь...

Так прошло несколько месяцев. Брата Макса я больше не видел, на нас никто не нападал, но вот без Санька было скучно. Он не выходил гулять, ког-

да видел, что я с Максом, а Макс не был тупым идиотом и все понимал. Понимал все больше. Становился грубее, когда мы в очередной раз заходили к Сане, и все больше ненавидел его.

- И че ты общаешься с этим придурком? Он же debil! - гневно высказался Макс после очередного Санькиного отказа.

- Почему debil? - я как-то уже побаивался его, когда он был злым.

- Ну, смотри - я ему: «пошли гулять!», а он «не могу, я убираюсь», я: «потом уберешься, пошли!» а он: «нет, я хочу сейчас убираться!» Е..анутый! Не бывает пацанов, которые хотят убираться! Вот скажи честно, он ведь, сука, из-за меня не хочет идти гулять? - он пристально посмотрел мне в глаза.

- Ну, может...

- Только не п..зди, ради Бога!

- Хорошо, да, из-за тебя.

- Ну, скажи, с..анный в рот, почему?! Какого х..я он на меня обиделся?! Я что, его бил? Хамил? Унижал? П..дарас он, вот он, кто! Выйдет, я с ним поговорю...

Мне стало не по себе. Как там, говорится - под ложечкой засосало? Да-да, именно так. Я сказал, что это из-за него. Я подставил Саньку. Я спровоцировал его.

Солнце светило во всю, асфальт накалялся до такой температуры, что даже в кроссовках было горячо. Мы сидели на горке, крыша которой защищала нас от жары.

- Может, купаться пойдём? - спросил Макс, глядя на свои ботинки.

- Не знаю. Вдвоем?

- Нет, конечно! Сейчас зайдем за Тошей, за Колей и за Пашком.

- Каким Пашком? Моторовым?

- Е..анулся, что ли? Я с такими лохами даже не здороваюсь.

- А за каким же?

- За Ошуровым.

- Он в моем классе учится.

- Да-да.

Паша Ошуров - пожалуй, единственный, кто не уступал Саньку-«Трепешите!» по силе, власти и внушительности. Он был в нашем классе кем-то вроде бога для всех. «Хачик» - его раб. Он дал ей это имя, это звание. Он мучил ее, и часто доводил до слез и истерики. Бывало, она так злилась, что хваталась за стулья или другие близлежащие предметы, но это всегда заканчивалось плачевно.

Мы слезли с горки и отправились в общежитие - Ошуров там жил. Он открыл дверь с заспанными красными глазами и посмотрел на нас так, будто не видит ничего дальше собственного носа.

- Купаться идешь? - сразу перешел к делу Макс.

- Чего? Максим, ты ох..ел что ли? Я бббля, сплю ввообще!

- Забивай спать, пошли! Взбодришься!

- Да иди ты на х..й, «взбодришься!» Ддумай немного гголовой, Максим!

Меня немного озадачила его манера, или как это сказать, привычка, говорить полное имя. Я помню,

как в школе он всегда обращался к одноклассникам «Александр» или «Сережа». По-моему, в его возрасте (несмотря на то, что он второгодник) еще рановато переходить на официоз.

- За..бал, Паша! Идем! Сходим втроем!

- Втроем? О! - только тогда он заметил меня. - Максим! Здравствуй! - он протянул руку.

Но когда я подал ему свою, он очень сильно сжал ее. Излюбленный фокус. «Здравствуй-здравствуй!» - прикрикивал он. Тут вдруг Макс заломил ему левую руку за спину, а свободной перекрыл дыхание.

- Паша, сейчас довы..бываешься! Кончай! Пронулся? Давай выматывай!

- Отпусти еб..нутый, что ли?! Ммаксим!

- Давай, ждем на улице! - отпустил его Макс.

- Ладно-ладно, ссейчас выйду!

- Ох, бл..дь, может мне все пожелания в блокнотик запписывать?

- Не смешно. Мозги не еби. Быстрее давай.

- Идите, я сейчас.

Идиотизм, наконец, кончился, и мы стали спускаться по лестнице.

- А покрывало с полотенцем? - спросил я.

- А зачем? Ты купаться будешь, или загорать? Вот и я о том же.

Озеро было совсем близко, может километр, может и меньше. Но нам пришлось сделать крюк, не было сигарет. Наконец, после долгих мучений под палящим солнцем, мы шли по краю озера.

- Куда пойдём? - спросил Паша.

- На обрыв.

- Это где? - я о таком месте слышал впервые.

- Дальше по краю. Метров двести. Туда никто не ходит.

Место оказалось достойным внимания. Никого не было. Все тихо. А сам пляжик представлял собой яму. Нет, не то чтобы выгребную, просто берег в этом месте был высоким, а тут обвалился. Теперь это крутой песочный склон, уже известный, как «обрыв».

Мы разделись и бросили одежду на песок. Макс попробовал воду и крикнул:

- За..бись! Вода отличная.

Мы купались долго: сначала брызгались по-детски, потом догоняли друг друга. Дальше Макс и Паша стали бороться и топиться. Зрелище было веселым, и я не оторвался бы, если б не услышал голоса. Они приближались, и что-то кричали матом. Четверо парней - на вид класса седьмого. Они стали раздеваться неподалеку от нас, но нырнули не сразу. Сели на свою одежду и стали курить. Все почти лысые и с грубыми голосами, я был почти уверен, что они из приюта. Один из них, парень с низким маленьким лбом, сидел с баскетбольным мячом подмышкой.

Когда им наскучило разговаривать, они развернулись и стали наблюдать за битвой в воде, которая до сих пор продолжалась. Я, с некоторым страхом, понял, что они сильно пьяны. Со временем они увлеклись зрелищем и стали выкрикивать одобрительные реплики и улюлюкать.

Выкурив каждый по несколько сигарет, они, на-

конец, поднялись и полезли в воду. Самый высокий из них прихватил мяч. Макс и Паша, поразмыслив, вышли на берег. Четверо «гостей» швыряли друг другу мяч и что-то кричали. Но я их не слушал. Макс и Пашок стали тихо разговаривать между собой, и я прислушался.

- Это че за лохи? Ты их знаешь? - почти шепотом спросил Макс.

- Вроде, да. По-моему, это чушки с Шоссе.

- С какого? С этого?

- Да, с ближнего.

- И что? Будем сваливать?

- Максим, зачем? Они же нас не узнали, видишь?

- Все равно - лучше не рисковать. Может, послать его за моим братом? - он вильнул глазами в мою сторону.

- Нет. Не надо. Если что, потом им же хуже будет.

Дальше мы просто сидели и болтали о ерунде. Но, наконец, Максу опять захотелось купаться.

- Идем! - крикнул он мне.

- Не хочу, я просто посижу!

- Идем, сказал!

Меня передернуло. Он сказал это как-то странно. Я поднялся и пошел с ними. Мы играли в догонялки, потом Паша показал нам фокус, который мне очень понравился. Он уже почти докурив сигарету, окурок было пора выбрасывать, но он позвал нас и попросил смотреть. Он резко нырнул, и вынырнул через несколько секунд. И что вы думаете? Сигарета была сухенькой и горячей.

Потом Макс начал преследовать Пашу, находясь под водой. Они боролись и дрались, разбрызгивая воду. Макс вынырнул и...

Сильный удар вернул его обратно под воду. Это был баскетбольный мяч, которым играли пришельцы. Макс вынырнул вновь и резко повернулся к ним.

- Чего уставился? - спросил хозяин мяча.

- Это вместо извинения?

- Ха, было б за что!

На этом разговор закончился. Но через несколько минут тот же удар задел Пашу.

Ну, все, п.доры, веселье закончилось, - прогудел он и набросился на одного из них.

Я ожидал всего, что угодно, но только не этого - он стал его топить. Трое оставшихся встали как вкопанные. Долговязый вдруг получил своим же мячиком по роже и скрылся под водой. Это Макс взял забытый мяч и использовал его.

Драка скоро кончилась. Двое из тех, так и не начав драться, сбежали. Двое оставшихся сильно получили. Посреди драки я вылез на берег - наблюдать оттуда было гораздо безопаснее. Макс выволок своего на берег и пнул пару раз ногой. Тот все равно был уже не в состоянии даже подняться на колени. Пашин противник уплыл на другую сторону озера, и вылез на берег там.

Макс быстро оделся и сказал мне, чтоб и я потопрапливался. Мы опять шли вдоль озера.

- Почему все молчат? - невинно спросил я.

- Заткнись, Максим, - тихо проговорил Паша, даже не посмотрев на меня.

- Но...

- Заткни еб.льник! - крикнул Макс.

Вот тогда я заткнулся.

Глава 7: «Старая правда»

Я проснулся рано. Бабушка еще не приходила будить меня. Полежав пять минут, я скинул одеяло и встал. Жаркое летнее солнце пробивалось сквозь задвинутые шторы. Скрип пола под ногами был единственным звуком в квартире. Весь дом еще спал.

Я умылся и поставил чайник. На кухне занавески были полупрозрачными, и вся комната была ярко освещена. Я сел на стул и стал смотреть в окно. Я думал.

«Возможно, он был прав» - стучало у меня в голове. Саня тогда сказал: «еще поверишь», или как-то так. Вчера на озере ему было совсем не до меня. Это дело понятное. Но его взгляд. Его взгляд, когда он велел мне заткнуться - взгляд какого-то рабовладельца. Черт его знает! Трудно объяснить.

Я очнулся от мыслей и заметил, что вода уже изрядно перекипела. Я выключил плиту и налил себе кофе. Пока он остывал, я задумался опять. Теперь я пытался понять, как Саня сразу все понял? Как он раскусил его? Никак. Это невозможно. Совсем невозможно. Это ни в чем не проявлялось. Значит он просто выдумал, или испугался Макса. Может так, а может и нет. Ладно, хватит об этом.

Я стал потихоньку пить кофе, съел несколько печенюшек и отправился собирать портфель. Бабушка вышла меня будить и очень удивилась - обычно меня ничем не поднять. Я взял у нее семь рублей на завтрак в школе и вышел на улицу. Солнце оказалось ложным - было прохладно. Я наглухо застегнул рубашку и ускорил шаг.

В раздевалке было людно. Все разговаривали и кричали, короче, как обычно. Я разделся и пошел в 4-й кабинет на русский. Открыл дверь и увидел скопление народа у доски. Небрежно швырнув портфель на свое место, я пошел посмотреть, что там такое. В центре кучки стоял Паша Ошуров, а рядом, на коленях, Хачик. Она вся съезжилась и держала ладони над головой, будто Паша вот-вот ударит ее. Он слегка пнул ее по боку, но закричала она так, будто он ей пальцы сломал.

- Называть меня «Хозяин», понятно?

- Чво? - когда она говорила, она всегда как-то кривила губы, и слова получались с искажением.

- Них..я! - он пнул ее сильнее. - Скажи: «Простите меня, хозяин, я дура-е..анушка, них..я не понимаю!»

- Нет!

- Говори! Сука, ша те так въ..бу, что сразу все наизусть ввыучишь! Давай! - он пнул ее еще сильнее.

- Аааа!

- Что, «ааа»? Говори, ббббля! - он рывкнул на нее, как бешеная собака, и очень сильно ударил кулаком в спину.

Она закричала, зарыдала и быстро пробормотала:

- Прости меня, хозяин, я дура, я не понимаю! - и зарыдала еще сильнее.

Она хотела встать и, может быть, убежать, но Паша резко поставил ногу ей на плечо.

- Куда? Ееще рано, ты неправильно сказала.

- Отвали! - она попыталась стряхнуть его ногу.

На Пашином лице отразился секундный гнев, и он с такой силой и яростью пнул ее в бок, что у нее вместо крика вырвался короткий и шумный вдох. Она упала на бок и с воплем зарыдала.

- Говори: «Хозяин, пожалуйста, не надо!», сволочь!

- Аааа!

- Училка! - закричал Дима, который стоял у двери «на шухере».

- Встань, - спокойно сказал Паша.

- Аа...

- Если сейчас не встанешь, я сделаю очень больно.

Она поднялась. У меня слезы навернулись на глаза. Это маленькое, хрупкое и беззащитное существо, казалось, вот-вот упадет и разобьется на несколько осколков, как тонкостенная вазочка.

- Вытри слезы и сядь на место. Живо, - в его глазах было что-то, чего она боялась больше, чем ударов. Смерть. Взгляд зверя, готового в любой момент напасть. Взгляд зверя, ненавидящего всех, кто слабее его. Зверя, готового их убить.

Она повиновалась. Присев на стул за первой партой, она опустила голову и стала смотреть в парту. Учительница вошла. Сразу почуввав неладное, она остановилась у стола и пронизательно оглядела весь класс.

- Что произошло? - громко спросила она всех.

С разных концов комнаты послышалось: «ничего» и «почему что-то должно было случиться?»

- Что-то вы больно тихие, - она посмотрела на Хачика и тихо сказала ей: - Что? Что-то случилось?

- Нет, - сдержанно ответила та, не поднимая глаз.

- Значит, да. Кто? Кто из вас, придурков, все еще не понял? Еще раз я увижу или узнаю что-то подобное, виновник будет исключен, а те, кто будет его прикрывать, будут отчислены на два месяца.

Послышался взволнованный шепот, казавшийся криком после мертвой тишины. Учительница, конечно, ничего не поняла, почти ничего. Просто, как говорится, «взяла на понт» - излюбленный прием учителей, когда нет улик и доказательств.

Урок прошел спокойно, как всегда. Пара замечаний, несколько записей в дневник и, конечно, несколько двоек по поведению.

После звонка все поплелись по лестнице на географию. Хачик шла последней, боялась очередного инцидента. Кабинет был открыт, так бывало очень редко. Учителя не было, и в классе начался бедлам. Беготня, крики и мат - как всегда. Паша Ошуров что-то рассказывал Саньку - «Трепещите», но вскоре беседа закончилась, и он встал со стула. Подойдя к выходу, он взял из угла старую грязную швабру и намотал на нее влажную половую тряпку. Затем он развернулся, подошел к доске и стал смотреть на нее. Я увидел, что слева от доски висит зеркало, и догадался в чем дело. Паша резко развернулся и всунул

тряпку прямо в лицо Хачику. Все захохотали, а она взвизгнула и закричала: «Отвали, надоел уже!» Все умолкли. Тут Паша стал ритмично, то вперед, то назад, пихать тряпку ей в лоб, приговаривая: «Отвали-те, Хозяин, я дура-еб..нушка - них..я не понимаю!»

- Так надо говорить, сука, поняла? Отвечай!

- Да! - открыла она рот и получила туда тряпку.

Дальше я наблюдать не стал. Сел на свое место и задумался. Санька не было в школе. Но мне очень хотелось с ним поговорить. Я решил, что отправлюсь к нему после уроков.

Так я и сделал, хотя, когда уроки кончились, мне уже даже не хотелось идти дальше своего дома. Но я пошел. Пришлось. Нет, не пришлось. Просто не знаю, короче, просто пошел и все.

Я постучал к нему. Тут же послышались шаги и он открыл... Нет. Не он. Я весь как-то сконфузился или х..й его знает, все слова забыл! Короче, я остолбенел. Представьте, приходишь к другу обсудить другого общего друга, а этот общий друг открывает тебе дверь. Дверь квартиры твоего друга. Остолбенеть имел полное право.

- Какие люди! Заваливай! - весело заголосил Макс и убрался от двери в комнату.

Обычная общажная комнатка. Хотя нет, не обычная. Ремонт хороший, мебель новая, отличная техника. Мини-клевое-приличное жилье. Я разделся и тоже пошел в комнату. Там Макс и Саня дубасили друг друга подушками и от души веселились. Я вновь остолбенел. Не этот ли человек совсем недавно говорил мне, что с Максом лучше не дружить? И что? Теперь он играет с ним и радуется. В его глазах сверкают веселые искорки. Что за дерьмо?!

Я присел на край дивана и стал смотреть в потолок. По телевизору показывали клипы. Что же произошло? Как такое могло быть?

- Давай покурим, - предложил Макс Саньку. - А этому не давай, он не хочет.

Макс посмотрел на меня и как-то коварно улыбнулся. Мне стало неловко, но я не ушел и не обиделся.

- А мне и не надо. У меня есть.

- Ну и кури где-нибудь там, - Макс махнул рукой в сторону входной двери.

Они с Саней курили в открытое окно.

- Да, Максон, сходи вниз, туда, где мы вчера были, помнишь? Недалеко от консерва, тут места нет, - спокойно проговорил Санек.

- Помню-помню - невероятно, Саня поддержал Макса.

- О! - Макс увидел в серванте чашу с фруктами и тут же схватил ее. Без разрешения.

- Макс! Матери оставь хоть немного, - беспомощно пробубнил Саня.

- Захлопни варежку и дай поесть, - он посмотрел на меня. - Иди-иди.

- Пока, Сань! - тихо сказал я и развернулся.

- ПОКА-ПОКА, проваливай, б..ядь! - передразнил меня Макс и засмеялся.

- Ты что, совсем уходишь? - спросил Саня, покосившись на Макса.

- Да, пойду.

- Да, по х..й! Пусть е..ашит! - пробасил голодный.

Я не стал дальше слушать и быстрым шагом покинул квартиру. Я шел и изумлялся. Неввероятно. Это что, предательство? С обеих сторон? Черт возьми!

Я сделал крюк и пошел за сараями. Наши дома стояли близко, но я хотел покурить. Проходя мимо дома Хачика, я остановился. Из ее квартиры на втором этаже слышались крики. Она жила в маленькой старой двухэтажке, и старые стены давно уже хорошо пропускали звук через массивные трещины.

- Сколько раз говорить, не сиди на телефоне, е..аный в рот! Маленькая сволочь! - кричала ее мать.

Потом послышался глухой удар и сдавленный крик.

- Дрянь такая! - мужской голос. - Тебя, бл..дину, надо было в детдом сразу отдать. Где часы? Не знаешь? Не п..зди мне!!!

Теперь и удар, и крик были сильнее. Я поспешил пойти дальше. Домой. К бабушке. Домой. Мне было... черт возьми, как можно так обращаться с живым существом?!

Глава 8: «Шакалы»

На следующий день Саня опять не пришел в школу. На уроках я почти спал. Полностью улетучился в мысли. Учительница русского языка окликнула меня четыре раза прежде, чем я подал признаки жизни. Убедив меня, что деревья за окном, которые, якобы, я изучал, не представляют, ровным счетом, ничего занятного, она поставила мне двойку за поведение. Смотри на нее испепеляющим взглядом, и представляя, что бы я ей сказал, если бы осмелился, я опять начал уплывать в мир фантазий.

Учительница географии явно была недовольна, что ее нудный рассказ о коренных народах Африки меня не заинтриговал. Еще одна двойка за поведение.

Историчка, как и математичка, проигнорировала мое «отсутствие», но учительница по биологии разразилась гневной тирадой, начавшейся с моего безответственного отношения к учебе и закончившейся беспотковыми болванами (наш класс), с тем же отношением.

Претерпев все унижения молча, я наконец собрался и отправился домой. Даже курить не пошел! Дома я беспомощно рухнул на диван и стал смотреть в потолок. Все за..бали! - в гневе думал я.

Не знаю, сколько я там пролежал, но вскоре раздался звонок в дверь. Я не шелохнулся. Подошла бабушка.

- Кто там? - громогласно спросила она.

- А Максима можно? - глухо прогудел Саня.

Я, как из пушки, сорвался с места и побежал к двери.

- Тебя, - отрапортовала бабушка.

- Уже догадался, - съязвил я и уставился через порог.

Меня сильно потрянуло где-то под ложечкой. С Саньком стоял Макс, и оба еле заметно ухмылялись. У обоих на плечах были длинные бамбуковые палки. Удочки.

- Идешь? - спросил Макс.

- На рыбалку?

- Нет, на бл..дки! Идем, Сань, пока он стормозит, там всю рыбу поймают.

- Ну, идешь? - с надеждой спросил Саня.

- Н... ну... я могу пойти, но...

- Короче! - рявкнул Макс.

- Да-да, сейчас...

Я прикрыл дверь и стал одеваться. Удочки у меня не было, да я вообще ни разу не ходил тут на рыбалку. Я даже не знал, куда надо идти. Быстро одевшись, я крикнул бабушке, что ухожу.

- С кем? Куда? Когда придешь? - ожила она голосом из кухни.

- Никуда. Скоро вернусь, - я ступил одной ногой за порог, но...

Бабушка уже появилась из кухни.

- Дай-ка, я посмотрю, с кем ты идешь? - она оттиснула меня и просунула голову за порог.

- Ну, что тебе? - безнадежно прогудел я.

- Этого я знаю, это Саша. Да? А это кто? - она стала рассматривать Макса, который смотрел на нее уныло жующим взглядом.

- Это Макс, - безразлично сказал я.

Он явно уловил этот тон и перевел тот же взгляд на меня.

- Вы куда? На рыбалку? Где здесь рыбу-то ловить?

- На «собачке», - сказал Макс так, как разговаривают со стеной или с полным дауном.

- Ну ладно. Иди. Только недолго.

- Ладно, - сказал я, закрывая дверь снаружи.

- Сигареты есть? - сразу спросил Макс.

- Нет.

- И не проси.

- И не буду.

Молчание. Спуск по лестнице. Топот шагов. Саня не смотрит на меня. Возможно, чувствует вину.

Шли вдоль шоссе минут пять. Потом вдоль трамвайной линии. Вдалеке показался «Утес», стоящий вплотную к трамвайной остановке. Когда мы приближались к нему, я ускорил шаг.

- Ты чего? - сразу вгрызся Макс.

- Зайду в «Утес». Сигарет куплю.

- Ты сказал...

- Что у меня нет сигарет. Но я не сказал про деньги. А ты и не спрашивал.

Возразить было нечего, но остаться без ответа Макс не мог.

- Пидр, - просто выразил он свою мысль.

Я решил не нарываться и просто пошел дальше. Не хотелось лишиться последних десяти рублей.

- Что на этот раз? - мягко спросила блондинка-продащица и лучезарно улыбнулась.

- «Петр», - коротко сказал я и положил деньги на стол, похожий на кафедру в университете.

Она положила туда же пачку, взяла деньги и опять стала читать газету. Я вышел на улицу, догнал Макса и Санька, и двинулся дальше.

Спустя пять минут нудной дороги вдоль длинной цепи гаражей, Макс сказал:

- Дай сигарету, - даже не посмотрев на меня.

- У вас же есть.

- Дай, я сказал.

Вздохнув, я повиновался. Почему? Да, потому что боялся его до смерти. Он всегда был каким-то угрожающим, но последнее время вообще внушал ужас.

Наконец, вдалеке показалось озерцо. Я вспомнил его, и понял, почему Макс назвал его «собачкой». Это было собачье озеро - там их выгуливали и купали. Вдоль берегов сидело множество мелких фигурок.

Вскоре мы подошли. Зрелище напоминало уикендный поселок. Кто-то курил, кто-то жарил на маленьком костерке сосиски и хлеб, некоторые увлеченно закидывали удочки и обсуждали уже пойманное. Мы пошли вдоль берега, и я стал разглядывать всех внимательнее. Прошли мимо старика, курившего древнюю трубку и сидящего на табурете. Рядом с ним лежал пакет, на нем журнал «Рыболов», буханка ржаного хлеба, чай в бутылке из-под «колы» и пакетик с сахаром.

За ним сидела компания студентов. Все резво переговаривались, крыли друг друга матом и жгли большой костер.

Следом сидели на траве два мужика. Они вообще не ловили рыбу, просто сидели и разговаривали.

Мы долго шли, пока не отыскали свободное место. Раскладывать «лагерь» мы не стали, просто сели поуютнее и Макс с Саньком, насадив червяков, забросили удочки. Спустя где-то двадцать минут они уже поймали десятка два мелких рыбешек и оживленно обсуждали, кто и с какой ловкостью вытащил последнюю. Со мной они как-то и не разговаривали. Да я и не огорчился. Просто сидел и смотрел, как другие вытаскивают одну за одной.

Мой взгляд упал на противоположенную сторону озера. Я сразу напрягся. Из недостроенного здания вышли четверо пацанов лет по 12. Они были плохо одеты и держали в руках целлофановые пакеты. Я сразу узнал их и понадеялся, что сюда они не пойдут.

Таких ребят все боялись. Они никогда не бывают дома, сидят в подвалах и нюхают клей. Нападают на всех подряд и отбирают деньги. В каком-то смысле они бомжи. Их все стараются обходить стороной.

Шакалы.

Они направились вдоль берега, и я с ужасом понял, что скоро они будут около нас. Я сделал вид, что хочу пройтись, а сам присел подальше от Макса и Санька. Они так громко разговаривали, что легко могли привлечь их внимание. Я сидел и ждал. Меня трясла какая-то мелкая дрожь. Я всегда боялся таких типов. Боялся больше, чем Макса.

- Дай сигарету, - прохрипел кто-то у меня за спиной.

Я отвернулся от Макса, на которого смотрел последние пять минут, и остолбенев, осознал, что в метре от меня стояли они. Сигарету у меня попросил боллезненного вида подросток, с хриплым сухим голосом и мутными глазами. Я протянул ему прошенное.

- И че? - он посмотрел на меня таким взглядом, будто готов перегрызть шею. Меня стало трясти еще сильнее.

- Что? - спросил я, стараясь придать лицу озадаченность.

- Ты мне дал одну, а нас четверо! Ты че, тупой? Тебе вьб..ть?

Я протянул ему еще три.

- Давай сюда все, за наглость, - он протянул руку.

Я отдал ему все сигареты.

- Деньги есть? - спросил он, пересчитывая сигареты в пачке.

- Нет.

- П..здишь! - ввязался в разговор его гнилозубый друг.

- Нету у меня, - никак не получалось лицом выразить твердость.

- Без крыс, без мусоров? - спросил первый.

Я знал, что за этим следует. На уголовных понятиях не знаю, как у взрослых, но у нас так «крыса» и «мусор» - люди, которые воруют у друзей, или обыскивают. Как-то так. Но если задал такой вопрос и «подсудимый» согласился - обыскивать можно.

- Да, - ответил я, придав голосу крайнюю озадаченность.

- Всяко, у тебя есть деньги, - сказал он холодно, спокойно.

- Нет, - ответил я еще тверже.

- Если найду хоть рубль, е..альник бью?

- Да.

- Да? - ухмыльнулся он.

- Да, - тупо повторил я.

- Ты что-то хотел? - из-за моей спины вышел Макс.

- А ты кто такой? - шакал явно не ожидал такого поворота событий.

- Тебя еб..т, кто я такой? - Макс улыбался своей еле заметной ухмылкой - коронный номер.

- Не груби, - сказал шакал. Он явно не испугался.

- Кому? Тебе? Да, кто ты такой, что б мне указывать?! Что тебе от него нужно? - он мотнул головой в мою сторону, и я почувствовал прилив благодарности.

- Не твое дело! - пропыхтел гнилозубый.

- Ты вообще рот закрой! - рявкнул Макс, и все четверо как будто пошатнулись. - Так что ты там от него хотел?

- Послушай, тебе ведь не нужны неприятности, правда? - с надеждой спросил шакал. Мне хотелось усмехнуться, но я воздержался.

- Ха! - зато Макс не стал сдерживать смехок. - Мне? От тебя? Приводи хоть всю свою кавалерию, мне ПОХ..Й! Всех бомжей, шакалов, крыс и пид..ров района веди!

Шакал остолбенел. Вряд ли на его памяти был хоть один случай, когда при его упоминании о своей «крыше» кто-то насмешливо советовал, кого привести.

- Что ты от него хотел? - Макс повторил вопрос в третий раз.

- Сигарету стрельнул! - огрызнулся он.

- Дай пачку, - сказал Макс. - Посмотрим, сколько вам надо, что бы накуриться? Сигарету говоришь, всего одну?

Макс посмотрел на меня. Я на него. Он улыбнулся чуть шире, я пожал плечами. Он догадался!

- Ах, вот оно, что! Ну-ка дай-ка сюда пачечку, - сказал ему Макс таким тоном, как дразнят младенца.

- Слушай, ты меня за..бал, свали отсюда, пока мы добрые! - в миг осмелел шакал.

Мне опять стало страшновато.

- Да ты что? - Макс, как ни в чем не бывало.

- Слушай, пожалеешь ведь! Иди гуляй! Я сейчас...

Договорить он не успел. Я даже не понял сначала, что произошло. Крик, стук, брызги.

Потом я осознал. Шакал в воде у берега, Макс стоит и широко улыбается. С костышек правой руки к земле тянется липкая нить темной крови. Шакал в воде стал подниматься, но Макс сразу ударил его пяткой в лоб. Он полностью скрылся под водой.

- П..здец ему - прошептал гнилозубый своему другу.

К его сожалению, Макс услышал.

- Может от него? - Макс показал в сторону воды и хохотнул. - Или от тебя?

Неожиданно Макс сделал резкий выпад вперед и оскалил зубы. Оставшиеся шакалы тут же отпрыгнули. Догадавшись, что он их просто шугнул, я тоже стал хохотать, как Макс.

Не обращая больше на них внимания, Макс поднял с земли пачку, которую шакал уронил во время удара и протянул мне.

- Нет, возьми, - отказался я, - без тебя, у меня бы ее вообще не было. И...

Я не смог сказать ему «спасибо».

Ненасытный шакал опять вылезал из воды. Макс медленно подошел к нему и с такой силой пнул в голову, что тот сразу потерял сознание и рухнул на грязную траву ниц. Вся его правая рука опять оказалась в воде. Макс кинул ему на спину свой окуроч и плюнул в его сторону.

- Почему ты так...? - вырвалось у меня.

- И это первый вопрос, который пришел тебе в голову? - ухмыльнулся Макс.

- Ну... последние дни ты... вы... я не знаю. Как-то не так.

- Это же все шутка. Ты принял все всерьез? Я просто всегда, как тебе сказать, - тестирую новых знакомых. Или вроде того.

- Понятно. И... я...

- Это не обязательно. Мы не в светском зале.

- Да, понятно.

И волна хорошего настроения нахлынула на меня с такой силой, что не знаю, просто нахлынула! Эта дружба стоит того!

Мы развернулись и пошли обратно к удочкам. Макс еще раз выругался по поводу этого шакала и стал выманывать рыбу, мелко тряся поплавок.

Вдруг что-то как-то... какая-то неведомая сила заставила меня обернуться и посмотреть за спину. Наверное, эта же неведомая сила и ужаснуться меня заставила. К нам направлялся тот самый шакал, в руке у него серебрился длинный раскладной нож, а на лице играла злорадная усмешка. Он шел быстрым шагом и готов был вот-вот наброситься, но что-то, наверное, та же неведомая сила, ударила его в ухо с такой силой, что он сразу выронил нож и накренился в сторону. За его спиной стоял Леха, брат Макса, и потирал кулак. Увидев, что враг падает, он ловко поймал его

за шиворот и удержал. Потом вновь ударил, но теперь уже между лопаток. Шакал на скоростях рухнул вниз лицом и застонал. Леха поднял нож, присел рядом и поставил ему колено на спину. Затем, подняв его голову за волосы, он приставил нож к горлу и спокойно, как будто предлагал выпивку, спросил:

- Перерезать?

- Нет, - закричал шакал.

- Почему? - все так же спокойно говорил Леха.

- А? А-а-а-а!

После вопросительного «А?» Леха прижал нож сильнее, это было сразу заметно: вена на тыльной стороне ладони Лехи надулась сильнее, а морщинка от приставленного ножа удлинилась. За этим сразу последовало восклицательное «А!»...

- Ты плохо слышишь? - монотонно говорил Леха.

Я заметил, что половина лиц на озере была обращена к нам.

- Нет, - сдавленно прохрипел шакал.

- Правда? А зачем переспрашиваешь? - его голос все больше напоминал «осторожно, двери закрываются, следующая станция»

- А-а-а! - морщинка покраснела.

Мне стало страшно. Вдруг он убьет его?

- Подаришь мне ножичек? - усмехнувшись, спросил Леха.

- Дда...

- Благодарю. А теперь уматывай и больше не возвращайся. В другой раз, если ты увидишь меня позже, чем я увижу тебя, ты даже не успеешь об этом пожалеть.

Даже по раскрасневшемуся лицу шакала и несмотря на гримасу боли можно было угадать, что он сильно озадачен этими словами.

Леха встал, поднял за шиворот шакала и проводил его взглядом.

- Чой-то он? - по-деревенски глупо спросил Леха.

- Нарвался на меня. Я ему вь..бал, вот и отомстить хотел.

- Понятненько.

- А круто ты его! - с восторгом проговорил я.

- Если б не я, то он «круто вас»! - усмехнулся Леха и пошел прочь с озера.

Меня почему-то не покидала мысль: «Если бы не было зрителей, он бы его убил».

- Чертовы шакалы, - почему-то сказал я, и тема была закрыта.

Глава 9: «Апофеоз наглости»

Так прошло еще несколько месяцев. Летние каникулы пролетели очень быстро, совсем незаметно и вот мы шестиклассники.

Первого сентября мы вообще в школе ничего не делали. Все целыми часами обсуждали, что они делали летом и как. Я сидел и рассказывал Саньку (то есть врал), какие дорогие модели конструктора «Lego» у меня были и сколько они стоили. Потом он рассказал (наврал), какие были у него. При таком шуме заниматься было невозможно, и учителя, урок за уроком, оставляли попытки кричать и просто начинали заниматься своими делами.

После уроков мы, как всегда, двинули в «Утес». Там рядом, в десяти метрах за ним, почти впритык к высокому строительному заграждению, стояли три гаража. За ними курили все, кто после уроков ходил в «Утес» за сигаретами. Мы постояли там минут двадцать, обсуждая разную ерунду и отправились к Саньку.

Я уговорил его не открывать никому дверь: «Типа нас нет, и все!» и Мы спокойно сидели весь день. Сначала мы играли в «Lego» (старые драные модели, сваленные в один пакет), потом поели картошку с кетчупом и сели смотреть телек. Показывали очередной клип «Дежда», и мы стали обсуждать его и его стиль - этот «РЭП» и «ХИП-ХОП».

После клипов начался сериал детских ужасиков «Мурашки». Мы увлеченно смотрели его, выбрасывая изредка реплики: «Беги!» «Сзади!» и «Он что, еб..нутый?»

Спустя где-то час, в комнату постучали. Я насто- рожился.

- Не открывай! - звонко прошептал я.

- Почему?

- Мы же хотели...

- Да, ладно! Забей!

- Не надо, Сань! - безнадежно крикнул я, но было поздно.

Саня открыл дверь и в комнату вошел Макс.

- Привет, девочки! - жизнерадостно поприветство- вал нас он.

- Пошел ты! - чуть обиженно крикнул Саня.

Макс тут же отвесил ему тяжелый подзатыльник и сказал:

- Меня не посылать, понял? - он опять лучезарно улыбнулся и подошел ко мне.

- Ты как?

- То есть?

- Просто.

- Нормально, а что?

- Ничего.

Этот несодержательный диалог мне очень и очень не понравился.

- Сань, давай пожрем! - почти приказным тоном пробасил Макс.

- А мы уже жрали, - невинно пробубнил Саня.

- А мне уже пох..й! Давай жрать!

- Нет.

- Что значит «нет»?

- То и значит!

Макс взял подушку и сильно запустил ей в Сань- ка. Тот неуклюже увернулся и крикнул:

- Мне пох..й, Макс, если что-нибудь разобьешь, я матухе скажу!

- Не скажешь!

- Скажу!

- Спорим, не скажешь?

Санек был озадачен этим вопросом настолько, что даже не нашелся, что ответить.

- Ну, дай пожрать, че те, жалко, что ли? - повто- рил просьбу Макс.

- И че, ты один будешь есть?

- И ты тоже не ссы, и ты тоже, - сказал он повер- нувшись ко мне.

- Нет, мы уже ели.

- А я нет.

- Иди домой, там и поешь!

- Сань, ты че-то наглым становишься!

- Это ты нагл...

- Заткни еб..ло, не то п..здюлей закачаю! А, мне пох..й, я сам возьму...

Макс резко вскочил и помчался в прихожую, в который был стол-кухня. Он взял оттуда кастрюлю с картошкой, залил туда кетчуп и вернулся на диван.

- Макс! Это матухе надо оставить, ты совсем что ли? Макс!

- Иди на х..й!

- Макс! Оставь! - Саня попытался выхватить у Макса кастрюлю.

- Иди на х..й, сказал! - злобно взревел Макс.

Такая ярость в голосе явно напугала Санька.

- Макс, ну оставь! Что я ей скажу?

- Что ты есть хотел!

- Нет, я...

- Да, так ты и сделаешь.

Дальше мы молча смотрели какой-то фильм. Ког- да Макс доел картошку, он поставил кастрюлю на тумбочку, которая, к слову, стояла в упор к дивану. Взглянув на Саньку, он встал и пошел в коридор.

- Эй, хватит, Макс! - отчаянно крикнул Саня.

- Да, я просто в кармане куртки кое-что возьму!

- А, тогда ладно... - было заметно, что у Санька будто «гора с плеч». Он сразу стал как-то менее на- пряженно смотреть в экран телека.

Но Макс вернулся из коридора с очередной тарелкой. Дело в том, что занавеска, висящая в двер- ном проеме, не могла позволить нам увидеть, что Макс делает в коридоре. Саньку пришлось полагать- ся только на его слова.

В его тарелке было два банана, несколько пече- ний, какие-то конфеты и здоровенное яблоко. Он лег обратно на диван, не сказав ни слова. Быстро умял первый банан, съел несколько печенюшек, откусил от яблока и протянул мне второй банан. Я взял его в руку и посмотрел на Макса, как на... ладно, пропу- стим этот момент.

- Можно? - спросил я Саньку, вильнув над голо- вой бананом.

- Да, - сказал он каменным тоном, смотря на Макса как громом пораженный. - Ты же сказал...

- Иди на х..й! - просто ответил Макс.

- Че «на х..й», ты же сказал, что не будешь брать. Ты, получается, п..здабол!

- Я те час еб..льник расшибу! Кто это п..здабол?! Я п..здабол?! Ты иди на х..й, понял! Я те про еду ничего не говорил! Я только сказал, что сигареты возьму из куртки, а про еду я вообще ничего не говорил, сука! Еще раз рот откроешь, я тебя отротаню здесь!

Термин «отротанить» на языке подростков озна- чал «сделать ротаном», что в свою очередь тоже име- ло определенное пояснение. Ротан - это, как бы ска- зать повежливее... ну короче, не знаю правильно ли так говорить, но, это тот кого орально унизили.

Саня весь как-то поник. Он больше не стал ниче- го говорить. Просто сидел и смотрел в телевизор.

- Идем курить, - сказал Макс мне.

Я тут же представил себе прошлый год, лето прошлого года. Тогда я был на месте Санька. Все было точно так же... ну, почти.

- Идем, - выдохнув, сказал я.

Мы вышли из комнаты. Спустились по лестнице и прошли мимо консьержа. Возле второй лестницы был рабочий чулан и батарея. Там все и курили.

- На фига ты так делаешь? - спросил я Макса.

- Ну, ты мне шас морали будешь читать?

- Нет, просто. Он же тебе сказал, что это для мате...

- Еб..ло закрой, хватит на эту тему.

- Ладно-ладно, - я попытался улыбнуться, но не смог.

- Саня тупой какой-то. Я ему говорю: «дай пожать!», а он мне: «это *матухе*, это *матухе!*» - передразнил его Макс. - Матуха, бл..дь, ха-ха!

- И че такого? Если это матери, то тут хоть «матухе», хоть «маманьке» - это смысла не меняет. Надо оставить матери.

- Да, я его что, материну долю штоль отдать прошу?! Мне пох..й, что там для матери! Пусть другое даст! Он тугой! ТУГОДУМ, бл..дь!

- Чего ты сердисься?

- Бесят меня такие тупицы, как он!

- Ну дело твое, - я хотел сказать, что Саня вообще не обязан ему ничего давать, но, вот, смелости не хватило.

- А ты бы дал мне еды, если бы так же у тебя дома было? - резко спросил он.

- Я? - именно этого вопроса я и боялся.

- Да.

- Не знаю. Смотря, в какой ситуации.

- В точно такой же!

- А откуда ты знаешь, может у него ничего, кроме этого, не было?

- И?

- И то, что ты сказал: «пусть даст что-нибудь другое. То, что не для матери!» Вдруг другого ничего не было! - рявкнул я. Мне очень не хотелось отвечать на такой вопрос, адресованный мне.

- Ты за..бал! Напридумывал больно много! - он явно не был готов к такому развороту темы.

- Это ты напридумывал! Сразу на меня перешел! Вот когда у меня такое будет, тогда и узнаешь! Откуда я знаю, сколько у Санька еды и кому она адресована?! Уж явно не тебе!... - че-то меня забросило далеко.

- Палку не перегибай, бл..дь! И не ори на меня!

- Ладно.

- То-то. А Саня когда-нибудь п..зды получит хорошенько. Я домой.

Макс выбросил сигарету и стал подниматься обратно к Саньку, оставив меня наедине с мыслями.

Глава 10: «Обратного пути нет»

Я был запутан по полной программе. Кто на чьей стороне? Почему Макс дружит то со мной, то с Саньком? И вообще, что ему от нашей дружбы? Да-да, именно так я и думал последние дни: он старше нас,

он сильнее нас, у него другой характер и другие интересы. Что же он такого в нас нашел? Этот вопрос мучил меня еще долгий-долгий год...

Я опоздал на первый урок минут на пять и сесть за одну парту с Саньком мне не удалось. Я отсидел урок русского, не зная, куда деваться. Учеба никак не хотела занять мою голову как и всегда. Наконец прозвенел вожделенный звонок и я бросился к Саньку.

- Я хочу напомнить, Кулаков, что звонок с урока для учителя, а...

«на урок для учеников» - подумал я, успев выучить эту фразу за прошлый год обучения в этой школе наизусть. Мне пришлось сесть на место. Училка, черт ее грызи, заняла от десятиминутной перемены все восемь, задавая задание на дом и рассказывая, как с ним разделаться.

Наконец, она отпустила нас, и я вновь ринулся к Сане.

- Что он так взелся? - выпалил я.

- Кто? - глупо спросил Саня и, не глянув на меня, принялся собирать портфель.

- Макс, кто! Чего он вчера...

- Тихо... потом поговорим.

Я замолчал и вспомнил, что сам не собрал портфель.

Мы вышли из класса вместе. Прозвенел звонок на урок.

- ...для учеников, - сказали мы хором и уныло захихикали.

- Пошли в столовку, скажем, что обедали.

- Айда.

Мы поднялись на третий этаж и, проскользнув мимо кабинета истории, запрыгнули в столовую. Я купил себе булочку и чай... эта мутновато-желтая вода, с двумя крупинками сахара, стоила 50 копеек! Это чай? Саня ничего не купил.

- А ты что?

- Я не хочу.

- Почему?

- Просто не хочу, - Саня опустил взгляд.

- У тебя же есть чирик.

- Эти десять рублей я должен, - изрек он заранее выученную фразу.

- Кому? - я сразу насторожился.

- Там... одному пацану.

- За что?

- За..бал, ты про что-то другое хотел поговорить!

- Да, что Макс так хозяйничает у тебя дома?

- У него спроси!

- Что мне у него спрашивать, дом-то твой!

- Просто так.

- Них..я себе! Не пускай его тогда.

- Ага, а о *последствиях* не думать?

- Хм... - я был искренне озадачен. Что-то тут не так.

- Вот именно.

- Можешь притвориться, что тебя нет дома...

- А если он потом случайно увидит, как я выхожу, мне п..здец, да? Спасибо, Макс, за помощь!

- Ты можешь ходить после уроков ко мне и сидеть сколько хочешь!

- Ты серьезно?

- Да.

- А мать твоя ничего, орать не будет?
 - Нет.
 - А моя стала бы.
 - А ее нет, забыл? Она в Москве живет и работает. Недавно уехала.
 - А, да, ты че-то говорил... ну, ладно, сегодня идем?
 - Пошли!

На географии сели вместе, в одиночку мы бы не справились с практической работой. Математика вышла тоже неплохо, нас обоих вызвали к доске и оба мы натянули по тройке. Затем была физ-ра, бегали пять кругов вокруг площадки в школьном дворе, подтягивались и даже покурили за кучей, в которую мы же закидывали опавшие листья во время уборки школьной территории. После физ-ры был последний на сегодня урок - литература. Весь класс попел дифирамбы Пушкину, и нас отпустили.

- В «Утес»? - спросил меня Саня после окончания урока.
 - А деньги-то есть? - я глянул на него очень резко и тут же отвел взгляд.
 - А у тебя?
 - Кому ты все-таки должен этот чирик? А? Я его знаю?
 - Нет... то есть, да... забей!
 - МАКСУ??
 - Да.
 - За что?!
 - Я ему нап..здил.
 - Нап..здил? НАП..ЗДИЛ??
 - Да.
 - И он взял с тебя за это чирик?
 - Нет.
 - А сколько из этого чирика твоих?
 - Я должен ему полтан.
 - Полтан... п..здец! Пошли его подольше... то есть, подальше! Кто он такой... Не отдавай ему!
 - Ага... это не ты ему должен, тебе легко говорить, а мне п..зды получать неохота!
 - Да ничего он тебе не сделает! Он не станет на тебя вы..бываться, ты его младше, а у него все по понятиям!
 - Так и есть... по понятиям он на меня деньги и повесил!
 - Полный... вообще. У меня есть 4 сигареты «Дуката» и все... а денег нет.
 - Ладно, нам хватит.
 - Да. Пойдем сразу ко мне. Если он зайдет, я скажу, что тебя нет.
 - Хорошо.

Мы пришли ко мне и стали смотреть телек. Посмотрев несколько мультиков, мы его выключили и стали баловаться с диктофоном. Мы записывали «передачу про аномальные явления», когда раздался звонок в дверь. Мы мигом притихли.

Бабушка, как всегда, бросилась к двери, чтобы первой узнать, кто там.

- Кто там? - услышали мы ее голос.
 - Максим дома? - сказали из-за двери приглушенно.
 - А кто это?
 - Максим дома? - громче повторили за дверью.

- Да-да, а кто это?
 - Позовите его.
 - Кто его спрашивает?!
 - Максима позовите, пожалуйста!
 - Максим, тебя! - крикнула бабушка.

Я поднялся с дивана и пошел к двери. Что меня там ждало, я не знал, но догадывался, кто.

Бабушка распахнула дверь и осталась слушать, о чем мы будем говорить.

- Можно нам поговорить? - спросил Макс, обращаясь к бабушке. Паша Ошуров, стоявший рядом с ним, противно ухмыльнулся.

- А что, я вам мешаю, что ли? - спросила бабушка.
 - Мы хотим о наших делах поговорить.
 - О, дела у них - недовольно пробурчала бабушка и нехотя удалилась.
 - Позови его! - грубо сказал Макс.
 - Кого?
 - Мозги не е..и, Максим! Быстрее, мы торопимся! - вставил Паша.
 - Да, кого?
 - Этого еб..натика, Санька! - почти крикнул Макс.
 - У меня его нет!
 - Максим, если он через четыре секунды не будет тут стоять, ты получишь п..здюлей на месте, - напряженно выговорил Паша.
 - Ты ведь не хочешь, что бы Саня п..зды получил, правда? И еще больше не хочешь сам получить? Тогда позови его молча и быстро.

Где-то с секунду я думал, потом пошел в комнату.

- Сань, это Макс, он хотел поговорить с тобой.
 - Бл..дь, - Саня неохотно встал и медленно двинулся к двери.
 - Да, - почти неслышно сказал я и пошагал следом.
 - Ну? - улыбнулся Макс, завидев Санька.
 - Что? - Саня глянул на него как-то враждебно.
 - Деньги давай.
 - Вот, - Саня протянул ему десятку.
 - Завтра остальное.
 - Ты сказал по десять рублей в день!
 - Пути назад нет, Саня, ты согласился, ты повелся. Буду ждаль, - Макс развернулся, кивнул Паше и они удалились, оставив Санька одного на пороге...
Пути назад нет...

Глава 11: «Пока ты должен» или «Хозяин»

С этого дня Саня стал плохеть на глазах. Настроение у него поднималось изредка, он совсем не смеялся и стал курить, как паровоз. В школе он постоянно схватывал двойки: то за поведение, то за наплевательское отношение к учебе, то за грубость по отношению к учителям.

- Не убивайся ты так! - пытался я его успокоить на следующий день.
 - Ага, «не убивайся!», легко сказать. У меня только 10 рублей, а мне сегодня надо отдать Максусе 40. Не убиваться, да?
 - Ну, ты можешь занять у кого-нибудь.
 - Ага, и буду сразу двум должен.

- Ну... - я не знал, что сказать.
- Вот и я о том же. Выхода нет.
- Ну, что-то же можно сделать. Когда ты должен вручить ему бабки?
- Он сказал, что подойдет после уроков к школе.
- Бл..дь! Почему так рано?
- А х..й его знает! Я ничего не хочу делать. Кого мне звать? Кто против него пойдет? Только лишних проблем на свою голову, а потом еще и п..зды получать, да?
- Нет, я не это хотел сказать. Нужно просто придумать, где достать денег.
- Придумай. Где ты до конца уроков достанешь денег? Взаимы я уже сказал, брать не буду.
- Это понятно. Можно продать что-нибудь. Например... зажигалку или... не знаю.

- Вот и я тоже не знаю.
Мы пришли на урок английского. Сели вместе, чтобы поговорить. Я искренне хотел помочь Саньку, но он этого, похоже, не понимал.

До конца перемены оставалось пять минут, а учителя в классе не было. Мы молча смотрели по сторонам. Кто-то гонялся друг за другом по классу, кто перекидывался оскорблениями или учебниками, а некоторые что-то обсуждали, сбившись в кучки. Но я на это все не смотрел. Мое внимание привлекли 5-6 человек, столпившихся у парты Хачика. Я поднялся с парты, - Саня остался сидеть, - пошел к ним.

- Дай пенал посмотреть! - громко просил «хозяин» Паша у Хачки.

- Нет.
- Дай сюда, сука! - крикнул он.
- Зачем?! - визгливо отозвалась та.
- Надо, бл..дь, давай!

- Не дам, иди в жопу!
- Ах ты... - Паша вдаль ей приличный подзатыльник. - «Нет, Господин, я не желаю выполнить вашу просьбу!» - вот так надо говорить, ттгварь подзаборная!

- Иди ты! - крикнула Хачка.
- «Идите Вы», сволочь мерзкая. Давай сюда!

- Нет!
- Живо, сука, не то в нос получишь и будешь плакать!

- Зачем вам? - она оглядела всех. Видно, подстраховалась. Ей не хотелось называть Пашу на «Вы», но и за «ты» по голове получать не хотелось. Поэтому при слове «вы» она оглядела всех, чтобы не казалось, будто она к Паше обращается... путано, но что-то в этом роде.

- Посмотреть, бл..дь, давай быстрее!
- Нет.
- Я с тобой на следующей перемене разберусь, - вдруг сказал Паша и резко отошел от ее парты. Все повторили его действие молча.

Хачик оказалась слишком глупой, что бы осознать, что это маневр. Она вынула руки из-под парты и положила пенал на стол. Мне показалось, что у меня в глазах двоится. Паша с такой скоростью взял пенал с парты, что Хачка даже не успела понять, в чем дело. Он прилепил к нему непонятно откуда взявшийся кусок пластилина и швыр-

нул вверх. Деревянный пенал сильно прикрепился к очень высокому потолку кабинета английского языка и застыл.

- Ты! - крикнула Хачка, не подумав.
- Ннна, бл..дь! - Паша швырнул в нее своей сумкой.

Сумка сразу лопнула, девочка слетела со стула, как кукла, и покатила по полу. Лопнувший портфель упал на пол. Что я увидел! Самыми удивившими меня вещами были: заряженная пневматическая винтовка, полторалитровая бутылка пива и железный набор с отвертками, ключами, болтами и тому подобным. Все это с огромной силой ударило в тощенькую девочку и снесло ее со стула!

- Я тебе нне «ты», а «Вы». Я твой «Хозяин»!
Паша поднял сумку, прикрыл ее, как смог и кинул на свою парту. Потом легким движением за шиворот поднял рыдающую Хачку и «швырнул» на ее стул.

- Молчать, - приказал он ей и отошел.
Весь урок она молча рыдала. Пенал так и не упал обратно...

Саня был прав. Шансов у нас не было, и денег мы не достали. Уроки кончились, и мы медленно поплелись в раздевалку. Молчание меня раздражало, и я задал глупый вопрос.

- Как ты думаешь, он пришел?
- Ну, конечно, пришел. Он там, не сомневайся... бл..дь...

Мы «сонно» оделись и вышли. Он был там...
- Давай сюда, - грубо сказал он, даже не поздоровавшись с Саньком.

- На, - Саня протянул ему десятку.
- И?

- У меня больше нет.
- Ты ох..ел?
- Мы с самого начала договорились, что по десятке! Где я возьму сразу сорок?!

- Это твои проблемы. Вот, пока я курю, - Макс показал ему начатую сигарету, - ты должен найти еще тридцать. Не найдешь - и тебе п..здец. Я ясно выразился?

- Да, - просто ответил Саня.
Тут Макс увидел меня и протянул руку.

- Здорово, лохматый, - улыбнулся он.
- Здорово, - мне было очень неловко пожимать ему руку в присутствии Санька, но нарываться я не хотел.

Саня стоял на месте.
- Че ты стоишь, еб..нутый, ищи!
- Где мне искать?! - огрызнулся Саня.

Зря он так крикнул.
- Все, я докурил, - бросил Макс ополовиненную сигарету.

- И что? - с вызовом спросил Саня.
- Теперь ты должен мне сотню. Срок: неделя.
- Э! - только и мог выдавить Саня.
- Что? - издевательски переспросил Макс. - Пока ты мне должен я твой *Хозяин*. Пока!

Глава 12: «Большие проблемы»

Саня шел домой молча, и даже не пытался «стрельнуть» сигарет. Настроение было не то. Да, и ситуация тоже. Когда мы приблизились к его дому, я все же решил начать беседу:

- Что будешь делать? - глупо спросил я. - Где возьмешь денег?

- Не знаю...

- А если не найдешь, что скажешь Максусу?

- Не знаю...

- Может, правда, займы возьмешь у кого-нибудь?

- Не знаю...

- А можешь сказать матери, что тебе надо в школу сдать или купить что-то?

- Не зн...

- Точно! - мне надоело его машинальное «не знаю» и я решил встряхнуть его первой попавшейся мыслью.

- Чего?

- Ты можешь ну, проще говоря...

- Сп..здить? Нет, с моей матерью дело не пройдет. Хотя да, идея хорошая.

- Вот и я о том же. Если не сейчас, то потом придется и двести отдавать!

- Да, наверное...

- С Максусом-то точно!

- Да, ты прав... ты прав.

Он отпер дверь, и мы вошли. В комнате, как всегда, был свежий воздух и чистота, что кардинально менялось к 6-7 часам вечера. В это время заканчивалась тусовка и возвращалась мама Санька. За весь день мы чего только не поделали. Сначала играли в шахматы, потом смотрели телек и мультфильмы на «СТС» - наши любимые... потом... кажется, играли в конструктор «ЛЕГО» и... что-то еще делали, не помню.

Когда на часах натикала половина шестого, я сказал:

- Все, скоро твоя мать вернется, и меня тут быть не должно.

- Да, точно. Сегодня - точно не должно. Уберусь я тут.

- Да, уберись и окно закрой... не знаю, зачем, не спрашивай, просто так. Мы в него курили, значит... просто закрой, предчувствие насчет него плохое.

- Ты тут со своими предчувствиями до матушки проболтаешь. Давай-давай!

Я оделся, собрался и через порог тихо шепнул:

- Удачи!

- Давай.

- Пока!

На следующий день я проснулся на редкость быстро и сразу встал. Пришлось поторопиться, чтобы не опоздать в школу. Но я успел... и зря. Санек на первом уроке так и не появился.

Прозвенел звонок. Все повалили вон из класса. Я выходил последним и вдруг услышал голос учительницы по русскому языку:

- Кулаков, иди-ка сюда.

- Ага... - у меня сердце подпрыгнуло. Не знаю, почему.

- Скажи мне, пожалуйста, а это не Клейпица на улице? - сердце опять подпрыгнуло... пожалуй даже сальтонуло!

Хоть и странно, и смешно и, может быть, невнятно. Но у него действительно была такая фамилия. Он был русским, нормальным пацаном, но фамилия эта ему, явно, не нравилась.

Окна кабинета русского языка вели прямо на площадку перед главным входом в школу, которым уже лет десять никто не пользовался. Все ходили через боковую дверь. Наверное, потому, что только там была раздевалка.

На этой площадке стояли: Макс, Саня, Ошуров и Колесников. Я мог совершенно точно сказать, что все трое наезжали на одного. Это было видно даже при совершенном исключении звука.

- Хм... не знаю... - стараясь придать своему голоусу искреннюю неуверенность, протянул я.

- Это он. Точно, Клейпица с куряками не из нашей школы, - она, как назло, не узнала Пашу.

- Ммм... - а что еще я мог сказать?

- Иди-ка, Максим, позови его ко мне в кабинет. - Я?

- Нет, я. Иди быстрее, звонок скоро.

И мне пришлось пойти. Охранник в раздевалке выпустил меня без проблем. Я вышел, огляделся и пошел к углу здания, за которым они и стояли.

- О, и ты тут! - наигранно обрадовавшись, загомосил Макс.

- Иди отсюда, пппотом пообщаетесь, - сурово, но спокойно прозаикался Паша.

- Его учительница зовет, - не двинулся я с места.

- Можешь смело послать ее на х..й, нам самим он нулет.

- Нет, она в окно смотрит. Все видит, - уточнил я.

- Да, пускай хоть в потолок смотрит, - Колесникова тоже звали Паша, но он редко произносил что-то, что сам понимал. Этот раз явно не был исключением: вряд ли он знал, что хотел сказать.

- Меня за ним послали.

- А я тя шас на х..й пошло, ты пойдешь? - раздраженно спросил Макс.

- Нет, - тупо ответил я.

- Тогда иди. Иди... куда хочешь, но он с тобой не пойдет.

Сквозь стены мы слышали звонок. Саня не шелохнулся. Я тоже. Метнув быстрый взгляд на окно, я понял, что учительница сейчас появится тут - кабинет русского был пуст.

- Она сейчас сюда придет, - твердо заявил я.

- Ты меня че, напугать хочешь? - грубо спросил Макс. Мой аргумент явно его не «колыхнул».

- Нет, просто...

- Иди на х..й, за..бал! Дай нам поговорить, ты Санька сам задерживаешь, еб..ный в...

- ...куда? Куда? - яростно крикнула учительница по русскому, возникшая за моей спиной.

- Опс... - шепнул Макс Ошурову и прыснул.

- Колесников, я твою мамочку давно знаю, с тех самых пор, как ты отсюда вылетел. Может, хочешь и из новой школы обратиться? А?

- Нет, - театрально изобразил Паша виноватый голос. Это и было ошибкой.

- Нет? Правда? - передразнила его училка и повернулась к Ошурову: - Ой, и ты тут, милоч! - издевательски сказала она. - По тебе давно детская колония плачет, ты не находишь?!

Я впервые в жизни видел, как учительница впала в раж, ругая учеников... так необычно.

- Что вы на них *наезжаете*, они лично вам что-нибудь сделали? - вдруг прогудел Макс.

- О, а ты самый умный в шайке, да? Убирайся с территории школы, ты здесь не учишься и не учился. Нечего учеников вытаскивать на улицу во время уроков!

- Клейпица, Кулаков, живо в школу, - приказала она нам с Саньком.

- Я... - Саня всерьез *боялся уйти без разрешения* Макса.

- Живо, я сказала! А ты, Ошуров, можешь не возвращаться. Не велика потеря, в кои-то веки пришел на уроки! Иди дальше прогуливай!

Мы постепенно удалялись, и голос училки затихал. Заговорил я с Саньком только в раздевалке:

- Что там случилось? Ты отдал ему деньги? Чего вы так долго?

- Не надо так много спрашивать. Я просто отдал. И все.

- Все?

- Да, все. Мы больше... не будем об этом, ладно? - старания придать голосу взрослому уверенность не увенчались успехом.

- Что такое? Что он тебе сказал? Что?

- Да, ни х..я! Ничего! За..бал! Надоел уже. Хватит с меня этого.

- Чего? Что случилось там - на улице?

- Опять! Все сначала, бл..дь! - Саня чуть не плакал. - Я же не могу каждый день п..здить деньги?! Но ему-то по х..ую, ему важно, чтобы я отдал! Я опять ему должен...

Глава 13: «Компания»

Я положил куртку на лавку. Мы все еще были в раздевалке.

- Что?! Опять? За что?! - известие потрясло меня.

- Я сказал, что у меня сигарет нет.

- Так, у тебя же и нет. Ты же мог купить на те деньги, которые должен был отда... Ты, что, купил сигареты на деньги Макса?!

- Нет, нет. Просто у меня в кармане завалилась одна из тех, что мы «стрельнули» вчера на улице.

- Так если ты вспомнил в нужный момент, не надо было говорить об этом!

- Я не говорил! Я даже не вспоминал. Макс нашел ее.

- Что значить «нашел»? *Он обыскивал тебя?*

- Да.

- Зачем?!

- Не поверил, что у меня сигарет нет. Вот нашел ее и говорит: «опять нап..здил» и тому похожее.

- И сколько?

- Полтинник.

- Когда?

- К пятнице.

- Плохи дела. А сотку ты нашел?

- Да-да, нашел.

- Он взял ее?

- Что за вопрос?!

- Да, ты прав. А про сигареты он тебя спросил до или после отдачи?

- После. Когда я сказал, что ухожу в школу.

- Да, не хотел с тобой расставаться, - ...я, в общем-то, и не надеялся, что он засмеется.

- А что там училка сказала?

- Что ты стоишь на улице с куряками из другой школы. Пашу она не узнала.

- Как всегда. Только мне достается, бл..дь! Теперь еще учителя будут наезжать - мало мне проблем на голову.

Слишком много времени придется потратить на то, чтобы рассказать, сколько еще раз Макс вешал на Санька деньги. И я этого времени тратить не буду. Скажу сразу, что перескакиваю несколько долгих месяцев почти до самого конца учебного года. Все это время Макс постоянно контролировал Санька: целыми днями сидел у него дома, обедал там, ужинал и хозяйничал. Он сделал Санька почти крепостным.

И вот до конца шестого класса остался какой-то месяц. Никто даже и не думал, что все может решиться так быстро. Ой, нет, нет... вернемся-ка мы, простите за переменчивость, на пару недель назад...

Мама моя постоянно теперь жила в Москве и изредка приезжала на пару дней. Эта маленькая история как раз о такой паре дней. Вот приехала она, я радовался, она рассказывала. Я почти не слушал, наверное, потому, что не понимал. Она говорила об офисе, где она работает, как там и чего там... и тут я услышал о чем-то... что точно она сказала, воспроизвести не могу - не помню. Но из сказанного ею я понял только одно: она получила, мягко говоря, приличные деньги. Я не стал слушать дальше - мне стало неинтересно, и вышел в комнату. Их было три: бабушкина, наша с мамой и сдаваемая. Я направился в мою... то есть мамину... то есть нашу с мамой. Оглядевшись, я заметил на спинке стула ее джинсы. Не раздумывая, я сунул руку в карман и извлек оттуда приличную стопку пятихаток*. У меня с детства была особая привычка брать у мамы деньги. То есть, как сказал бы Саня, п..здить. Стыдно мне, конечно, говорить об этом, но без этого не обойтись. Отделив одну бумажку, я сунул ее под телевизионную тумбочку в большой комнате (бабушкиной), а остальные положил обратно.

Мама ничего не заметила.

На следующий день я собрался гулять. Незаметно спрятав клад в карман, пока в комнате никого не было, я сообщил, что ухожу, и вышел на улицу. Там уж я припустил очень быстро. Такое самодовольство раздирало меня, что мне хотелось непременно сообщить кому-нибудь, что у меня полштуки наличкой. Я зашел к Саньку:

- Идем гулять.

- Я не могу.

- Почему?

- Макс должен зайти.
- Мы сами к нему зайдём, пошли.
- Чего ты так кричишь?
- Я не кричу, у меня пятачок наливочкой есть.
- Где взял?
- Заработал!!! Сань, ты меня прямо удивляешь!
Ну, где я мог взять пятьсот рублей?!

- У бабули сп..зданул?!
- Нет, у меня мать приехала из Москвы на несколько дней. Пошли же!

- Ладно, пойдем, только мне одеться нужно.

- Так, давай быстрее!

Саня прикрыл дверь и стал шуршать одеждой, а я подошел к окну на лестничной клетке и стал вглядываться в небо. На лестнице послышались шаги. Я посмотрел вниз, как бы сквозь пол, потом опять безразлично уставился в окно.

- Приветик, милашка, - сказал за моей спиной Макс.

- Привет, - обернулся я, и мы пожали руки.

- А где *этом*? - Макс иногда говорил про Саньку так, будто тот зажигалка или какой-то другой неодушевленный предмет.

- Одевается, - ответил я и вновь вернулся к небу.

- А чего это ты к нему зашел? Последнее время я тебя редко здесь вижу.

- Просто погулять.

- И что, он сказал что пойдет?

- Нет, он сказал, что ждет тебя. Я сказал ему, что мы за тобой зайдём, и он согласился.

- Че-то это все на п..здежь похоже...

- Но это же не значит, что это и есть п..здежь, правда? - выразительно сказал я.

- Хм... - его фирменная ухмылка получилась наигранной и пустой. Он был весьма озадачен моей репликой.

- О! - изобразил радость вышедший Саня.

- Здравствуй, - Макс протянул ему руку.

- Ну что, идем? - Саня пожал ему руку, и я увидел, как Макс вернул явно не пустую ладонь в карман.

«Зачем им скрывать, я же все это знаю?» - озадачился я. В ладони Макса было не что иное, как десятка.

- Куда вы пойти-то хотели? - улыбнувшись, спросил Макс.

- Разгуливаться, - сказал я, подумав, что скрывать от него наличие денег лучше не надо.

- А поточнее?

- У меня есть пятьсот рублей.

- Твоих? - этим вопросом обычно обозначалась принадлежность денег, как таковых, на покупку, например чего-то для родителей. Как бы точнее объяснить...

- Да.

- Да, ладно, не п..зди, наверное что-то купить, а п..здышную сдачу себе оставить, да?

- Нет. Все деньги мои. Все до копейки.

- И где ты их взял, крестьянин, *заработал*? - он поставил такой сильный акцент на этом слове, какого я еще от него не слышал.

- Я у матери взял, она из Москвы приехала...

- За..бись, бухнем!

- С кем? Ты кого-то взять хочешь?

- Да, пошли зайдём за моим братом, - он сказал это тихо и скромно, но знал заранее, что отказать ему я не посмею.

- Держу пари, вы бы за мной не зашли, - сказал Макс чуть позже, когда мы приближались к его дому.

- Зашли бы, - сдержанно ответил я.

- А х..ли ты тогда к Саньку пошел? - каверзно спросил он.

- Хотел сначала к нему зайти, - из-за его давления у меня в голове всегда все путалось и тогда мне даже в голову не пришло объяснить все так, что дом Санька значительно ближе.

- Ага... - недоверчиво сказал Макс, и беседа закончилась.

Мы подошли к его подъезду. Жил он в двухподъездном, двухэтажном желтом домишке, которых в нашем районе было хоть отбавляй.

- Ждите здесь, - скомандовал он нам и вошел в подъезд.

- Как ты думаешь, х..ево, что Леха с нами идет, или нет? - спросил меня Саня, когда Макс скрылся во тьме подъезда.

- Не знаю. Наверное, так деньги сохраннее будут.

- А может, он хочет его позвать, чтобы деньги отнять у тебя? - после долгого общения с Максом на почве денег и долгов у Санька обострилась хроническая болезнь, которую я бы назвал «Предрассудки Боязненного» или как-то так...

- Он и без него может их у меня забрать, зачем стараться? Нет, просто хочет оттянуться за чужой счет. Ему это выгодно. Какой толк шухериться и отнимать у меня такую сумму, если я сам я хочу ее с ним потратить? Это бессмысленно.

- Может, ты прав.

Макс вышел отнюдь не в сопровождении одного человека, как мы ожидали. Кроме него было еще трое. Денис Шлоев - наверное, самый большой криминальный авторитет на автозаводе среди подростков. Он строен, красив, прилично, в спортивном стиле, одет - короче, сразу видно, что не просто шпана, а *кто-то*. Взгляд его всегда сосредоточен, выражение лица обычно каменное, но таких вот каменных масок несколько и они переменчивы. В походке его нет расхлябанности, к которой я привык, глядя на Макса и его брата. Вторым был Леха Баронов по прозвищу Лось - долговязый ровесник Дениса, он очень высок, нескладный и какой-то угрюмый. Очень короткая стрижка и всегда сдвинутые в напряжении брови - это все, что можно о нем сказать. Последним же был брат Макса.

- А где будем бухать? - спросил Макс у воздуха, когда мы уже шли мимо моего дома.

- На Оку пойдем, там нормально и без палева, - резвым гудящим баском сказал Денис.

- Там наверняка кто-нибудь есть, - предусмотрительно заявил Макс.

- Да, кого ты боишься, придурок, если кто место займет, выкинем на х..й, и все тут, - повысил голос Шлоев.

- А что будем покупать? - тоже гудящим, но чуть более басовым тоном осведомился Лось.

- Ну, портвейна парочку, пиво, водку и закуски, - живо распорядился Макс, видимо «подзабыв», что деньги мало того мои, так еще и у меня в кармане лежат. Хотя, чего это я, они в миг могут стать его и исчезнуть из теплого убежища моих джинсов.

Мы быстро добрались до ларька.

- Давай, я куплю, вам не продадут, - сдержанно прогудел Денис.

- Угу, - а что я мог сказать? Он уже знал, что деньги у меня, а ответить я ничего не мог, он ведь прав, эти ларьки - это не «Утес».

- Ну, так что, в конце-то концов, берем? - обратился Денис ко всем.

- Я же уже сказал...

- Максим, не зли меня, ты какой-то х.й его знает, наглый, что ли? Деньги твои? «Сказал он», а еще че ты сказал? Максим где этот, другой Максим? - я стоял чуть в стороне и он не сразу меня заметил. - Что хочешь брать?

- Я - поймав неприятный взгляд Макса, я озадачился. Он явно не смирился со словами Дениса, но сказать об этом не смел. - Ну, можно то, что Макс сказал.

- Что ты себя за его *шестерку* держишь? Максим сказал, значит, закон штамповать? Имей немного собственного достоинства!

Меня приятно удивила эта его реплика. Я-то думал, что он такой же, как и Макс.

- Надо еще «Пепси» два литра взять, - робко высказался я.

- Вот. А «спирт»?

- Тут вам виднее, - сказал я чуть смелее.

- Ладно, значит так: два литра «Пепси», два «портных», каких? Да, «777», одну водку, баклашку пива и сухарей или воблы, так? Нет, пиво лучше бутылками возьмем, а то нас много, а стаканчики на водку пригодятся.

Денис скрылся в дверях минимаркета, я мы остались стоять. Макс подошел ко мне и я, было, испугался, но он сказал:

- У тебя сигареты есть? - спокойно, дружески.

- Ой, нет...

- Погоди - Макс ринулся к ларьку, открыл дверь и крикнул: - Еще сигареты, Ден, пачки три!

Спустя пять минут Денис вышел из киоска и произвел действие, на которое я никак не надеялся: он протянул мне деньги:

- Здесь все, проверь.

- Да, ладно! - смутился я.

- Проверь! - громко и строго пробасил Денис. - Все до «цента».

- Хорошо, - проверив, я выяснил, что тут все деньги, какие только могли остаться - 230 рублей.

Вот, чем пополнился наш инвентарь: два пакета с фотографиями красоток, пузырь водки (марку не помню, я в них не понимаю), четыре бутылки пива «Старый мельник», один, все-таки, портвейн «777», два пакетика чипсов, несколько «Мэнтэсов» (это сосачки такие), пластиковые стаканчики и три пачки сигарет «Петр I: крепкие».

С таким набором мы двинулись на берег реки Оки, которая находилась совсем близко. По дороге Макс, Денис, Лось и Леха болтали о своем, а мы с Саньком только слушали:

- И ты хочешь сказать, что Девкин тебя на..бал? В карты? - грозно и с недоверием говорил Леха Лосю.

- Да, он, по ходу, мухлевал, падла, но две сотни я ему просрал, - тихонько оправдывался Лось.

- Девкину? Мои две сотни? Слушай, Лосиха, ты мне только не п..зди, я с Девкиным играл в карты, он лох полнейший и играть не умеет, не п..зди мне! - Леха говорил все громче и громче.

- Спокойно, спокойно, не бесись, - сдержанно успокаивал Леху Денис.

- Ага, не бесись, я ему деньги вообще на хранение давал, а не на игру, бл..дь! - закричал Леха.

- На меня голос не повышать, ты знаешь, это плохо кончится, - вдруг посуровел Денис, но говорил все так же ясно и спокойно.

- Я тебе *отвечаю*, я их не потратил, я проигра - Лось не успел договорить.

- Да, мне по х.й, ты это усекаешь? По х.ю, смекаешь?! Я тебе их давал на хранение, так что, чтоб деньги были у меня завтра же!

- Не надо так злиться! - властно, уже более громко, но по-прежнему, спокойно крикнул Денис. - Если бы он тебе про деньги не сказал, ты бы вообще не спросил бы их с него в ближайшую неделю. Тебя просто бесит сам факт того, что он твои бабки просрал, ну и что? Ты ему дал на хранение, это же не значит, что он должен вернуть тебе, исключительно, те же бумажки. Ты бы попробовал мне такое сказать, я бы тебе вообще голову оторвал. Не заблуждайся, Алексей, ты слишком далеко иногда заходишь!

Это нравоучения явно впечатлило Леху. Он как-то весь поник, задумался.

- Ты тоже хорош! - вдруг крикнул Денис и Лось вздрогнул.

Он был, пожалуй, самым слабым в их компании.

- На чужие деньги играть, это конечно весело, но *мементо ревендж* иногда надо, правда?

Исходя из моих маленьких знаний, я понял, что это выражение слеплено из латыни и английского - «*memento*», в переводе с латинского, это значит «помни», а «*revenge*», в переводе с английского, значит «месть».

Лось был очень смущен и молчал до конца пути. Вскоре мы прибыли. Не очень крутой откос вел к берегу реки Оки. Никого и ничего, кроме старого бункера-плотины черт его знает, как это называется - большая каменная дамба! Вот, точно, так это называется! Мы сели на траву между дамбой и каким-то прямоугольным строением типа стены, но ничего не защищающей.

- Что это? - спросил я Макса.

- Дамба?

- Нет, вот это, - я показал пальцем на подозрительную стену.

- Когда-то была лодочная станция. А теперь не знаю.

Подул теплый ветерок и принес запах свежей, прохладной воды. Мы расселись кружком и стали доставать содержимое пакетов. Берег Оки был в двух-

трех метрах от нас, и там бушевали маленькие волны, приносящие с собой какую-то белую пену. Как приятно было там находиться...

Леха с Денисом принялись делить и разливать. Пить я не хотел. Я никогда не пил, но в такой компании нельзя было показать себя с этой стороны. Бухать, курить, ругаться матом и бить всех подряд - это было в моде. Мне не пришлось отказываться, да и настроение было хорошее, не хотелось все портить своим отказом.

Лось протянул мне открытого «Старого мельника», я взял и сразу заглотил, сколько мог. Потом Леха разлил по стаканчикам портвейн и раздал нам.

- За что пьем? - спросил Лось.

- Ты прям как алкоголик деревенский! - по-доброму хохотнул Денис. - Надо говорить так: кто скажет тост?

- Хорошо, кто скажет тост? - громогласно объявил Лось.

- Ты! - хором сказали Макс, Леха и Денис. Все засмеялись.

- Ладно, за коррупцию и насилие шутка-шутка! За мир, за людей, за нас!

- Ты какие-то фуфловые тосты выдумываешь, - откровенно сказал Леха.

- Нет, выпьем мы за судьбу, которая ведет нас по этому миру и говорит нам, что делать и во что верить. Верить в судьбу! - вдохновенно отчеканил Денис.

- Верить в судьбу! - откликнулся Леха и выпил.

- В судьбу! - залпом хлебнул Макс.

- Да, в судьбу! - догонял их Лось.

Мы с Саньком поняли, что ждут только нас, и тупо повторив «в судьбу», мы выпили. Затем полилась водка. Снова должен был прозвучать тост. Я все еще не мог оторвать морды от «Пепси».

- Выпьем же за тех, кому сейчас плохо, дабы не стало им хуже; и выпьем за нас, кому не плохо, дабы не стало еще хуже! - умиротворенно пропел Денис в гробовой тишине.

- За нас! - радостно нарушил тишину Макс, и опять дал залп.

- За лучшее! - Леха чокнулся с Денисом.

- За дружбу, - спокойно сказал Лось.

- Правильно, молоток! За дружбу тоже, и изрядно тоже, и сильно, и с напрягом! - пробубнил Леха, который забыл запить водку.

- Ты хоть сам понял, что сказал? - усмехнувшись, спросил у него Денис.

- Да, какая разница! - захохотал тот.

- Верно, никакой! - сказал Макс, и они все опять впали в приступ смеха.

Сначала, я подумал, что они просто уже пьяные, но потом до меня дошло, что это их собственный способ как бы разминки, что ли.

Глава 14: «Истории в деталях»

Мне становилось все хуже и хуже. Несмотря на то, что портвейн и водку я попробовал только один раз, меня мутило и воротило.

- Что-то мне х..евато... - сознание мое было где-то там - далеко.

- «Акомухтох..евато»? - пропищал Макс, изображая японский акцент.

- Чего? - Лось посмотрел на него, как на недоумка.

- Это «скорая помощь» по-японски, дебил, - пояснил ему Леха и громко хохотнул.

- Не надо было тебе пиво с портвейном смешивать, - «успокоил» меня Макс.

- На, тебе лучше покурить. Легче станет, - Денис протянул мне сигарету.

Я смутно помню, что тогда было и эта глава состоит частично из рассказов других.

Я взял сигарету, но минут десять к ней не прилагивался. Я слушал.

- И ты был одним из них? - спрашивал Леха Дениса.

- Нет. Я просто мимо шел, смотрю, а там он и еще парочка дебилов, - распинался на одной ноте Денис.

- А ты один был? - Лось вряд ли понимал, о чем разговор. Я знал тогда, что он обычно не общался с ними. У него была «SEGA» и тогда это считалось очень модным. Он, 16-ти летний парень, и Диман, о котором я уже упоминал, обычно тусовались целыми днями у него и играли в «SEGA».

- Да, я просто домой шел. Наши все уже разошлись тогда, а я прогуливался, не спеша, покуривал. Смотрю, а возле теплотрассы он с друзьями мента х..ярят. Я думаю: чего они хотят-то от него? Остановился, посмотрел. А они меня не видят, сволочи, втроем его метелят. Он лежит, а они пинают и орут что-то вроде: «на, х..йила!» или «получи, сука!»

- А во сколько это было? Что, середь бела дня? - внимательно, напряженно, выяснял подробности Леха.

- Нет, конечно, ты что?! - улыбнувшись и приподняв брови, сказал Денис. - Вечерком, часов в одиннадцать. Я так понял, что они его до «отключки» добили. Это потому, что потом они ему карманы чистили и между собой разговаривали.

- А это еще до того было, как Лихача «сняли»? - влез в беседу Макс.

- Нет, вроде не помню. Нет, точно, нет. После. Я тогда подумал, может нах..ярить им всем? Но кто знал, что у них там в кармане. Я просто за ними стал следить. Помнишь, Лех, он тогда говорил, что мы «накрыли» Борту у Доскино?

- Ну, так это ж не мы были, а он тогда расп..зидился, что вот...

- Заткнись на минуту, это мы.

- Чего? Кто? Не, с наших никто не мог...

- Я.

- Ты?!

- Только не у Доскино, а в его подъезде. Он брехнул, чтобы проверить нас. В тот же день, я за ними шел, и дождался, пока они распрощаются и по домам пойдут. Хотел я на самом деле самого Крача достать...

Крач! Вот, кто такой он. Я все слушал и слушал, но понять ничего не мог. Тогда я еще не слишком был пьян, и кое-что голова моя варила.

- Но это оказался не он. Темно было, и я осознал, что не на того пошел только при свете лампы в его подъезде. Ну, а х.й ли? Что мне было делать? Я что, зря время на этого п..дараса терял? Нет, я так не думаю. Не люблю терять время зря. Я его взял и «заразил» в спину кулаком. Он упал, запищал что-то, подумал, наверное, что менты загребли. Я ему в почку с ноги в..бал, и говорю, мол, близко к *нему* пойдешь еще, или заговоришь с ним, голову снесу. Ну, он все уяснил быстро. Принял слишком близко к сердцу. Через пару недель переехал в центр города, паршивец. Но того, что на Крача это подействует, как красная тряпка на быка - этого я не знал.

- Ничего, нормально. Пусть жрет, тварь поганая! - обрадовался Леха.

- Ты только не волнуйся, мы и его достанем. Но факт в том, на что ты готов, ради мести?

- Чтобы «один health остался», не более, не менее.

- Вот и отлично. А в Доскино за товаром поедешь?

- Нет, это уже не нужно. К тому же, Эл его, наверное, уже забрал. Лех, ты Эла давно не видел? - обратился Леха к Лосю.

- Вчера видел.

- Он про товар что-нибудь говорил? Или про алюминий? Может, про траву?

- Нет, он только сказал, что твоя доля 15 мая догорает.

- Он что, мудака, что ли? - шутливым тоном побасил Леха и они втроем расхохотались.

- Что за Эл? - спросил у них Макс.

- Ну этот додик-то Гвоздь, вот! Гвоздя помнишь?

- пояснил ему, сквозь хохот, Леха.

- Это он - Эл?

- Да.

- И у него моя трава.

- Нет, твоя у Фашиста. Вся твоя трава у Фашиста.

- А ты говорил, что у Колобка.

- А за что он тебе, по-твоему, был должен три грифа? Он же ее продал.

- А, да точно.

Я отрывисто, с напором и булькающим звуком, рыгнул.

- Тайм аут, Макс. Встрезви его как-нибудь, - предложил Денис Макс.

- Идем, покурим, - предложил Макс, и мы пошли к воде.

Закурив сигареты, мы пошли вдоль самого берега.

- А что такое «гриф»? И что значит «товар»? - потусторонним голосом спросил я.

- У тебя где деньги, сигареты, все такое? - вдруг спросил Макс, и я испугался.

- Там, в олимпийке, - я снял ее перед тем, как пойти сюда. - А что?

- Тогда ладно, - сказал Макс и неожиданно сильно толкнул меня.

Хватаясь за воздух и размахивая руками, я полетел в воду. Воздух меня *не поддержал*, я булькнул в ледяную речную воду. Помутнение сознания, опьянение, все признаки нехорошего состояния ушли моментально. Единственной из признаков дискомфорта, осталась нехватка кислорода. Я резко вынырнул и

замерз. Замерз дьявольски, хотя погода была жаркая. Я хотел что-то сказать, но вместо этого глубоко вдохнул. Не хватало воздуха. От холода у меня, как будто легкие сжались. Макс стоял на берегу и лучезарно улыбался.

- Так и будешь там сидеть? - спросил он меня минуты через две.

Все эти минуты я просто тупо смотрел на него.

- Вешать я тебя не буду, и так высохнешь, - иронически пошутил он. - Но если насчет денег ты наврал, и они там с тобой, то лучше сразу утопись.

Радостно засмеявшись, он выбросил свой окурочек и пошел к «столу». Я грустно заметил, что моя только-только начатая сигарета тоже «замерзает» рядом со мной.

Я вылез из воды и снял все, кроме трусов. Пошарив в карманах, я обнаружил там нетронутую пачку «Мэнтос». Я хотел ее распаковать, но из маленькой шелки, которую мне удалось расковырять, полилась противная мутно-желтая жижа. Заметив это, Макс выхватил у меня пачку и громогласно предложил всем угоститься.

Шутка его никому не понравилась, и в ответ все предложили ему угоститься этим в одиночку. Я раскладывал свою одежду на горячий «откос» каменной дамбы. Рассортировав все, я сам уселся на дамбу чуть выше и выразительно сблевал. Не знаю почему, просто так.

Мне пришлось встать и убрать майку, которая лежала прямо на пути лавины ладно, без подробностей.

Сидеть на том же месте мне не хотелось. Я сел чуть правее. Вскоре мне пришлось убирать кроссовки, брюки Я возвращал все съеденное и выпитое частыми маленькими порциями и постоянно менял место сидения. Мне становилось жалко дамбу.

Потом я, похоже, заснул. Макс разбудил меня и сказал, что все уже уходят. Я разлепил глаза, и увидел, что все бутылки пусты, все стоят и ждут меня. Я неохотно поднялся, посмотрел на «бедную» дамбу и вновь пожалел ее.

Одевшись, я пошел домой. Шел как-то неуклюже, шатаясь. На полпути мне пришла в голову идея проверить деньги. К моему удивлению, все были на месте. Макс предложил купить чипсов, чтобы заглушить запах, и денег в конце концов осталось ровно 200 рублей.

Денис, Лось и Леха покинули нас незадолго до конца. Им надо было еще куда-то пойти. Время было шесть вечера. Со стороны Оки первым по пути был дом Макса. Мы, то есть, я Саня и Макс, остановились возле его подъезда.

- Ну, давайте, рейнджеры, до завтра, - попрощался Макс.

- Макс, возьми деньги, я не хочу идти с ними домой, - попросил я его.

- Ладно. Сколько тут?

- Двести.

- Ага. Ну, пока!

- Давай, - простился я.

- До завтра! - попрощался с ним Саня.

Мы шли домой молча. Я что-то вообще с Саньком в тот день мало разговаривал. Его дом был дальше, и мы просто пожали руки.

Придя домой, я плюхнулся на кровать и моментально уснул. Быстро. Тихо. Беззаботно.

Это было каких-то два месяца назад...

Глава 15: «Все из-за наушников»

Мы с Саньком стояли и просто смотрели на это побоище. Спустя, где-то, полтора месяца после тусовки на Оке все было кончено. Крач со своими друзьями прогуливался вдоль общаги, где жил Саня и наткнулся на нас. А мы, с тех пор, гуляли вместе - Лось, Леха, Макс, Саня и я. Денис был слишком занят своими делами и общался с другими ребятами. Это был Судный День долгого выяснения обстоятельств. Победила сила. Мы с Саньком, как я уже говорил, просто смотрели, как Макс, Леха и Лось беспощадно избивали Крача с его двумя друзьями.

Оставив их лежать в полубессознательном состоянии, троица вернулась к нам без следов побоев.

- Все, сука, теперь не будет лишнего болтать, бл..дь! - яростно крикнул Леха в пространство.

- Все костяшки об его зубы разбил, пада, - Макс как-то искося поглядывал на свои руки.

- Че за х..йня? - спросил голос сзади меня.

- О, пришел, прип..здышь. Где ты раньше был? - спросил Макс кого-то за моей спиной.

- Из окна смотрел. А это че за лохи? Че они тут стояли, пока вы тех х..ярили? - насмешливо спросил голос.

- Тебя еб..т? Они не в тему в этом деле. Не наезжать на них, понял?

Я, наконец, обернулся и увидел маленького роста, хилого сложения и с прозрачными, бесцветными волосами мальчика. Улыбался он кривыми передними зубами, а маленькие лживые глазки осматривали всех очень внимательно.

- Тема, - протянул он мне руку.

- Макс, - протянул я свою.

Он так резко сжал ее, что у меня хрустнули кости, но тут же отпустил. Я, по инерции, резко выдернул руку.

- А с тобой знакомы, - хихикнул он Саньку и пошел к Макс, который вместе с остальными «героями» продолжал обсуждать события последних тридцати минут.

- Знакомы? - спросил я Санька. - Откуда?

- Я уже видел его. Когда Макс, деньги после уроков отдавал, он был с ним. Ходил возле крыльца, вы..бывался на всех. Держись от него подальше.

Если бы Саня тогда знал, что это не мне надо держаться от него подальше.

Мы с Макс, шли вдоль моего дома. Было темно и сухо. Лето почти настало. Осталось каких-то два дня.

- Что молчишь? - спросил он меня.

- А что говорить-то? - вяло ответил я.

- Че-то вы с Сашей последнее время только одни и только вдвоем ходите. Вы че, решили от всех отойти? Да?

- Как понять «отойти»?

- Вот так: отходите, и идете на х..й, и больше никто с вами не общается.

- Нет, мы просто вместе ходим, а что гулять вдвоем не по понятиям? - усмехнулся я. Я всегда как-то равнодушно относился к этим принципам и правилам жизни подростков, которые Макс очень почитал.

- Ага, по понятиям - хмуро усмехнулся Макс в ответ. - С бабой. Ха-ха-ха...

- Ты что, завидуешь мне и Саньку? - просто и прямо спросил я.

- Я?! - вдруг вскричал Макс, и меня передернуло. - Завидовать вам?!

- Тихе, тихе...

- Ты че-то попутал, явно - продолжал он орать.

- Тихо, успокойся, забей, я просто пошутил.

- Не шути так, е..анный в рот, это меня бесит, б..я.

- Ладно-ладно, не буду. Тихо.

- Слышь, ты шас домой уже?

- Да, а что?

- У тебя наушники дома есть? Такие для плейера?

- У меня нет, у матери есть. От диктофона.

- От чего?

- Ни от чего у нее есть, но я тебе дать не могу.

- Попроси у нее, не надолго, у меня плейер есть, а наушников к нему нет. Пожалуйста, Макс! Я тебе скоро отдам.

- Ладно, пошли.

Мы поднялись на мой, пятый этаж и я позвонил. Незаметно стырив наушники, я вынес их Макс, и сказал...

- Разрешила!

- Ты мой спаситель!

Макс пожал мне руку, и мы разошлись.

Так прошла неделя, потом другая. Пару раз я спрашивал его:

- Макс, ты когда мне наушники занесешь?

- Когда батарейки сядут.

Так он мне всегда и отвечал. Одно и то же. Все это время я общался с Саньком, а с Макс, мы почти не виделись. Но время шло, и рано или поздно пропаша должна была стать замеченной.

- Максим, а ты наушники не видел мамыны? - спросила меня бабушка как-то вечером.

- Я... нет.

- А где они?

- Не знаю!

- Не ври, куда ты их дел? Кому отдал? А? Продал?

- Нет, конечно, ты что?!

- Значит, украли точно, украли...

У бабушки моей всегда были признаки какой-то паранойи, ей чудилось, что кто-то постоянно намеревается ограбить ее, и она видела воров и уголовников во всех моих друзьях, приходивших к нам в дом.

- Да, нет, нет, не украли. Я отдал их Макс, послушать. Он скоро вернет.

- Когда? До каких пор он взял, конкретно?

- Не знаю, когда наслушается.

- Тогда он никогда не наслушается! Забери у него завтра же, или я сама пойду к нему домой и заберу.

- Ладно-ладно! - крикнул я и заперся у себя в комнате.

На следующий день я выловил Макс, у Санькиного общежития, и сразу выпалил:

- Макс, давай наушники!

- Ни х.я, у ты приказы! - усмехнулся Ошуров, который был с ним.

- Макс, у меня бабушка вчера спрашивала. Нужно ей срочно принести.

- У меня батарейки еще не сели. Я тебе говорил - когда батарейки кончатся. Я тебе сам занесу.

- Нет, это...

- Бл..дь, ты за.бал! Иди на х..й, я сказал - занесу!

- вдруг взревел он.

- Ладно... - прошептал я себе.

Бабушка, к моему удивлению, выполнила свое обещание и пошла домой к Максy.

- Что? - спросил я сразу, как только она вошла обратно.

- Его мама сказала, что сегодня он принесет, - монотонно пояснила она.

- А он? Что сказал он сам?

- Ничего он не говорил... Его дома не было.

- Понятно...

Часов в десять вечера зашел Макс, отдал бабушке наушники и даже не стал говорить со мной. Просто пробубнил сухое «спасибо».

Все это было причиной... Причина повлекла за собой последствия...

На следующее утро, под свет яркого летнего солнца я вышел погулять за дом. Никого не было, и я просто шел по тропке и думал о своем.

Вдруг из ниоткуда появился Макс, молниеносно схватил меня, и резко прижал к ближайшей березе.

- Полтинник. Срок - неделя. Понял, бл..дь?! Понял?!

- Чего? - прокряхтел я. Он сдвинул мне грудь, и я еле дышал.

- Понял?! - он просто кипел от злости.

- Да - мне ничего не оставалось, я бы задохнулся, если бы не сказал этого.

- Все, - отпустил он меня.

- Но у меня нет полтинника, - робко заметил я, смотря ему в глаза.

- Меня не еб..т. Возьми, где хочешь. Сп..зди у бабульки, бл..! Неделя. Все, пока.

Глава 16: «Мяч»

Все происходящее анализировать необязательно, можно выразить это коротко - я по уши в дерьме.

Вот о чем я никогда всерьез не думал, так это о том, что и сам могу попасть на деньги. Подумать только - на меня повесили полтинник!

Все, о чем я тогда думал, это: где без палева достать денег? Идея пришла давно, хотя сказать, что она «безопасная» нельзя.

Решительно настроившись, я вышел из комнаты - ну, в смысле, своей комнаты, их было три - и прислушался в напряжении. Бабушка была на кухне и пыталась втолковать кошке, что рыбы больше нет. Я воспользовался моментом и молниеносно провернул дело. Я знал, что единственное место, где бабушка могла спрятать деньги - это под подушкой. За

долю секунды я извлек оттуда старый, обшарпанный кошель, открыл его и тщательно исследовал содержимое.

Я был разочарован. Одна пятихатка и несколько десятков копеек. Я не осмелился и дрожащей от волнения рукой сунул кошель обратно и замел следы.

Что же делать? Вопрос возник сам собой, из подсознания и глушил меня в течение часа. Я включил телек. Я видел, но не слышал. В голове только тупо стучало одно и то же: «что же делать?!»

Для того, чтобы немного отвлечься от этих мыслей, я вышел на улицу, прихватив с собой мой мяч, который достался мне от мамы, а точнее от ее знакомого, Григория Кружкова, который, узнав, что я сейчас увлекаюсь футболом, подарил мне его через нее.

Я вышел за дом и стал бессмысленно пинать мяч. Курил я через каждые пять минут и не мог накуриться.

Мне вспомнились те двести рублей, что остались тогда у Макса. Вечером следующего дня, после праздника на Оке, мы с Саньком зашли к нему домой. Ни Макса, ни Лехи дома не было, а их мама сказала, что они ушли вместе.

Мы пошли гулять на озеро, но не успели зайти за забор с надписью «Купаться запрещено!», на которую никто не обращал внимания, как увидели: навстречу шел Макс, Леха, Лось и множество их друзей - челов пятнадцать.

Молча мы пошли вместе с ними. Они все постепенно расходились, прощались, желали друг другу удачи и спокойной ночи, как культурные, или типа того.

Возле дома Макса мы остановились, Леха вошел в квартиру, а мы пошли обратно. Было уже поздно и темно. Приютившись возле теплотрассы, я попросил Макса отдать деньги.

Он протянул мне сотку, не взглянув мне в глаза, и продолжил втягивать дым «Мальборо».

- Сто? - тихо спросил я.

- Сто - тихо повторил Макс.

- Двести? - с улыбкой продолжил я.

- Сто - без улыбки повторил Макс.

Разговор получился какой-то тупой и не складный. Я не знал, как реагировать на это.

- А еще сто? - громко и прямо спросил я.

- Ты о чем? - с искренним удивлением спросил Макс, наконец, посмотрев мне в глаза.

- О другой сотне, которую я тебе давал.

- Ты мне только это давал, - выпучил он глаза.

- Я тебе две бумажки давал, и потратили мы только триста.

- Ты мне одну бумажку давал, Макс...

- Сань, ну скажи! - обратился я к Саньку.

- Да, он, по-моему, две тебе бумажки давал - робко заметил Саня.

- Да, ты вообще ни х.я не видел, не п..зди! - вдруг крикнул Макс.

- Это вы эту сотню с ними тратили, да? - спокойно спросил я.

- А с чего ты взял, что я с ними деньги тратил? - вдруг поутих Макс.

- Ага, пиво, «Мальборо», жвачка во рту, это подарки? Или находка?

- Ты че за х..ету мне тут впариваешь, а? Это покупал не я!

- Я тебе *впариваю*? Я тебе две бумажки *впарил*, а ты мне одну вернул, и вот такие мне еще заявления делаешь? Я ему тут, видите ли, *впариваю*!

- Ты, бл., со словами поосторожнее. Не груби мне, еб ты!

- Что ты из себя строишь? Что тебе стоит лишний раз вы..бнуться, а?

- Ты че-то уже не в тему х..йнул, Макс, - вдруг перешел он на спокойный тон.

- А что у тебя все через х..й, да через бл..дь?

- Ну, давай, начни мне морали, бл..дь, читать! Иди ты на х..й со своими нарвоучениями.

- От слова «нарваться», да? - съязвил я на его неграмотность.

- Чего?

- Ничего. До завтра, Макс, - развернулся я и ушел, не пожав ему руку на прощание.

Вскоре меня догнал Саня.

- Он не понял, - выдохнул он.

- Чего он не понял? - тихо спросил я.

- Твоих последних э-э-э-э этих *речей*.

- Пускай думает, п..дарас, я этого не забуду.

- А ты ему, правда, две бумажки дал, я видел.

- Знаю. Но от этого мне не легче.

- Забей, пусть его совесть грызет.

- Гм - усмехнулся я, скрючив губы от обиды. - Его? Совесть? А она у него есть?

- Будем надеяться, давай, до завтра! - сказал Саня и повернул налево, мы были у его дома.

- Пока! - грустно ответил я.

Я шел по ночной улице. Один. Думал.

Я пришел домой на автопилоте. Бабушка чуть-чуть поругала меня за поздний приход и успокоилась.

Я пришел в свою комнату, достал из кармана сто рублей, и стал молча смотреть на них.

Почему я сделал это? Они были мне нужны? Зачем мне были нужны эти деньги?

Но ведь не заметили! Отлично пробухали на Оке, и никто ничего не заподозрил!

Но сто рублей достались Макс. Ни за что. И самое обидное, что обманом. Я доверил ему хранить деньги, а он?

Но ведь сто-то он вернул! На что обижаться?! Не жалко!

Да? Не жалко? Не обидно? Не гнусно, не мерзко, не пакостно?

Да, плевать! Деньги-то достались даром! И ему тоже даром!

Эти деньги я взял у собственной мамы! Я! Это большой грех! Я... не знаю, как объяснить это, но то, что он забрал деньги, которые я украл у мамы, это кажется мне... как будто он обзывает и хамит ес в моем присутствии! Намеренно!

И что? Что ты можешь? Ты же лох, ты даже обозвать его ублюдком в глаза не посмеешь?

Бл..дь, а ведь это правда!

Я сидел на диване своей комнаты и смотрел на эту сторублевку. Я напряженно думал, и каких-то два разных чела вели дискуссию в моем мозгу.

Вскоре они стали просто крыть друг друга матом и я заставил их заткнуться. Перестал думать о Максе. Я просто сделал дело, над которым я иногда задумываюсь до сих пор.

Я встал, открыл дверь и прислушался. Кошка на кухне мяукала, а бабушка приговаривала: «Сейчас, сейчас, положи... На-на! Ешь!».

Я шмыгнул к кровати, открыл ее кошель и сунул туда сотку. Я аккуратно закрыл его, положил на место и вернулся в комнату. Я лег, включил телевизор и уснул...

Пока я думал об этом и вспоминал, я просто бессмысленно пинал мяч и бегал курить. Я даже не заметил, что последние две минуты ко мне сзади подходили Лось, Диман и другая компания, что обычно тусуется за домом, играя в футбол.

К этому моменту я уже порядком устал, и просто отдал им мяч. Они играли, а я сидел, облокотившись спиной о дом, и курил одну за одной Я волновался. И тут... хлоп! Мяч натывается на корягу и медленно превращается в бесформенный кусок кожи. А мяч был из настоящей кожи.

Мы договорились быстро, так как был нюанс, который нас устраивал. Пинал последним Лось, который бы никогда не отдал бы мне настоящий кожаный мяч, а мне нужен был всего лишь

- Полтинник, - сказал я Макс.у вечером того же дня.

- Когда?

- Не знаю, он просто сказал, что отдаст с зарплатой.

- Ладно, жди. Я не против. Только будь добр, сразу еб..ло подставляй, если я выясню, что это п..здабство, которое ты придумал для отсрочки.

- Мне не придется этого делать, Макс.

- Надеюсь.

Прошло две недели, на протяжении которых Лось никак не мог узнать, когда у него зарплата. Наконец настал тот день, когда он попросил меня зайти к нему в пять вечера. Мы пошли с Максом.

Макс позвонил, а я прислушался. Он открыл дверь, увидел нас, вышел на площадку и закрыл ее.

- Мать зарплату забрала, - пробасил он.

- Бл..дь! - вырвалось у меня в напряжении.

- Ну, ты скажи, что тебе нужно... - родил Макс моментально.

- Да, говорил я, а она все «зачем?» и «куда?».

- Да-а-а-а ну, тогда ничего не остается, кроме как сказать ей, - рассудительно заявил я.

- Похоже на то, - подтвердил Лось, и мы прошли к нему в квартиру.

- Мяч? - пискнула полная, полная жизненной энергии дама.

- Да, мам, настоящий, кожаный, - пояснил ей Лось.

Он пошел к себе в комнату, взял его, и показал ей. Она повертела в руках этот кусок материи и громко зашуршала:

- Вот проблема-то! Камеру заклеить, а обшивку я зашью, а вы тут...

- Но - хотел было что-то сказать ее сын, но она перебила его.

- Это же лучше, чем отдавать пятьдесят рублей, правда? - лучезарно улыбнулась она, взглянув на мою кислую рожу.

Лось остался дома, а мы с Максом вышли к подъезду и сели на лавочку. Меня вдруг настигло что-то, что бы я назвал состоянием... хм... когда в тебя вселяется пугало ворон из деревенского огорода.

- Тогда бей е..ало, больше я ничего предложить не смогу, - как-то спокойно, монотонно и без тени страха сказал я.

- И что, ты больше нигде достать не сможешь?

- Нет, не смогу, и п..здить у бабушки я больше не буду, бей, - проговорил я на одной ноте. Что овладело мной?

- Сейчас, докурю, - махнул он передо мной начатой сигаретой.

И тут меня пробил страх. «Пугало» ушло. His gone! Его нет. Мне стало ужасно страшно. Эти молчаливые минуты ожидания просто убивали меня. Я хотел закурить, но не так вставил сигарету в рот, и сжег фильтр. Я выбросил испорченную папиросу и, с дрожью в голосе, сказал:

- Давай, когда мать приедет, я тебе пятьсот отдам...

Глава 17: «Shift»*

Эта глава будет самой короткой из тех, что я когда-либо писал. Содержание ее заключается лишь в том, что Макс полностью переключился на меня, а Саньком занялся тот маленький, противеньский Тема, что нарисовался во время последней бойни. Его наследник.

Глава 18: «Соппротивление»

Время не могло идти так долго, как я бы этого хотел. Мама приехала.

Поначалу я старался скрыть это от Макса. Но ничего не вышло, ведь она не сидела дома и выходила по своим делам.

В один «прекрасный» день Макс выловил меня на улице и твердо сказал:

- Иди сейчас. Я буду ждать здесь. Давай!

И я пошел. Я медленно поднялся по лестнице, позвонил в дверь. Мама открыла мне дверь, и я опять про себя подумал: «Что ты, тварь неблагодарная, делаешь?!». Она вернулась на кухню, где разговаривала с бабушкой, я пошел в комнату.

Остановившись на пороге, я задумался. Передо мной стоял стул, на котором висели ее джинсы, в

Shift - смена (англ. Прим. авт.)

кармане были деньги. Я принял решение. Твердое решение. И не изменил его. Я хотел надругаться над гадом, хотел знать, что он не из-за невозможности действия не получит деньги, а из-за моего нежелания. Но кайф был бы не полным, если бы я не...

Я переступил порог, сунул руку в карман и вынул пачечку пятисоток. Я пересчитал их, «потрепал», разглядел, и, с довольной улыбкой на лице, положил на место. Черта с два! Зачем? Для него? Нет, пусть идет к черту!

Я вышел на улицу. Я пошел. Я подошел к нему, посмотрел на него, посмотрел не в глаза:

- Я не смог.

- То есть?

- Вот так. Не смог. Много палева. Потом - усмехнулся я про себя, - попробую еще.

- Нет, иди еще раз. Пробуй, бл..дь! Давай, на х..й! - закричал он и мне, признаться, нравилось его бешенство.

Я вновь пошел, вновь пересчитал, и вновь положил на место. Ха! Мне они были не нужны. Я понял это. Я знал это. И я был уверен в правильности своего решения. Я понял все за один миг. Та самая фраза: «Сейчас, докурю» - это уловка. Он никогда не собирался меня бить и никогда не станет. Это было просто психическое упражнение. Он знал их, эти упражнения, потому что давным-давно научился отжимать деньги грамотно. Он заранее *знал*, что я испугаюсь именно *в минуту молчания*.

И теперь я твердо не боялся его. Я был уверен в себе и *опасен*. Решение принято.

Я вошел тогда в какое-то странное состояние, которого еще со мной не было. Как будто все дьявольские начала и черты во мне объединились, а остальное, все остальное, просто потухло, как костер, в который долго не подбрасывали хвороста «хорошего настроения». Максим ушел, остался только зверь.

В тот момент я был готов на все, даже на драку с Максом. Да, я в этом уверен. Я вышел на улицу, подошел к нему, и плюнув в сторону его ботинок так, что ему пришлось отшатнуться, сказал:

- Не получилось. И не получится, - холодно посмотрел я в его глаза.

- Ты...

- Даже не думай, бл..дь, третий раз я не пойду.

- Я...

- Не п..зди, я знаю, что ты сейчас скажешь. Просто заткнись.

- Бл..дь, да, ты ох..ел совсем, я смотрю! - в бешенстве закричал он на меня, брызгая слюнями.

Его накаченная туша нависла надо мной, но я и не думал отступаться.

- И что? Что ты мне сделаешь? *Что ты мне сделаешь?* Что ты хочешь, чтобы я сделал? Чтобы я пошел, и на глазах у матери взял пятачку? Нет проблем, бл..дь!!! Только скажи, сука, и я сделаю это!

- Ты...

- Молчать, бл..дь, не перебивай! Ты мне сказал, что нельзя перебивать человека, когда он говорит, не зависимо от твоего, или его возраста, а?! Будешь

отговорки лепить?! Это же *по понятиям!* Разве нет?! Запомни, что против сути не попрешь! Ты никогда не добьешься от меня того, чего я физически сделать не могу! Я не стану брать деньги сейчас. Я не буду делать этого любой ценой! А что можешь сделать ты? Чем ты можешь мне пригрозить, и как заставить? П..зюлей надаешь? Е..ало разобьешь?! Давай! Давай, бл..дь, бей! Мне по х..й, понял, давай!

Макс остолбенел. Рядом не было никого, и он это понял. Не было Ошурова, который бы о чем-нибудь прозаикался сейчас, пока Макс возвращается в реальность. Никого. *Никто не мог помочь ему*, и, кажется, у нас промелькнула одна и та же мысль: я/он могу/жет убить его/меня сейчас. Это была одна мысль. Но, к моему краху и удивлению, он выстоял и прогнал зверя лишь одной фразой:

- А ты учишься, - заулыбался он.

Я весь обмяк, обвис, как-то ослабел и замолчал. Зверь ушел. *His gone!* Что же теперь? Без Зверя я просто не знаю, букашка для него.

- Завтра решим, - сказал он и удалился.

А я был рад. Во-первых: я уделал его. Во-вторых: он растерялся. В-третьих: мама уезжает сегодня.

А самое-то главное: он ничего не получил.

Когда он узнал, что деньги *конкретно* ускользнули из его рук, он был в бешенстве и зашел ко мне. Бабушка открыла дверь и позвала меня. Я вышел на площадку и закрыл дверь. На этот раз он был с Ошуровым:

- Мне по х..ю, где и как ты раздобудешь деньги, но завтра я жду их от тебя без отмазок, ровно пятьсот, - забрызгал он слюнями.

- А если не будет, считай, что тттты ттттруп оооотпижженный! - поддакнул Ошуров, и они удалились.

Открыв дверь, я увидел бабушку, которая смотрела на меня с каким-то странным выражением.

Она слышала все. До последнего слова.

Глава 19: «До последнего слова»

С утра я даже думал в школу не ходить, но потом решил, что теперь, спустя столько месяцев волнений, нужно сходить в школу спокойно. Все лето я скрывался от Макса, все лето то ездил в деревню с Диманом, то отсиживался дома. Почти всю первую четверть седьмого класса я делал примерно то же, после уроков оставался, делая вид, что помогаю учителям или хожу на дополнительные. Я знал, что он ждет меня за рубежом крыльца.

Но теперь я мог идти в школу спокойно. Почему? Потому, что он боится правды, боится того, что так может ему помешать - вмешательства.

И я двинул в школу. Спокойно пришел, спокойно зашел в класс и поздоровался со всеми тоже спокойно.

Точно также, спокойно, прошел и весь учебный день. И Макса после уроков не было на крыльце. Я и сам не знал, почему он не пришел, но я знал, что он найдет меня сегодня. Так и случилось.

Я шел домой. Саня пошел к какому-то своему другу и свернул гораздо раньше, чем я ожидал. Я просто знал, что он идет к Теме, которому покорно отвалит свои карманные. И я был уже возле подъезда, когда он один, а он действительно был один, поймал меня на улице.

- Ну че? Че, бл..дь? Скажешь: «нету»? - пискляво изобразил он мой голос. - Будешь отмазываться и лепить всякую х..йню? Ну, что замялся? Что скажешь?

- Я скажу вот, что: п..здец тебе, - весело выговорил я.

- Да? От кого это? Кого ты приведешь? Кого ты знаешь, бл..дь? Лохов своих соберешь, чтобы меня отп..здить?! - наигранно усмеялся он.

- Нет, не лохов и... вообще никого. Они сами придут, мне их приводить не надо. Ты слишком громко говоришь.

- Чего? То есть... бля Еб ты, что ты за х..йню несешь?! - он был озадачен.

- Это не х..йня, вчера, когда вы зашли с Ошуровым, бабушка стояла и слушала, о чем мы будем говорить. Она слышала *все до последнего слова*. Теперь тебе точно...

- Нет... как? Почему ты не проверил... или...

- А почему ты не попросил меня проверить? - насмешливо спросил я.

Меня радовал вид его беспомощной растерянности.

- Бл..дь, вот попадалово.

- Я с тобой согласен. Накрылся ты, а все из-за того, что ты слишком много и громко болтаешь...

- Заткнись!

- Да-да...

- Заткнись! Если она что-то ментам разп..здит...

Подошел Саня. Он поздоровался с Максом, как со старым добрым другом и мы пошли курить за дом.

- Что тут у вас? - невзначай спросил Саня.

- Так вот, если она ментам что-то скажет, ее и завалить могут, понял? Убить просто.

В тот момент, не знаю почему, но мне показалось, что Макс такой жалкий и ничтожный... Он боится ментов и всего этого. А говорит про убийство так неуверенно и непонятно, что сразу возникает впечатление, что он говорит не правду, а просто пугает.

- Кто же на это осмелится? - спросил я, намотав на лицо серьезную мину.

- Знаю я таких. Не беспокойся. И тебя это тоже касается, если что...

- А я-то что? - спросил Саня, увидев, что Макс говорит это ему.

- И они станут убивать *за тебя?* - спросил я Макса язвительно.

- Да... станут... если надо!

- Ну, ладно, денег у меня нет и не будет, а хочешь еще покачать их с меня, подумай три раза, - заявил я наперед.

- А знаешь, - задумчиво произнес Макс через несколько секунд молчания. - Такое ощущение, что это ты ей сказал об этом.

- Я рад, что у тебя есть способность ощущать, но тебе надо ее потренировать, потому, что это не я. Пока! - и я отчалил.

Я смеялся, пока возвращался к подъезду. Я смеялся!

Кабинет труда у нас в школе находился на первом этаже, и его широкие окна вели прямо на площадку, где когда-то была стрела между Пашком и Эльдариком. Я сидел за верстаком и смотрел туда. Я думал: как это было давно целый век назад.

Саня сидел рядом и проверял - правда ли то, что ножовка не пилит металл. Похоже, что правда.

Санек - «Трепешите!» - шлейфовал свои ногти грубым напильником.

Паша Ошуров грыз свою зажигалку и тупо смотрел в то же окно, что и я.

Дима Палицев старательно вычерчивал на верстаке габаритное слово «ЛОХ!».

Леха Черпанов, который был феноменально высок, готовился прибить комара на ухе у соседа. Ему это удалось, и сосед свалился со стула на пол.

Учитель стал отчитывать их, и все весело смеялись. В этот момент Ошуров крикнул:

- Максим! Максим! Максим!

- А?! - обернулся я.

- Бэ, бля! В окно посмотри, придурок глухой!

Я посмотрел в окно. Там был Макс и...

Мальчик по имени Антон жил в той же общаге, что и Саня. Его считали психом, причем, справедливо. У него была какая-то там желтая карточка или как-то так. Он мог просто взять нож и зарезать кого-нибудь. Чокнутый!

Макс прижался к стеклу и тщательно мне жестикулировал. Сначала он поманил меня на улицу, потом несколько раз ударил себя в лицо, потом повертел головой, потом что-то тщательно беззвучно говорил.

Я почти ничего не понял. Он опять стал бить себя по лицу, уже сильнее, потом очень быстро повертел головой, поманил меня, и что-то сказал губами.

Я дал ему понять, что не понял. Точнее, не понял конец. Я понял только это: «Выходи на улицу. Бить не буду».

Он опять, стараясь смаковать каждую букву, что-то сказал губами.

Я опять не понял.

Он стал копошиться в портфеле и достал какую-то тетрадь. Потом он вырвал лист, что-то на нем написал, и прислонил в упор к стеклу.

Я не разобрал, потому что далеко от окна сидел.

Макс разорвал лист, повесил портфель на плечо и изо всех сил заорал:

«НА ПЕРЕМЕНЕ!!!»

- Что там за безумные? - спросил наш учитель, Станислав Александрович.

Все стали тупо гоготать. Он подошел к окну и показал Максиму какой-то жест, означающий: «иди отсюда!» Макс, в ответ, показал ему примерно тот же жест, только с указанием места назначения - средний палец.

Учитель был весьма недоволен этим и сделал вид, что не заметил.

Я неприметно кивнул.

Глава 20: «Тема»

Так Макс и отъехал на второй план. С Саньки он деньги качать перестал, а со мной не получилось -

бабушка чуть не сдала его в ментуру. Но вот Тема - разговор отдельный. Он был каким-то наследником Макса, будто инструкции от него получал. Он вел себя также, тоже ел у Саньки и хозяйничал.

Наверное, единственной разницей между ними было то, что Тема все «свои» деньги тратил на компьютерный клуб и, как он говорил, резался там в «Контр-Страйк» (Counter-Strike., англ.). Эта игра меня никогда не увлекала - бессмысленное и однообразное отстреливание террористов в одном и том же месте, много-много раз.

Он постоянно говорил об этой игре и постоянно унижал Саньку и меня (если я тоже был у него дома). Очень хотел чувствовать свое превосходство.

Как-то, в один из таких дней, когда мы засиживались у Саньки допоздна был между нами этот, как его... трилог, что ли? Короче - диалог + монолог... Ну, не знаю я, как это называется, короче, болтали мы:

- Сань, ты себе в жены кого выберешь? - спросил тогда Тема, глядя в экран телека, где показывали новый клип Агилеры.

- Не знаю, подумаю... - растерялся сразу Саня.

- Ну, в смысле: патлатую, кособоковую, левшу, как ты, или кого? Горбатую? - он так расхохотался, что, глядя на него можно было и самому засмеяться.

- Нет... - Саня попытался сказать ему выражением лица, что данная тема неприятна ему, но Тема есть Тема.

- Лучше вообще не женись, а то всю жизнь одну и ту же дырку еб..ть, не надоест? - Тема опять заржал, рассказывая всем кривые передние зубы.

- Нет... - опять повторил Саня, делая вид, что отвечает чисто автоматически.

Тема заметил это и стал злиться:

- Я с тобой серьезно разговариваю, придурок! Але?! - издевательски заорал Тема.

- Не хочу я разговаривать, - обиженно выпалил Саня.

- А чо? Горбатых не уважаешь, да? Или патлатых? - он опять захихикал своим визгливым тоном.

- Просто не хочу об этом говорить, - вконец смутился Саня.

- А ты?... - посмотрел Тема на меня. - Пухлую, подкачанную, да, Кулак?

- А ты? Кривоzubую и отсталую?! - съязвил я.

Мне удалось. Такое сочетание представить себе он не смог и стал думать. Потом он резко выдавил:

- Ты хоть сам понял, что сказал? - улыбнувшись.

- Абсолютно.

- А, ты у нас этот, мать его, философ Гердодот, или этот, как его, Гредодот? - усмехнулся он издевательски. - Бл..дь, ну и имена у них, мы тут по истории проходили этого, мать его... как его... Птилазмей по-моему.

- По истории? - спросил я, стараясь отвлечь его от его приколов. - Это больше похоже на имена, вроде Змей Горыныч или Баба Яга.

- Нет, сто пудов, по истории. Греция, что ли... древняя. Х..й его знает, не помню, но звали точно Птилазмей, я запомнил специально!

- Ладно-ладно.

- Сань, дай пожрать! - крикнул он Саньку, ушедшему на кухню.

- У меня нет ничего! - слышался его голос через коридор.

- Только не п..зди! Только не п..зди! - повторялся Тема.

- Да, нету!

- За п..здеж в рот возьмешь? Найду - все мое? - потрясающий набор слов, не так ли?

- Нету! Тут только для матери осталось, я все съел уже! - надрылся Саня.

- Ах ты бык! - Тема видимо считал, что его высказывание всегда предельно забавны, и он опять тупо заржал.

- Я не бык, а еды для тебя у меня нет! - обиженно крикнул Саня, все еще копошась на кухне.

- А почему нет? А?! Для меня всегда должна еда быть! - наглости предел, по-моему.

- Это почему еще?! - зря Саня задал этот вопрос, входя в комнату.

- Ты еще спрашиваешь, бл..дь, я твой гость, еб, и не п..зди лишнего! Ты у меня в долгу и я твой гость так что готовь и давай!

- Ни фига!

- Что? Ты ты сказал?! Шас мне еще столыжник сверху накинешь, бл..дь! Не груби мне, угод! Ты слишком наглый, бл..дь, становишься и п..здишь много! Слушай меня, что я говорю, и говори только «да», понял?

- Чего? - как-то сдавленно бросил Саня.

- ПОНЯЛ, БЛ..ДЬ!!! - угрожающе заорал Тема.

- Да...

- Вот и заткнись! А ты чо?! - повернулся он вдруг ко мне.

- Чего?

- Ни х..я, тоже не п..зди! - он вошел в раж.

- Ладно-ладно, тихо! - попытался я его успокоить.

- Чего «тихо»? Ты меня, сука, затыкать будешь, бл..дь, я те шас еб..ло расшибу, у..бище!

- Все-все, спокойно...

- Я сказал, заткни дыру!!! - взбесился он и я решил промолчать.

Это просто о том, что, в общих чертах, представлял из себя Тема. Вот это!

Глава 21: «Хата»

Мы с Саньком, втайне от Темы, стали строить шалаш за одним из домов нашей улицы. Там были густые кусты и очень подходящее их расположение по отношению друг к другу. Так и построили. Получилось очень удобно и удачно, и мы часто там тусовались. С этого и начинается история «хаты», нашего секретного убежища ото всех, как на ядерной войне, но «хатой» я зову... совсем не тот шалаш, о котором шла сейчас речь...

В один из прекрасных теплых вечеров, когда я прогуливался один по улице, я решил заглянуть туда и покурить без палева, но, к своему удивлению, кого-то там обнаружил. Два парня, года на 2-3 старше меня, сидели там и беседовали. Я рискнул зайти.

Со временем выяснилось, что оба они крашенные, оба учатся в нашей школе, и оба тащатся от сериала «Дальнобойщики». Их звали Леха и Сергей, и оба они были не так уж и старше нас с Саньком.

Я забрался туда и присел. Мы познакомились и завели длинную беседу.

- Вы построили? - спросил меня Леха, он немного картавил, но ему это... шло, да, шло!

- Да, мы с другом. Долго строили, замаялись, - спокойно ответил я.

- А че как стремно? Крыша, бля, никакая, один дождик и все накроется... - он говорил тоном какого-то крутого сатаниста, а одевался как терминатор: все джинсовое.

- Нет, дождь уже был и мы не промокли, - перебил я его.

- Не проблема, - вступил в беседу Серега, который учился в восьмом и был только на год старше меня. - Скоро новый дождь, тогда посмотрите.

- А чего, где нам было столько лески и целлофана надывать, чтобы всю крышу прокрыть? - озадачился я вслух.

- Это ничего, давай мы тут небольшую реконструкцию как-нибудь на днях проведем, вы не против? - спросил меня Леха с картавым энтузиазмом.

- Нет, не против, наоборот. Давайте завтра завтра ведь суббота встретимся тут в девять утра и готово.

- Давай, будет очень кстати, если ты поучаствуешь.

- Да? Тогда договорились.

- Ну, давай, ты сейчас домой?

- Да, нет, я не тороплюсь...

- А то мы сейчас ух... - Леха стормозил, его перебил Серега.

- Начались уже «Дальнобойщики», быстрее! - крикнул он. Долговязый, неуклюжий Серега с топотом выбрался из шалаша.

- Ну, тогда я тоже домой, - оповестил их я.

- Ну, пока! - попрощался Леха.

- До завтра, - простился Серега.

- Бывайте, - распрощался я.

Вот так. Так все и было, только в девять я проспал и реконструкция не состоялась. Не только поэтому, но и потому, что кто-то, за ночь, разнес шалаш вдребезги. Нам было очень обидно и жалко его, ведь мы с Саньком вложили в него столько сил и времени.

Но тогда я даже не знал, что за этим шалашом будет стоять другой, намного более интересный, чем этот.

«Заправская» команда была намного больше, чем я думал. И со всеми ими нам с Саньком предстояло познакомиться и подружиться.

Я думал, что общение с ними закончится после того, как я не пришел в девять утра и шалаш был разрушен, но я ошибался. Как-то раз в школе что-то меня дернуло, поймав Леху в коридоре, спросить его:

- Ну, че, построили новую хату?

- Да, че, построили, но в очень экстремальном месте. Если хочешь, приходи сегодня к трем часам ко второму подъезду Аютинского дома...

- Какого дома? - не понял я.

- Ну, того же, за которым была ваша хата, этот 29-й дом.

- Ладно, а почему у подъезда?

Прозвенел звонок.

- Все, мне пора, у нас физика еб..ная, училка, сука, мне парашу поставила, сказала, чтобы принес ей все долги сегодня, а я...

- Не принес...

- Да, точно, в три у второго подъезда! - и он скрылся за углом коридора.

Уроки пролетели быстро, и я вернулся домой - дожидаться трех часов дня. Саня, по ходу, домой пошел, с Темой - думал я от нечего делать. Потом я стал обедать и смотреть телек, постоянно поглядывая на часы.

Ждать пришлось недолго, и я чуть не опоздал, засмотревшись в телек. Быстренько накинув куртку, я ринулся на улицу, крикнув только бабушке, что скоро приду. Я быстро добежал до подъезда и увидел там Серегу и еще кое-кого.

Андрея я знал уже два года - он жил в одной общаге с Саньком, но был старше его намного, он уже учился в шараге. Его все называли «Селя» или «Селик», чего я никогда понять не мог, потому что у меня это слово ни с чем не ассоциировалось. На вид он всегда был угрожающ и велик, к тому же толст и пухл хи-хи.

Серега помахал мне рукой, и я подошел.

- Идем, это в соседнем подъезде.

- В ПОДЪЕЗДЕ????!! - я, можно сказать, взревел.

- Нет, тихо ты, не в подъезде. Просто вход через подъезд.

Меня поразила одна мысль, которая практически заставила меня вскричать еще громче, но я не успел. Серега опередил меня, прочитав мысли, и подтвердил шокирующую догадку:

- Я знаю, о чем ты думаешь, и ты прав, - грандиозно пояснил он.

- Что?!

- Да, мы сначала тоже не хотели, но получилось клево и помещение с замком. Там спокойно и никого нет, к тому же если кто зайвится, у нас там молоток и многое другое. Идем, я покажу, как идти и где быть внимательным...

Мы замолчали и подошли к люку. До чего я докапывался - мы идем в подвал!

Глава 22: «Убежище»

В домах такого типа люк в подвал находился прямо в подъезде, слева от первой лестницы. Он был прямо в полу, а размером, примерно, метр на метр может, чуть больше.

Серега без палева поднял его и стал спускаться. Я глянул туда и, к своему ужасу, обнаружил, что тьма там - хоть глаз выколи.

- А бомжей там нет? Или рабочих или еще кого? - судорожно спросил я Селика.

- Нет там никого, не ссы. Просто надо выучить путь, где какая труба, где какой поворот - спокойно рассказывал он.

- Путь? - еще больше ужаснулся я. - Там что, идти далеко? - желание попасть на хату медленно утекало.

- Нет, не далеко. Сама хата как раз под нами, в этом же месте, но в другом подъезде - в том, что дальше налево. Вход тут, а хата там - все просто.

- Да просто, - я опасливо посмотрел на люк.

Сереги там уже не было. Только слышались его шаги в глубине. Селик подошел и хотел, было, спуститься, но остановился и повернулся ко мне:

- Нет, ты первый, я сзади прикрою, чтоб шухер не нагнать на нас да ты и люк за собой закрыть не сможешь.

- Ладно, ладно - смирился я с неизбежным.

Медленно стал подходить к люку. Я опустил туда одну ногу и дна не обнаружил. Хотел, было, спустить вторую, но осознал, что они у меня одной длины и, если дно не нашупала одна, то вторая большего не добьется. Я стал беспомощно болтать ею в темноте, разыскивая выступ или лестницу. Представляю, как это бы выглядело, если бы там внизу был свет: какой-то придурок сунул ногу в подвальный люк и болтает ею от нечего делать. От этой мысли я сразу почувствовал себя неловко.

- Как тут спускаться-то?! - отдуваясь, спросил я, уже порядком подустав от этой позы «враскорячку».

- Там лестница есть, быстрее! Там идет, бл..дь, кто-то! - нервно крикнул Андрей.

- Черт! - я стал интенсивнее болтать ногой.

- Че вы там застряли?! - послышался голос из глубины подвала.

Наконец, под звуки шагов, доносившиеся с предподъездной площадки, я нащупал строго вертикальную лестницу, ступил на нее и резво спустился. Стал ждать. Быстро дыша. Волнуясь.

Несмотря на лишний вес, Андрюха ловко нырнул в отверстие, схватил люк, потянул на себя, положил себе на голову, и стал спускаться. Когда он был уже у земли, люк закрылся и мы услышали скрип открывающейся двери подъезда.

- Тихо! - прошептал мне Андрей и я застыл.

В подъезд вошли Макс и Тема.

- Я захожу к нему, а он мне «нельзя, матуха дома», бл..дь, п..дарас, - распинался Тема.

- А в чем, собственно, дело-то? - озадаченно спросил Макс.

- Да, бл..дь, не было у него никого дома на самом деле. Я думал они там с лохом Кулаком сидят, а он один, бл..дь, своих динозавров рисует, бл..дь!

- Что ты все «бл..дь», да, «бл..дь»?! Другого слова не знаешь, придурок?

- Пошел ты!

- И сколько ты с него взял?

- Я просто прислушался, а потом говорю: «если у тебя дома никого нет, ты мне штуку отдашь?», а он: «ну.. ну», я ему говорю: «быстрее рожай!», он сразу: «нет, нет». Короче я ему сказал, чтоб согню за неделю отдал и все...

Голоса медленно удалялись, а на этом месте вообще стихли.

- Идем, - позвал меня Андрюха. - Я покажу, как идти.

- Давай, - отозвался я.

Глаза постепенно привыкли к темноте, но пола все равно было не видно. Может быть, он был покрыт паром, я не знаю, но я своих кроссовок не видел.

- Тут труба около пола, - комментировал Андрей. Я переступил ее.

- Здесь труба высоко, нагнись, - продолжал он. Я нагнулся.

- Тут чуть левее, вон видишь, где свет? Это Серега уже зажег. Только осторожно, тут х..inya всякая под ногами: гвозди, железки торчащие...

Наконец, мы прибыли. Серега открыл нам дверь, и я вошел. Первое ощущение было незабываемым - такого я еще не видел. Эта хата в подвале была многим лучше некоторых однокомнатных квартир.

Небольшого размера комнатка, где раньше, по-видимому, рабочие хранили инструменты. Длина ее примерно метра три, а ширина около двух. Высоты, чтобы стоять прямо, хватало только мне и Селику, который был маловатого роста для своего возраста. Сереге пришлось нагибаться.

Вход в хату занимал правую часть одной из коротких сторон комнаты. Вдоль же длинных стояли две «лежанки», народной подростковой марки - «сделай сам!». Слева от входа была мини-лежанка, на которую сразу же бухнулся Селик. На лежанку, стоявшую вдоль стороны левее входа устроился Серега. Я огляделся. Я смотрел внимательно, а они наблюдали за мной.

Вся обстановка на 100% напомнила мне об одном месте, куда мы не раз ходили с мамой - театре в интернате для глухонемых детей, театре «Пиано». Мама дружила с Чикишевыми, основателями этого театра, и мы часто бывали на репетициях. Комната, где проводились репетиции, всегда была покрыта черной, шелковой, что ли, тканью, а все остальное вокруг было каким-то спокойным безопасным.

Стена хаты, в которой была дверь, тоже полностью скрывалась под черной тканью, и хотя это только стена, все сразу приобрело для меня очертания некоего «филиала» театра.

На дальней стене были полки, на них лежали пачки сигарет. Я заметил растыканные по разным местам инструменты. Возле самой стены на «моей» лежанке стоял магнитофон.

- Он не работает, - перехватив мой взгляд, сказал Серега.

В центре было пустое место, и все так и просилось на доработку. На стенах над лежанками висело несколько плакатов с машинами, девушками и героями фильмов.

- Есть курить-то? - спросил меня Серега.

- Нет, - гулко ответил я.

- А у тебя? - повернулся он к Селику.

- Нету, было б, я бы уже давно покурил, - прокряхтел Селик.

- Ща, поищем, может тут есть, - сказал Серега поднимаясь с лежанки. Он подошел к полкам и стал открывать пачки одну за другой. Пачек было штук пятьдесят, и это занятие отняло у него минут пять.

- Да нет там, не ищи! - посоветовал ему Андруха.

Спустя еще минут пять мы шли обратно к люку, Серега полез первым, приоткрыл люк головой и посмотрел, прислушался. Потом я шел домой и думал, что если взять туда Санька, он легко сможет скрываться от Макса и Темы, находясь прямо у них под носом. Это место должно стать его убежищем.

Глава 23: «Правила пользования»

С Саньком я решил подождать - надо было укрепить собственное положение на этой хате, то есть помогать строить и адаптировать ее. На следующий день я сидел там в тесноте, познакомившись со всей «заправской» командой.

- Надо тут ковров настелить, - задумчиво произнес Серега.

Когда он говорил, мне сразу бросалась в глаза его крашенная белым челка, сам он был каштановым.

- И че нам теперь, весь район «очистить»? - усмехнулся на это Андрей.

Это не тот Андрей, которого называли Селиком. Этот учился с ним в одной шараге, какой-то технической, был высок, строен, с короткими светлыми волосами и, - да-да, - мудрым лицом.

- Раз подъезд один «очистили», так и район можно, - шутливо поддержал Серегу Леха.

Он был покрашен в белый полностью и довольно сильно картавил. Его пронизательный взгляд постоянно сверлил то одного, то другого, но никто не обращал на это внимания.

- Нужно тут в середине что-то сварганить, - пробашил Селик.

- Не что-то, а стол, - уверенно заявил я. - Взять где-нибудь ящиков и большой пласт дерева.

- Да, но это где-то еще взять надо, - вцепился Леха. - Лучше полки сделать, люстру на лампочку повесить и телефон достать.

Я сразу вспомнил, как вчера первый раз зашел на хату. Я был весьма удивлен тем, что тут не свечи, а настоящая лампочка с выключателем, розетка и выход для телефона.

- А телефон ты принесешь? - усмехнулся на Леху Макс.

Этот Макс показался мне очень интересным. Он, как и я, тоже увлекался компьютером и играми, любил поговорить о фильмах и знал достаточно много... Ему был 21-й год, он уже давно окончил школу, но пока никуда не пошел учиться.

- Телефон купить можно... - вступился я. - Самый дешевый.

- Ну, давай, загни до телевизора, - огрызнулся по-доброму Саня Максимов.

Я никак не мог привыкнуть к такому количеству новых лиц. Этого Саню Максимова я видел в первый раз, как и многих остальных, но он был столь неприметным, что я даже не знал, как описать его внешность. Единственное отличие, уже не оригинальное, - он весь покрашен белым.

- Тут не хватает цветов и... какого-то... не знаю, оформления, что ли, - изрек я и тут же пожалел об этом.

Эти парни были не настолько готовы услышать столь содержательное изречение. Я сразу понял, что выгляжу как полный даун, пытающийся сказать что-то умное. Я тут же построил недовольную рожу и наигранно сказал:

- Короче, х.ево без картинок... - напыщенно и внушительно.

Слова сыграли свою роль. Такой вариант высказывания моей мысли был наиболее понятен для них.

- Точно, нужны журналы всякие, а то тут что-то есть на стенах, но мало, - подхватил Серега.

Я опять не мог отвести взгляда от его крашеной челки нет, не то, чтобы не мог, не в этом смысле... короче, бесила меня она, вот и все хм.

В тот день мы до вечера просто сидели и общались, но около семи часов вечера, вечера поздней осени, Андрюха (не Селик) «опомнил» нас:

- Э, народ, бля, пора чистить подъезды! - тоном телеведущего, говорящего «а сейчас», заявил он.

- «Чистить»? - я тогда как-то не нарочно забылся.

- Вы, что, так зарабатываете?

В ответ все дружно заржали.

- Проснулся, бл..дь! Мы о чем говорили, когда сюда пришли? - сквозь смех пробасил Макс.

- Про обустройство! - уверенно перекрикивал я смех.

- И? - вставил Селик.

- Про плакаты бл..дь, в чем дело? - разозлился я, когда все стали ржать еще сильнее.

- Привыкай, - хлопнул меня по плечу Леха, - идем ковры из подъездов п..здить.

- Как? Вы думаете, не запалят? Вы хоть раз пробовали?! - удивленно разбушевался я.

- А откуда, ты думал, эти ковры взялись, - ткнул пальцем в пол Леха.

- Да? - машинально ответил я.

- Да, - подтвердил он.

- А вы уверены, что это беспалевно? - не хотелось мне палиться на таких мелочах.

- Абсолютно, бл..дь, там лохи живут, им, бл..дь, хоть стреляй - если не в них, то по х..й! - громогласно пробасил Селик.

- Знаешь, если не говорить «бл..дь» и «х..й», то вышло бы значительно короче, - заметил я, хотя обычно редко придирался к мату - привык.

- Ну, че, идем? - спросил всех Андрюха.

- Да-да, - ответил за всех Макс.

Сцена выхода из подвала мне очень понравилась. Селик лез первым и чуть-чуть приоткрыл люк, чтобы посмотреть и послушать. Мне это сразу напомнило Черепашек-Ниндзя, которые при выходе из канализации делали точно так же.

Мы благополучно вылезли и отправились к желтым домам, что были возле приюта, недалеко от почты, аптеки, радиостанции, ментуры и дома Макса Алешина.

Холодный воздух быстро надоел. После теплого подвала весьма неприятно гулять по холодной улице. Все шли и курили. Желтые двухэтажные дома были легкой добычей. Там, перед квартирами, всегда есть коврики.

Нас было довольно много, и на палеве было достаточно народу. Мы успели взять штук десять ковров, прежде, чем решили возвращаться из-за холода.

Макс, Селик и Андрей сказали, что придут чуть позже, а оставшиеся отправились на хату.

Спокойно пробравшись туда, я увидел, как Леха ковыряется в замке и поинтересовался:

- А чем ты открываешь? Ключ-то, что, только у тебя?

- Нет, ключи у всех.

- У меня нет, - молниеносно выпалил я.

- Есть, - спокойно ответил он.

- Нет, мне не давал никто

- Вот, смотри - он резко снял замок и открыл дверь.

Включив свет, он показал мне «ключ». Это был большой ржавый гвоздь.

- Это что, на..бка? - я был шокирован.

- Нет, это «ключ», - усмехнувшись, пояснил Леха.

- Он, что, открывает замок?!

- Да, причем спокойно. Замок очень крепкий и очень старый. Гвоздь специально загнут так, чтобы подходил под отверстие, вот и все.

- Гениально! - под впечатлением сказал я.

- Нет, просто уметь надо. Ты хоть в курсе, кто платит за наш свет? - горделиво картавил он.

- За чей? - я уже догадался, но мне было интересно послушать самые гордые тона его голоса.

- Вон, - просто ответил он, показав большим пальцем на потолок.

- А как? - наигранно удивился я.

- Ну, мы вскрыли генератор, связали пару проводов и вуаля! - мотнул он головой в сторону лампочки хаты.

Хотя он пытался придать своему голосу тон «раз плюнуть», тон этот становился все более гордым. Почему-то, по мере нарастания гордости, нарастала и картавость...

Мы долго сидели и болтали о всякой ерунде, потом я услышал жуткий топот над головой - три громоподобных удара.

- Что это? - удивился я.

- Проверка: тут мы или нет, это Селик и остальные. Это правило, - говорил он, стуча три раза в ответку молотком. - Так всегда нужно делать.

- Понятно.

- Если никто не ответил, это не обязательно значит, что никого нет. Это может значить: что нельзя, типа палевно; что нельзя, типа что-то не так; что нас тут слишком много или что-то случилось.

- Ясно.

- Если ты постучался, и тебе ответили, или даже если нет, все равно короче, если ты пришел, а на хате кто-то есть, не стучи в дверь, а имя назови. У нас это важно. Стучать будут менты или рабочие. И если ты тут без нас, запомни: если слышишь звуки, не зная, кто это, или если слышишь незнакомые голоса, запирай дверь изнутри, туши свет, и тихо сиди!

- Ага... - почему-то последние его слова напугали меня.

Звуки и незнакомые голоса.

Правила я запомнил быстро, и теперь думал только о том, как бы подмазать к нашей тусовке Санька, с которым я совсем перестал общаться из-за хаты.

Главным вопросом было не то, «как», а то, «когда». Я решил, что этим днем станет завтра.

Утром я резво встал, и, не почистив зубы, - для скорости - помчался в школу. Возле входа я встретил Макса, который уже отошел от того случая и «забыл» о нем. Я поздоровался с ним, перекинулся парой слов и помчался дальше.

Саня пропустил первый урок и пришел на перемене.

- Где ты был? - спросил его я, пожимая руку в коридоре.

- Ко мне Тема зашел в семь утра и сказал, что пересидит первый урок у меня.

- Послал бы его!

- Ага, «послал!»! Послал бы сам!

- Да... я просто так... нужно же что-то сказать...

А сколько ты ему сейчас должен? - резко спросил я.

- Забей... - засмутился Саня.

- Сколько?

- Забей! Что тебе так интере

- Сколько? - поднажал я.

- Да, в чем дело?! - разозлился Саня.

- Я знаю, как тебе перестать общаться с Темой.

- Погоди... я че-то вообще не догоняю это...

- Идем, сейчас география...

- Да, пошли!

Мы вышли из школы и направились в сторону минимаркета. У меня были сигареты и заходить в «Утес» мы не стали.

Когда мы прибыли за гаражи, я стал развивать тему:

- Короче, маза такая: есть место, где можно без палева тусоваться, курить, пить, что хочешь, короче. Место никто посторонний не найдет, ни Макс, ни Тема...

- Найдут, по любому...

- Я тебе отвечу, пусть все перевернут - не найдут. Сто пудов даю.

- Откуда ты знаешь?

- Это место придумал не я. И нашел не я. Но я там тусуюсь.

- Да, что за место?! - Саня резко выдохнул дым и кашлянул.

- Здесь недалеко, короче. Туда смогаем после уроков.

- После уроков меня...

- Да, знаю - ждать будут. Это не проблема. Отсидим в школе лишний урок. Столько Тема ждать не будет. Скажем потом, если что, мол на дополнительных по рисованию были.

- И что? Чем мне это поможет, Макс? Он потом найдет меня, п..здюлей накатает за то, что скрывался и еще несколько сотен сверху накинёт.

- Я же не говорил, что тебе нужно скрываться. Я имел в виду, что с Темой тебе надо общаться очень мало. Просто «привет» и деньги в ладошке. И все.

- А толку?

- Толку? Толку?! Ты, что, не догоняешь? Из-за чего он вешает на тебя деньги сотку за соткой, а? Каким образом ему удастся отыскать столько причин и зацепок для этого? Именно из-за того, что целыми днями вы общаетесь с ним. Он слышит каждое твое слово, видит каждое твое действие и считает себя твоим другом.

- Но, как мне поможет...

- Да, ладно, Сань?! Неужели ты до сих пор не понял?! Не общайся с ним. Отдай ему то, что должен сейчас и не дай повода повесить на тебя еще. Просто не дай повода. Это же просто.

- Да, он начнет, что вот я его избегаю

- Драма какая, бл..дь! Пошел он! Избегаешь ты его! Скажи, что новых друзей нашел. Короче, - я кинул окурок в сторону и стал жестикулировать. - Либо ты идешь с нами, - развел я руками, - либо остаешься с этим Темой и встаешь в очередь за новыми долгами, - я потер пальцами, изображая деньги.

Саня, по ходу, потрясло мое выступление.

- Где это место? - его глаза запылали энтузиазмом.

- Около моего дома.

- Хорошо. Сегодня идем на дополнительные по рисованию.

Все прошло замечательно. К нашему удивлению, именно в этот день действительно проходили дополнительные занятия по рисованию. Так что нам удалось не только помотаться по школе без дела, но и порисовать вдоволь, ведь мы оба очень это дело любили.

Спустя полтора часа после конца уроков мы, все же, решились выйти. У крыльца школы никого не было. Мы резво двинули в сторону моего дома. Сигареты у меня были. В «Утес» было не надо. А остальное все есть на хате. Мой дом и дом с хатой стояли буквой «Г», и в нужный момент я свернул с привычного пути ко мне домой.

- Куда? - тут же спросил Саня.

- Тут рядом, - тоном разведчика в тылу врага сказал я.

На этом разговор закончился, и мы продолжили движение. Вскоре мы настигли нужный «сигнальный» подъезд. Я зашел в него, за мной Саня. Мы остановились, и он посмотрел на меня:

- И что? Где это место? Тут? - он не знал, что нужно говорить, если его заводят в темный подъезд и молчат.

- Тихо... - ответил я. - Сейчас...

Я ударил три раза. Нога даже заболела. Пол затрясся, но ответа не последовало.

- Идем в соседний! - скомандовал я.

- Ты во всех будешь такой шум устраивать.

- Нет, это проверка, а сейчас будет вход.

- Что? В подъезде? В этом? Ты че, Макс, это же...

- Тихо. Иди за мной!

Мы проникли в подъезд. Было довольно светло. Я открыл люк и сказал Саньку:

- Лестница вертикальная. Лезь. Там темно. Слезешь, отойди на два шага. Я за тобой. Давай! - я резко открыл люк, напрягся и стал готовиться встретить шухер...

...и заметил, что Саня стоит как столб.

- Чего ты?! Быстрее! - подбодрил я его. - Давай!
- Ты ебн..лся? - просто спросил он.
- Нет сейчас времени на это, лезь внутрь, быстрее, потом сам будешь меня благодарить, ну же! Давай!!
- Нет! Я туда не полезу!
- Саня, там идет кто-то, скорее! ДАВАЙ, БЛ..ДЬ, ВПЕРЕД!!!

Тут уж Саня не на шутку напугался, но решил послушаться и стал слезать. Я слышал шаги. Я волновался и меня всего трясло, ведь я держал люк над его головой открытым. Саня никак не мог найти последнюю ступеньку или пол.

- Плевать! Не глубоко там, прыгай!
- Ага, прыгай
- Ну же, идет кто-то! Давай, Саня, давай! Ну!!!
- Ладно, хер с ним - и глухой удар.
- Ты как?! - крикнул я.
- Нормально, - сдавленно проговорил он.
- Отползи то есть, отойди, Сань!
- Ладно - все так же тяжело говорил он.
- Готов?
- Да...

Я схватился за ручку люка, которая была на его дне, и приготовился. Времени у меня было около пяти секунд. Я просто взял и сиганул вниз, держась за ручку. В нужный момент я отпустил ее и люк с грохотом закрылся. Кусок моей куртки остался висеть на какой-то из торчащих железок. Я шлепнулся на пол и замер, прислушавшись.

Шаги прошли мимо люка тихо и беспалевно. Мы прошли.

Глава 25: «Диалоги в подвале»

- Сань! - крикнул я шепотом.
- Чего?
- Ты тут? - мои глаза еще не привыкли к темноте.
- Тут. Тут-тут, - его куртка зашуршала, и я понял, что он рассекает выгнутыми руками темноту, пытаясь найти меня.
- Не маши. Я тут, вот я, - я дотронулся до его плеча.
- А я тебя с другой стороны ищу
- Идем! Нам сюда... погоди... - я достал зажигалку и зажег ее.
- Мне не видно. Ты свет загораживаешь.
- Тебе видно мой силуэт. Это-то мне и нужно. Иди за мной...

Красно-оранжевый свет, дрожа, расплзался по стенам подвала. Он иногда подрагивал, иногда становился меньше.

- А-а-а-а... - глухой удар. - Бл..дь...
- Прости... Сань, извини, я забыл, что тут труба. Я уже привык...
- А если бы тут стекло было... я во что-то вляпался коленкой... дрянь, бля!
- Идем дальше... тут нагнись.
Свет погас.
- А-а-а-а-а-а! Что там такое... а-а-а-а!
- Да, не ори ты! Я просто остудить ее хочу, слишком нагрелась.

- Ты че, мог бы предупредить! А я подумал там кто-то...
- Ладно, я понял, мы пришли.
- Где?
- Вот.
- Этот сарай?
- Заткнись, ты его изнутри не видел.
- Но тут же замок.
- И тут же ключ.
- Где?
- Вот, - я ткнул пальцем.
- Этот гвоздь?! Знаешь, Макс, я, конечно рад за тебя, но...
- Погоди... смотри!

Я сунул гвоздь в замок и стал цеплять нужную железячку и рычажок. Когда замок шелкнул, я снял его, положил гвоздь в карман и пропустил Саньку вперед.

- Ух ты... - изумленно простонал он.
- Ну, как? - весело спросил я.
- Клево! Тут прикольно. А кто это построил?
- Ну, те два чела и их друзья.
- Какие «два чела»?
- О которых я тебе говорил... помнишь? Те, что вечером сидели в нашем шалаше. Которые хотели его доде...

- Ах, да, вспомнил. Круто! А... - он вдруг помрачнел.
- А что, если Тема или Макс узнают об этом месте?

- Ну, ты же им не скажешь.
- Нет, но... проследят или... заставят меня будут говорить, что скрываюсь, что я сквозанул с долгами и...
- У тебя паранойя развивается от общения с ними. Тут даже твои знакомые тусуются...

- Кто?! - с ужасом крикнул он.
- Нет, ты не то подумал. Я имел в виду Селика... Он с этими чуваками тусит.

- Да? Он тоже это хату строил?
- Не знаю, наверное.
- А ты говорил, что мне это как-то поможет... ну... с долгами.

- Да, я говорил про долги. Слушай. Мы улеглись на лежанки напротив друг друга и стали обсуждать дела.

- Ты уже который долг Теме отдаешь? - язвительно спросил я.

- Ну, я... это...
- Но ведь не первый?
- Нет... я... в смысле, просто он говорит все время, что я ему должен.

- Слушай, чего ты так боишься-то, его тут нет. Не тряпись и говори нормально. Что он тебе говорит?

- Ну, я ему наврал, а он говорит: «вот за это п..здобольство с тебя полтинник. Чтобы к субботе был!» и все.

- А что ты ему наврал?
- У меня телек «СТС» вообще голимо показывает.

Смотреть невозможно, хотя иногда еле-еле, но тянет. Он пришел, я кино смотрел. Он сразу на мой диван навалился и говорит, мол, где пульт. Я сказал, что кино смотрю, а он: «мне по х..й, пульт давай!». Ну, я дал ему пульт и спросил, что он смотреть хочет, он говорит: «по «СТС» передача классная». Ну, ты понял...

- Нет, что было дальше?
- Короче говоря, я сказал, что «СТС» у меня не пашет, а он все равно включил. В тот день она хорошо ловилась, а я и не знал. Он говорит: «че ты там п..здил» и «т» и «п» и «д», вот и все.

- А еще за что бывало?

- Ну, все в основном за п..здобольство. Один раз было такое: он спросил, во сколько у меня мать придет. Я сказал, что часов в семь. Она всегда примерно так приходит. А она в пол девятого пришла. Он, оказалось, тогда весь вечер стоял там на улице и ждал, а на следующий день говорит: «что ты там п..здил, она в девять пришла!» и опять...

- Да... - с пониманием произнес я.

- Вот так... - опустил голову, сказал Саня.

- Может ему стрелу забить? - предложил я.

- Да, кого мне приводить то? За меня не пойдет никто. Они все, кто бы то ни был, Алешина бояться, а он за Тему пойдет. Кто против него осмелится?

- Леха.

- Какой Леха? Один из твоих новых друзей этих, что ли... крашенных?

- Нет, другой. Хотя, они тоже могут пойти. Я поговорю с ними сегодня вечером. Оставайся.

- Нет, я должен к Теме зайти не раньше шести.

- Ладно, я сам...

- Не надо, Макс, мы только нарвемся.

- Забей, цепанем Тему одного, припугнем

- Макс, плохая затея... хуже потом будет.

- Нормально все будет...

- Мне по х..й, я не с вами, если что... я пошел...

- Стой! - резко сказал я.

- Чего? - обиженно крикнул Саня.

- Ты что так ссышь-то? - уже злобно и тяжело говорил я.

- Ага...

- Не «ага», а «да». Обозвал тебя пару раз этот Тема, припугнул и что... штаны мокрые и слезы страха?! Тебе помощь предлагаю, а ты... хочешь всю жизнь долги отдавать, да?! Что молчишь? Да, бля?!

- Ладно. Ладно, делай, что хочешь... мне по х..й мне без разницы... - голос его потяжелел, а глаза заблестели от слез.

- Не бойся, Сань, - смягчился я. - Все нормально будет.

- Не надо, Макс...

- Ладно, не буду, - вырвалось у меня.

- Что? - с недоверием посмотрел на меня он.

- Идем. Выведу тебя.

А, может, и буду... - подумал я про себя.

Глава 26: «Сговор»

Саня вышел из подъезда, и я проводил его взглядом. Простояв пару минут в раздумье, я развернулся и стал спускаться обратно.

Войдя в хату, я заперся и прилег. Я думал. Думал-думал-думал...

Почему он так боится этого... его?

Может это просто необоснованный страх из-за словесных угроз?

А может это совершенно справедливая боязнь... чего-то?

Чем таким мог пригрозить Тема Сане?

И что могло заставить Саньку отказаться от столь подходящей помощи?

Слишком много вопросов... и мало ответов.

Спустя полчаса стали приходиться люди. Первыми были Леха и Серега, за ними Макс и Саня Максимов.

Потом пришел некий Кирилл, который был весьма кстати, ведь его брат, как бы неофициально был крышей этой «шайки». Кирилл мне вообще запомнился. Его светлые волосы были натуральными, не крашеными, взгляд сосредоточен и внимателен, а одежда всегда спортивная, какая-то боевая.

Когда пришли Селик и Андрей, все собрались, и я неожиданно для всех стартанул:

- Дело есть. Важное, - серьезно заявил я.

- Какое дело? У кого? - заинтересовался Леха.

- У нас, у меня и еще у одного человека. Все просто. Нужно кое-кого припугнуть и отвадить. Всего-то.

- Кого и от кого? Че ты паришь, Макс, что за дела? - насторожился Селик.

- Да, нет, ничего особенного. Знаешь Саньку, в твоём доме живет? - спросил я его.

- Нет, знаешь, не знаю конечно знаю, ты что?!

- У него с Темой и Алешиним дела нехорошие появились... плохие связи. Оборвать надо.

- А в чем дело? - вошел в тему Серега.

- В деньгах. Он попал конкретно. Сначала Максим Алешин снимал с него по сотке, по пол в неделю... теперь этот Тема, бля.

- Короче, - заговорил Кирилл, - мы должны пойти за кого-то, кого мы не знаем. Мы должны отвадить от него кого-то, кто может неплохо дать сдачи. И мы должны делать это за просто так. Понятно. Спасибо.

- Именно, - подлакнул Леха. - Кто этот Саня? Что за Тема? Нам какой понт от этого?

- Очень простой. Саня знает об этом месте. Хорошо знает и скрывается здесь от них. С этого дня.

- Что значит «знает»? Что такое, Максим, бля, ты че? Что за самостоятельность?! Ты в этом месте пыль на пыль не положил, а уже кому-то это место показываешь! - разозлился Леха на меня.

- Не надо лишнего. Ему это необходимо, не надо сразу беситься. Я просто помог ему, потому что он мой друг. Ты хочешь сказать

- Я хочу сказать, что ты здесь пока никто! Какого х..я ты приводишь сюда людей?! А если нас запалят?! Ты, бл..дь, знаешь, что тогда будет?! А?!

- Спокойно. Во-первых, я не бл..дь. Это во-первых. Во-вторых, заткнись немного по поводу хозяйства. Не надо мне предъявлять, если вы вот с этим, - я резко указал пальцем на Серегу и тот отшатнулся, - первыми залезли в нашу хату и первыми стали хозяйничать.

- Одно - ваша хата, дру...

- Не надо все взвешивать. Дело не в том, какая хата круче, а в том, кто не прав. Твои предъявы излишни. Кто из вас может сказать мне в глаза, что привел Саньку чем-то навредил, а? Что-то пропало? А?! Что-то сломано или, вообще... Нет, не так ли?

Именно. Зато Саня лишился целого дня издевательств и унижений. Разве это не стоит того? Почему вы крепитесь только так... как вы сейчас? Нужно давать руку помо... - я перебил сам себя.

Меня вдруг осенило, что базарю какую-то чушь. Ну, не то, чтобы чушь, но... как старый дед, ругающий внучков за непослушание. Я говорил слишком многозначно и напряженно.

- Что я хочу сказать, - резкий перепад на добрый тон. - Он нуждается в нашей помощи. И мы ему поможем. Я говорю за всех потому, что считаю вас достаточно понятливыми людьми для осознания и оценки будущего. Посчитайте в уме - по десятке или по двадцатке ему дает мать каждый день. Все это он сливает Теме за п..здобольство и всякую ерунду. Посчитайте, сколько раз в неделю вы и мы сможем скидываться и бухать, тусоваться и вечерить тут.

- Неплохо... - первым сообразил Леха.

- Да, действительно, - поддакнул Серега и крепко затянулся сигаретой.

- Вот и о том же. Всего-то делов - напугать парня и заставить его понять, что никто ему не поможет, если он попробует продолжать.

- Что за Тема? - спросил меня Кирилл. Глаза его недобро заблестели.

- Да, там один. Хиленького сложения... как я, роста меня чуть ниже, чуть ниже среднего и на год меня старше. Восьмой класс а, нет, на два... класс девятый, он, помню билеты по истории у всех просил. Девятый.

- Хмырныш, бл..дь. Завалим... - загорелся энтузиазмом Кирилл.

- Короче, - распорядился я. - Завтра скидываемся. Ставим в курс дела Санька. Деньги он завтра не отдаст, а после уроков мы с ним катим сюда. Отлавливаем Тему, внушаем, и спокойно вечерим с бухлом.

- Отлично!

- Так, ребята, еще одна мелочь. Сколько у вас завтра уроков?

- Шесть у меня... - задумался Леха. - И у Серого тоже шесть. А что?

- Этот Тема может подойти после уроков к школе. Нужно, чтобы кто-то меня и Санька перехватил.

- А вы с ним в одном классе? - поинтересовался Андрей.

- Да, я же говорил. Ну?

- Я и Селя... - начал было Андрей.

- Убью, сука! - замахнулся Селик, он ненавидел, когда его так звали.

- Ладно, - улыбнулся Андрей. - Мы с Се... шутка! Мы с Андрюхой можем шарагу отпустить завтра. Мы подойдем после шестого. Во сколько он кончается...

Все было решено. И скоро все должно было быть кончено.

Глава 27: «Прелюдия»

- Сань! - позвал я его на первой перемене. - Все будет отлично, я договорился.

- О чем?

- О стреле... ну, не о стреле. Просто выцепим его и внушим суть дела.

- Выцепите? С кем?

- С тобой. Не соскакивай, ты тоже в деле. Я их уговорил.

- Макс, бля, иди на х..й, я не хочу проблем! Я тебе говорил, не надо, теперь выкручивайся как хочешь! Мне до фонаря, но я не участвую...

- Участвуешь, участвуешь... - тихо и внушительно прошептал ему в ухо Леха.

Саня чуть не упал от неожиданности, он не видел, как тот подошел.

- Не ссы, все будет путем. Кира с ним поговорит, а нам останется только слушать. А если будет выковыриваться, мы дружно его прессанем, усек?

- Хм... - Саня не знал, что делать. Отказать Лехе он побаивался. И не хотел выглядеть трусом. Но я-то знал, что на самом деле он очень не хочет этого.

- Не волнуйся. Все будет нормально. Сегодня вечером на хате вечера, не отдавай ему бабло, сколько бы у тебя ни было, а сохрани до вечера, мы скидываемся.

- Ну... ладно.

- И вот еще что. После уроков не торопись. Выйдем из школы вместе. Там нас встретят наши, и Тема, я думаю, не осмелится подойти.

- Хорошо.

Уроки пролетели быстро. Настолько быстро, что я сам заволновался. Почему-то мне казалось, что это не к добру.

Последние похолодания прошли, и май подарил в этот день яркое солнце. Мы прошли мимо раздевалки. Она была пуста. Коридор тоже. Близилась дверь. Я, не знаю как, но чувствовал, что Санька трясет.

Наконец, я открыл дверь и тут же столкнулся с Селиком и Андрюхой, за ними стояли и остальные. Ни Темы, ни Макса я не заметил.

- Ну, что, идем? - спросил я всех.

- Идем, - выдохнул Саня, и мы двинулись.

Вереницей пролезли в подвал, Серега открыл замок и мы расселись. Я пересчитал нас: Леха, Серега, Макс, Саня Максимов, Андрей, Селик, Кирилл, Саня, я...

Вроде никого не забыл.

У кого сколько денег? - именно об этом говорили лица всех присутствующих.

- У меня только чирик, - вспомнил я тяжелые и неизбежные выпрашивания. Моя бабушка денег даром не дает.

- Так, одна десятка. У меня тридцать, у Серого тридцать пять, у Андрюх у обоих... - считал Леха.

- У нас всего полтина, - добавил Селик и показал их с Андреем бумажки.

- У меня пятнашка, - высказался Максимов.

- Сорок, - Макс.

- И того... сто восемьдесят. Сколько у тебя, Кир? - продолжал Леха.

- У меня нету сегодня. Я вам потом поставлю.

- Ладно - проехали. Сколько у Санька?

- У меня пятьдесят.

- Итак, всего двести тридцать. Нормально. Но сейчас ничего не покупаем. Курить есть у кого?

- У меня есть почти полная, - достал Макс пачку «Winston».

- У меня немного осталось, - у Максимова, как всегда, «Alliance».

- И у меня чуть-чуть, - достал Серега «Pall-Mall». У него и у Лехи всегда «Pall-Mall».

- Пока хватит, - распорядился Леха. - Просто сидим тут и ждем. Сейчас - он посмотрел на часы. - Половина первого. Ждем до шести и вперед...

- Искать уродца - с энтузиазмом поддакнул Кирилл. И опять время летело как бешеное. И вот шесть часов.

- Ну, пошли, - всегда готов Кира. Энтузиазм не угас.

- Да, пора, - согласился Макс, и мы стали выходить.

Свет неизбежно погас, щелкнул замок. Послышались шаги и вот мы на улице.

- Куда? - спросил меня Кира.

- К его дому. Он там живет, - ткнул я пальцем. - В двухэтажке возле остановки.

- Идем!

Мы шли, как настоящая банда бандитов или вроде того.

Остановились на большом расстоянии, но уже видели его. Тема стоял около своего подъезда и курил.

- Меня ждет, - озлобился Саня.

- Короче, - взял контроль Кира. - Ты сейчас идешь к нему. Мы стоим тут. Говоришь с ним и предлагаешь прогуляться. Проходите мимо нас и

- Что значит «предлагаешь прогуляться»? Это как?

- Просто. Скажи - пошли покурим, поговорим

- Нет, он не пойдет.

- Ладно. Пусть все будет, как будет. Просто иди к нему и говори. А мы посмотрим. Если что, крикни, или убеги, или не знаю Мы пойдем, если что не так. Иди!

- Ладно, - спокойно сказал Саня и двинул. Нам оставалось только ждать. А Тема был один. И ничего не подозревал.

Мы наблюдали за тем, как Саня подошел, как Тема что-то сказал ему, а Саня что-то ответил. Они говорили. Потом Тема почему-то разозлился. Стал кричать и жестикулировать, но мы все равно не слышали тему - слишком далеко.

- Эй, там что-то не так, - насторожился я.

- Погоди, - скомандовал Кира.

- Только не сделай ошибки не пропусти момент, - попросил я его.

Кира промолчал.

Тема стал угрожающе приближаться к Саньку. Пугал.

- Стойте тут, - опять взялся за дело Кира. - Я пойду туда один.

Никто не стал возражать, а он не стал дожидаться ответа. Просто пошел.

Мне стало намного интереснее.

Кира подошел и загородил собой Саньку, потом что-то сказал Теме и махнул рукой в сторону моего дома, который был совсем рядом. Тема что-то возразил и сунул руку в карман. Послышалось очень громкое «Руку вынул, бл..дь!». Тема встрепенулся и вынул руку, что-то сказал и Кира махнул на него. Тема опять сунул руку в тот же карман и достал сигареты. Кира подождал, пока Тема прикурит, и мотнул головой в нашу сторону. Тема пожал плечами, и они вместе двинули к нам.

- Идем к песочнице, - скомандовал нам Кирилл. Тема промолчал и просто шел дальше.

Круглая песочница, окруженная воткнутыми в землю старыми колесами от грузовиков, уже давно не использовалась по назначению. Она была достаточно большого размера, чтобы там могли поместиться двадцать человек, часть которых сидела бы на колесах. Там всегда проходили стрелы и разборки.

Когда мы пришли, группа частично разделилась на тех, кто участвует и тех, кто слушает или просто так... пришел.

Главными участниками стали, естественно Саня, Тема и Кира, остальные стояли рядом, чтобы в нужный момент поддакнуть или что-то резкое сказать.

- Ты что, вроде как заступник его? - рявкнул вдруг Тема на Кирилла.

- Ты не ори на меня, я тебе не гусь какой я тебе вообще никто.

- А на каких основаниях ты за него говоришь, а?

- На таких, что лично он попросил меня. Ты вообще необоснованно с него деньги сливаешь, а он ничего сказать не может, потому что боится тебя. Ты ведь знаешь, что он боится тебя.

- Ну? - Тема противно улыбнулся на Саньку.

- Ну! И пользуешься этим, не так?

- Тем не менее. К тебе какое отношение его деньги имеют?

- Не меньше, чем к тебе.

- Да?

- Да! Не надо строить из себя Выдумщик хренов!

- Ты утверждаешь, что я не имел оснований для того, чтобы деньги на него вешать.

- Именно.

- А ты сам подумай: каково тебе будет, когда тебе в глаза п..здят и не смущаются? - он посмотрел Саньку в глаза. - А?!

- П..здят, да? Ты хочешь сказать то, что он не мог тебе точно сказать, когда вернется его мать с работы и это п..здобольство?! Ты что, попутал, пацан?

Тема промолчал. И правильно! Что тут скажешь?

- У тебя что, с деньгами проблемы? - съязвил Кира.

- Нет.

- А чем тебе так необходимы его деньги, что ты готов кидать его даже за мелочную х..ету?!

Тема опять промолчал.

- Последний долг за что был? - спокойно спросил Кирилл.

- Вот за это и был. Про мать и про работу, когда вернется, - подсказал Саня и Тема бросил злобный взгляд на него.

- Да? - улыбнулся Кира. - Сколько? Тебя спрашиваю, молчун, бл..дь! - крикнул он на молчащего Тему.

- Полтинник.

- И сколько он уже отдал?

- Все.

- Когда?

Тема промолчал опять.

- Вот сейчас, - помог Саня.

У Темы задрожали руки.

- Ах, даже так? Вернул ему деньги, бл..дь, живо!

Тема, - невероятно, - послушался и отдал Саньку полтинник.

- И сколько раз ты так на него вешал?

- Не знаю.

- Ну, давно он тебе первый раз задолжал?

- Ну... в прошлом году...

- Короче, всего около штуки.

- Ну, нет...

- Да, ладно, че ты тут... короче, не меньше, чем штука.

- Где-то так... - подтвердил Саня.

- Твоя неделя, - очень жестко сказал Кирилл. - Чтобы штука была у него.

- Нет.

- Что?

- Нет.

- Что значит «нет»?

- То и значит. Я не буду отдавать, заеб..тесь просить. Он мне деньги отдал. Ничего не говорил. Претензий не высказывал. Все, дело закрыто.

- Ты, что не догоняешь?

- Да, говори, что хочешь, денег - ни ты, ни он - обратно не получите. Можете меня отп..дить, но отдавать я ничего не буду.

- Вот так, да? Взял и не буду?

- Да.

Кира положил Теме на плечо руку. Жест был угрожающим и предвешавшим. Кира нагнулся к его уху и спокойно сказал:

- Ты мне сразу не понравился. Не заставляй меня доказывать тебе это руками. Ты отдашь ему деньги. Все. До копейки. И если ты сейчас скажешь «нет», твои друзья потом будут твои куски по всему району собирать, ты понял, урод, бл..дь?

- Ты че меня прессуешь-то? Выцепили меня одного, завели и прессовать давай? Давайте завтра тут в это же время, а?

- Стрелу хочешь?

- Нет, не стрелу, встречу, а там посмотрим

- Ладно. Но не завтра. В субботу. Тут же. Время твое.

- Шесть вечера.

- Хорошо. Приводи с собой всех, кого можешь. В следующий раз встречу перенести тебе не позволю лично. Понял?

- Ладно. Давайте.

Они за руку попрощались, и Тема ушел.

- Зачем ты согласился? - подошел я к Кириллу.

- А что?

- Да, ты хоть знаешь, кого он приведет? «Приводи кого хочешь» - это смело, конечно, но он возьмет Алешина, Шлоева, Ошурова. Знаешь таких?

- Слышал, - спокойно сказал он.

- Тогда ты должен знать, что нам тоже придется поднатужиться к субботе и собрать народ.

- Да, ладно, не пались, все будет путем.

- Посмотрим...

- Именно. Посмотрим...

В тот вечер мы скинулись и хорошенько набухались. Я почти не притронулся, я это дело вообще недолюбливал. Но для вида было необходимо. Все

только и говорили о том, как не повезет Теме и его друзьям, и что им предстоит в субботу.

Если бы они тогда знали, кто такие Шлоев и Алешин, они бы так, наверное, не сказали.

Глава 28: «Встреча»

Четверг. Я и Саня на хате одни. Три часа дня.

- Как ты думаешь, все получится? - спросил он меня.

- Думаю, да.

- А кого этот Кира позовет?

- Брата своего. Он у него типа большой человек тут.

- Вроде Шлоева?

- Наверное.

- Но нам же тоже надо кого-то

- Надо.

- И кого? Кто за нас пойдет?

- Я знаю кто.

- И кто же?

- Леха.

- Да, это понятно.

- Нет, другой Леха. Зек. Брат Димана.

- Это тот, который на твоём этаже живет?

- Да, он.

- Так он же уже дядя х..й знает какой!

- Нет, просто так кажется. Ему, если не ошибаюсь, сейчас 21 год. Он сидел года четыре за кражу, понятия знает на зубок, с ним все пойдет, как по маслу.

- И ты думаешь, он пойдет?

- Если я попрошу, пойдет.

- А почему если ты?

- Не знаю, но он ко мне хорошо относится. Мы с ним несколько раз так разговаривали,... общались. В общем, он пойдет, но надо предупредить его заранее.

- Когда пойдем?

- Можно сегодня.

- Идем.

- Только ближе к вечеру.

- Ладно.

- Ты, главное, до встречи не попадайся на глаза к Максиму или Теме... ни к кому из них, могут запугать. Если увидишь их издалека, попытайся увильнуть.

- Ладно.

- На встрече не стопорись, говори четко и не бойся никого. Там они тебя пугать или бить не станут.

- Точно?

- Да, на встрече они не могут, это я точно знаю.

Наступил вечер, и мы двинули к Лехе на мой этаж. Я позвонил в дверь и стал напряженно ждать. Замок вскоре щелкнул и дверь отворилась. Леха вышел оттуда какой-то невыспанный и усталый, под глазами синие круги, а взгляд расслабленный и тяжелый. Ему было около двадцати лет, не знаю, сколько точно. Он на вид был силен и угрожающ, хотя очень мускулистым или накаченным не был.

- Здорово, - протянул он сонно.

- Привет, - я пожал его руку.

- В чем дело?

- Да, тут стрелка одна скоро будет, я хотел, чтобы ты...

- Ну, я понял. А курить нет у тебя?

- Вот, есть... - я достал сигарету и дал ему.

- А в чем, собственно, суть?

- Да есть тут один парень - Тема, с Максимом Алешиным общается, может, кого из них знаешь? В общем...

- Про второго что-то слышал.

- Максим этот - чел с большими возможностями, а Тема его хвост... ну... вот с него - я показал на Санька, - Максим раньше деньги качал... за фигню всякую долги вешал, мол, нап..здил что-то или нагрубил и должен сотню или полтинник. Теперь Тема, короче, начал то же самое делать, а Максим в сторону ушел. Но Тема настолько наглый, он просто за какую-то мелкую хрень готов повесить на него сотню.

- Понятно. Ладно. Кто за этим Темой стоит, можешь мне не рассказывать, мне по х..й, я посмотрю... когда у вас стрела-то?

- В шесть вечера в субботу.

- Ладно.

- Ну, ты придешь?...

- Да, наверное.

- Приходи, ладно, а то нам против них - п..здец, не реально.

- Ладно, понял, давайте...

Он пожал руки мне и Саньку, и мы ушли.

Пятница. Вся компания на хате. Вечер.

- Уже завтра... - задумчиво сказал Леха.

- Ага... завтра? - подтвердил я.

- Что скажем, с чего начнем? - стал планировать Кира.

- Ну, сразу наедем на Тему. Что нам на его друзей смотреть? - вступил Саня Максимов.

- Да, верно. А как мы обоснуем-то? Действительно, что мы хотим?

- Деньги его вернуть, - твердо выступил Леха.

- Не получится. Он деньги никогда не вернет, лучше п..зды получит, но денег не отдаст, - уверенно заявил Саня. - Он когда с меня качал, он был... не знаю, уверен, что ли.

- Ну, это мы посмотрим. Ты главное сам не молчи. Тоже говори, тоже подтверждай, и все будет нормально, мы его завалим.

- Да, вы Шлоева вообще видели хоть раз? Он как словечко вставит, мало не покажется. Ладно, я своего позвал, - утвердительно объяснял я, стараясь вызвать в них хоть каплю пренебрежительности.

- Кого это, «своего»? - насторожился Кира.

- Не важно. Вы его не знаете, но Шлоева он заткнет.

- Точно? - Селик с недоверием посмотрел на меня.

- Кого это ты нашел такого, кто Шлоева загрузит? Я Шлоева знаю, видел, как он делает свои делишки. Ты знаешь кого-то круче?

- Да. Намного круче. Того, у кого больше опыта.

- И где же он этого опыта набрался? На улице? Знаешь, с кем Шлоев общался...

- Нет, не на улице. В тюрьме.

Все замолчали в напряжении.

- Кто это, Макс? - осторожно спросил меня Леха.

- Не бойтесь. Он на нашей стороне.

- Ну, зовут-то его как?

- Леха. Просто Леха.

- А живет далеко?

- На моем этаже.

- Понятно. Ладно, что ж, будем готовы. Кира, а ты брату своему сказал уже?

- Да нет еще... не ссы, успею.

- Ну, ладно.

Суббота. Все на хате. Утро.

- А где Саня? - спросил меня Леха.

- Сейчас подойдет. Все нормально.

- А Леха твой где?

- Он знает место и время. Сам подойдет, отдельно.

- Ясненько. Так-так, Киры еще нет и Макса, остальные вроде тут. Я даже не знаю, придет Макс, или нет.

- Ладно, будем ждать. Будем ждать...
Время летело очень быстро. Мы почти не разговаривали, сидели, курили, иногда рассказывали анекдоты или истории. Вскоре подошли Саня и Кира. Они встретились на улице.

Два часа. Три. Пять. Пол шестого. Без пятнадцати.

- Идем, пора уже, - сказал Леха роковую фразу.

- Пошли, - подтвердил Андрюха и Селик кивнул.

Расстояние до песочницы было совсем небольшим, но ее от нас загораживали двухэтажки и деревья. Кира повернул направо и сказал:

- Я за братом, сейчас буду. Они тут рядом тусуются.

- Давай! - крикнул ему вдогонку Леха.

Кира вернулся через минуту, и, остановив нас, крикнул:

- Их там нет!

- Ты, что, им раньше ничего не говорил?! Не предупредил?! - взбесился я.

- Нет... - виновато сказал он.

- Нам п..здец - тихо произнес Серега и посмотрел на деревья, за которыми стояла песочница.

- Без пяти, - напомнил я. - Идем.

- Идем? - удивленно посмотрел на меня Леха. - Туда?

- Да, идем. Без вопросов. Нету, и нету что же теперь? Санька подставлять. А сами вы, что собирались делать? Пока брат Киры разбирается, вы бы анекдотами перекидывались?

- Ну...

- Ну, вот и я о том же. Идем!

И мы двинули. Вскоре деревья позади и мы увидели густо «населенную» песочницу. Там были Максим Алешин, Паша Ошуров, Денис Шлоев, Паша Моторов, которого я видел всего несколько раз, и еще какие-то персонажики, с которыми я не был знаком. Тема был среди них и довольно улыбался.

На фоне песочницы было футбольное поле, где играли завсегдагаи- футболисты - Диман, Андрей Мельников и еще всякие...

- Ну, что? - сразу спросил Тема Санька.

- Что? - глупо переспросил его Саня, нахмурился брови.

- В чем дело-то? - спокойно спросил Денис Шлоев всех присутствующих.

Я оглядывался по сторонам. Лехи нигде не было.

- Что значит «в чем дело»? - вдруг резко спросил Шлоева Кира. - Дело вот в чем, вот он, - Кира ткнул пальцем в Тему. - Выжимал деньги совершенно несправедливо. Совершенно. И теперь, даже признав свою неправоту...

- Я ничего не признавал, - ухмыльнулся Тема.

- Что ты не признавал, бл..дь, ты же сказал тогда, в тот вечер?

- Что бы я там не говорил, но то, что я не прав, я не признавал! - огрызнулся Тема. В присутствии друзей он был гораздо смелее.

- Нет, я не пойму, даже если он и не прав, тем не менее, деньги отданы, деньги потрачены, денег нет. Чего вы хотите? Чего вы всем этим добиваетесь? - опять начал Ден.

- Потрачены, отданы, сказал тоже мне, - связвил Кира. - А они добровольно отданы-то? А?

- Да, не важно, важно, что потрачены.

Я тут заметил, что футболисты стали отвлекаться на нас и пропускать голы...

- Да неужто? А почему бы не повесить на него все деньги, что он получил от Санька. Потрачены или нет, - не важно! У Санька не было крупных сумм денег на руках, Тема ежедневно забирал его карманные деньги. Почему бы ему теперь так не поотдавать?

- А если он не будет? - продолжал Ден.

- Не буду, - поддакнул Тема и закурил.

- Заставим. Саня тоже не хотел. Он его запугивал, бил и заставлял.

- Кто, он теперь меня бить будет? - ухмыльнулся Тема.

- Ты вспомни, куда ты пришел, урод. Это тебе не туса под забором, бл..дь, говори нормально, без приколов и хихиканья, понял? - Кира повернулся к Шлоеву. - Нормально, да? Зашел к нему, Саня сказал, что дома кто-то есть, а никого не было. Сотня за это. Это нормально, да? А то, что мы собираемся вернуть это все, это что, не реально?!

- Ну, Саня в то же время мог сказать ему иди на х..й, я не хочу, чтобы ты у меня сидел и все.

- И сейчас он может сказать твоей куче молчащих головорезов, «идите вы все дружно на х..й», как считаешь? - услышал я голос Лехи, и обрадовался.

- А ты кто такой? - интонация Шлоева сразу грубела.

- По-моему, тебя это интересоваться не должно. Я вижу, ты тут за всех говоришь, в том числе и за самого Сашу, да?

- Нет, - Шлоев опустил глаза, но тут же снова поднял.

- Ладно, я не понимаю одного, вот этот х..й, - Леха показал на Тему и тот даже ничего не сказал в ответ, полагался на Дена. - Он приходит к Саше домой, жрет там, убудок, отдыхает, смотрит телевизор и называет себя его другом. И качает деньги. Это, на мой взгляд, невиданный беспредел. Все вы тут пытаетесь показать из себя, кто там сколько знает, и как это ситуацию правильно растолковать, спорите,

но никто из вас не учитывает единичных мнений. Ты какое право имеешь заявлять, что Саша мог бы его послать, а? Нет, я все понимаю, но он бы тут же получил за это еще сотню долга и синяк под глазом, что не так? Ты был на его месте разок? Нет? Представлял себя? Ты тут стоишь, и это говно защищаешь, а зачем? Давай, сейчас вы обсудите это все дружно, тебе твои друзья скажут: «мог бы его», то есть меня, «на х..й послать», а ты будешь отмазываться, делать вид, что хотел, но там я тебе слово не давал вставить, или еще чего. Давай. Пошли меня на х..й. Попробуй.

Игра в футбол закончилась. Парни стали расходиться по домам, а Диман двинулся к нам.

- Это угроза?

- Бл..дь, ты не строй из себя человека понятливого, ты ни х..я не знаешь, просто, без допов, пошли меня на х..й.

- Зачем переходить на крайности? - Шлоев засмушался.

- Вот, видишь? А зачем Саше «переходить на крайности»? Прежде всего, старайся представлять себя на его месте. Не надо придумывать бестолковых и невозможных выходов из положения.

- А как на твой взгляд это дело решить? Драться они не ббббудут, точнее - Саша не станет драться с Темой, - подал голос Паша Ошуров.

Я огляделся. «Наши Лехи и Селики» сидели на траве и разговаривали между собой, пугливо поглядывая на действие. Мне захотелось их удавить. Я перевел взгляд на Серегу и Андрея. Они, бл..дь, играли в карты на пакете. Нет... повесить.

- А на твой, лично твой взгляд, все можно решить дракой? Это что, некий вездесущий способ, что ли?

- Ну, нннет, но...

- Так предложи что-то другое. Драку предложить тут любой может, ты не отличился. предложи свой, оригинальный способ решения проблемы.

- А ты что, пришел тут морали читать? Может, ближе к делу? - спокойно прогудел Денис.

Я так и не мог понять, боится Шлоев Леху, или же нет.

- Ну, вперед, умник! - Леха улыбнулся на него, как улыбаются на дебила: «это конфетка!»

- Не понял тебя.

Я посмотрел на Киру. Он стоял и смотрел на все это, пораженный тем, с какой скоростью можно перехватить слово. И с какой устойчивостью.

- Ты ближе к делу хотел перейти, перепрыгнув через поиск решения проблемы. Давай. Я так понял, что ты его уже нашел. Нет?

- погоди, почему ты за него все говоришь? - выступил на Леху Макс. - Пускай он что-то скажет. Может, он уже что-то придумал? - Макс повернулся к Саньку.

Саня молчал.

- Ну? - нагнулся к нему Макс.

- Ты же, молчать сюда пришел? - мерзко и угрожающе хихикнул на него Антон-псих. Он даже внешне легко сходил за еб..нутаго.

- А ты что, прессовать его надумал! - грубым басом надавил на него Леха.

Все замолчали. Денис стал что-то шепотом говорить Максу. Леха обернулся и заметил брата. Я тоже увидел Димана и подошел к нему.

- А ты что тут делаешь? - спросил его Леха.

- Ничего, - жизнерадостно сказал Диман.

- Этим дальше и занимайся. Только не вмешивайся.

Денис продолжал советоваться со своими. Уже не только с Максом.

- А ты... - Тема посмотрел на Дениса и тот кивнул.

- Кем ему приходишься? Тут никто не видел, чтобы ты хоть раз с Саньком разговаривал или ходил. Ты здесь на чьих правах? - отчеканил он выученный текст и напряженно утих.

Леха бросил на Тему спокойный взгляд, который за несколько секунд превратился в такой яростный, что меня передернуло.

- На твой взгляд, я не имею права здесь присутствовать? - гневным, свирепым тоном говорил Леха, медленно приближаясь к маленькому Теме. - Ты считаешь, это тебе решать, кто станет за Сашу говорить, бл..дь?! Лохов ищешь, с кем разговаривать просто, да, бл..дь?! Давайте, крутизна! Что вы? Не стесняйтесь! Грузите меня вдоволь! Но не надейтесь, что вам удастся внушить мне что-то, что исключительно на ваш взгляд является неправильным или не честным.

- А ты ему кто? Ты от вопроса не уходи, - холодно спросил Денис.

- Я его друг. Того, кто может мне в глаза заявить, что он так не считает, или просто «это не так», прошу шаг вперед, бл..дь! Ну?! - рявкнул Леха.

Все Темины друзья, включая Дениса, вдруг проявили резкий интерес к песку под ногами и стали внимательно изучать его взглядом.

- Сколько он тебе еще должен? - спросил Леха Тему.

- Да, ладно... - еле слышно родил Тема.

- Сколько?! - зарычал Леха.

- Пятьдесят.

- У тебя есть сейчас? - обратился Леха к Саньку.

- Да, вот... - Саня протянул ему полтинник.

- Держи, - Леха отдал деньги Теме. - И все. Больше вы не друзья. Больше вы никто. Вы с друг с другом не общаетесь, не звоните, не здороваетесь, поняли? Вы теперь не друзья. Даже не знакомые. Усекли?

- Да, - первым ответил Саня. Тема молчал.

- Ты уяснил это, осел?! - рыкнул на него Леха.

- Да, да-да!

- И не «да-да»-кай, бл..дь, сука! - Леха смачно сплюнул, провозжая взглядом шайку врагов, которые решили просто молча встать и уйти.

- Есть у вас сигареты, у кого? - Леха шмыгнул носом и посмотрел опять на удаляющихся противников.

- Кто это? - спросил он меня, забирая сигарету.

- Какой?

- Ну, этот «зачем переходить на крайности»...?

- Шлюев Денис.

- Ферзь, бл..дь, каких поискать!

- И что, он больше к нам не подойдет? - спросил я Леху.

- Нет. А если попробует, посылайте пряником ко мне, ясно?

- Да, ладно. Так и сделаем.

- А ты х..й ли молчал? За тебя и этот ваш Кирилл, и все... а ты? Стоишь, бля, смотришь, молчишь? Не парься, там бы тебе никто ничего не сделал, не надо. Мог бы это карлику крикнуть: «че расп..звился, урод изподжопный?!»

Саня нервно хихикнул, но промолчал.

- Боишься ты его... боишься. А зря. Он ничего сделать не может. Они все такие. Ударит пару раз для удачного запугивания, и все тут... Я с такими много раз сталкивался, все лохи были... Ладно... Давайте, я пошел.

- Давай... - я пожал ему руку, потом Саня.

Леха ушел.

Глава 29: «Эпилог»

- Вы что, с дуба рухнули? - спросил я всех наших, когда мы пришли и расселись на хате.

Они виновато промолчали.

- Что-то до того, как мы пришли, вы более смелыми были! - я взглянул Лехе в глаза с такой яростью, что его белокурые крашенные волосы зашевелились, когда он поймал мой взгляд. - Кира стоит там, надрывается, а вы в карты, бл..дь, играть, да? Кто там говорил, что Тема лох? «Приводи кого хочешь», да? Довыб..вались?!

- Да, ладно, что ты все же нормально - тихо промычал Андрияха. Селик еле заметно кивнул ему.

- Нормально, бл..дь... - я никак не мог остыть. - Могло быть и не нормально!

- Ладно, забудем... - Кира посмотрел на всех по очереди, и ему стало их жаль.

- Забудем Эти уроды могли всерьез все не воспринять. Возьмут, завтра, бл..дь, заявятся к Саньку домой, он будет один, как Тема в тот раз, и прессанут его хорошенько, что тогда? Возьмут, косарь на него повесят и расплачивайся как хочешь! Ладно косарь, могут и по мастям прокатить, так до конца жизни не рассчитаешься.

- Не парься, если что, опять к нам придет. Леха же твой их предупредил, - стал оправдывать их Кира.

- Предупредил. Да что предупредил, если на него масть повесят. Что он тогда сможет сделать? Тогда уже никого волновать не будет, что Саня был один. Тут уж он должен сам разговаривать. Он тоже хорош слова не вставит, если его не попросить...

- Ты сам слова не вставил, - Леха сказал это спокойно, даже как не замечание, но меня вдруг что-то кольнуло.

Я же действительно не сказал не слова Я сам боялся этих вражеских персонажей до смерти. За меня говорил Леха. А этот Леха прав.

- Ты едешь в Москву, да? - сменил тему Серега.

Я только сейчас и вспомнил. Вот-вот закончится учебный год. И я в Москве. Навсегда. Я как-то не думал об этом. И вот - задумался. Они поняли это... на-

верное по глазам, и стали тихо разговаривать о чем-то между собой. Саня молчал. Он тоже думал. Мне почему-то показалось, что он думает о том же. Что будет, когда я уеду. Почему-то все закончилось быстро. И именно на этом. Все закончилось, как сюжет книги. Все началось с моего поступления в эту школу, а закончилось как разборка и сматывание в Москву. Почему? Не знаю. Точнее, не могу знать. Раньше меня посещала мысль, что из любой жизненной линии... в смысле, из любого дневника можно сделать фильм или книгу, но... теперь я понимаю, что это не так. Я не знаю, может так бывает часто, но я в своей жизни вижу свою жизнь как сюжет... как сюжет по всем пунктам: пролог, завязка, развитие, кульминация. Нет только развязки... но может... она еще впереди.

Саня на следующий день даже не разговаривал со мной в школе. И я знал, почему. И я не обиделся. Он не мог понять, так же, как не понял бы и я на его месте... может мы были слишком малы... что его друг исчезнет. Друг не может быть так далеко. Он стал дружить с Саньком-«Трепещите!». Меня это не волновало. Это вдруг стало для меня... прошлым.

Я ехал в вагоне поезда и смотрел в окно. Вечерело. Плацкартный вагон громыхал монотонно... клонило в сон. Но я смотрел в окно и думал. Я переваривал несколько лет жизни в эти минуты и пытался приготовить себя к будущему... к тому, что ждет меня после того, как я сойду с поезда. Я ехал один. Мама должна была встретить меня на платформе. Я был один всю эту ночь, и всю эту ночь я думал. Вокруг меня все затихало и ложились спать. Последний раз проходила проводница, предлагая чай, но я отказался.

Я вспоминал всех. Всех, с кем я дружил, или общался, или враждовал. Многих я помнил слишком хорошо. Я молча встал и вышел в тамбур. На секунду меня отвлекла мысль: будет ли проводница против восьмиклассника, курящего в тамбуре ее вагона. Она не обратила внимания. В тамбуре было очень холодно и накурено. От железной обивки шел легкий, еле заметный пар. Я опять встал у окна. В уме у меня возникла некая таблица. Я глубоко вздохнул. Она была похожа на паука, большого паука со множеством лап, туловищем которого был я, а лапами были события, люди и все, с чем мне пришлось встретиться тут. В этом городе. С этими людьми.

Пускай насилие тут продолжает порождать насилие. Пускай люди наивно пытаются искоренить злость и агрессию подростков путем лекций и нотаций, воздуху и стенам всегда полезно послушать. Пускай все будет настолько хорошо и настолько плохо, насколько это оптимально и... пускай все будет, как есть.

Я уезжал от этого. Уезжал далеко. На этот раз я знал, с чего нужно начать. Начать что? Новую жизнь. Я пока еще в школе. Значит, я могу начать жизнь сначала. Начать ее в другом месте и с другими людьми. Я знаю, с кем мне знакомиться и общаться. Я знаю, как это делать. И знаю, каким нужно быть в этой среде.

Я готов. Да, я полностью готов.

ИРИНА КУПЦОВА (чагода)

ДЕДУШКА И ВНУЧКА

В один из морозных дней я как обычно растапливал печку. Дрова дымились, но не хотели загораться. Я злился и почти уже сжег всю бумагу. Думал, что сейчас спалю последнюю растопку и брошу это неблагодарное занятие. Лучше уж замерзнуть, чем так унижаться. Я достал из пакета зеленую старую школьную тетрадку, выдрал из середины несколько листов, скомкал их, затем, подумав, скомкал всю остальную тетрадь и уже собрался бросить все это в топку, как, вдруг, неожиданно почувствовал, что в тетрадь что-то вложено. Это оказалось письмо в редакцию. Я работаю в газете журналистом, а ненужную бумагу ношу домой на растопку. Я распечатал конверт и вытащил оттуда листок, исписанный убогим почерком, а также старую фотографию. Я внимательно взгляделся в фото. На нем улыбались маленькая девочка и еще бравый старик. Девочка была с поразительно советским личиком - честная пионерка. Дедушка смотрел гордо, да и было от чего. На пиджаке блестели ордена. Видимо, было девятое мая. Родственники стояли у памятника погибшим героям.

Я прочитал начало письма и понял, что оно не имеет никакого отношения к данной фотографии. Оставалось только гадать, перепутал ли кто-то письмо, или не туда вложили снимок? Мне стало вдруг грустно. Захотелось хоть что-нибудь узнать о судьбе дедушки и внучки. Жив ли дедушка? Удачно ли вышла замуж девочка? Возможно, что честная малышка стала врачом и теперь спасает жизни. Нет, скорее она учительница. С таким лицом надо быть только примером для подрастающего поколения. Она-то уж точно не станет просто так ставить двойки, да и пятерки тоже. А что если она пошла на рабочую специальность? Стране нужны строители и дворники. А что плохого быть дворником? Дарить людям чистоту - истинное счастье. Вот увидит человек чистую улицу и душу захочет очистить - в церковь сходит, свечку зажжет и так ему приятно сделается. Словом, через сорок минут мое любопытство было доведено до пика отчаяния. Я во что бы то ни стало решил выяснить про дальнейшую судьбу двух героев на фотографии. Письмо было написано какой-то Юлей. Юля поздравляла с днем рождением какую-то Галю. В общем, ничего, чтобы могло пролить свет на поиск. Тогда я стукнул себя по лбу и схватил конверт. Так и есть - адрес на нем был, причем, нужная улица оказалась рядом с моим домом. Я решил пойти туда завтра с утра. Когда наступило утро, я позвонил в газету и сослался на простуду. Не знаю, но почему-то мне не хотелось рассказывать про истинную причину моего отсутствия. Я быстро нашел нужный дом. Забор оказался разрушенным, а точнее его совсем не было. Рамы покосились от старости. Сени были разобраны, и даже от уличного туалета оставалась только одна стена. Я с удивлением смотрел на дом, пока меня кто-то не окликнул. Я очнулся и увидел, что рядом стоит какая-то бабулька.

- Выселять что ли пришли? - спросила она. - Давно пора!

- Нет, - сказал я. - Я по другому делу.

- Тоже с ними пить будешь, - разочарованно протянула бабушка и поправила на плече толстую сумку.

- А вы почтальон? - почему-то решил уточнить я.

- Почтальон, - неохотно ответила старушка. - Пенсию вот Егорычу принесла. Он ведь всю войну на фронте был, заработал себе большую пенсию. Жаль только, что не на дело опять деньги пойдут. Людка совсем обнаглела. Родного деда обирает.

- А кто это, Людка?

- Так ты что не из их компании? Что-то я не поняла? - удивилась почтальонша. - Чего ты от них хочешь-то?

Я порывлся в кармане, вытащил письмо, которое вчера чуть не сжег и показал почтальонше старую фотографию.

- Так это ж Людка с Егорычем, - уже обрадовано сказала она. - Вишь ты, какой Егорыч-то был орел, и Людка вроде приличная росла. Давнишний, наверное, снимок, - вздохнула старушка.

- Давнишний, - подтвердил я. - Так они здесь еще живут?

- Здесь-здесь. Где же им еще быть! Давай что ли зайдем тогда, - предложила письмоноска.

- Давайте, - согласился я.

Мы прошли к разрушенным сениям, нащупали дверь и толкнули щеколду. Дверь противно закрипела.

- Хоть бы смазали, ироды, - поморщилась почтальонша. - Только вино пить и успевают, а на масло денег нет.

Я ничего не ответил, и мы с ней прошли дальше. Вход в комнаты был завешен одеялом, света не было. Глаза разъедал табачный дым. Сквозь синеву я рассмотрел драный диван, на котором кто-то лежал. Рядом на полу сидели двое - сильно потрепанная женщина и тощий мужчина.

- Что сидите-то? - окликнула их письмоноска. - Будите деда, я пенсию принесла.

- Не-а. Пусть спит, - промямлила прокуренным голосом женщина. - Давай сюда пенсию, я распишусь.

- Да нельзя тебе, - повысила голос почтальонша. - Пенсия дедова, только ему и могу отдать.

- Я тебе говорю, что спит дедушка, - не согласилась женщина. - Давай деньги-то.

- Ну так я сама его тогда разбужу, - почтальонша подошла к дивану и толкнула спящего. Егорыч не пошевелился, он лежал в том же положении. Почтальонша толкнула старика еще сильнее. Опять ничего.

- Да хватит тебе, Егорыч, дрыхнуть-то! - в сердцах произнесла письмоноска и схватила старика за руку. Но тут же отбросила ее обратно.

Рука самостоятельно упала на диван, а дед даже не пошевелился.

- Так он же... так он же - это... Людка, ведь это, - не могла вымолвить ничего женщина. - Людка, так ведь...

- Да знаю я, - сердито ответила Людка. - Все знаю. Ну, помер дедок вчера вечером. Не дожил зараза до пенсии. Так ведь жил же он до этого месяц, значит, и пенсия положена нам.

- Да ладно, тебе Людя. Не надо денег, - вступил в разговор молчавший до этого тощий мужчина.

- Да че ладно? Че ладно-то? - возмутилась Людка.

- Не твои деньги, так тебе и не жалко! - Она поправила одеяло на Егорыче.

Я не захотел больше находиться в доме и вышел на улицу. Всю обратную дорогу домой я думал. Странно, не помню о чем тогда размышлял. Может и вообще ни о чем, просто к горлу подступало разочарование. Выходило, что дедушка и внучка не оправдали моих глупых надежд. Она так и не стала врачом. А он умер, не дождавшись пенсии и найденной мной фотографии.

ЛАМПОЧКА

Я несколько лет ездил по нашей стране и устанавливал медицинское оборудование. Как-то судьба занесла меня в симпатичный русский городок Чагоду. Я сразу же решил зайти в редакцию местной газеты и купить несколько номеров районки, чтобы узнать, чем живет городок.

Других посетителей в редакции не оказалось, поэтому приветливая сотрудница сразу же принесла мне газету «Земля».

Я попросил полистать годовую подшивку, и, получив разрешение, присел в кресло.

«Гламур», «креативно», «жесть», «пипл» - словно и не выезжал из родной Москвы. Несколько публикаций под рубрикой «человек и его дело».

- А вы к нам в больницу приехали? - поинтересовалась журналистка. - Надолго?

- Поживу здесь, пока аппарат не настрою, - ответил машинально я. - А почему про колхозы ничего не пишете? Газета же не оправдывает названия.

- Фу, кому интересны эти колхозы, - скривилась журналистка. - Бабки только и почитают.

- Почему вы решили, что про колхозы не интересно? - удивился я. - Я бы с удовольствием почитал, если бы написали с душой.

- Эх, москвичи, - вздохнула журналистка. - Для вас - это экзотика, а пожилы бы в таком болоте с год, сразу бы сбежали. То ли дело Москва. Там звезды живут, там «Фабрика на первом», дорогие рестораны, Бентли.

- Наивная, - подумал я. - То про что ты говоришь - всего лишь замок из песка. А Москва, в сущности, - большой город, в котором такая же рутина. Только без свежего воздуха, без парного молока из-под коровки, без бани с березовым веничком.

- Напрасно, пишете и про сельское хозяйство, - посоветовал я. - Это важно и не только для вас, но и для всей страны.

Однако свою тираду мне закончить не удалось, в редакцию зашли еще три человека. Как только люди закрыли за собой дверь, в помещение влетел запах силоса. Старая бабушка, и двое мужчин среднего возраста явно были чем-то недовольны.

- Дорогая редакция, - начала бабушка. - Мы трое из деревни Мишино. Нас вообще-то там четверо живет, но одна бабка совсем плоха и уже не ходит.

- А короче можно? - спросила журналистка, раздосадованная появлением народа.

- Я и говорю, - продолжила пенсионерка.

- Да погоди ты, - оттолкнул, бабуку придурковатого вида мужик. - Вишь че вздумала, идти в редакцию из-за какой-то лампочки! Подумаешь, лампочка на столбе перегорела.

- Замолчите оба и оставьте редакцию в покое, - вступил в разговор третий мужчина. - Журналист выслушал вашу проблему и за два дня все решит. Нам идти надо.

- Вы поможете? - взглянула бабушка простоватым взглядом на журналистку.

- Посмотрим, бабулька. Ничего не обещаю, - ответила работница пера.

- Вы бы хоть телефон их записали, - не выдержал я. - А то как с людьми-то свяжетесь?

- Ой, милоч, - тут же переключилась на меня старушка. - Что ты! У нас телефон один на всю деревню и тот на столбе. Мы позвонить можем в скорую или пожарную, а нам уже никак не позвонить.

- Да пусть идут, мы и так разберемся, - все больше раздражалась журналистка. - Еще на автобус опоздают...

- Так вы уж нам помогите, - все приговаривала бабушка. - Милые, мало ли скорую вечером вызвать, а лампочка на фонаре перегорела. Тьма, ничего не видать, хоть с лучиной ходи.

- А далеко ли ваше Мишино отсюда? - спросил я.

- Да минут тридцать на автобусе, - ответил придурковатый мужчина. - И чего она из-за этой лампочки, дел что ли у редакции других нет. Подумаешь, лампочка перегорела.

Они ушли, я расплатился за газеты и тоже направился к выходу. По дороге в гостиницу я думал, о том, что деревня деградирует и вымирает со страшной силой. Я, конечно, знал об этом (телевизор смотрю), но не думал, что все так грустно. Не знаю, как в маленьких городах, но многие московские школьники точно никогда в жизни не видели живой коровы. Как-то семилетняя дочь моей подруги заявила, что булки на деревьях прямо в пакетах растут! XXI век, а в деревне один телефон и тот на столбе и номер ночью набрать невозможно, потому что цифер не видно, потому что лампочка на столбе перегорела. А главное кто же и когда теперь ввинтит новую?

НАТАЛЬЯ МАКЕЕВА (москва)

**СВЕРХЧЕЛОВЕЧИХА
(саван расписной)**

I

Леночка была страсть как хороша. Шейпинговое тулово. Длинные бритые ножки в дорогих колготках - ни одной затяжки. Сапожки. Ясные глаза и кожа нежная. Коготки - так просто загляденье. МГИМО, театр и с мамой в Испанию.

Одногруппники любили Леночку хватать. А уж как глазами-то ели! Она буквально чувствовала, как их язычки скользят по ее стройному телу. Но - ни-ни до свадьбы. Даже девочкам нравилось леночкино тело. Иногда, выпив кагора, они начинали мять ее упругую грудь и снова пальчиками между ног. Леночке это не сильно нравилось - часто из-за этого колготки рвались, да и вообще не дело. Вот если бы мальчишки... Но мама не велит.

Леночка была улыбчива и приветлива. ее все любили - душа компании, походница и лыжница, школу - с золотой медалью и сессия без проблем. Умница-красавица, комсомолкой, правда, ей быть не пришлось, потому что пришел Горбачев. «Ах, Леночка, наша Леночка!» - радовались люди вокруг - и свои, и чужие. Чудо, а не девочка.

II

Не бывает чудес без тайны. Да и женщина без тайны - банка консервная, открывай да ешь. Знакомые мальчишки и девочки, не стовариваясь, представляли, как Леночка лежит вечером в постели, подставив тело лунному свету, как приходит к ней неведомый некто. А тетеньки и дяденьки радовали себя картиной такой - приходит домой эта радостная девочка и рыдает над книгой - Цветаевой там или Чеховым.

Тайна у Леночки конечно же была. Но не такая, как все думали, а жуткая, давняя, похожая на болезнь, на навязчивый страх, ковыряющийся под кроватью. Внешне тайна эта простая была. Как будто и не тайна - так, дело житейское. Когда заканчивались заботы и никто не мешал, доставала она из шкафа длинную рубашку, на ночную похожую или даже на платье. Раскладывала, руками трогала, складочки разводила, проверяла, все ли в порядке. Иногда садилась и начинала на той рубашке вышивать. Красивая рубашка была. Леночка давным-давно, еще в школе, сама ее сшила, да так и не смогла с рукодельем расстаться. Как же тут тайна - ну шьет рубашку девочка, хозяйкой хорошей станет.

Только не рубашка это никакая была, а саван. Так она его для себя и прозвала - «саван расписной мой». Каждую ниточку лелеяла, ласкала, как любовника какого, читала, как книгу и плакала ночами над смертью своей, в нем замурованной. Скучала по ней, но не торопила, потому как знала - когда надо, сама из савана расписного проявится и все как надо с ней сделает. Лучше любого любовника. Научит лучше всякой книги и в зазеркалье уведет.

III

Так и жила Леночка - в институте друзья ее ждали, а дома - саван. Длилось время, уже последний курс к концу близился, женихи зачастили. Становилась девочка все прекраснее. Люди даже завидовать боялись красоте такой. Так и говорили «нездешняя девочка, неземная». А одногруппник, смешливый Лешка, неформал и алкоголик, сверхчеловечихой Леночку звал. Только, говорил он, разврата нету. Не хватает тут разврата! «Не в разврате счастье, Лешенька», - говорила она. «А в чем же?!»

На том они и расходились и не спорили. Все было благостно и ничто не ранило. Дом, учеба, театры, кафе и Карпаты.

Но однажды не стало Леночкиного дома. Он сложился, ушел в себя, оставив горы неудобного мусора. Забрал и родителей, и девичью кровать, и лунный свет в окошке. Но самое страшное - саван, он забрал расписной леночкин саван. Смерть ее украл. Так она стала по-настоящему нездешней, бессмертной девочкой.

Долго бродила она по развалинам в надежде найти хотя бы клочок и из него вырастить себе новую смерть. Все напрасно - не было нигде ни кусочка. Только разбитые телевизоры, обгорелые люди и спотыкающиеся журналисты. Изодрала Леночка колготки, пообломала коготочки и волосы растрепала. Но ей было уже все равно. «Что ж, значит судьба моя такая», - подумала она и пошла прочь.

Навстречу ей качался одноклассник Леша. Он как раз обходил развалины, любясь людскими душами, мечущимися над телами и всяким добром. Завидев бессмертную девочку, он покраснел, как если бы его застукали за стыдным делом. «Что, Леночка, саван свой расписной все ищешь? Глянь лучше, вокруг, красота-то какая! Где еще столько душ скорбящих встретишь!» Девочка даже не удивилась. «Да, Лешенька, да. Сверхчеловечиха я неприкаянная» - сказала она и легла на тревожную ветошь. Легла на спину и распахнула тело. Случился разврат. Долго длился он, пугая живых и мертвых тварей, во множестве бродивших вокруг. Леночка видела, что мальчик-то смертен и все пыталась вырвать из него смерть, но ничего не получалось. И все начиналось заново. Так - круг за кругом. Потом она решила - а вдруг смерть в нем неправильная, личная? Они позвали еще мальчиков, потом - девочек и жуть всякую.

«Сверхчеловечиха я, - стонала Леночка, - сверхчеловечиха».

ХОХОТ

Борис Семенович сторонился смеющихся людей. Не из зависти вовсе. В содрогании их тел, запрокинутых головах с закатившимися глазами виделось ему что-то трупное.

«Не бывают живые люди такими и все тут!» - говорил он Катерине, грустной девочке лет семи, тоже несмеяне. Часто, забившись на дальней сырой скамейке в самой утробе парка, говорили они, храня себя от хохотунчиков. А когда те все же их достигали, спасались еще глубже, в чаще таких изгибов и отблесков, что девочкины волосы начинали змеиться, а у Бориса Семеновича то и дело отстралат птичий клюв. Одинокими быть они не умели. Внутри каждого неспешно ворочался целый выводок чертоангелов, певших свои сумрачно-ясные песни, расевшись на хрупких веточках бесконечных бесед.

Не то что б они жизни не рады были. Просто смех человеческий пугал их. Как и Солнце. «Злое, страшное оно. Вот-вот зубами клацкнет» - шептала, плача в тем-

ном углу, Катя. «Да, изрядно почуждело» - соглашался, недобро шуряя на светило, Борис Семенович.

Настоящее Солнышко спряталось или, скорее, по недоброй воле попало в плен к пустотелым тварям. Иногда, когда самозванец прятался, можно было увидеть их смутные тени в тоскующих небесах. Солнышко не гасло - оно сидело в своем плену всемирной шаровой молнией, все больше и больше наливаясь соком. Расточать жизнь было совершенно не на кого. Распухая без всякой меры, оно готовилось к своему полнодию. А пустотелые стражи не знали ни Солнца, ни Луны, только хохот человеческий Катеньке все чаще и чаще виделось, как усталое Солнышко вырывается из своих снов и тогда каждая душа, каждое тело, мысль любая лопаются огнем. Даже Луна трескается, в пламенных рыданиях света в превращенной полночи, новорожденной колесницей верша уму непостижимый день.

Борис Семенович и Катя обожали Луну. Солнышко-то далеко. К тому же, как говаривал один мудрец, «ему - егойное, а Луне - лунное!» Не протягивать же паутинку к ближнему обманщику. Откуда набирался он сил, чей скрежет зеркала и что за светляк по нутру его пустому скакал, не знал никто и знать не мог. Нет такой головы, что б в таких вещах разбираться...

Луна пока держалась. И смеха людского не любила, видя в нем судорожное «браво» тюремщикам своего брата, а вовсе не радость какую. Целыми ночами она, отражая гнилое мерцание последнего нагльца, грустила, лелея мечту о Дне, когда они вместе прокатятся по пылающему небосклону.

Разъявленный хохот этот вел прямо в пустотелое логово, где уже и не до смеха вовсе и даже не плача - только пустота страшная перед самым солнышкиным вскриком. Глядя на мир, Катерина все больше сворачивалась внутрь себя, пропитываясь собственной бесшумной радостью. Закрывшись лианами длинных волос, она то тянулась к пленному Солнышку, постепенно вползая в убежище, переполненное словами и снами, которые и пересказать-то никому нельзя, даже Борису Семеновичу. Потому как нет таких звуков - слова те пересказывать, а для снов ничего и подавно нет.

Он, тоже прячась в сумрачной тиши, о пленном светиле знал лишь с девочкиных слов, в которые без памяти верил - всей душой, как в тень свою, в отблеск или там в Бога. И все старался вместить. Вглядываясь в бледное катино личико, пытался он поймать в глазах ее солнышкину тоску. Когда темное дно зрачков наконец-то вздрагивало и раскрывалось, Борису Семеновичу часто хотелось, что бы он и не рождался вовсе и поныне плескался в беспамятстве.

День оно дня поблескивание чумное становилось все гуще и от того все чаще стрекотал смех. Его множественные рты смачно пережевывали мечущийся в ужасе воздух во славу своего кумира-солнцекрада. И не было этому ни конца, ни края. Толпы хохочущих существ заполнили улицы, они носились с яркими предметами, восхваляя и воспевая «Чудовишно, до чего ж чудовишно» - горестно подвывал Борис Се-

менович, качая слабеющую Катеньку, ближе и ближе подбиравшуюся к солнышкиной темнице. «До света недалече», - шелестела она, двигаясь в пустоте в живом облаке змеящихся волос. По всему было видно - времени осталась тающая крошечная горстка.

А Борису Семеновичу придумалось засмеяться. Рассуждал он вот как: если вражьи слуги хохочут - значит сила какая-то в этом есть. Если же ей завладеть, можно, наверное, победить. И тогда подлец зашипит, задымит головешкой и свалится, Солнышко поднимется и станет светить - людям и сестренке своей бледной на радость. Встав перед зеркалом, Борис Семенович разевал рот и, выпучив как следует глаза, начинал яростно кряхтеть. И звук, и вид получались такие жуткие, что аж зеркало передергивало, а сам горе-смехун и вовсе забывался в угол - «чур меня, чур!» Не смешили его шутки людские, и прочие явления, служившие хотунам для их ритуалов. Частенько пробовал он и поддаваться соблазнам Бликующего, но только сильнее ужасался и, сам того не желая, скатывался в холодную брешь, где, дрожа и озираясь, змеилась Катенька. Ее тело, пропитанное грустью солнышкиной, день ото дня утекало к своей хозяйке, почти коснувшейся Солнышка. Она бы и слилась с ним, если б не судороги людские, они только и не давали ей с головою нырнуть в родное.

Борис Семенович поводил в пустоте птичьим клювом. Ему было жарко - до слез и как-то по-странному радостно - несмешливо, молча, но настолько полно и несомненно, что назад, к земле и не тянуло. Не видел, но звериным способом чуял он Катеньку - рядышком, между ним и Солнышком, вот-вот готовым лопнуть. Борис Семенович знал - еще немного и станет огромный светлый жар и больше ничего. А до этого люди и черти будут носиться и в отчаянье кусать друг друга, лапаясь изнутри. Он уже видел их, хохочущих в попытке спасти бликунову власть. Но кто же спасет такое? Подлец уже весь растрескался, как и всякая другая мысль. Вдруг Борис Семенович уловил странное и понял - это Катенька прижалась к солнышку ближе близкого и волосы ее змеятся, не погибая в его невозможном жару, а глаза впиваются внутрь себя пустоту. Треск один остается - страшный треск всего и вся.

Извернувшись, коснулся Борис Семенович катинного тела. Оно больше никуда не текло и не двигалось - только змеи метались по голове, воя от ужаса, а сама девочка ушла в неназванную даль...

И тут пришел хохот. Он обрушился на птичеклювого дядечку, разворотил нутро и распахнул ему рот. Хохот был всем, хохот был везде. В нем громыхали смешки, усмешки и детский смех - все поклонения Бликуну смешались и рвали теперь Бориса Семеновича на части. Он чувствовал, что и сам заливается, словно над шуткой, над катенькиным телом. И длилось это странно - то ли миг, то ли пропасть.

Пока Солнышко не стало всем, а все - Солнышком.

ЕЛЕНА НАПОРОВА (ЧЕРЕПОВЕЦ)

РАССКАЗИК

Полторы недели до ноля.

Синий ключ: Вы что? Действительно думаете, что это все могло случиться с ним? Да у него фантазия никогда не работала!!! Богатая фантазия: Не спорю! Я не люблю работать у тех людей, у которых никогда не было и не будет идей-основ, ради которых я могла бы стараться!

Глобальная идея: Подождите... Это, как это никогда не было??? Сколько я себя помню, я у него с пяти лет живу!!!

Богатая фантазия: Ну-ну... может еще и самого рождения?

Синий ключ: Вы еще подеритесь, и от нашего человека совсем ничего не останется.

Глобальная идея: А с чего, собственно, все началось?

Богатая фантазия: С меня конечно как же иначе.

Синий ключ: Да обычный вечер был. И обычные сумерки. Если не подключать сюда фантазию. А она к тому времени, вроде, спала еще. И уж лучше бы ей и дальше спать. Наш Человек (далее как НЧ - прим. автора) только проснулся. Нет. Он никакой не вампир и уж тем более не сова. Просто жил НЧ по ночам, спал днем, - что тут может быть особенного?! Совершал все то, что делают обычные люди по утрам, только вечером. Чистил зубы, пил кофе, одевался и выходил на работу. Все обычно! Садился в последний автобус, доезжал до последней улицы и заходил в железные ворота. За ними НЧ и работал. Обычная работа. Без фантазии.

Богатая фантазия: Хотя мне стоило уже тогда проснуться, может, было бы совсем по-другому.

Синий ключ: Ты и так много сделала. Не проснись ты тогда, может ничего бы и не произошло.

Глобальная идея: А где ж я тогда была?

Синий ключ: А ты застряла. Тебя богатая фантазия, когда спала, прищемила!

Богатая фантазия: Ну вот! Снова я виновата, рассказывай дальше давай!!!

Синий ключ: Обычный коридор. НЧ захотелось в туалет. Ну, как обычно. И вот он идет в конец этого обычного коридора. Заходит в обычный туалет и тут БАХна тебе, просыпается фантазия!!! В самый момент! И НЧ оказывается посередине арены цирка. Вокруг огня, факелы, зрители!!! Шум! Рев тигров и медведей. Над головой летают, как птицы, акробаты!!! Ух! И только НЧ посередине этого всего стоит в своей луже. Все вокруг смеются. И такой прогивный клоун показывает на него пальцем и смеется. Этот смех звенит эхом в ушах. Фантазия отключается. Обычные стены. Обычная кафельная плитка. Кран. Вода. Отражение в зеркале. Все, как обычно.

Богатая фантазия: Да мне сон плохой снился. Я и на ситуацию никак повлиять не могла...

Глобальная идея: Оправдываться потом будешь!!! Мда, дела! Может во всем этом еще и давняя мечта виновата?? Эй??

Давняя мечта (спросонья): Я-то здесь причем???

Глобальная идея: Не в курсе, НЧ никогда не мечтал клоуном поработать?

Давняя мечта: Если только в следующей жизни. Клоуны - они же такие противные.

Богатая фантазия: Ну, не настолькоесли подумать Синий ключ: В общем, мы тебя поняли, богатая фантазия, можешь дальше не объяснять!

Глобальная идея: И что?? Это уже не первый случай?

Синий ключ: Это было еще только начало...

Знакомьтесь, НЧ!!! Без пола, без имени, без даты рождения, а, следовательно, и без возраста. Без всего на свете, чем обладает обычный человек! Но, в отличие от обычного человека - он наш! И пусть у него течет обычная жизнь в его обычных венах, он все равно остается нашим. У него нет друзей, нет каких-либо чувств, он не может любить, сочувствовать. Нет, он не робот. Он просто наш! Воплощение наших идей, желаний, мечтаний, вместилище наших фантазий и мыслей, составляющая нашей жизни. Все в нем! А еще он сам отделен от своего тела. Да, у него есть, как у всех нас, свои идеи, мечты, фантазии, но его тело не подчиняется им, не может их реализовать... Потому что для того, чтобы хоть что-то сделать, необходимо захотеть, а желания НЧ тоже отделены от его тела... Вот так все получилось. Рад ли он??? Счастлив ли??? Скорее всего да, чем нет. Но он нам никогда не скажет об этом...

Железная монетка упала с жестким звуком на пол и закатилась под стол.

«Орел или решка?» - пробежала мысль в голове у НЧ. Но не было никакой разницы, ведь она ничего не решала, ведь не было никакого вопроса, который она могла бы решить в тот момент. НЧ решил просто проверить, что выпадет, орел или решка? Запустив свою ладонь себе в волосы, будто стайку дельфинов в море, и поставив локоть на стол, НЧ долго сидел так, не двигаясь. Он смотрел сквозь крышку стола, пытаясь растворить его и увидеть, куда все-таки закатилась монетка.

Богатая фантазия: И тут стол начинает исчезать, смешиваться с воздухом...

Давняя мечта: СТОЙ!!! Я же так давно хотела избавиться от этого стола, почему он до сих пор его не выбросил?

Глобальная идея: Хорошая идея! Можно было бы его отдать, к примеру, бедным людям...

Синий ключ: Нееет, вы так ничего и не поняли... Стол - это всего лишь преграда на пути к истине - к монетке...

Богатая фантазия: Но она же все равно ничего не решает?

Синий ключ: Возможноно может, задача и состоит в том для НЧ, чтобы решить, что сделать в этой ситуации, но как он может решить, если там где-то в пыли и темноте монетка уже все решила... орлом или решкой!

НЧ слушает музыку. И слушает ее красиво. Создавать красивую музыку сложно, но слушать ее красиво еще сложнее. НЧ нравится, как сложнее. Вот он вытаскивает ночью свои большие колонки на крышу своего шестнадцатиэтажного дома. Они каждый раз задевают косяки чердачного входа, и от этого становятся с каждым днем все старше и старше. На крыше у НЧ сколочена небольшая скамейка. От ветра и дождя она давно приобрела оттенок мокрых прибрежных камней, которые так часто собирают люди, которые едут отдыхать на море. Но на крыше у НЧ нет никакого моря. Там только небо, звезды, скамейка и колонки... а еще Franz Ferdinand... И вот уже 3-ий час ночи, город с крыши такой крохотный и беззащитный, эхо проезжающих где-то за городом поездов, несметное количество дорожных фонарей, словно мошкары, запутавшейся в паутине дорог, автомобилей и витрин магазинов. НЧ садится на пол, вернее, на крышу... кладет голову на верхнюю перекладину своей скамейки так, чтобы можно было увидеть и звезды и даль ночного города Сидит так минут пять, вслушиваясь в отсутствие звуков... и нажимает на пульте кнопку «PLAY».

Tell Her Tonight

Богатая фантазия: Город оживает! Так быстро, прямо на глазах. Тысячи цветных бабочек вылетают из каждой форточки каждой квартиры каждого дома. Звезды начинают подмигивать то красным, то зеленым, то желтым светом! А у НЧ появляются крылья и такая незабываемая улыбка...

Давняя мечта: Он же всегда мечтал о полете... Хотел танцевать в воздухе без ухмылок, летать каждую ночь...

Глобальная идея: Ага. Был уже один такой, кто с крыльями с колокольни прыгал, с ума сошли? Синий ключ: У него в такие моменты незабываемая улыбка...

Жалко, что НЧ мог себе позволить красиво слушать музыку только по выходным, ведь в будни он работал, а днем спал. Зато уже в пятницу вечером, когда он просыпался, колонки стояли и смотрели на него в упор, мол, скоро можно будет снова летать, и он верил...

И вот НЧ опять запнулся колонками о чердачный выход. От такого удара корпус с хрустом обнаружил в себе вмятину. «Чччерт!», - вот что смог сказать НЧ в такой ситуации. На крыше, как ни странно, не обнаружилось скамейки. Наверное, ее сдуло порывом ветра, или она понадобилась кому-то больше, чем НЧ. Но он не расстроился, он просто не умел расстраиваться из-за таких мелочей. Дальше, больше. Город никак не хотел засыпать в эту «чччертову» пятницу. Машины, люди, огни фонарей, соседи, - все шумело, не давая НЧ вслушиваться в отсутствие звуков. И действительно, как можно вслушиваться в отсутствие чего-то, если оно до сих пор существует?! Лишь только к 4-ем утра все стихло. Осталось всего час до сна. НЧ достал пульт, нажал как обычно кнопку «PLAY».

и... диск занервничал, стал перескакивать с песни на песню, что очень разозлило НЧ и он со всей злости (хотя он не знал, что такое злиться по-настоящему) швырнул пульт в начавшийся только что восход солнца... Послышался глухой ударпульт стукнулся обо что-то на крыше соседней шестнадцатизэтажки и разлетелся на сотни микросхем. Диск понял этот сигнал, и сам переключился на песню... Jacqueline...

НЧ смотрел долго, ничего не понимая в то место, куда бросил пультом. Там сидела девушка цвета мокрых прибрежных камней... такого же, как и его скамейка. Она была такого цвета с ног до головы, совсем не двигалась и даже сильные порывы ветра не смели хотя бы пошевелить прядь ее волос. Просто сидела и тоже смотрела на НЧ. Но как она попала сюда? Ведь ее здесь не было! Или ее занесло все тем же ветром? Или она спустилась на крыльях? Пульт знал, в кого попадать.

Богатая фантазия: Как бы было хорошо, если бы она была не из камня, они могли бы слушать музыку красиво вместе...

Давняя мечта: Да ему и одному было хорошо, но так хотелось с кем-нибудь познакомиться...

Глобальная идея: Надо ее взять к себе на крышу!

Синий ключ: Хорошая идея...

Вот уже и рассвет. И надо бы идти спать НЧ! Но он все смотрит, и смотрит, и смотрит, и смотрит... на нее... на свою Жаклин... Пусть недолго ее зовут так.

НЧ просидел на крыше весь день, хотел убедиться, что она не сон, и что ее не унесут непонятные люди. А на следующую ночь пошел забирать ее к себе на крышу.

Чердачный выход соседней шестнадцатизэтажки был закрыт на большой желтый замок. Где искать ключ НЧ не знал. Но само ощущение, что за этой вот ржавой крышкой, на крыше вот этого самого дома - она... НЧ не понимал, что с ним происходит.

Синий ключ: Вот, вот тот самый момент! Он очень важен сейчас. Он начал что-то чувствовать, не знает что, но начал.

Давняя мечта: По-моему, он уже может немного нами управлять.

Глобальная идея: Нет, скорее всего, нам показалось...

Обычный вечер. И обычные сумерки. НЧ только проснулся. Почистил зубы, выпил кофе, оделся и вышел на работу, но предварительно вылез на крышу и убедился в том, что Жаклин до сих пор смотрит на него. «Необычно!», - подумал НЧ. Сел в последний автобус, доехал до последней улицы и зашел в свои железные ворота. Обычная работа. Вот тогда и произошло то первое его смещения тела и его само-

го, пусть даже в такой необычной форме, как цирк. Домой он шел пешком. Близилась осень. НЧ понимал, что на крыше ему остается любоваться ЭТИМ ВСЕМ всего чуть-чуть. А Жаклин? Что с ней? Он должен ее забрать, но как? В деревьях слышались голоса листьев, они рассказывали друг другу о лете. Хлопнув дверью своей квартиры, НЧ прошел прямо в ботинках на кухню, достал из холодильника бутылку с остатками холодной кока-колы уже без газа, осушил ее сразу же. Затем взял пульт от компьютера и, сидя на полу, стал его разглядывать. Совсем недавно он перевел и магнитофон на этот пульт. Старый ведь он разбил о Жаклин. Тем самым и компьютер, и магнитофон теперь работают от одного пульта...

«А ведь ключи у чердаков в одинаковых домах тоже должны быть одинаковыми?», - мигом пронеслось у него в голове.

Богатая фантазия: Эй!!!! Это не я, я ничего не делала! Это он сам!

Глобальная идея: Да не может такого быть! Мы же не можем! Он же не может!

Давняя мечта: Все! Теперь мы в его руках! Он знает, что такое чувство и мысли...

Синий ключ: Ну, наконец-то, дождались...

НЧ перерыл всю свою прихожую. Ключа нигде не было. Залез в карманы всех своих трех пальто, даже в ботинках поискал... нигде нет! От злости толкнул ногой ту самую колонку с вмятиной. Послышался брякающий звук. НЧ взял колонку в руки, потряс, внутри, словно погремушка, что-то на самом деле брэнчал. НЧ взял молоток, и сколько бы не было связано воспоминаний с ней, ударил колонку посередине, и она раскололась точно пополам. На пол вывалился ключ синего цвета...

НЧ стоял перед Жаклин. Во всей ее статуе лучилась радость от встречи. Ее видел только НЧ. И никто больше. Никто...

В эту же ночь он и она сидели у него на крыше. Слушали отсутствие звуков. Одна единственная колонка транслировала джаз. Она не могла ничего сказать, но НЧ этого и не требовалось. Он обнимал ее за каменные крылья. Да, он не видел их раньше. Тысячи цветных бабочек вдруг выпорхнули из каждой форточки каждого окна каждого дома, звезды замигали желтыми, красными и зелеными огнями, дорожные фонари плели свою паутинку, глотая в нее редкие автомобили. У НЧ снова выросли крылья. Жаклин ожила, взяла его за руки они полетели в даль ночного города. И всю ночь танцевали в воздухе без ухмылок, как мечтал НЧ...

А на утро, когда обычные люди идут на свою обычную работу. На обычном асфальте возле обычного шестнадцатизэтажного дома в обломках каких-то обычных серых камней лежал НЧтакой же неживой, какой была Жаклин, и на его лице была та незабываемая улыбка...

[Ноя. 30, 2007|11:16 am]

яндекс и гугл учат людей жить в прозрачном мире, и пользоваться базами данных всегда, про «информацию-как-воздух», и про то, что одновременно новым длинным трендом является независимость от компьютеров (и экологичность инфосреды). Про людей в мобильных сетях и про социальные феномены, про новое образование, про влияние инфотехнологий на восприятие и обработку информации мозгом, на культурное перемешивание и взрыв этносов изнутри.

[Дек. 9, 2007|02:28 pm]

у меня есть девушка, которую я люблю уже год примерно. мы с ней дружим. моя любовь безответна. вчера после вечеринки я решил проследить куда она пойдет с каким то парнем. я короче иду за ними, они садятся в машину и начинают прогревать мотор, сидят на передних сиденьях болтают, ну а я как бы просто мимо прохожу. и прямо перед ними я поскользнулся и упал. когда упал - я решил не вставать. вот так - сидит моя любовь с каким то парнем в черном джипе - а я валяюсь перед их машиной и люблю свою любовь.

[Дек. 30, 2007|04:42 am]

На ХабраХабре [развернулась дискуссия](#) о том нужно ли современное высшее образование ИТ-специалисту.

Некий Константин рассказал чему его учат на специальности «прикладная информатика в области искусств и гуманитарных наук». А другой из комментаторов ([Андрей Сикорский](#)) поведал очень симпатичную мне точку зрения на образование в целом.

«Есть две составляющих образования: техническая (специальная) и нетехническая. Есть несколько уровней владения знаниями: осведомленность (awareness - «просто имею представление»), знание (knowledge - «начинаю применять»), мастерство (skill - «постоянно применяю и могу решать новые задачи на основе старых») и эксперт (expert, «могу передавать знание другим»). На текущий момент в технической составляющей ИТ-ВУЗы дают только первый уровень (осведомленность).»

[Янв. 9, 2008|12:00 am]

вика, ведь ясно, что если долго ясно, то сушь.

[Янв. 10, 2008|10:15 pm]

Когда в сети есть много виртуализованных друзей, причем все они варятся в определенной каше (обычно это региональные тусовки), то возникает забавный эффект, когда кто-то из этой тусовки постиг некий пост и вся остальная тусовка, зная друг друга, начинает общаться в нем в совершенно другом стиле, нежели общаются люди, незнакомые друг другу. Все примерно представляют общие события, ситуацию, нет бессмысленного доказывания и флейма, поскольку такие вещи давно уже прошли в офлайн, зато есть тонкий ситуационный юмор, которого никогда не будет в общении незнакомых людей.

Все это напоминает литературные гостиные, только в современной обработке. ©

[Янв. 11, 2008 |08:39 am]

Зачастую, авторов блогов не интересует Ваше мнение по вопросу или Ваша оценка произведения. Автор говорит «А», чтобы Вы сказали «Б».

[Янв. 18, 2008|11:16 am]

Наберите в поисковике «Мак» и начните поиск. Растения мака там почти нет, так же как и нет фрукта Apple. В современном мире растение мак и фрукт Apple неудачники - у них нет будущего. **Вот что могут парни в джинсах - менять суть вещей за очень короткое время, суть, которую строили веками.** Даже парни в галстуках и пиджаках так не умеют. © «Интернетные штучки»

[Янв. 22, 2008|07:48 am]

В прошлом году в моей трудовой книжке была сделана запись №6. А запись №7 уже не появится никогда. взлом habrahabr.ru - битва продуктов мышления [Янв. 22, 2008|08:56 am]

Данный тип атаки называется Дэфейс <.>

Т. е. по сути люди заходили на Хабр, и автоматически их голос отдавался за этого черного мужчину, а вся остальная информация автоматически скрывалась из поля зрения.

Атака на Хабр началась в 6 утра, а уже в 9 часов туда повалил народ, а админы Хабра в это время спали. Ну и самоорганизующиеся сообщество стало думать как с помощью подобного кода убить черного властелина. **Н к внутри сообщества живых людей организовалась битва Ботов, которые подменяли голоса и убивали друг другу карму.**

Если проводить аналогии с искусством, то это выглядело бы так: сочиняет композитор симфонию, которая сама насильно диктует слушателю мнение о прослушивании, а при этом другой композитор создает другую симфонию, которая начинает бороться с первой ее же методами.

Тоже Москва @ 2008-03-12 17:39:00

Первый день пребывания в Москве был ознаменован посещением выставки «Дизайн и реклама» проходившей в ЦДХ. Нам показали лучшие брендинговые работы за последний год. Объяснили зачем же вообще нужна фирменная идентификация. Сетовали на то, что особенно смелые решения не готовы быть принятыми руководителями и заказчиками некоторых компаний.

Самым запоминающимся именем для меня было - КЕН КАТО - это руководитель австралийской дизайнерской студии. Из его уст летели очень приятные для осознания формулировки понятий уникальности и новизны. Приведенный Като пример с использова-

нием сущности ветра в качестве идеи фирменного стиля для аэропорта - действительно запоминается и врезается в сознание/

Помимо самих семинаров на выставке можно было ходить вокруг стендов всяких различных дизайн-студий. Мой фотоаппарат как и в настоящей жизни выделял самое логистое из логотипов, самое фирменное из фирмистого. У Алёны Москва под нарисованными подсолнухами.

Во второй день в 8 утра мы выехали из Южного Бутова на машине и ехали 2,5 часа в центр. 2,5 часа потерянной жизни.

Далее нашей целью была лавка Лебедева, адреса которой мы не знали и спрашивать не хотели. Надеялись на чутье ног и головы, которые должны были по инерции принести нас в нужное место. Таким образом 3,5 часа хождения в районе Тверской, Газетного, Никитских. Не нашли, но очутились на Воробьевых горах с этим открытым пространством и отсутствием людских толп. Над зданием университета в прямом смысле слова витают материализовавшиеся мысли. У них тут в Москве все очень наглядно - мысли, лица, эмоции - этакая магия в физическом облиции.

Третий день: пополнение в нашем составе путешественников - к нам присоединяется Надя (подруга Андрея).

Четвертый день: отдыха и осознания происходящего. Беседа с Ваней, о методах ведения бизнеса, о соседстве он-лайн и офлайн инструментов управления и привлечения клиентов. Мое полное неприятие звена руководителей как ненужной прослойки сменилось на частичное уважение менеджерского ресурса.

«Их Москва - это очень дерзко» - подумал я и снял себя от лица Майи Плесецкой. А потом Майя сказала - что у нее первая половина жизни была несчастливой, а вторая половина - очень счастливой.

Пятый день: выполнение договоренностей и обещаний перед заказчиками - предпечатная подготовка полиграфического материалов - отправка клиенту.

Явно выраженный людской градиент состоятельности от здания лукойла до ярославского вокзала. Полупустой хмурый вокзал серости, грязи, бесперспективности посадили нас на поезд как бы сказав нам «У нас тоже тут Москва».

[Мар. 15, 2008|06:45 pm]

1. Воспитывать в себе сознающее (сознательное) безумие.

2. Меньше оглядываться и больше создавать. Я мониторю Интернет, как никто в этом мире.

3. Не думать про себя. Думать про то, что я могу сделать. Ассоциировать себя с процессом познания и привнесения чего-то нового.

4. Отстраняться от пребывания в каких-либо системах. Если человек каждое утро ходит на работу заниматься творчеством - то это очень грустно.

5. Говорить и рассказывать о том, что мне интересно и важно.

6. Они совсем больные, а может просто умалишенные, я человек объективнейший до глубины души.

Сергей Курехин: «Первое апреля - это такой временной интернет»

[Мар. 27, 2008|02:21 pm]

«Это день когда исчезает грань между добром и злом, правдой и ложью. Есть такое понятие - интернет. Интернет - это когда вы можете любую информацию давать в компьютерную связь и она становится достоянием всего мира. Но дело в том, что никто не может проверить - правда это или ложь. И весь мир сейчас пользуется интернетом, где циркулирует невероятное количество информации. В интернете исчезает граница между правдой и ложью, снимается полностью дуализм, исчезает диалектика, бог плавно переходит в дьявола и наоборот. И вот первое апреля - это такой день, когда разница между правдой и ложью тоже отсутствует. Это день, где исчезают границы.

«Первое апреля - это такой временной интернет».

[Апр. 7, 2008|05:03 am]

0. Есть полная уверенность в том, что чем больше будет сервисов и инструментов собирающих информацию о нас, тем лучше мы будем жить.

1. если фсб выпустит программу тотального контроля за человеком - я буду первым кто добровольно установит ее к себе на компьютер.

2. открытая система в одну единицу времени генерирует больший объем информации, чем объем возможный для обрабатывания другой системой.

3. бабушка рассказывала, что у них в деревне на окнах никогда не было занавесок - честному человеку скрывать нечего. а если занавесь висит, то в доме или водку пьют или в карты играют (даже это не страшно).

4. медицинская карта - хороший пример того, когда накопленная информация жизненно важна для человека.

5. сокрытие информации от непосвященных - основа власти любой «элиты».

проблемы со свободой существуют, так это как раз от того, что:

5.1. власть очень мало знает про нас. (нужно им больше рассказать)

5.2. власть является монопольным информационным буфером между людьми. (как раз здесь людям и нужно наладить инфообмен внутри сообщества - я здесь имею ввиду не физические каналы связи, а конкретные навыки людей работы с информацией).

6. я живу под девизом - «ОупенСоурс - как образ жизни».

7. самая большая проблема - это проблема самосознания информационного обмена между людьми. Люди совершенно не умеют создавать информацию, классифицировать, хранить, извлекать и пользоваться ею.

9. Главная задача человека - создать свой слепок сознания образмироощущения - живой и функционирующий кусок мозга, лежащий в открытом доступе.

[Апр. 9, 2008|03:53 pm]

я попросил папу написать мне о самом главном в жизни.

теперь в моем почтовом ящике лежит письмо, которое я боюсь читать. а сегодня он играл <http://parusnik.com/g/papa3.mp3> * | In-line.WMF * | <http://parusnik.com/g/papa1.mp3> * | In-line.WMF * | притом, родитель не просто ведет жж, но и имеет свой домен второго уровня, и анкету в контакте. Со студентами общается через гугл - группы, а задания по сопромату раздает по блютуз.

[Апр. 13, 2008|07:47 pm]

катался на велике и опять врзался в здание правительства области.

в связи с этим, совет всем велосипедистам - быть особенно осторожными у зданий государственных учреждений - потому как, все это чревато лобовым столкновением с ними.

а еще, я сейчас сижу и чувствую, что все нутро мое сожалеет и просит прощения у велосипеда, ведь я его за два дня сделал дедушкой.

слепок сознания на 14 апреля 2008 года [Апр. 14, 2008|03:34 pm]

1. Пишу письмо Михаилу Ходорковскому - такое ощущение словно делаю что-то незаконное.

2. В интернете написано что У Путина: 37% акций «Сургутнефтегаза», 5% акций «Газпрома», 50% через представителя в Gupvov.

3. Из википедии удалена статья «Критика Владимира Путина».

4. Они ищут меня чтобы выдать автомат и научить стрелять по их целям.

5. Я живу в России.

собеседник ОДИН: не надо!

собеседник ДВА: не публикуй. не надо политики.

собеседник ТРИ: лучше не рисковать!

собеседник ЧЕТЫРЕ:

Я не думаю что стоит проверять наше государство на степень свободы. Я боюсь оно не пройдет его.

собеседник ПЯТЬ:

написать рядом фразы «П... богат» и «я и так в розыске» подобно смерти.

[Апр. 15, 2008|02:39 am]

у любой задачи или цели есть своя сокращенная форма в виде термина, понятия или тега.

например задача: 2+2

сейчас учат расчету и ответу: ответ четыре - возмите два яблока и добавьте к ним еще два яблока.

желательно бы чтобы учили нахождению нужного набора терминов и тегов: сумма, счет, математика, слагаемые, два.

ключ успеха в любой сфере - это умение тегизировать, определять суть, описывать явления и называть тренд или стиль нужным словом.

о лишении человеческого достоинства

[Апр. 21, 2008|04:44 am]

я, как и многие в нашей стране, сталкивался с беспределом милиции. в частности меня задержали якобы за нападение на сотрудников милиции - мне застегнули за спиной наручники и положили на заднее сидение уазика, а сверху на меня сели три милиционера, один из которых сел ж на мое лицо. а дальше как у всех, но могу еще отметить то, что они вслух читали с моего телефона смски про любовь и при этом ржали толпой на все отделение, а чуть позже, все в том же отделении, будучи пристегнутым наручниками к батарее и с посиневшими руками я им читал лекцию об информационных технологиях.

а еще помню мне было 10 лет, мы с другом стояли у памятника вечного огня, к нам подошли милиционеры и сказали что тут стоять нельзя. И в наказание они решили заставить нас отжиматься иначе угрожали посадить в тюрьму.

за последние месяцы случаи милицейского беспредела заметно участились. в связи с этим, в ЖЖ поднялась определенно настроенная волна, которая вылилась в неформальное шествие.

организаторы поступили разумно - официально заявили о проведении митинга в одном месте (куда государством были стянуты войска, милиция, фсб и т. д.), а шествие провели совсем в другом. особенно радует, когда молодежь остро чувствует, самоорганизуется, объединяется и ясно выражается. основа любой сферы - самовыражение.

Около 200 анархистов, неформалов и антифа сегодня смогли пройти по Тверской в знак протеста против милицейского беспредела. Несанкционированное шествие смотрелось мощно и явно встречало понимание у прохожих.

тренд информационной эволюции общества [Апр. 21, 2008|11:19 pm]

1. язык, речь, письменность (система звуков, знаков, предназначенная для фиксации, переработки и передачи информации).

2. книгопечатание, тиражирование (первый информационный взрыв)

3. грамотность (возможность пользоваться сокровищами мысли и знания, доступ в библиотеки, архивы).

4. интернет (второй информационный взрыв)
Следующие два пункта уже существуют, но используются крайне редко. Это путь развития общества на ближайшие 30 лет.

5. метаязык (теги, мемы, паттерны, фреймы).

6. грамотность 2.0 (чувство информации, человек как информационный узел).

[Апр. 22, 2008|12:44 am]

- уход от вопросительных фраз. любое общение строится на тезисах.

- уход от личной переписки как таковой (движение к открытым системам)

- необязательность ответа, потому что человек вещает не точно, а широконаправлено.

- уход от классической логики и последовательности в разговоре, возможность отвечать фразами, которые должны были бы только пойти через десяток-другой фраз.

- возможность ответа от третьего лица.

сервер средневековья [Апр. 27, 2008|03:20 am]

средневековые айтишники говорили - «хотите сохранить информацию - создайте по ней ритуал». таинство - священнодействие - забавные фокусы в период инфовзрыва.

АЛЕКСАНДР РУЖЬЕВ (москва) **ПИСЬМО ИЗ НЕВОЛИ**

Сейчас мне несколько легче, так как уже известна дата освобождения. Нам дали 4,6 года по одной статье, по остальным оправдали. Я сижу совместно с бывшей женой. Мы занимались восстановлением предприятий. ...Мы пытались, причем небезуспешно, восстанавливать обреченные на банкротства предприятия, а как только производство оживало, сразу же появлялся неподдельный интерес властей. Мы вдвоем противостояли огромной бюрократической машине. Противники даже использовали резолюцию Путина! Эта история обросла, как снежный ком, персонажами и сюжетами. В ней «выкупались» разные высокопоставленные чиновники. А вот последнее предприятие мы так просто не отдали и нас упрятали за решетку. За год подняли завод лежавший на боку и к нам сразу же стали проявлять интерес местные власти и «авторитеты». Дальше обдуманное обвинение, тюрьма, абсурдные суды и пятый год заключения. В результате завод уничтожен и его территории используют теперь под складские помещения.

Судил нас Мытищинский суд и первый раз приговорили к 15 годам, так как председатель суда Кадолко - человек абсолютно преступный и безнаказанный. Он сбил насмерть маленького ребенка, но силой своих покровителей по сей день живет припеваючи. Всю юридическую суть этой истории в двух словах не рассказать, да и нового нет ничего

Так уж устроена нынешняя система. дико, что высокопоставленные чиновники усадили в заключение 26-летнюю женщину с огромным интеллектуальным потенциалом и невероятными организаторскими способностями. И еще считают себя при этом мужчинами. Благо, большую часть этих ублюдков уже отправили в отставку Я - честно - плохо представляю, что можно написать о себе. Я сейчас пишу большую сказку, жаль, что не могу сюда ее запихнуть! Да еще и постоянные проблемы со связью пришлось передать чиновники маме на свободу.

Жену зовут Кристина. С Кристиной мы познакомились случайно в глухой деревне в Псковской области. Она тогда была еще студенткой питерского университета. Дальше она училась в МГИМО, в Швейцарии в университете, к 24 годам закончила аспирантуру дипломатической академии МИД РФ. Мы были уже в разводе, но занимались одними делами. И не она пошла за мной, а скорее, к ней проявляли больший интерес: она шла по жизни широкими шагами. И работники следственного комитета делали мне «предложение» - наговорить на нее и остаться на свободе. **Нас приговорили сейчас за мошенничество, хотя и это абсурд. Будем добиваться полного оправдания, хорошо понимая полное отсутствие судебно-правовой системы в стране. Приговор Ходорковскому - это приговор гражданскому обществу.**
(...СЕЙЧАС НЕМНОГО НЕСПОКОЙНО В ТЮРЬМЕ, ДОПИШУ ПОЗЖЕ)

Взгляды мои не изменились, скорее, расширились и появились новые колокольни, с которых можно взглянуть на мир и людей. Нет, мы не стали циниками - отнюдь. На суде адвокаты часто ставили в укор судьям и прокурорам то обстоятельство, как дико и вульгарно они выглядят на общем фоне. Уехать из этой страны? Сейчас не знаю, думаю, что вряд ли - это моя Родина, а не этих пришлых «временщиков газовой трубы». Осознаю тотальную бездуховность так называемого общества и понимаю, что так или иначе, но каждому придется однажды начать с себя. Я начал!

Да, в сентябре мы освобождаемся... Вот, кстати, в ночь после приговора написал: «неистовый бал безумия...»

А. РУЖЬЕВ. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Неистовый бал безумия
В замке забытых теней
Вчера давала Постумия
В свете погасших огней.
Хрустело “прокрустово ложе”
В мистерии голых тел,

Как счастлив я был: о, боже!
И жить невозможно хотел.
В узлы завязал я руны
Судьбы моей обветшавшей,
Порвал душевные струны,
Что выли из глотки уставшей.
Под звон полуночного часа
Украл звезду с небосклона,
В ночном оседлал Пегаса
И пел с вершин Геликона.
Не бог весть какая мука,
На миг обрести покой:
Блаженная дама - Скука
Коснулась меня рукой...
И вряд ли теперь напишет
О ком-нибудь Перрюшо
Пускай же никто не слышит,
Как мне сейчас хорошо!

Что есть Отечество мое?
Оно по сути необъятно,
По форме, - слишком велико,
По замыслу, - невероятно!
«из грек в варяги» проходил
Андрей апостол Первозванный
И по легенде обронил
В нем каплю веры чужестранной.
Свое начало подытожил
Великорусский мой народ,
Когда Владимир уничтожил
бесценный "Летописный Свод".
А в нем рассказано небось,
Как выполнив Ярилы волю,
Муж переплывший реку Рось,
Девуцу охмурил любовью!
Что есть Отечество мое?
Болезни, войны и пожары.
Бесхитростных людей жильё,
Измученный мужик поджарый.
Да бабы безутешной стоны,
Отдавшей за него детей.
Да новодельные хоромы
Для новоявленных князей.
Да в позабытом захолустье
Ему уютиться довелось,
Где положилось в богохульстве
На вечнорусское: «авось»!
Да несусветную балладу
ведет Отечество мое:
едва-озвученную правду
И трубадурное вранье.
Что есть Отечество мое?
Религии, культуры, храмы.
Уже родное воронье.
Заботливые руки мамы.
Дороги, тюрьмы, города;
Впустую сказанные тосты.
Метели, вьюги, холода
И молчаливые погосты.
Оно в душе моей осело:

я им с рождения опьянен
И моим голосом запело,
Как колокольный перезвон.
И неприкаянное с виду
Оно не будет причитать:
Господь не даст его в обиду
И я не дам его топтать!

Уложу я солнце на твои ладони,
зачерпну в колодце горсть воды холодной:
пусть оно купается, пригломилось за день;
вечер наряжается, похотливый парень!
ночь, его избранница, тиха и прохладна,
- таинственная всадница, будь она не ладна!
не дает уснуть мне, теревит оконце:
спит в твоих ладонях безмятежно солнце!
я прилягу рядом, счастье обуяло:
обниму вас взглядом, поправлю одеяло...
ах, ты моя соня, спящая красавица,
пусть в твоих ладонях солнце согревается!
а в ночи лягушки квакают в болотце,
утром на опушке ты проводишь солнце!
и зальется светом сонная округа:
обрела ты летом солнечного друга!

Закружилась звонко медная монета!
невидаль какая, - ломанный пятак!
"орел или решка"? - жду ее ответа,
а она о землю: "бряк, бряк, бряк"!
Я шагал по жизни в свитере рыбацком,
до тебя б добраться, дальше хоть потоп!
а за мною тени серенькие, в штатском,
топали повсюду: "топ, топ, топ"!
Вздвогнули на стенах треснувшие фрески,
из луженой глотки вырывался крик,
а часы на нервах короткие отрезки
отсекают четко: 'тик, тик, тик'!
Голос надорвался, руки стали грубы,
а еще недавно ты была со мной
и шептали честно целованные губы,
в тишине вечерней: «мой, мой, мой!»
Потянувшись утром, распахнешь ты шторы
и страхнешь налет нелепых передряг,
а меня в забвение уведят коридоры
и за мной засовы: «лязг, лязг, лязг»!
Жуткие соблазны ночью приходили,
искушали нечисти, сулили белый свет!
спрашивали: «будешь, заткнешься, может - или?..
Оборвал их просто: «Нет. Нет. Нет».

Нас сосватали неслучайно:
Я не мог от тебя отказаться,
Все другую ишу отчаянно,
а с тобою никак не расстаться.
Дьяволица моя вечно пьяная,
Ты меня постоянно торопишь,
Да хлопчешь со мной, океанная,
А взамен ничего не просишь.

То соблазнами осылаешь,
То даруешь желаний охапку,
То нещадно меня выжимаешь,
Как никчемную мокрую тряпку.
Лебезишь со случайным прохожим,
Мне же стелишь рваные скатерти,
Называешь себя Даром Божьим,
Самозванка с небесной паперти.
Без стыда напоказ выставляешь
Нашу тайную свет-обитель,
Да на всех перекрестках болтаешь,
Что тебя создал Вседержитель.
Ух!.. Хватил бы тебя за горло:
Ты достала меня вконец,
Но желание жить подперло,
Я влюбленный в тебя глупец.
Знать, исполнишь свое обещание:
Быть до смерти со мной неразлучно!
Поцелуй меня на прощание...
Вот уже без тебя мне скучно.
Ты ступай-ка, жизнь моя, с миром;
Поживи без меня, поскитайся,
А потом, с полным крови потиром,
Если сможешь, ко мне возвращайся!

МАРИЯ СИДОРОВА (мирный)

«ЖДИ МЕНЯ, И Я ВЕРНУСЬ...»

С невысокого холма по тротуару торопливо спускается старуха в туфлях на высоких каблуках.

Внизу железная дорога. Поезда на маленькой станции стоят три минуты. Скоро подойдет московский - «Москва - Архангельск».

Стоят белые ночи августа. Светло. Но нигде нет теней. Кажется, это другой, призрачный параллельный мир.

По этому параллельному миру, по старому деревянному тротуару спешит старая женщина. Доски под ее ногами кое-где проломлены, кое-где сгнили от времени и ненастий. Она старается обходить опасные места. Походка неуверенная и торопливая. Туфли блестят - то ли лакированные, то ли начищены. Такие я видела только в кино про войну. Тыщу лет таких никто не носит.

Женщина уже около вокзала - тут полно молодежи, ребяташек, которым некуда податься в маленьком пристанционном поселке. Смех, гомон, шуточки на грани фола. Пассажиры, которым ехать на этом поезде, уже рассредоточились по перрону, ждут, волнуясь: за три минуты надо сесть, а вдруг не угадали место остановки вагона.

Ребятяня, для которой станция - ворота в неизведанный большой мир, возбуждена, подростки постарше поглядывают на своих сверстниц. А те приоделись, вечером перрон - местный Бродвей. Сколько свиданий тут было назначено с тридцать седьмого, когда проложили рельсы и построили станционный домик, сколько сердец разбито, сколько поцелуев украдкой подарено!

- Смотри! Дуся идет! - толкает меня в бок Славка. Я живу в интернате и никого из местных не знаю. Славка - мой одноклассник, вот и решил познакомиться провинциальную девочку с местными нравами и достопримечательностями. Ведь в поселке, откуда я приехала, даже школы средней нет.

- И что? Идет и идет! К поезду спешит, как все, - отвечаю я.

- Ага! - Славка кивает мне как-то загадочно-высоко - так разговаривают с теми, кто не знает известных всем истин. Потом шепчет таинственно:

- Давай ближе подойдем!

Мы подходим настолько, чтобы можно было разглядеть лицо.

- Только смотри, чтоб не заметила, что ты на нее глядишь! она сумасшедшая! - в восторженном ужасе шепчет Славка мне в самое ухо, и я тоже заражаюсь его страхом. Потихонечку стараюсь разглядеть необычную сумасшедшую Дусю, которая на таких высоченных каблуках пришла встречать московский поезд.

Мне страшно. Набеленное пудрой лицо старухи похоже на маску. На нем нарисованы жирным черным неровные брови. Наверное, рука дрожала то есть руки дрожат, она же старая. Яркие-яркие губы с опять же неровными контурами. Виски подбриты, о ужас! И уже отрастает колючая щетина по подбритому. Волосы выкрашены хной. Нарумяненные скулы. Боже мой, как страшно! И было бы еще страшнее, если бы не кроткая, даже нежная какая-то улыбка. Человеческая на нечеловеческой маске. Да и сама Дуся покорно, как все, ходит взад-вперед по перрону, улыбается чему-то своему, никого не трогает. На шее у нее какие-то бусы, яркие, дешевенькие, судя по всему; на плечи накинута жакетка - опять же из фильмов про войну.

- А чего она с ума сошла? - спрашиваю я Славку.

Вчера, 9 мая 2006 года, был День победы. И я вспомнила давно канувший в Лету августовский вечер. Себя. Славку. Вечерний перрон. Дусю.

Дусю - боль мою неутихающую.

Мальчика, которого она любила, взяли на фронт в сорок первом, юного совсем. Имени его я не знаю. Никто из поселковых не помнит.

Да, они любили друг друга.

Нет, я не знаю, была ли это та любовь, которая стала бы любовью всей жизни. Наверное, они гуляли по местному Бродвею - тому самому перрону.

Возможно, там и поцеловались впервые летней белой ночью - нельзя же не поцеловать любимые губы, когда мир так хрупко-призрачно-прекрасен... А глаза у Дуси - интересно, как он ее называл? - были синие. Они так и не вышвели...

Мальчика ее забрали, она ждала его. В сорок пятом, весной, получила письмо, что скоро он придет. Она стала ждать. Ходила к каждому московскому поезду. Принарядившись. Волнуясь. Мечтая.

В июле его мать получила похоронку. Дуся не поверила - война ведь кончилась! - она просто сошла с ума.

Дуся знала, что надо ходить встречать его - и тогда он вернется. Он вернется. Он вернется. Она знала, что надо быть для него юной и красивой, - тогда он узнает ее. Она старалась.

Так шли годы. Никто не обижал Дусю со зла - заговаривали с ней на улицах, она рассказывала, что ее летчик вот-вот приедет, показывала какое-то письмо.

Иногда жестокие мальчишки - понимаю, не со зла - от недочувствия они это делали, из любопытства - кричали ей, что поезд пришел и он приехал.

Однажды я сама видела, как, услышав такой крик, старая Дуся неловко побежала в сторону станции. Душа моя содрогнулась от боли. И у кого мне просить прощения сейчас, когда Дуси давным-давно нет на белом свете?.. Она соединилась с тем, кого так преданно ждала.

10.05.06

ГОЛОСА СОРОКОВЫХ...

- Там речка была, Поповка называется. Так она кровью текла. Штыками только кололи противника - стрелять нельзя было. Смешалось все. Где наши, где финны - не видно. Выстрелишь - вдруг в своего попадешь. Там я это ранение в ногу-то и получил. Гангрена. Нogu отрезали, сказали - еще бы немного и...

- Я был на линии Маннергейма. Тогда уж двадцать семь лет с войны прошло, а там скелеты лежали... черепа... зубы золотые... Никто ничего не брал.

- Кольку на финскую забрали. Привезли в Ленинград. Потом самолетом - выкинули десант где-то над лесом. Конец ноября вроде был. Пока они своих искали, все обморозились. Форма-то летняя. Сапоги. Две недели выходили к своим. Видно, не там выкинули. Вышли - Кольку в самолет - и в госпиталь. Отрезали полступни на правой ноге, все пальцы на левой. На руках осталось два больших пальца. Вот и вся Колькина война.

- Нет, у нас никаких корреспондентов не было. Я не видел ни разу. Да и машин не было. Пушки на себе. Грязища непролазная...

- Американскую помощь разгружали. Помню, пушки в вагоне, а все промежутки какими-то ящиками с консервами заставлены - банки красивые, не видал таких никогда раньше. А между ящиками чего-то насыпано. Весь вагон, насколько места свободного нету. Откроешь - сыплется. Горох - не горох? Мы не знали, что это фасоль. Потом узнали. В карманы набирали и варили.

- Эшелон остановился, кричат командиры: бомбежка начинается, все из вагонов! Мы выскочили, бежим, рамы гудят над эшеленом, уже первые взрывы, земля летит, дым А Изоська вдруг назад поворачивает: - Вещмешок заберу! - и обратно в вагон. Мы лежим в какой-то ямке, гляжу - Изоська в вагон забрался только - и вагон взорвался. Вот и забрал вещмешок.

- В Австрии в каком-то городке пивзавод взяли. Небольшой заводик. Я забегая, а там в полу чан ли, цистерна ли какая, а в ней наши купаются в пиве, пьяные, пьют и купаются.

- Ты, леший тебя возьми, о семье на войне не думал. Вон Петро чемодан иголок с войны привез, дак как сыр в масле теперь кагається. Иголочка-та дорогого стоит. Всего на их наменял. А ты, кобель, чемодан карточек каких-то бл... привез.

- Это кладбище. Тут немцев зарывали, которые в госпитале умирали. В школе госпиталь для них был. Да человек шестьсот-то было. Много похоронено. Весь этот холм кладбище. Какие кресты? Не ставили крестов. Так зароят, да и все.

ИВАН СМИРНОВ (ЛОС-АНЖЕЛЕС)

С «ДРУГОЙ СТОРОНЫ»

отрывок из повести «Другая сторона»

11 сентября 2001 г.

- ...молока литр, хлеба буханку, банку скумбрии. Сегодня на ужин с картошкой сделаем. Пожалуй, это все. Надо до пятницы дотянуть. - и Сергей Константинович что-то подсчитал в уме. - Там у нас получка.

- Хорошо. - ответил Илья и взял пакет с деньгами. - Слушай! - Сергей Константинович сделал озабоченное лицо. - Что это ты все какой-то вялый, все лежишь целыми днями? До магазина-то, хоть, доберешься? - Доберусь. - с трудом выговорил Илья и направился к двери.

- Может, я сам схожу?

- Нет! - отрезал Илья и открыл дверь. - Мне нужно на воздух. Это поможет...

- Ну, ладно, не в космос же посылаю! - несмешно усмехнулся Сергей Константинович. - Давай, возвращайся с ужином!

Сын молча вышел за порог и исчез в лестничном пролете.

«Нет, с ним что-то не так. Мы все таки должны поговорить с терапевтом.» - заключил про себя Сергей Константинович и, усевшись в свое любимое кресло, включил телевизор. На экране по всем каналам, словно два надгробия, цифрой 11 пылали башни Нью-Йоркского Торгового Центра...

...улица встретила Илью злым прохожим и накрапывающим осенним дождем, прибывшим туман торфяников и соорудившим свою водяную завесу. Дома, как отсыревшие бревна, пялились в глухое небо, и если бы весь этот город жил сейчас по солнечным часам, то он бы, наверное, превратился в хаос. Илье казалось, что он бежит, резво перескакивая через мутные лужи, гнездившиеся в траншеях асфальта, но прохожие неумолимо обгоняли его, и только через полчаса он добрался до ближайшего магазина. В ближайшем магазине, на удивление, никого не было. Лишь две молодки-продавщицы умело сплетничали между собой, облокотясь на витрину.

- Мне, пожалуйста, молока литр, - начал Илья, - банку скумб...

- Чево-о? - выкрикнула первая молодка, сделал вид, что ее нагло перебили.

- Чего надо-то-о? - повторила вторая и лениво поплелась к кассе.

И только сейчас Илья заметил, как обе бабы на его глазах стали превращаться в миниатюрные небоскребы: вот их намазанные, деревенские лица покрылись полированным стеклом и округлые формы стали заостряться в стройные параллелепипеды.

- Господи!.. Мама! - Илья от ужаса бросил пакет. - Да вы же башни!!!

- Какие башни? - удивился второй небоскреб, у которого все еще свисали бабьи груди, и, неуклюже потянувшись за молоком на верхнюю полку холодильника, уронил его себе на голову. Башня тут же вспыхнула молочным пламенем.

- Пожар! Вы же горите! Молоком горите! - заорал Илья.

- Какой пожар?! Что ты орешь! - взбеленилась первая башня и тоже вспыхнула - только не молоком, а кефиром.

«Господи! Какая же это чушь!» - пытаюсь очнуться, прошептал Илья и в отчаянии взглянул вверх. Наверх, вплоть до самого солнца, тянулся нескончаемый, стеклянный коридор полого изнутри Нью-Йоркского Торгового Центра, и откуда-то издали уже доносился роковой рокот пассажирского самолета.

- Сейчас все рухнет! Спасайтесь, башни! - закричал Илья и, неуклюже шлепая ластами, рванулся к двери. Лишь только он открыл дверь... как в Еремееве начался июнь. Ласковое солнце покрасило землю изумрудной травой и теперь, довольное, кокетливо смотрелось в расплывшуюся за зиму Тошню и полированные стекла небоскреба, стоявшего на том берегу реки. На этом же берегу, наконец, показались трое - семья. Женщина уже доплыла до середины, опрокинулась на спину и звала остальных, хваля вечернюю воду и сравнивая ее с парным молоком.

- Мама! - закричал лаконогий мальчуган. - Можно мне к вам? Там сейчас все рухнет!

- Раздевайся догола и ныряй! - задиристо крикнула мама и пустила в Илью стаю мыльных пузырей. Только Илья разделся, как огромная водяная лапа схватила его за шею и уволокла на дно.

Холодно... мутно... свежает...

Вода вокруг стала невероятно быстро нагреваться - это первое, что почувствовал Илья после неожиданного броска. Второе он почувствовал, когда попытался повернуть голову, но шея настолько заостенела, что, вместо головы, повернулось тело. Ноги склеились в одно целое, руки укоротились и сплющились в щетки, щеки расслоились в лопасти и стали вдруг дышать. Зато огромные глаза видели теперь на дне каждую былинку. Наконец, Илья поплыл и только тут понял, что он - карась.

«Карась думающий... Разве существует такой подвид? Странно...»

Над водой раздался то ли детский, то ли женский смех. Это маленький мальчик лет одиннадцати бешено барахтал в воде своими ластами и ожив-

ленно болтал о чем-то с мамой. Карась прислушался, но смог расслышать только последние слова женщины - «...приготовься! Сейчас мы повторим все заново!». И в это же самое мгновение что-то неуклюже упало с берега и резко поплыло, почти не плескаясь и не пеня воду. «У меня, кажется, эффект «дежавю»...» - подумал карась и стал вглядываться своими желтыми глазищами сквозь муть речной воды. Сначала в тумане можно было разглядеть лишь четыре собачьи лапы, словно катамаран, мерно приближающиеся к людям. Затем собачьи лапы оказались волчьими с ровным рядом черных, нестриженных ногтей на каждой. Волчица плыла прямо на маму.

- Аня!.. Отец!.. - приглушенно заныл лаконогий мальчуган и в оцепенении отпрянул, стыдливо поворачиваясь страху. Мама побледнела и, зло взглянув на волчицу, тихо процедила: « Ну, держись, собака!» Одна секунда! И женщина молниеносно впилась руками в мохнатую волчью шею и с силой вдавила ее вниз. Волчица завизжала, почти по-человечески, и тут же ее свирепая морда оказалась под водой. - Получай, сволочь ты эдакая! - засмеялся карась, весело вертясь около задыхающейся волчицы. - Я - твоя жизнь, идиот! Твоя жизнь! - простонал зверь и через пару мгновений испустил дыхание. Вода вокруг почернела и выплонула караса наружу. Картинки замелькали...

Пусто.

Теплеет...

...половина восьмого... «28 мая, в Драмтеатре, новая постановка А. Белого, драма «Броуновское движение»... «здорово!» - «дай пять!» - «алгербу сделал?»... «к доссскеее!!!»... ниже маленькой юбки, обхватившей талию - ниже, ниже... словно пластмассовые фрукты! пластмассовые фрукты!... тятя - новый русский!.. ха-ха-ха!.. деньги есть - ума не надо!.. главная идея - показ нелепости, необычности... нового человека, Гамлета, в рутине датского общества... могильщик!.. неформалы-то мы, мы с тобой!.. синдром Дурина?.. что это?.. нет!.. я верю, значит она есть!.. а у этой девочки ножки-то ничево-о!.. ..коитус... фрикции... шухер!.. да ты что! зерно истины?... интеллигент я... вшивый!... ты куда это собрался, сволота эдакая! помяни мать! помяни мать!!!... ..анюта! выходи! купаться пора!..... бочка с морковкой!.. Анюта! анюююта! она утонула!... часовой механизм...пришел... стаи снующих червей... и ужас, нескончаемый ужас!.....-...Другая Сторона! чем больше я не верю в тебя... и относить последнее пальто в ломбард... мама! куда мы едем?... Где мой туз? хочу туза! хочу туза!... языческие истуканы, тысячи карточных домиков, неоновые звезды, высокий старик с сугробом седых глаз... Мама! это же Лысаколывосок!!!... грибов в январе еще не было, зато росли арбузы... Света! ты готова?... не-е... это не мода - это Квазимодо... светка! светка!... класс не народился...класса-то нет!.. хм... «пепси»... и звучит это как-то смешно!.. А я уже здесь!.. стройная, загорелая нимфа... уить! иуть! уить!...это она пить просит, «пепси» просит... смешная у меня печужка... Палици-

но, кажется, или Пальцево... луч солнца... А-а! в брызгалки играть!... в той сторожке у меня по полу чертеньята бигают, черненькие, тошенькие... все черти в людях! в людях!... серпантинная змейка... нежная, ма- нящая, ниже маленькой юбочки... белокурая нимфа... проснись! она ждет тебя!

...Я люблю тебя! тебя! тебя!!! что происходит? не знаю, что происходит.

...стремянка! чертова стремянка нечаянно наступила в миску для домашних... Врешь! ты ведь любишь меня! - по-моему, ты меня с кем-то спутал!... Она пожирает... Другая!!!!... лщ...пр...др...ср... дедушка Леша! дедушка Леша! проснись!.. холодно... торфяники... не спи солнышко! сегодня взрыв!... Billy! I really не знаю what's goin' on they said там пожар!... там тебе будет лучше... там тебя ждут... тебя ждут... ждут... дуг...

Прояснилось...

Теплеет... жарко... знобит...

Илья медленно открыл глаза. Сквозь туман застывших слез медленно проявлялись очертания его родной комнаты. Сначала Илье казалось, что он висит. Потом он почувствовал, что лежит на чем-то мягком и упругом. Мягким и упругим оказалась кровать. На кровати с краю сидели два стеклянных небоскреба. Один из них был в белом халате, а второй вдруг заговорил срывающимся голосом Сергея Константиновича.

- Как его нашли? И где?.. Расскажите мне все!

- Хорошо. - ответил женским альтом первый небоскреб. - Вчера в восемь часов вечера нам позвонил мужчина средних лет и сообщил, что нашел около продуктового магазина близ Золотухи подростка, лежащего ничком в луже на тротуаре и находящегося в бессознательном состоянии. Прохожие, видимо, долго не обращали на него внимания, думая, что это пьяный.

- Сволочи! Они же видели... Это же ребенок еще! - чуть не заплакал от злости второй небоскреб.

- Так вот. Тот самый мужчина ждал нашу неотложку и даже вызвался поехать с нами. Одет он был плохо, так, что на первый взгляд показался нам бомжом. На самом деле это учитель физкультуры в классе у вашего сына. Он и сообщил нам ваши имена.

- Ну, конечно. Юрий Никифорович! Мне надо поблагодарить его. Он спас Илью.

- Насчет спасения, это вы поторопились. - хмуро начал первый небоскреб. - Боюсь, у вашего сына редкая болезнь.

- Что значит, редкая болезнь?.. - задрожал второй небоскреб.

- Сонная болезнь... Больному все время хочется спать, и, в конечном итоге, он засыпает окончательно. Это неизлечимо... Однако, мы еще не уверены...

Второй небоскреб резко поднялся с кровати, так, что Илья подлетел на ней, и нервно направился к входной двери.

- Ну, раз это неизлечимо, тогда... вон из моего дома! - заорал он несвоим голосом, сбивающимся на фальцет. - Вы, чертовы доктора! Вы не спасли мою Анечку. Вы угробили мою жену! Вы хотите отнять у меня сына?!.. Нет! Так и знайте! Я вам этого не дам! Я сам его вылечу. А Вы, мадам, - вон из моего дома!

- Послушайте! - чуть не плача заныл небоскреб в белом халате. - Почему Вы валите все на нас?! Разве мы виноваты? Как мы можем лечить ваших детей и жен, если во время операций нам отключают свет; если больные в наших больницах, как мухи, мрут от дистрофии, потому что им просто нечего есть... не говоря уже о лечении; если эти чертовы белые халаты мы шьем себе своими руками?! Как вы можете обвинять нас, - вы, наши братья... учителя! Вы должны понять...

- Вон из моего дома!!! - заорал второй небоскреб.

- Хорошо... Я уйду... Только от этого - поймите! - ничего не изменится.

Первый небоскреб медленно поднялся с кровати и, утирая белым халатом свои мокрые стекла, направился к входной двери.

«Сонная болезнь... Ерунда все это...» - вяло думал Илья. У него уже не было сил волноваться. «Мне и так хорошо. Я лучше буду смотреть вон на эту люстру - очень красивая у меня люстра...» И он тупо уставился на узорчатую люстру, висевшую в его маленькой комнате, озаренной лучами утреннего солнца. В это время отец сердито собрался на работу и, глухо пробурчав: «Он просто устал... ему надо отлежаться...», хлопнул входной дверью: квартира опустела. «Как хорошо, - продолжал думать Илья, - вот так лежать и смотреть на люстру...» Он повторил эту мысль еще раза три, пока не почувствовал, как кровь начинает бешено бродить по его телу и с силой приливать к голове. Губы чудовищно растянулись, словно резинка для волос; сердце забилось в небывалом темпе и как-будто даже стало прибавиться к горлу. Илья попытался снова сосредоточиться на люстре, но люстра неожиданно поплыла вверх. «Странно... Люстра сама же не может... плыть, а я лежу без движения... Значит, плывут глаза... Это, однако, смешно...» И в самом деле, глаза его вместе с «византийским» носом стали мерно приближаться к губам, пока не провалились в рот. Дальше Илья уже не видел ничего, только чувствовал, как этот огромный пылесос с зубами и языком начал втягивать в себя все его тело. Вот, сено его ломких волос неприятно осело на язык. Вот, все двенадцать ребер застряли между зубами. Последними подоспели ступни ног и сели прямо у твердого неба, чуть не наступив на причинное место... В конце концов, Илья себя проглотил.

Пустота.

Светлеет.

Бросок...

- Тома! Тужся! Еще! Еще!

- А-а-а-а! Больно!..

- Вынимаю... Идет!..

- А-а-а-а-а!!!!..

- Отрезай пуповину!.. Мальчик! Это мальчик!

- А-а-а-а-а!

Сильный плевок!

...утреннее солнце все так же наполняло своим девственным светом комнату Ильюши и радугой играло в узорчатой люстре. На письменном столе лежал ма-

ленький томик сказок Гофмана, а на кровати рядом с письменным столом дремал мальчуган лет одиннадцати, сладко зарывшись в белый сугроб постели. Через пару секунд он смело натягивал на себя шорты и бежал в ванную. Через минуту он уже надевал свои новые кеды и по перилам лестниц катился на улицу - праздничную, солнечную, весеннюю улицу. Вся семья давно ждала его там.

- Илюша! Ты где пропал?! - весело кричала мама, поправляя в своих волосах белую снежинку розы.

- Я спал, мама. Извини... - скуксился Илья и тут же рассмеялся.

- Ну, так с добрым утром! - пробасила Анечка голосом деда Алексея и прыгнула с загорелых отцовских рук, весело махнув веером своего белого сарафана.

- Куда же мы сегодня идем? - спросил мальчуган.

- Туда, куда бояться ходить все дети, но им страшно хочется туда попасть. - загадочно прошептала мама и тут же прозвенела:

- Мы идем кушать мороженое в кафе «Лесная сказка»!

- Ура!!! - закричали хором Анечка и Илья, а отец широко улыбнулся, обнажив свои загорелые зубы.

- Подожди, мама! А где же моя Света? Я не могу без нее... - вспомнил вдруг Илья и снова скуксился. Мама рассмеялась, сузив до двух щелей миндалины своих дивных глаз:

- Милый мой мальчик! Тебе стоит только оглянуться назад, и ты ее увидишь.

Илья тут же оглянулся. Сзади, по старой проселочной дороге, кое-где затянувшейся клевером, бежала маленькая, кудрявая нимфа в воздушном, алом сарафане, под которым весело играло ее загорелое тело.

- Боже... Какая красота!.. - чуть не заплакал Илья, и голос его задрожал.

- Вот, видишь, сыночка! - улыбнулась мама. - И ты мог все это проспять! Но я знала, ты любишь ее. А в нашем прекрасном городке Любовь больше не меняет названия. Бери ее за руку и идем есть мороженое!

- Здравствуй!.. - прошептала Света, беря Илью за руку. - Извини! Я тогда не поняла...

- Какие извинения?!.. Света! Милая!.. Знала бы ты, как я люблю тебя!..

Илья, в свою очередь, взял ее шелковую ручку и еле слышно прикоснулся к ней губами...

«Господи! Если все это счастье - сон, то не открывай больше глаз моих!.. Я не хочу проспять свою настоящую жизнь.»

ИГОРЬ СМЕРНОВ (ЧЕРЕПОВЕЦ) **САМЫЙ МИРНЫЙ ЧАСОВОЙ В МИРЕ** *типа рождественская история*

В армии, помимо несения обычной караульной службы (выполнение боевой задачи в мирное время, как нас учил замполит), мне довелось побыть еще и *самым мирным часовым в мире*. Целый месяц я про-

стоял на таком посту. Вернее, уж если быть точным, полмесяца, ведь заступали мы в наряд через день.

Название сами солдаты и придумали. Потому - ты вроде как с оружием, а на самом деле - без. Автомат на ремне, и даже взят на изготовку для стрельбы, и со штыком, и с магазином, и еще один рожок в под-сумке лежит, только оба пустые.

Это караул был особенный, удаленный от места дислокации части. Охраняли объект в лесу. Секретный. Прямоугольник сто на семьдесят, обнесенный колючкой, а ночью освещаемый четырьмя прожекторами по углам. Караулка в двух шагах. А вокруг, как я уже говорил, лес, только от него забор еще отделяла контрольная полоса, с которой вся растительность была выкорчевана, метров пятьдесят шириной, летом - песок, зимой - снег. Ну это так, для понта. Считалось, никто сюда не сунется. Глухомань. Потому и патронов караулу не давали. Имелся в караулке опечатанный ящик с НЗ, который передавался из наряда в наряд, - мол, и хватит в случае чего.

Так вот, именно я руку приложил к тому, чтобы порядок этот оказался порушен. Ну, не я один, конечно. Товарищи по караулу тоже, сослуживцы, помогли. Но более всех, радикальнее, поспособствовал все-таки один неизвестный нам мужик. Так и оставшийся неустановленным. Он на меня чуть не напал. Ну я и сказанул сейчас!.. Чуть или не чуть, а еще б немного, и обезоружил бы он меня. Не я же его интересовал, а мой автомат. Похоже, знал он, что «калаш» незаряжен. Да разве он один! Каждая белка, наверно, в округе знала. Даром, что глухомань.

Дело случилось под Новый Год. Не важно, какой; хоть подписка о неразглашении истекла, военную бы тайну какую ненароком не выдать. Помначкара наш, сержант Петров, так замечательно смены расписал, что самая интересная досталась мне: с одиннадцати вечера до часа ночи. Он втроем с рядовыми Ишкановым и Валько расписывал. Прапорщик Приходько, начкар, в преддверии праздника куда-то исчез. В город, наверно, к жинке. Хотя полагалось, наоборот, усилить бдительность. А сержант, как обязанности начкара на себя взвалил, так при разводах смен даже на крылечко караулки перестал нос казать - не то что в присутствии прапора или тем более офицера. Ну, у них и научился. Ладно. Мне ли скорбеть о дисциплине начальства? Старшим, как известно, в одно место не заглядывают... Другие заботы плитою бетонной к земле гнели: как ночь на часах выстоять. Хоть вслух никто и не говорил, но я-то, даром, что салабон, микитил, зачем меня, такого необстрелянного взяли в этот дедовской караул. Дата заступления в наряд загодя была известна, от какой роты бойцы, так что, кого касалось, - приняли свои меры, подготовились.

Ни спать, ни даже дремать на посту я не собирался. Решил, что буду на звезды смотреть.

Так я и делал. Неотвязно освещаемый прожекторами, переваливался себе вдоль забора, - на мне трехпудовый был тулуп, валенки, ушанка под подбородком завязана, аж раковины ушные ломило от тесноты, - обопрись обоими локтями на автомат, он был взят, как и положено по уставу в темное время

суток, на изготовку для стрельбы стоя (ха-ха), и - физиономию кверху. Морозец был легкий, а небо ясное вполне. Все условия для практической астрономии. И тут этот злоумышленник и возник.

Тоже в валенках, в ушанке (со свободно болтающимися ушами), вагник на нем. Но не это главное, а то, как я, созерцанием звездного неба над головой увлеченный, не прозевал его выход. Откуда-то из леса он вынырнул, без единого звука, и напрямик ко мне. А я - поверите ли? - так со стороны себя и увидел: стою в своем монументальном тулупе, будто воткнутый в снег, как настоящий памятник, прожекторы лучами с четырех сторон меня подпирают, и про себя я перед тем мужиком почти уже капитулировал.

Я сразу понял, что он отнюдь не Дед Мороз и даже не празднично шатающийся пьяный. Уж очень проворно и целеустремленно продвигался он ко мне. В городе по праздникам бывало, сердобольные граждане подносили стопку-другую случившемуся неподалеку за забором часовому, но этот субчик на такого доброхота еще меньше был похож.

Он еще не преодолел и половины контрольной полосы, и, честно говоря, не знаю, было ли у меня на то право, но только я заорал, как в уставе сказано: «Стой, кто идет!» Где-то в глубине души надеялся я, окрик мой хоть чуть-чуть да с толку его собьет. В бегство не обратит и даже не остановит, но заставит ответить что-нибудь. Покажет ему, что врасплох он меня не застал!

Но он был битый гусь и в пику моей команде только надал, принялся еще шустрее выдирать валенки из сугробов, неглубоких, на его везенье. И все так же молча, ниндзя-диверсант. Ножа в зубах только ему и не хватало. Хотя - зачем ему нож?

«Стой, стрелять буду!» - издал я следующий уставной вопль. С такую силой, что меня, наверно, услышали даже в караулке (что, в итоге, меня и спасло). Щелкнул предохранителем, передернул затвор. Только стрелять-то нечем! У бандита на лице появилась зловещая ухмылка. Я на зрение не жалуюсь. Ну, ей-богу, как у Волка из мультфильма, плотоядный оскал, точь-в-точь. Тут разум мой и вскипел.

На мое счастье, за спиной у меня находился телефон. Обычный полевой телефон, под «грибком» часового, на полочке. Ручку «мослаю», а сам молось: «Да хоть бы целы оказались провода! Да хоть бы они были вообще проложены!» А там, на другом их конце, моего истощного «алло-о!..» лишь будто и ждали. «Чего там у тебя, Кузнецов?» - спрашивает меня сержант, по-дедовски сурово и деловито и раздраженно несколько. Как будто я, неразумный салабон, звонком своим на половине стакана его прервал. «Нападение на пост!» - кричу я. Он в ответ: «Угу. Счас», - и замолк, оставил меня с душегубом один на один, пропадать смертью храбрых. «Как же, жди вас», - бормочу я себе под нос. Нарушитель уже под колючку примеривается, я автомат к себе, как куклу прижимаю, хочу под тулуп затолкать. Где эти деды?? Небось, набрались уже «чернил», очухаются пока... И все равно у них тоже патронов нет. НЗ еще распаковать надо, рожки набить...

Только напрасно я недооценивал своих дедушек. Их политическую, а особенно боевую подготовку. Так сказать, под конец службы, показали, как врага надо встречать. Не хуже, чем в самом соцреалистическом кино.

Высочил Петров на крылечко и - ба-бах! - из «калаша» в воздух. Гангстер, злодей, сразу почувствовал, что заряд боевой. Только его и видали: как спринтер, задал стрекача. Но успели все-таки его заметить, хотя танком газотурбинным через сугробы обратно в лес пер. Это для моего блага. А то б решили, что никакой попытки нападения и не было, что я единолично всю эту комедию провернул. Валько, тот, например, так потом и заладил: «Да, он в хости к нам шел, на Новый Ход! И шо ж ты людей только пухаешь!» Валько понять можно. В час ночи (или около того) пришлось ему сменить меня на посту. Душегубец, ну чистый Воланд, замысливал злое дело, а сотворил благо: вынудил моих стариков боеготовность подтянуть на должный уровень.

Мне сильно повезло.

Повезло нашей глухомани, повезло выпущенной из сержантского «калаша» пуле. Ведь убивец выбрал для нападения ровно полночь - рассчитывал к своей выгоде все возможные факторы обратить. Да только ему-то как раз не повезло. И получился Новогодний Салют.

И был здесь еще один неудачник.

Поскольку потревожен был НЗ, да и выстрел кто-то из офицеров в общежитии слышал и вовсе не спутал с петардой, пришлось о происшествии доложить, и вскоре, а точнее где-то через неделю (а по нашинским меркам трудно желать скорей), подвезли на объект потребное количество патронов и с той поры всему составу караула начали выдавать уставной боезапас.

Вот так и я оказался одним из могильщиков единственной во всем этом деле жертвы...

Какой еще жертвы? А еще один неудачник - кто это? - может спросить не совсем врубившийся в намеки читатель. Да как! Он - САМЫЙ МИРНЫЙ ЧАСОВОЙ В МИРЕ! Кто ж еще?

ИГОРЬ СМИРНОВ (ЧЕРЕПЕВЕЦ) «ЛЕВ ГАВРИЛОВ, МОЙ ГУРУ»

До сих пор не могу поверить, что его нет среди живых. Он должен был стать триумфатором. Он говорил: «Я работаю на 21 век. Мое время еще впереди». А увидел только начало этого века.

Мы познакомились в 1986 году, в городском литобъединении. Мне было 26. Я все еще жил тогда под впечатлением от «Мертвой зоны» Кинга, «Белого ящера», «Барьера» и «Озерного мальчика» Павла Вежинова, «Другой жизни» Трифонова, «Игры» Бондарева (такая вот невообразимая смесь!), фильмов «Иди и смотри» и «Письма мертвого человека»... Еще не читал Булгакова. И тем более не подозревал, что

скоро «расспещхранят» Набокова, Солженицына, Гроссмана. Томила уже какая-то жажда перемен, но если б сказали, что перемены начнутся так скоро, столь стремительно, то не поверил бы.

Кажется, это было первое после лета заседание лито, и народу пришло мало. Был Иван Михайлович Бодренков - тогдашний председатель, Сергей Круглов, один из наиболее известных в ту пору череповецких поэтов, редактор «Сталепрокатчика». Ну, и я. А еще какой-то смешной, невысокий... вот именно, мужик, в короткой черной куртке из заменителя. Не мужчина и не дядька. Потому что как-то несолидно он держался, слишком простецки, совсем не мастито. Ухмылялся самоуверенно, рассказывая о том, что работает над романом, который... который... Точных слов уже не помню. Не помню, заявлял ли он уже там, на лито, что замахивается на нобелевку. Но все равно, и тамошние его формулировки отдавали огромным гонором. Из тех, кто показывался на лито, никто так о себе не говорил. Держались обычно скромно, стусеванно. Этот - в ответ на какие-то скептические замечания Бодренкова (писателя, битого уже не только жизнью, но как выяснилось впоследствии, и самим Гавриловым - тот разгромил его повесть «Основа» на презентации этой книги... обсуждении, потому что *так* это называлось тогда), так вот, на скучный вопрос Бодренкова о том: «А что вы будете делать, если ваш роман не пройдет?» - или другой, но в том же роде, ухмыляясь заговорил о том, что вот и Фицджеральд, по сути, автор одного романа, и Сэлинджер... Насчет Фицджеральда это не было правдой, но кто мог тогда возразить?! Сам Бодренков выслушал тираду с какой-то очень постной и озадаченной миной, а мне так даже стало неловко за «новенького». Причем здесь какие-то Фицджеральд и Сэлинджер? Мы представители самого правильного, самого верного направления, мы идем единственно возможным путем, а он нас пытается с толку сбить?!

А еще Лев Гаврилов говорил тогда о Достоевском, о том, что личность этого писателя очень его интересует. Спрашивал про вологодского писателя Железнякова (так кажется, если не перевираю фамилию), поскольку тот написал какую-то повестушку про Федора Михайловича. И, по-моему, тогда же Гаврилов отдал на суд лито свой рассказ «Манцинилло».

До меня рукопись дошла в последнюю очередь, я взял ее у Леонида Беляева, на телецентр к нему ради этого заходил. И чтение шло очень трудно. Сюжет вкратце был таков... собственно, отчетливо выраженного сюжета и не было. Центральной фигурой рассказа был Бронислав Робертович Рубин, или БРР, совершенно демоническая личность еврейского происхождения. Имевшаяся на текущий момент у него любовница (а скорее - наложница), по имени, кажется Мари (потом Гаврилов признался, что наших русских имен у персонажей просто не переваривает), в «пароксизме» гнева сравнила своего господина с манциниллой - растением, которое убивает животных, попадающих в зону действия его ядовитых

флюидов, а затем питается их трупами... (они только что прослушали репортаж по радио, где говорилось об этой заморской диковине). «Ты - манцинилло! - крикнула Мари в лицо своему деспоту. - Ты сначала убиваешь нас, а потом произрастаешь на наших трупах». Примерно так. Описание сути героя кстати было подлинным, сам Гаврилов считал этот образ своеобразным открытием. Но у меня рассказ вызвал сначала только отторжение (слишком был не похож на то, чем я тогда восторгался - смотрите выше). Спас положение Достоевский. Слова Гаврилова о Достоевском как-то запали мне в память... Как раз я накануне купил «Белые ночи» (в мягких корочках, но с совершенно замечательными иллюстрациями Добужинского). И вот я попытался прочитать «Манцинилло» как бы под неким «достоевским» углом - тем более для этого были все основания (язык, перхелесты в том же духе, «надрывы», «инферральная» атмосфера). И впечатление оказалось совсем иным!

Вот об этом, о двух своих попытках, о том, какую роль в моем чтении сыграли «Белые ночи», я и рассказал на обсуждении рассказа. И наверно, мое выступление было самым непосредственным (хотя и самым немастеровитым). А в целом, наша литературная братия оценила «Манцинилло» очень высоко, один довольно пожилой поэт даже восторженно. «Ничего лучше я не слышал! Сергей (Круглов), ты должен это опубликовать». На что Круглов ответил, что рассказ очень злободневный, но непроходимый, поскольку главный герой его очень отрицательный, и, что самое важное, еврей... Не пройдет.

А потом, по окончании сборища, мы с Гавриловым вместе шагали домой (заседание происходило в Центральной библиотеке). Причем в буквальном смысле нас свел Александр Пошехонов - сказал, что общение будет для нас полезным. И вот мы не спеша шли сначала по бульвару Доменщиков (на котором стоит библиотека), потом повернули на Ленина и так миновали несколько остановок. Гаврилов тогда жил «на Фанере». По ходу нашей прогулки я успел выложить все самое сокровенное, что имел тогда за душонкой, - про Кинга, про Вежинова... Гаврилов одобрительно кивал.

Встретились снова несколько дней спустя, на квартире у Гаврилова. Я принес ему «Иностранку» с «Мертвой зоной» и с «Челюстями» Бенчли (забавно, что он оценит два этих американских романа диаметрально противоположно общему мнению...). Он тоже дал мне почитать какие-то книжонки, про тайны литературные, «Тонио Крегера» Манна. И посоветовал читать Толстого - «Что такое искусство» и т. д. ... И это «задание» оказалось очень плодотворным. Я просто залпом проглотил толстовский трактат. А в следующую нашу встречу (по-моему) Гаврилов просто дал мне список того, что я должен читать. Такие книги, как «Что-то случилось» Хеллера, «Взгляни на дом свой, ангел» Вулфа... «Иностранщину» в основном. «Не читай Пикуля, - сказал мне Лев Анатольевич. - Астафьева, всех этих деревенщиков про войну не читай. Разве, что «В августе 44». Переделали в «Момент истины», от того, что на «В августе 14» Солженицына похоже!..».

Но сильнейшим впечатлением было для меня чтение собственного гавриловского романа - «Триумфатор». Он дал мне первую часть, я тогда подумал, из осторожности. Но оказалось, этот вариант дальше и не пошел. Но я-то читал, еще не зная этого всего. С подобным восторгом я читал немного позднее «Мастера и Маргариту» (кстати, тоже по рекомендации Гаврилова). В центре романа была любовь зрелого человека к своей падчерице. «Лолита» в общем. Кстати, и про «Лолиту» он меня просветил. А замысел Гаврилова знаменитый роман Набокова как раз и подкосил. У Гаврилова тоже в свое время был наставник, старший товарищ; Гаврилов жил тогда в Москве, спецкором «Лесной промышленности» работал, под псевдонимом Л. Галло. Короче, наставник Гаврилова ткнул его носом в «Лолиту» (которую тогда очень проблематично было достать): «Уже было! Не годится».

По-моему, зря. Тот вариант «Триумфатора» был лучшим. И с «Лолитой» общего (кроме главной «фишки» сюжета) ничего не было. Но, к сожалению, Гаврилов так и не сумел закончить свой роман. Вариантов «Триумфатора» только на моей памяти было несколько. Он их бросал, как только знакомился с очередным философским учением - Маркузе, Адорно, Федорова, Ницше...

Мне повезло, что наша дружба пришлось на достаточно продуктивное для Левы время. «Манцинилло» - это действительно было явление. Как рассказывал, например, наш общий друг Серега Феньвеш (тогда еще неженатый, после развода): «Пришла ко мне подруга. Уж разделась, но увидела рукопись «Манцинилло» на столе, и нет чтоб в постель прыгнуть, зачиталась. Так увлеклась, что и про... забыла!» И вариант «Триумфатора», написанный еще в Москве, как я говорил, был вообще самым лучшим из всего им написанного.

Кстати, про Москву. Моя жена Ирина, когда впервые увидела Леву (должно быть, в страшный мороз января 1987, а может, чуть позднее), в ватнике с интересными застегивающимися на кнопки манжетами, в ушаночке, сказала: «На «химика» похож». Я тогда не придал этой реплике внимания. Оказалось, как в воду смотрела! Лева признался позднее, да, приехал в Череповец не по своей воле, на «химию». Любовницу отлупасил, а та в милицию заявила.

Да, вот такой он был человек. С сильными деструктивными тенденциями, как какой-нибудь Фромм сказал бы. И был бы прав. Лева разрушил себя сам. Роман так и не закончил... В 90-е редактировал разные сомнительные газетки - «Криминальный Череповец», «Свадебная газета». А первой ласточкой было «Слово великоросса» (которое и газетой-то трудно назвать, кстати, формально я тоже «помогал» Лева выпускать это издание).

Жил Гаврилов в разных общагах, на квартирах... В мастерской Феньвеша, на чердаке многоэтажки, в «лофте», как мы могли бы сказать сейчас (ведь сейчас мы так много чего знаем!). Последним прибежищем для него стал интернат для пожилых людей - в 98 году у него случился микроинсульт, так что медицинские основания были. Гаврилову удалось пробить

для себя отдельную комнату - большое дело в доме престарелых! Но длилось это «счастье» всего примерно год. 11 ноября он был убит в пьяной ссоре... Иногда я думаю, а может, он нарочно спровоцировал эту драку? И в лучшие-то годы он был человеком конфликтным, неуживчивым. В интернате, в своей «престижной» каморке, он, наверно, понял, что перспектив у него никаких. Все авансы, которые дала ему судьба, были давно растранижены... Быстрая смерть могла казаться выходом из положения. Впрочем, на этот вопрос уже не будет ответа.

Детальной биографии сейчас не восстановить. Лев Анатольевич и в лучшие-то годы любил прихвастнуть и говорить туманно. Про его работу в «Лесной промышленности» я уже писал. Еще он утверждал, что написал не один десяток публицистических книжек в качестве «негра» (то есть за кого-то). Проверить это невозможно. Остались его статьи в «Коммунисте» подписанные «Стропальщик Л. Гаврилов». «Почему я против такой борьбы с пьянством» вызвала дискуссию и (что особенно ценно) в чем-то предвосхитила статью Евтушенко «Притерпелость» в «Литературке». Да, еще году в 91 он редактировал газету «Очи Черные» - эротика и все такое. Передал ее Манухиным (или как-там звали эту парочку экстрасенсов?), а они ее (газету) якобы «завалили». Такие казусы случались с Л. А. довольно часто - когда кто-то заваливал его «передовые» начинания. Для меня в личности Гаврилова главное то, что он предвосхитил многие идеи озвученные в ходе Перестройки (то есть мы с Сергеей усваивали их как бы пораньше). Потом, у него был выстроен очень интересный, совершенно независимый «рейтинг» литературных вершин, на которые надо ориентироваться.

Те немногочисленные фото, что были (в том числе одна почти профессиональная - на ней Гаврилов с сигаретой в руке изображает «умственную» мину), при переезде были засунуты мной в какую-то книжку, и даже видел эту книжку и фотки, когда по-новой расставлял книги на полки... тем не менее вспомнить, что за книжка, куда она поставлена, не могу... Вся надежда, что начну рыться и случайно наткнусь. А справка? Какую возможно, и так уже дал, правда, в «расхристанном» виде. Да, он еще пытался учиться в Ярославском университете на факультете журналистики что ли, но хватило его ненадолго. И он кстати, ярославский. Отец - военный инженер, вроде танкист, руку потерял на войне (якобы из-за того, что командиры в свое время упились, и ему, инженеру, пришлось идти в атаку). Еще якобы у Гаврилова есть дочка...

МИХАИЛ СОПИН (вологда):

РЕЧЬ О РЕКЕ

запись авторской речи - Г. Шекина

Поток первый: ПОЧЕМУ?

Жизнь состоит из циклов от рождения до смерти... Под этим я подразумеваю то, как пишу. Стихи - это то, что я понял и что надо сформулировать. И я ищу, как это сделать. Это своеобразная ниша для перегруженного сознания, постоянные изменения, цепь их - процесс. Так идет анализ сущего.

Я всегда расшибался и расширяюсь о нежелание людей думать, анализировать. Мое спасение было именно в привычке анализировать. И я пытался говорить об этом, но редко встречал вездливые глаза... Наталкивался на глухоту, на ненависть. А во мне уже было всего до отказа, и я хотел на равных. После столкновения во мне все перегорало, и оставалась только жалость. И чем они плоскоглазее, тем их жалче. Но на границе перегруза снова начинались «сумленья» - не идет баланс, когда уходишь от деления на черное и белое.

Чем больше пишу, тем сильнее ощущаю свое неумение. Поневоле возвращаюсь к началу пути. Вот и происходит цикл возрождения, новое рождение.

Я с печальной улыбкой смотрю на зеркального мальчика Сопина. Мы с ним разные люди. У меня идет вечное рождение, я оглядываюсь, смотрю. Мы идем на разлет, отдаляемся.

Я родился сверхэмоциональным, и это навсегда окрасило меня бариетом страха. Жизнь вливалась в меня до отказа, одно вытесняло другое как при сосисочной набивке.

... Запомнил слом тридцать седьмого года. Постоянно висящее солнце, которое слепило, но не грело. Мне шел седьмой год, мы с пацанами всюду играли во врагов народа. До тех пор, пока после вызова на второй допрос не исчез отец.

Я был тогда маленький, но не отношу себя к тем, кто говорит, что ничего не знал. Трагедия висела над отцом долго, от детей уже ничего нельзя было скрыть. Ночные разговоры взрослых мешали нам спать. Наверно, отец чувствовал конец, и эти ночи были для него попыткой продлить жизнь. Он запил. Такого раньше не было - серьезный выдержанный человек, военпред на Харьковском танковом заводе. Он пил, сжимая в руке партбилет, потом плакал... В первый и последний раз я видел отца таким... Умудрен я потом стал, научился водку пить - «питие мое», но тогда меня это раздавило. Мы с отцом были неразъемны как формула... Он исчез (был арестован), но вернулся... а вскоре «скончался от скоротечного распада легких». Какой там распад? Здоровый, сильный мужик. Даже я, ребенок, не мог поверить в такую «скоротечность».

Отец да дед были у меня большевики, но вообще у нас в семье было наворочено - дроздовцы, махновцы... У бабушки было шестеро братьев, они носились на конях, свирепели, врываясь, друг к другу с оружием. Однако при бабушке не смели.

Один из дядей - красный комиссар (бывший белый) и другой, служивший при немцах в полиции - меня учили добывать людей в уху. Чем было спасаться от такой отравы? Беременеть начинкой и смирать ее до тех пор, пока не взорвется?

В 1939 году арестовали родителей моих друзей по двору. Детей осталось трое: два мальчика и старшая сестренка лет четырнадцати-пятнадцати, в которую я был тайно, до рыдания, влюблен, так что родители, посмеиваясь, обещали нас поженить.

Ребята остались одни, и я таскал им хлеб пеклеваный, был такой хлеб очень вкусный, я сам его очень любил. И вот совершенно необъяснимо для самого себя (тогда! сейчас-то я понимаю, это было гипертрофированное чувство сострадания) я пошел к магазину и у входа-выхода стал просить милостыню, крестясь и кладя поклоны. За этим занятием меня обнаружила наша учительница Ксения Михайловна Мухина. Человеком для пацанов она была добрым, но время было злое. И вот на очередном поклоне я ощутил невыносимую, зверскую боль - она крутила мне ухо, не просто крутила, а рвала остервенело, что-то приговаривая при этом. Сейчас я думаю, что, причиняя мне страдания, она хотела избавиться от чего-то в самой себе. Может быть, она перед кем-то или перед чем-то сама вела себя так же, как я, кланялась, заискивала, только втайне.

Я рыдал без слов, с болью и внутренней сладостью - страдаю для ребят, - от сопричастности, что ли... Гипертрофированное сострадание-крестный знак нашего рода, может не у всех, но у кого-то, над кем-то он был. Дед Никита, более-менее безболезненно пройдя процедуру раскулачивания ни с того, ни с сего стал оговаривать себя, распускать молву, что у него припрятано про черный день. Плевать он хотел на коммунаристов, хватит и на приобретение нового хозяйства и на то, чтоб голодрань беспортошную, этих лодырей скупить с потрохами...

Был взят, доставлен куда надо, зверски бит шомполами. Когда били, поднимал голову и кричал: «Объединяйтесь, пролетарии, над бездной кровавой, перед гибельной дорогой». Об этом рассказывала бабушка. А на ее вопрос: «Зачем ты дразнил их, зачем выкрикивал, обозлял?» отвечал: «Молчать, опускать голову, закрывать глаза надобно тогда, когда устанут пилатствовать, а пока бьют, в глаза глядеть надобно, так разумею». Прожил он после этого один день.

Все мешалось... Семнадцатый год был для меня романтикой, комиссар все равно что святой, но благодаря родне я никогда не мог принять окрас - разделение на красных и белых. В числе моих сверстников выкалывал глаза маршалам Егорову и Тухачевскому. А в сорок втором при немцах время словно опрокинулось на полвека вспять. Открылись церкви, я присутствовал на крещенском водосвятии.

Как приблизить груз яда и противоядия? Ведь все сущее в нас и из нас.

Самое опасное - не давать отчет будущему. Мы можем минировать память и неосознанно программировать идиотизм наших близких... Любое не-

продуманно выплюнутое слово способно разрушить человека. Наша несурзанность и скотскость материализуются и наполняют эфир. Может, мы не чувствуем, но они носятся там, эти гадостные токи. Еще немного, и наука научится их улавливать. Выходить на них, как на обычные волны. Когда я начинаю в компании так говорить, собеседникам становится опасно: «Раз ты этакий, иди на...» Они не хотят такого русла и вот-вот хрястнут меня. Я ухожу обижаться...

Я болен отличием от других. Ну и что, если они вурдалаки? Их тоже запрограммировали - так же, как вас, как и меня. Чего ж мы цапались-то? Приятель Леша был вместилищем своих и чужих идей, в том числе и вредных для него, но когда на него покушались, бесился. («Дай правую руку!» - «На, только дай выпить, больно же...»)

Я находил и терял людей глазами. Бородулин на поселении говорил: «Не переносу плотность населения и коллективность в любом виде». Но ведь человек живет не ради постижения кого-то одного человека или даже группы, а вообще для всего мира. Он должен хотя бы стараться понять - что произошло. Почему нет, а не да?

Я не знаю, хорошо им или плохо, и это меня сдерживает... А когда пишу, думаю - не боюсь ли быть обкраденным?

В двадцать четыре года стал писать дневник. Перечитывал и понимал - пора чистить, выгребать утробную грязь. Она может рвануть, переполнив... Судил я тогда обо всем позиционно, на мне было давление нашей «культуры», то есть халтуры в виде культуры.

Партийное сумасшествие тоже сделало свою злую работу, утвердив рабоче-крестьянский метод бытия и мышления. Лишь бы на крестики-нулики все разделить... Брел по пояс в общественном дерьме, ерошил.

Почему стал писать? Однажды мне на встрече задали тот же вопрос. Я сказал - а почему Саманта Смит писала президенту? Почему? Вам не приходило в голову, что газовые камеры применять необязательно? Можно духовно сдохнуть без камер.

Пионер Советского Союза, я разрывался на части: чем сильнее искал человека, тем глубже забирался в ров. Отсюда моя любовь и дружба. Как только случалась вспышка понимания - это дорого! - начинал чувствовать раздуку. Мной «объедалась» женщины в любви, а мужики в дружбе. Процедура контакта ощущалась мною как в первый и последний раз, и они уставали. Слепую я это делал или специально? Говоря по земному: жалко иметь близкого близко...

В детстве я много прополз по скверне войны. Были и друзья, но всегда старше меня. Детприемники, окрещения, бомбардировки... Выводил наших через немецкие территории. Рос плохо...

Видел ли эсэсовцев? Здесь дело не в форме, серая она или зеленая. Тот, кто бьет меня до хруста и писанья кровью, тот и эсэовец.

Я пил пацаном спирт. Видел смерть обрубков людей. Наверно, понимал солдатиков, потому и жизнь

врага, и нашу жизнь видел с изнанки. И тех, и других бросили в военную мясорубку, чтоб она задохнулась. Я ничего не выискивал, просто был повергнут, мордой в этот ткнут, потому что изначально был приговорен к тому, кому хуже. К пристреливаемой лошади, к перееханной собаке... По телевизору всегда болею за тех, кто проиграл. Такая природа.

Жалел наших, немцев, много было хороших немцев, которые перестрадали. И потому стал понимать: война - это расплата за скотскость, за то, что общество не может сказать «хватит».

Поток второй: СОЛДАТСТВО

После гибели отца нас с сестренкой увезли в деревню к бабушке. Потом - война.

У нас во дворе частями Красной Армии были пробиты профильные окопы, потом брошены. Окопы ошибочно выкопали за избой, а дом таким образом оказался на линии огня. Начались тяжелейшие бои. Однажды во двор заскочили двое молоденьких солдатиков и прямо перед окнами стали устанавливать пулемет, но никак не могли его заправить.

Бабушка выскочила из избы с поленом: «Куда ставите, сейчас начнут бить по хате, а здесь дети малые!» Велела тащить пулемет на угол двора и там сама заправила пулеметную ленту.

Когда начинали бить орудия, мы с Катериной бежали прятаться в погреб. Бомбежки продолжались по трое-четыре суток... Я был в зачумленном состоянии. Когда сутками напролет бомбят, перестаешь испытывать страх за жизнь - безразличие полное. Хотелось спать. Я не думал, убьют ли меня, закрывал маленького братишку Толика, он тогда живой был.

В таком состоянии солдаты, измотанные, спят прямо в окопах. Сейчас это совершенно не может быть понято... Скорее бы бомба попала, кончились муки.

Как сейчас вижу солдатика с оторванной рукой: он сидел, привалившись к избе, обнял уцелевшей рукой остатки пустого рукава и раскачивался из стороны в сторону... Не знаю, отдавал ли себе отчет в происходящем.

Между Ново-Борисовкой и Хотмыжском были двойные-тройные переходы наших и немецких войск. Подолгу лежали волдыреобразные тела советских солдат, подступы к Ломному были усеяны ими. Наши врывались в какофонию бомбежек и, случалось, обстреливали свои же позиции...

Проходила РОА-русская освободительная армия (будущая вторая ударная) Власова, кто-то присоединился, но матерей вступивших в РОА не преследовали. Люди настолько были подавлены трагедиями - у каждого своя! - что не способны были клеймить.

Диковинна судьба РОА. Она создавалась из военнопленных, но это не значит, что там были сплошь головорезы... Она сражалась на стороне немцев, но не все на нее смотрели как на врагов. Она называлась ударной - может быть, чтобы принять удар на себя? Борис Гусев, бывший солдат сорок первого года,

бывший власовец и заключенный, однажды внушал мне мысль, что надо было вести дневник создания партизанского движения в Белоруссии. Он считал, что власовцы были рождены войной как козлы отпущения - переодетые в немецкую форму, они вырезали население, запугивали его и подталкивали вливаться в партизанское движение. Фактов на этот счет у меня нет, но разговор такой был.

Когда мы бежали из-под Харькова, в одной массе солдаты, дети, женщины, старики.... Если бы нас тогда остановили, мы бы, наверное, умерли на месте. Фашисты нагнали нас, утюжили танками. Разорванные, раздавленные дети... Мне череп проломило осколком, спас какой-то военный, замотав голову тряпкой и пихнув в товарный вагон в районе Богодухова. Я валялся там на опилках весь в крови. Растолкала старушка, снова шли в толпе... Уперлись в реку, горел мост. Солдаты наспех сколачивали плоты, на них прыгали люди с детьми, плоты переворачивались. И все это под бомбежкой...

Я видел бег исхода и беспомощность армии. Немой плач, как на картинах Чурлениса серии «Похороны». Там есть траурная процессия - длинная вереница, которая теряется у горизонта, люди идут к солнцу, символу жизни, и прощаются с ним. А потом, когда солнце заходит, оставляя кровавые отблески, сияние исходит от самой процессии, от людей. Все выше в гору тянется шествие, выше и выше во тьму, будто огромный сверкающий уж... уходит, чтобы исчезнуть.

Водить через фронт военных - это было естественное внутреннее состояние, как дыхание, потому что это была армия, которая - я. Где шли бои, какого масштаба - знала бабушка, деревенская маршала. Она и втянула меня: посылала переводить через линию фронта окруженцев. Мы, ребяташки, хорошо знали окрестности, кустики, овражки, буераки. Выводил два раза.

После сорок второго пришла другая армия, армия-победительница, но любовь моя осталась там - в сорок первом.

Солдаты сорок первого года, восходящие на алтарь грядущей Победы - они во мне. Не знаю, кто они, но получаю от них оценку тем, кто остался жив. Я смотрю их глазами, вижу, как они смотрят. Их место на земле осталось пустым, и поэтому в День Победы нет у меня в душе ни торжества, ни гордости.

До сих пор не понимаю, как выжил... остался жив. С тех пор ненавижу слово «выжить», допускаю только слово «жить!», ведь «выжить» - подразумевается любой ценой. Какой ценой выжили в тридцать третьем, когда мои родители бежали от голода с Курщины? Какой ценой выжили в тридцать седьмом? Или в войну? Часто ценой молчания, падением ниже последней черты.

Мы и сейчас продолжаем по инерции не жить, а выживать. Это какая-то затянувшаяся подготовка к светлому будущему!

Борьба за выживание - унижение для народа, страх, засевающий в душе. Когда он поражает целое поколение, начинает передаваться по наследству. Если

покончить со страхом в себе, то, может быть, спасем от него грядущее поколение. Нам выживать, а им - жить.

Поток третий: КОГО И ЗА ЧТО

Женщины, у которых немцы убивали отцов, братьев, мужей, детей, эти женщины, завидев колонну пленных германцев, выносили картошку, свеклу, морковь и оставляли на капустных листьях у дороги. В глазах тех, для кого это было предназначено, была роковая неспособность понять движущую силу таких поступков. Так и должно быть, а почему? Так легко было спутать рабскость и сострадание, трусость и милосердие...

Я потом и у наших встречал такие глаза. Дубасили меня во время следствия, и один из «нигилистов» (так он себя называл почему-то) все норовил в дух сапогом. Очень ему это нравилось, и еще на глотку встать и давить, как бы говоря: «Вот я все могу, а ты, скот, не можешь дать мне в морду». Он бил меня за что-то, чего в нем самом не было, чего он сам не мог понять. Упрекать убийцу за то, чего в нем нет человечности - упрекать дурака за то, что в нем нет ума.

Над глубиной в полный рост вставало раздувшееся от голода тело русского феномена: в побежденную Германию везли продукты и прочую помощь. А с запада на восток шли эшелоны, набитые вчерашними защитниками Отечества. Более удачливые слали домой подарки, кто-то даже ящиками или вагонами. В конце войны на территории Германии я был принят танковыми частями, пил с ними водку и ощущал неравенство страшное. Видел, как командиры посылали запечатанное в луковицы и в мыло золотое...

Акцентные смешились: врагами становились увечные и неудачливые. В сорок третьем, сорок четвертом годах стало много калек, этому не удивлялись, душу предохраняло время. Я с ними дружил. А к концу войны и после войны, когда они повывезли из всех щелей ползком, хромая, на колясках и тележках - стали заметны по-другому. Их просто убирали, высылали подальше с глаз долой.

Вражеской становилась и многомиллионная армия агонизирующей безотцовщины. Скоро ей наши «достойное» применение. Вся оккупированная территория была разрушена. Ее надо восстанавливать любой ценой, откуда-то взять армию новых строителей, которые бы валили лес, долбили руду, клали кирпичи...

Ужас и простота этого обстоятельства привели к людоедской политике. Бросили клич - выжигать каленым железом, хватать за бродяжничество, незаконное ношение оружия (валявшегося горами везде), за воровство. Кого? Были орды бездомной шантрапы, брошенной на произвол судьбы, вынужденной себя кормить, греть, защищать. Выжившие в голоде и бомбежке, выплунутые войной и расшвырянные по белому свету, они же оказались обречены на жерло лагерей.

Приняв знаменитый указ от четвертого июня сорок седьмого о борьбе с хищением государственного

и частного имущества, отец народов убил двух зайцев: обеспечил рабочей силой самые гиблые места в стране иотреагировал на просьбу граждан обезопасить их от послевоенного воровства и бандитизма. Были ли среди них истинные преступники? Да, были... немного.

Система была простая: брали одного, били, он называл, часто наугад, еще двадцать пять... Позже я понял, что методы борьбы и с Бухариным и с беспризорником были одни и те же. **БИТИЕ ОПРЕДЕЛЯЛО СОЗНАНИЕ:** за одного битого трем (тоже битым) давали на полную катушку. А за трех? Здесь - весь смысл. За проступок, каравшийся ранее месяцами, начисляли по десять-пятнадцать лет, без права пересмотра дела. Многие ли сегодня поверят в реальность печального Указа? А ведь именно по нему уходили сотни и сотни тысяч туда, где девяносто девять плачут, а один смеется - хозяин.

На предприятиях шли собрания, лекторы гремели гневными речами, набирали мощь групповые судилица. Разверстые пасти лагерей жаждали пищи. Распалялось «общественное мнение», а о «попутно» осужденных и по ошибке казненных скромно умалчивалось.

...Народ требовал - партия и правительство откликались, опираясь на слепо-глухо-немые, околпаченно-ухайдаканные массы. Шла гражданская война против собственного народа. Общество отплясывало на костях.

В числе послевоенной пацанвы я был ввергнут в двойной обман. Школа рабизма втягивала человека в мясорубку, да еще заставляла соглашаться, что эта карта справедливая, что он преступник. И чем доверчивей, беззащитней был осужденный, тем сильнее он верил в свою преступность.

Сотни порченных пацанят сгоняли вместе, принауждали надеть на себя личину лагерников. Им ничего не оставалось, кроме как ощущать себя... волками. Повторяю - среди тех, кто попадал в облавы, были и воры, и насильники. Но не все. А давали всем - кому пять, кому десять, кому двадцать пять. От имени народа. Мракобесие народа - в готовности проголосовать за это и тем самым своих же детей послать на заклятие...

Система не изменилась с тех пор: все, что ни делается - именем народа. Это машина. Многие не сознавали этого.

На воле народ ослепленнее, чем в заключении. Мы там глубже все видели. Осужденные по уголовным статьям бунтовали в лагерях, а политические молчали - мол, мы и вообще не при чем. Даже Солженицын в «Архипелаге «ГУЛАГ» внушал, что если не за политику сидишь - ты дерьмо. А виновата была только машина.

...Страшное избиение видел в Харькове: человек кричал и испражнялся. И чем сильнее кричал, тем сильнее били - может, хотели заглушить крики, забив до смерти.

На Олпе в транзитной камере на моих глазах происходило мужеложество. Мужики насиловали мужи-

ков, свои своих же, чтоб никто не жаловался, не «мутил воду», не искал правду, не стучал. В Соликамске хотели насиловать меня...

Жалость считалась среди заключенных преступлением. Нельзя было отделяться, уединяться, быть человеком, быть собой, грустить, задумываться... Требовалось быть массой, быть со всеми, всеми и никем. Кто сопротивлялся, того наказывали. Могли бросить на нары и насиловать по тридцать человек, пока не вывернут наизнанку.

Однажды меня, шестнадцатилетнего, в колонии Макаренко закрыли в тумбочку и сбросили с третьего этажа. И надо ж, ничего не случилось. А если бы и случилось, никто бы и не заметил. Мало ли нас убивали в заведениях печали!

На Олпе я согласился работать на ЧК. Сожалею, что так случилось, но не хотел, чтобы меня использовали, как это у чекистов культивировалось. У меня не было ни малейшего желания издохнуть. Могу об этом заявить где угодно. Это была форма самозащиты плюс возможность кому-то еще помочь.

Оказался везучим. Меня не насиловали, не калечили. И я сам никого не убил, не изнасиловал. Хотя, конечно, языком болтал очень много.

1957-1958 годы... Приступ аппендицита у меня случился на этапе. Продолжал идти. Потом двадцать два часа везли меня с перитонитом на волокуше в лагерную больницу. Лошадиная доза пятипроцентного морфия, боль адская. Путь в лагбольницу был только один - через пересылку. С развороченным животом оказался в камере, битком набитой педерастами. Их заживо съедал сифилис. Это были преимущественно симпатичные молодые ребята, которых этапировали в отдельную зону. А попал я в эту камеру проще простого: пересылка была переполнена, и какой-то ухарь из писарчуков начертал на моем личном деле «сифилис», я потом сам читал эту надпись...

Не буду вспоминать все связанные с этим мытарства, в результате которых я отвалился почти девять месяцев, пережив несколько операций. Врач смотрел с жалостью: «Зачем жить такому?..»

Находясь незначительное время в коридоре, стал свидетелем разговора: молодую женщину в период следствия следователь склонил к сожительству. От него зависело, как пойдет следствие - быстро или затянется. Она забеременела. Сокамерницы научили ее сказать об этом следователю, чтобы шантажировать его, изменить ход дела. После этого она была пьяным следователем избита. Тут же ее отправили по этапу, в животе - мертвое существо. Она шла транзитом - жить ли, умирать - не знаю. Фантазмагории Босха и Гойи - кукиш для слепых по сравнению с такими реалиями.

Ворочала лопастями судьбомешалка, жевала, чавкала, выплевывала: Буреполом, Усольлаг, Ивдель, Нырб, Южжубаслаг, Печора, Чукотка, Норильск... Звенели медали и наручники. Гремели победные марши, а на Дальзонах им вторили «деттяри» и ППШ, поливая свинцом живой шевелящийся черномозг.

«Преступный мир истребит сам себя».

По этой знаменитой формуле жил разъеденный пеллагрой и вшами вертеп, где «скоты», изувеченные своими, чужими и еще раз своими, действительно истребляли себе подобных. Да, для нормального, не утратившего способности сострадать и ужасаться человека войти в этот скотомогильник было катастрофой.

Пока фальшивый голос будет нам нашептывать: «Ты не они» - в нашем обществе мало что изменится. И не надо, бога ради, восклицать: «Ах, молодежь, откуда такие ублюдки? Подкладывали под жар-птицу идеи золотые яйца гуманизма, а вылупились такие чудовища». Не надо себя обманывать. Нет лобового воспитания. Мы вкладываем себя сегодня в детей своих, а через их память - во внуков.

Мое поколение прошло через все - войну, голод, концлагеря, целину и стройки века, а в глазах общества остались подонками. Выросли без любви, без воспитания любовью, и теперь в детях нашего поколения взрываются мины этой нелюбви, несправедливости. Генетическая память подрывает не тех, кто минирует (то есть, сеет зерна зла), а совсем не подозревающих об этом потомков. Это не упрек кому-то, а мольба о сострадании - ко всем...

Мое поколение... Мы уходим из жизни как арстанты, на иллюзорную волю, ничего, кроме концентрационных лагерей, не теряя. Самосуды, судилища, издевательства, растления - вот что получили мы от общества по его просьбе. Без шор пришли мы в мир, и умирать будем спокойно, без политгипноза, в здравом уме. Говорить о пережитом тяжело, но и жить, когда видишь, что хаос безумия обретает четкие устойчивые формы - невыносимо.

Поток четвертый: ЧЕРЕЗ ЧЕРТУ

Во всех лагах была одинаковая система уничтожения человека. Нужно было не просто рубить лес, колоть уголь, руду, корежиться в своем свинячем быту, нужно было помнить, что это навечно. То есть влезать в отмякшую за ночь робу, идти чуть свет на пятидесятиградусную стужу, смерзаясь с этой робой, добить ломом до полного огупения, до глубокой темени, чтобы свалиться, оттаивать. А с утра все сначала. Не день, не два, не месяц, не год, а годы, десятки лет. Сознание не могло переварить такое.

Там не то чтобы не хотелось жить, ТАМ хотелось не жить. Обреченность (ханавей) заставляла людей убивать себя всеми способами. Калечили себя, рубили руки (махнул топором - пальцы прыгали как живые), на известковых карьерах засыпали пылью глаза... Был такой Муценко - засосал измолотый известняк, вдохнул его, чтобы заболеть. Потом мы встретились с ним на зоне - он был уже полный наркоман. Желудочные капли на опиуме, симплекс, амнопон, пантопон, морфин, кодеин, табачный настой... Да гоняли по венам все, что горело.

Черту между жизнью и смертью перешагивали сознательно. Помню Мишу - он вышел к железнодорожной ветке, где ходил паровоз с пятью вагонами.

Накинул фуфайку на голову - боялся увидеть себя мертвым! - и под паровоз бросился. Его в клочья развезло по шпалам. Двенадцать лет лагерей вынес, а оставшиеся два года ждать не смог. Он свой поступок продумал...

Но как миновало меня? Когда я смотрю теперь на себя прошлого, то подозреваю, что был в состоянии сна. Муторшины было достаточно, и момент мог назреть, как у многих, но я пропустил его. Организм потерял способность реагировать...

К черте был близок всякий, у кого рушились иллюзии. Все, кому до восемнадцати, попадали в колонию. Там было все так же, как в обычной тюрьме, только страшнее, потому что неуправляемо. Взрослые (не все) способны были как-то управлять собой, влиять, понимать. Для малолеток жестокость становилась обыденностью.

Однажды вохровцы привели в зону детей - выступать. Девочка годов шести взяла и запела: «Эх, трактор идет и бензином пахнет. Скоро миленький придет, через ... трахнет».

У слушателей были натянутые улыбки. Как на это реагировать? Серьезно - нельзя, хотя на самом деле это слишком горько. Для девочки, у которой мама пила, имела не одного папу и выкрикивала подобное - это естественно, обыденно.

Однажды мы кололись вместе - Женя Усольцев, Витя Морозов, Толя Крапивин. Крапивин был на расконвоировании, и к нему как раз приехали на свидание, привезли эти желудочные капли на опиуме. Мы их вскипятили, прокололись по три куба примерно. И разошлись по баракам, это как раз было к ночи. Я очнулся - и голову не смог поднять с подушки. Волосы держали, они присохли к подушке, оттого что лилась кровь и рвота.

Это был не единственный случай. Хлебал и кололся я не менее трех лет. Считал себя настоящим наркоманом.

После выхода из лагеря была возможность достать морфин в больших количествах, но мне уже не надо было. Почему оторвался от наркоты? С одной стороны, много раз приходилось смотреть костлявой в глаза, это все же рождало противодействие. А с другой - нутром почуял, что дерьма накопил в себе достаточно - требовалось освободиться от него. Начал писать... а наркота и поэзия - не совместимо.

Смотрю по ТВ на современных наркоманов... Слишком много разговоров о том, что люди хотят уйти из-под власти наркотика и не могут, гибнут. Я считаю: если найдется линия, дело, что-нибудь, что они ставят выше - значит придет и спасение. Это всегда внутри человека.

... Порой снится - неужели до сих пор сижу?! Но тяжелее пришлось на свободе, когда увидел - КАК ХАЛТУРНО ЖИВЕТ ОБЩЕСТВО. Иные контакты ввергают в ужас. Нашел себе некто нишу, работает потихоньку, ест, размножается, в ухо ему не дует, и ладно. Только бы не проникаться, не думать ни о чем...

Он в этой нише и курит, и пукает, и фортку открыть не хочет. Он привыкает к обжитому простран-

ству, создает себе атмосферу, теплую вонючую духоту, которая есть часть его самого. Откроешь форточку - думать заставишь. Мне показалось - да стоило ли ради такого дерьма терпеть столько лет?

Поэтому многие приходили к черте потом, пережив лагерь, не вынеся свободы. Такая судьба была как раз у Леша. Такая же - у Миши, который накиннул фуфайку. У всех, кто сворачивал в самообман.

А во мне стремление проследить процесс возникло давно - и когда знал стариков нэпманских времен, и когда жил среди уроков, у которые свои не писанные законы.

У меня была потребность копаться в себе. Я менялся здорово, и оценки мои менялись. Как бы я раньше посмотрел на жулика, укравшего хлебные карточки? Как на подонка, обреченного на голод целую семью. Спустя какое-то время я уже смотрел на это как на ужас, двоякое несчастье (ему тоже надо жрать) и на вора - как на страдальца, а не только как на монстра. То есть, все-все усложнялось...

Так урки утратили во мне урку, но не утратили мое сострадание. Я понимал - они более несчастны, чем я. И мне надо было идти дальше.

Каких было больше - тех, что поняли, или тех, что отказывались понимать, «накидывали фуфайку»? Да и тех и других было мало. Больше всего было - «ни то, ни се, будем как все». Перед такими вопрос черты не вставал.

Те же вохровцы имели сильнейшую иллюзию свободы, но на самом деле были оболванены сильнее, чем те, кого они охраняли. потому что верили, что служат правому делу. Несчастнейшие люди... Система была такая, что границу между более и менее оболваненными провести было невозможно.

Осужденные были заражены иллюзией свободы до такой степени, что, получив, наконец, эту свободу, оказались к ней не готовы. Мы верили, что выйдем и грянет новая жизнь, а в действительности получали удары под дых один за другим. На работу не брали. Сближаясь с людьми, мы имели возможность выбора-либо признаться, откуда мы, либо не признаваться. Признавшиеся видели в собеседнике искаженное лицо, и это был конец. Тот, кто отвергал нас, был заражен иллюзией, что он выше, чище нас, подонков...

Можно было не признаваться, сразу начинать врать, но тогда ложь, ее подночный яд начинали травить изнутри, трудно было говорить и воспринимать правду. Леша Поварницын, корифан мой по лагерю (он вышел раньше меня на три года) вдруг начал писать мне с воли невообразимые письма - «все рушится, рушатся идеалы, что ж ты, мразь, говорил?...» Мне бы услышать за этими проклятиями глубочайшую растерянность, панику человека, у которого рухнули иллюзии... А я вдруг решил, что это продиктовано высокомерием вольного по отношению к зеку.

Леша в то время переживал трагедию, приведшую потом его к смерти.. В лагере гнал по вене все, вплоть до политани. Он хотел сделать революцию против государственного строя, но не знал, как, не смог прийти к тому, что оказалось бы выше травы и по-

гиб. Он был обречен, своего рода рак разъедал его душу. Придя, я застал его уже после того, как он встретил Нину, имел дочь - порождение столкнувшихся двух обманов. Они изначально не могли друг друга понять. Начались взрывы, вспышки, несогласие. Как же они истязали друг друга! Она при нем спала с другими. И уйти не мог тоже.

Кончилась гибелью от водки почти намеренной: сначала он (опохмелился ацетоном), потом она. Было ли чувство? Несомненно, да, но было и другое - два человека столкнулись с необходимостью стать другими. А как это сделать? Отсюда, из бессилия, и возник конец. Возможно, осознание себя как ничтожества, как мрази было началом изменения, но на большее сил уже не хватило.

...Порой мы неистовствуем, орем, друг из друга, валим маюги - но не из ненависти, из самозащиты, умения стать другими... А заговорить бы по-человечески.

Любовь... Не признаю это слово как формулу для лунатиков. Вот корчит и ломает молодых для выпупления глаз, а под ними - железный закон природы, и он всем правит. Есть любовь или нет, все равно придет момент и будешь, будешь шпандорить так, что только треск пойдет. И щепки полетят!

Мое понимание? Два человека призваны Господом к действию, которое труд. Они должны посадить и вырастить молодое деревце, имя которому Любовь. Поливать его, ухаживать... но обязательно вместе. А если его постоянно выдергивать (ссориться, разводить), и пытаться воткнуть снова, то ничего не выйдет, деревце засохнет.

1967-1968 год. Я был на поселении после лагерей - это поселок Глубинный Пермской области. И тут Она приехала. Я понял, что Она приехала ко мне. Сомнений у меня всю жизнь было полно. Вдруг не тот человек, не та семья? А кто же мне тот? Шаромыжник, собирающий бутылки? Да я что угодно буду делать, полезу на рожон, рубаху начну рвать на груди...

Поток пятый: РЫВОК ИЗ ДИСКОМФОРТА

Писать - это значит загонять себя в самый собой созданный туннель. Что позади - не устраивает, что впереди - неизвестно. Кто пошел по этому туннелю, редко возвращается.

Я всегда чувствовал себя одиноким человеком, у которого украдена ласка. Недостаток, недобор, обойденность, нехватка чего-то самого важного... Неистово искал, с кем я мог бы откровенничать. Этот путь привел меня к стихам.

Году в сорок втором-сорок третьем, двенадцати примерно лет, я сидел в деревне в кате, читал об Урале, а за окном была метель. И вдруг стало складываться в голове:

«А за окном седой февраль орал.

А за окном - тайга, метель, Урал...»

Это поразительно - через полтора десятка лет меня повезут на тот самый Урал под конвоем, но в сорок втором это было смутное ощущение, от которого появилось желание заплакать словами от страшного

дискомфорта души. И от этого желания - к первой мохнорылой попытке.

Вопросов «когда, что, почему?» еще не стояло. Но была некая предыстория творчества: сделай что-то словами, и станет легче.

...Мы получали «высшее пенитенциарное» (исправительное - юридический термин) образование: буквы алфавита узнавали из переклички тюремных надзирателей. «На сэ есть, на рэ есть? Кто на хвэ?» - так выкрикивали счастливцев, которым носили передачи родственники. Грамотой овладевали в «индиях» - до дыр зачитывая обвинилки, прежде чем пустить их на курево. «Индия» - камера, в которой сидели те, кому никогда ничего не приносили. Арифметика - отсиженные и остающиеся по приговорам годы...

Последовал большой временный разрыв, но через годы желание выкричаться словами пробивалось снова. Непреходящая задвленность заставляла что-то корябать, как бы беседовать с самим собой.

А к осознанной литературе я пришел гораздо позже, в лагерях. Встал на конец доски, с которой больше не сворачивал... В зоне мы, несколько человек (в их числе Леха), поступили в вечернюю школу и уже этим отделились от массы. Мы много читали, спорили, мечтали. Васька Мамошин, например, изучал языки - французской, немецкий, а литературу и словари ему присылала мать, журналистка. У него был спичечный коробок с «зарядкой - скажем, сотня иностранных слов, он с этим коробком ходит, и то одно, то другое слово вытащит, посмотрит. Как убедиться, что слово запомнил, перекладывает в конец. И так - пока вся папка не отложится в памяти.

От них я получил поддержку. Они могли настроить, оценить мое творчество порой одним словом. Это было счастьем - такое окружение. Плоскоглазые просто не втягивались в орбиту.

В обойденности, о которой я уже сказал, я был не одинок. Как я уже упоминал, после войны у меня после войны пошла дружба с обрубками, с изуверченными... кого жизнь увечила до немощи. Это тоже заставило вернуться к стихам осознанно. Информация о жизни была во мне так спрессована, что не найди я возможности от нее избавиться - она меня взорвала бы.

Что же произошло? Начав вроде бы говорить о себе, я почувствовал за собой многих и многих, вычеркнутых из жизни, подобно мне... Они со мной, смотрят в лицо, дышат в затылок:

«Скажи о нас. От того, как ты скажешь, зависит, какой ты сам».

Вспоминаю Ахматову: «Я была тогда с моим народом - там, где мой народ, к несчастью, был». Она была с народом, конечно, но я-то и был этот народ, который кнутами гнали. Мне не надо было искать темы, о чем писать. У меня просто выбора не было.

Я против того, чтобы сочинять, тащить за уши «нечто». Я за то, чтобы успеть случившееся пропустить через сердце и мозг и в доступной форме передать другому.

Вопрос стихотворной формы не был для меня главным. Размером если и занимался, то не ради него

самого. Я как бы брал кусок стиха и вертел его, пока не чувствовал, что это то, что нужно.

В литературе мне проще назвать единомышленников (а не предшественников). Это Солженицын, Шаламов. В чем-то не согласен с Солженицыным, но не соглашаться с отдельными моментами - не значит отвергать.

Шаламова действительно люблю, это неоспоримое. Мы с ним шли в одном направлении, хотя и независимо друг от друга, и понимание задач литературы Шаламовым разделяю полностью... Я как-то нашел это в переписке Шаламова и Пастернака.

Шаламов крыл по-черному весь этот процесс писательства, чтения, понимания. Для нас это новая точка зрения, а мне это ближе всего. Приблизительно это звучит так. Реальная жизнь намногопрекраснее и отвратительнее, чем литература как занятие. По Шаламову, истинная литература - это анализ жизни, всего, что с тобой происходит, и через это - помощь другим...

Кто вел статистику о тех, кто ушел в землю, спился, чьими могилами отмечены погосты обширной Родины? Поколение стремилось осознать себя и наткнулось на невозможность это сделать. О том, что болит - говорить нельзя, окружающие воспримут как ложь. То есть сказать правду - означало солгать. Так в душе накапливался клубок самосгорания... Сегодня - нет, уже вчера - настало время не просто вытолкнуть этот клубок, а весь его распутать, осмыслить.

На Урале была тупиковая ситуация: мое творчество никто не воспринимал. Одиночество полное. Душа обречена на медленное умирание. Кирил. Только чтобы накинуть фуфайку, не думать, уйти от того, что невыносимо...

Жизнь подсказывает - рано или поздно все изменится, терпи. Но ничего же не меняется! Тут действует два износа, один на другой: износ чисто писательский, когда делаешь что-то и переживаешь опустошение, и второй - чисто бытовой, когда не то что цели, а даже видимость и смысл всякой цели пропадает. То есть громадный пласт человеческой и душевной энергии вырабатывается дочиста.

Всем тем, что осуществилось, обязан прежде всего Татьяне. Я всегда был недоволен тем, что делаю, а раньше это и выражалось по-зверски, - и жег, и рвал, и ел исписанную бумагу. Татьяна ухитрилась спасти все это.

Поворотным моментом была светлая история. Вадима Валерьяновича Кожинова мы узнали по публикациям и, прежде всего по статье про Алексея Прасолова, рано погибшего поэта. (Кстати, мы с ними сидели в одном лагере «Красный берег» под Соликамском, но в разное время). По тем временам такая поддержка со стороны Кожинова - была неординарная вещь, смелая.

В восемьдесят втором Татьяна Петровна поехала в Москву на курсы повышения своей газетной профессии и разыскала там Кожинова. Отдала ему мои стихи и свое письмо. Вслед за этим я получил мощнейшую поддержку, первую и единственную в таком

роде. Началась переписка, а потом... ответ Кожинова на мой звонок из Перми: «Есть ли деньги на билет до Вологды?» Отвечая: «Найдутся».

Я поехал... Там в писательской организации уже лежало письмо про меня. Так я появился в Вологде «с подачи Кожинова».

Что-то сдвинулось с мертвой точки. Как обычно отвечают редакции? Либо молчанием, либо отказом, причем обоснованным: «Стихи хорошие есть, но подборка не складывается».

Когда Кожинovas посылал в Пермь рекомендательное письмо обо мне, в нем приводились слова Твардовского про Ваншенкина: «Здесь просто нет плохих стихов - либо хорошая рифма, либо прекрасная метафора...» - и в продолжение мысли, смысл такой:

«...К стихам Сопина все это не имеет никакого отношения, по той простой причине, что хорошая рифмовка или использование метафор еще не признак поэзии. Творчество М. Сопина отличается тем, что у него есть генеральная дума, без чего поэзия немудслима».

В окончательной редакции того же текста рекомендации, но уже в Северо-Западное Архангельское издательство, Вадим Валерьянович имя Ваншенкина убрал. А про генеральную думу осталось, как и рекомендация опубликовать.

Учитывая личность и авторитет Кожинова в литературном мире, можно сказать, что это было подобно залпу «Авроры», прежде всего для меня, ну и для официоза, конечно.

...Трансформировалось окружающее, да и сам я тоже менялся все время. Но одно было постоянным: изумление без предела. Почему меня опять ударили? Почему в такой момент? Почему именно тот, кто дорог? И неужели я не мог это предвидеть, не чувствовал, неужели не причастен к тому, что случилось? Поневоле плюсы превращались в минусы.

Вот он, процесс раздолбания и развенчания, вот что творится в тупике. Возможна ли такая ситуация, чтобы тупик рухнул? Разве что умом тронусь, крыша поедет.

Глупость или горечь жизни состоит в том, что взрослые люди, играя в идеологические или другие игры, не могут или не хотят понять другого человека. Что это за мелочь пытается там что-то прокукарекать?

Для меня - чем сильнее любая вера массового характера, тем трагичней жить в этой массе... Они дубасили меня, не подозревая, что отчасти становятся стимулятором моего противодействия. Давили во мне самую сердцевину, как тот самый «нигилист», что на глотку наступал. И все равно что-то оказывалось неубитым.

Вот, кажется: все сгорит, все пепел. Ничего нет, все мертво. Но пока валяешься в катаlepsии, пепел слеживается, твердеет, так что уже не проваливается, и на пепелище появляются всходы. Человек уже видит - загнанный в тупик, он пережил это, прополз через скверну...

И он трезвеет, садится и думает: что я такое? Кто меня бьет, за что? Что теперь исповедовать? Получа-

ется - человек человеку не друг, товарищ и брат, а козел вонючий. Да что это за люди, что это за общество? Неужели я - его часть? Но тогда они мне не враги, а товарищи по несчастью. И мой единственный выход - работать, делать то дело, которое только ты можешь... Доказывать, что можешь, и прежде всего не «брату-козлу», а себе.

Разум обязан научиться давать четкое и понятное название всему, о чем болит душа, любя или ненавидя бывшее. Иначе он до могилы обречен жить в мешанине прошлого, лишая себя опоры и радости в настоящем.

НАТАЛЬЯ УСАНОВА (Харовск, Вологда) БУДЬ ПО-ТВОЕМУ

Сегодня этот бог снова пришел. Боги - они так-то безвредные. Пока в них не поверишь, они над тобой власти не имеют. Захочу - вообще никогда не поверю. И ни в рай, ни в ад меня не заташат, потому что для меня таковых существовать не будет.

Эх, бог, бог... Видно, нечем там заняться, на небе - повадился ходить по квартирам с агитацией. То с выборами из администрации, то с разговорами о душе с неба - надоели. И попробуй объясни богу, что у меня сейчас башка трещит после вчерашнего, не до болтовни...

- Чего тебе?

- Покайся. Живешь нечисто.

- Опять двадцать пять... Но почему, почему я должен тебя слушаться?

Он скромно потупил взгляд и уставился в пыльный коврик, постеленный у дверей:

- Потому что я добрый и честный.

И до чего же эти боги самоуверенные, а?! Я, может, тоже скажу, что я белый и пушистый. Меня не поведешь.

- А ты, бог, докажи, что честный.

- Вообще-то это не принято, чтоб боги доказывали... - начал он с явным настроением обидеться. Но подумал - и снова уставился в коврик.

То-то же. Я и так к тебе слишком хорошо отношусь. Другие даже за порог не пускают. У меня приятель есть, так тот мне не раз говорил, что всех бомжей, и богов в том числе, надо просто-напросто не пускать в подъезд. Домофоны-то на что? Признавайся, опять сказал, что «газета «Городок»?

Бог сделал вид, что не слышит вопроса. Он кротко произнес:

- Будь по-твоему, смертный. Каких доказательств ты желаешь? Загадывай желание - выполню. Убедишься.

Я задумался. Вот досада - я никак не мог придумать ни одного желания. Деньги? Женщины? Вещи? Я все могу взять сам. Но и терять такую возможность обидно. Увы: возможность в банк под проценты не положишь - пропадет

И тут у меня появилась блестящая идея. Я убью

сразу двух зайцев: и от назойливого бога отделаюсь, и о своем далеком будущем позабочусь.

- Слушай, бог. Договоримся так: я желаю убедиться в твоей честности не сейчас, а в тот час, когда буду умирать. Я тогда скажу тебе мое желание, и если ты его исполнишь - я в тебя поверю. А если поверю, то тогда уж ладно, буду тебя слушаться. Это мое последнее слово. Больше ко мне не ходи, только зря время будешь терять. Ответ ясен? До свидания. Всего хорошего.

Он неохотно выскользнул в дверь и пошел звонить к соседям напротив, там залаяла собака. Я с облегчением вздохнул - теперь, бог, мы увидимся нескоро.

Умирать, конечно, не особенно хотелось. Но было необходимо - пожил на полную катушку. К тому же не сомневался, что в рай попаду: расчет надежнее, чем вера. По дороге я заметил, что жутко измалася в грязи. Ну не страшно. Это и предполагалось - бог заявлял, что нечисто живу. Помнится, у нас с ним договоренность. Пусть теперь докажет, что честный. У меня последнее желание скромное - пусть он даст мне умыться. И все. Я буду чистенький. Значит, он никуда не денется, будет должен взять меня в рай.

Я приблизился к воротам. Мне открыл тот самый бог.

Я думал, он из мести напустит на себя важный вид. Ничего подобного - по-прежнему бомж бомжом. Не научился за собой следить, значит. И так же скромничает.

- Бог, помнишь, что мне обещал?

- Помню, смертный. Последнее желание.

- Так вот. Я хочу умыться. Дашь мне воды - и дай со мной, что хочешь.

- Конечно. Умывайся, я подожду.

Я огляделся. Джакузи поблизости не было. Грязь, между прочим, вокруг несусветная - и за что, интересно, здешние дворники зарплату получают? Даже канаву зарыть не могут - там тина уже в три слоя, не меньше, и прочая гадость плавает...

Бог не спешит. Он еще и тугодум вдобавок ко всему.

- Один вопросик: где умыться прикажете?

- А вот.

Я проследил за направлением его взгляда.

- В канаве достаточно воды, - сказал он.

- Но она грязная?!

- Да, грязная. Но ведь вода, правда? Я доказал, что я честный?

Так. Поворот. Я начал лихорадочно соображать, вспоминать....

- Но почему, почему я должен тебя слушаться?

- Потому что я добрый и честный.

Точно! Вот спасение.

- Честность ты доказал, я согласен. А теперь докажи, что ты добрый.

Бог улыбнулся лучезарной улыбкой:

- Мы так не договаривались, смертный. Ну да ладно. Я на самом деле добрый. Я не буду тебя неволить. Не ходи в ад. Ты хотел быть свободным - я уважаю твою

волю. Ты растворишься в круговороте веществ согласно всем законам физики.

Ворота исчезли... Я напр...

НЕПРАВИЛЬНАЯ СКАЗКА

«Ух, уехали... Ух, самое-то важное и забыли, тепы - меня забыли! Мне-то - пехом ковылять прикажете? Эх, куда ж вы без меня? Пропадете же, бедовые! Ведь как пить дать пропадете. Да уж так и быть Молочка на ночь оставите, так я подумаю и, может, еще вас прошу. Только чтоб молоко теплое, не из погреба. А то опять горло настужу».

Если бы в это время на улице были люди, они увидели бы невысокое лохматое существо. Оно пригнувалось, наклонившись к земле. Его шуба, замерзшая в иголки, ошетижилась на сгорбленной спине. И очень оно напоминал в эту минуту колочечко круглого ежика: «Ох вы, сердешные Эко вас занесло». Не разгибаясь и нюхая землю, оно продвигалось вперед в направлении, известном только ему. И вдруг - бац! - ткнулось макушкой в твердое. Крыльцо. Подъезд девятиэтажки. Но это мы с вами знаем, что это девятиэтажка, а оно еще долго кряхтело и назад голову запрокидывало, пытаясь узреть «верхушку этой - чур меня! чур! - чертовщины. В конце концов, так оно назад наклонилось, что опять на землю шлепнулось, да со всего-то маху.

Растерло ушибленную поясницу, конопатый нос чесать стало. Принохалось. Ясенько, хозяйева ровно в середине громадины, ровно в той стороне, где рука, которой обычно ши хлебаешь.

«Ау! Хозяин! Хозяйка! Мурка! Домовой вернулся!» - неуверенно пропыхтело существо. Ни звука в ответ. И тут видит оно - из одного желтого глаза гороматины личико детское высунулось и глазенками хлопает.

Что ж, выходит, в каждой желтой дырке люди? И ведь, батюшки ж мои, ни одним домовым не пахнет! «Экое маленькое, глазастое, а защитит некому? А там бабка старая... Там парнишка. Там тетка рубахи развешивает. И мои прежние хозяйева - тоже там... Неладно выходит».

Думал-думал домовый, сидя на бетонном крыльце... «Да разорваться мне, что ли?»

И разорвался. Теперь в каждой из 264 квартир нашей девятиэтажки есть по маленькому остаточку от домового.

Мне вот рыжая волосина из бороды досталась. Я ее утром на дорожке нашла, когда пылесосила.

В ЕЛОВЫХ ЗЕМЛЯХ

Это случилось в древние времена. Лишь одна рукопись повествует о событиях тех дней. Лишь на нее можно полагаться, пытаясь понять, как все было на самом деле. Но не стоит винить наших предков в забывчивости. Их можно понять. Вскоре после этой истории произошло другое, несравненно более печальное и важное событие, которое перечеркнуло былое: люди, прогневив высшие силы своей гордыней, заговорили на разных языках и перестали понимать друг друга...

На безымянные еловые земли однажды пришли люди - семья Жреца. Они остановились возле огромной Ели. Корнями Ель уходила глубоко в Землю. Лесные звери резвились возле этих корней. Вершина Ели подпирала Небо - за нее цеплялись идущие мимо облака.

Жрец обратился к Древу:

- Позволь нам остаться здесь! Нам нужно немного. Нам холодно. Мы возьмем малую часть леса для того, чтобы выстроить дом. Мы голодны. Земля, которую мы освободим, даст нам пищу. Мы хотим жить.

- Живите, принимаю вас, - кивнула Ель.

Люди поклонились.

- Благодарим, великая Ель. Пока мы живы, будем возле тебя. Как придет время умирать, мы будем отдавать свое тело Земле, твоим корням, а свою память - Небу, твоей верхушке.

Прошло время. Тогда еще никто не считал годы, а слов «день», «час» и тем более «минута» не существовало. Они были не нужны. Ведь все прекрасно знали, что жизнь вечна. После людей жили люди, за ними - опять люди. И не было этому предела.

Однажды Иаван, внук Жреца, вышел пахать около Ели.

Он привычно поприветствовал ее:

- Здравствуй, великая Ель! Как тебе живется-может?

- Все старею. Нижние ветви сохнут, - вздохнула Ель, ожидая услышать ободряющие слова. Но Иавана заботило другое:

- Как по твоему, великая Ель, - сегодня можно пахать? Тепло ли? Мягко ли?

- Спроси у зверей. Им лучше знать. А то прямо к Земле обращайся.

- Эй, Земля! Позволишь сейчас пахать?

- Позволю, - прошелестело в траве.

Белка согласно зацокала:

- Так, так, так!

Крот выглянул из ямы и подтвердил:

- Пахать можно, только предупреди, когда до меня дойдешь - отодвинусь. А то я тебя, медведя неуклюжего, знаю.

- Кто это там про меня?

Неподалеку ходил медведь...

Птицы заверещали:

- Это крот! Это крот!

Иаван не стал вслушиваться в звериную перепалку и взялся за дело. Земля была славная - плотная, жирная. На ней могла вырасти прекрасная рожь.

Когда стемнело, Иаван подсел к Ели и задумал сделать огня. Ему не хотелось идти через все поле за валежником.

- Ель, ты говорила, что у тебя сухие ветви. Может, мы их... того?

Ель помялась:

- Разве самые нижние.

Иаван отрубил несколько ветвей и развел костер.

Он долго сидел и разговаривал с Елью. У них было обычное беседовать. Ель часто рассказывала Иавану о былых временах, о первых людях. Но на этот раз начал разговор Иаван.

- Ель, у меня семья растет. Сама знаешь - второй сын ходить начал. Еще близняшки родились - девчонки.

- Это хорошо.

- Сеять много надо.

- Сей.

- Земля свободная далеко от дома.

- А что ж - ходи туда

- Позволь мне выкорчевать те кусты на краю.

- Спроси у кустов, согласны ли они. Я позволяю.

Кусты слышали разговор.

Самый большой сказал:

- Что ж - если надо...

Ель решила, что достаточно говорить о делах - пришло время для обычной душевной беседы. Она привычно заворковала:

- Однажды твой прадед...

Иаван отмахнулся:

- Слышал уже. Не до прадедов. О детях думаю.

Ель удивилась, но промолчала. А у Иавана проскользнула мысль: «Не на месте же ты растешь, большая Ель! Тень от тебя на все поле. Корни твои отбирают силу у зерна. Если бы тебя здесь не было, столько бы свободной земли появилось рядом с самым домом!» И уже незаметно для самого себя он подумал: а если всю тебя порубать, как эти сухие ветки?

Костер быстро прогорел. Иаван поворошил угли, рассеянно взял уголь в руку и начал водить по широкому стволу Ели. Вдруг он замер: след угля напоминал ему что-то очень-очень знакомое. Да, он знал, что углем рисуют, когда идут на охоту, он сам часто так делал. Но тут ему показалось, что это не рисунок, а нечто живое. Иаван случайно начертил линии, изображающие человеческое лицо. И оно СМОТРЕЛО!

Ель провела лапой по волосам Иавана:

- Что ты?

Иаван еще раз посмотрел на такое живое лицо, потом - на свои руки и, не слыша вопроса Ели, прошептал:

- Это я сделал! Я могу создавать. Я - бог...

Он бережно собрал угли в горсть и ушел, так и не попрощавшись с Елью. Впервые человек, живущий возле Ели, забыл попрощаться с ней, уходя в дом.

Иаван увлеченно водил угольками по деревянным стенам дома. Жена и старший сын с первых линий угадывали, о чем думает Иаван.

Жена упала на колени перед стенами. Ей показалось, что стены ожили.

Иаван смеялся:

- Дуреха, это я, вот этими руками!

И тряс черными ладонями.

Жена тихо спросила:

- А можешь ты повторить великую Ель?

- Я - да не могу?!

Иаван мгновенно начертил на дверях Ель. Она была на диво похожа.

- О, это сама Ель! - упал на колени старший сын Иавана, Фирас.

Сама Ель...

Выходит, великих Ели теперь - две? А зачем нам две? И одной будет достаточно. Нужна-то она - лишь чтобы ей молится. Эта черная ель ничем не хуже той, зеленой. А что она не разговаривает - так даже лучше. Та, зеленая, слишком часто надоедает пустой болтовней о дедах и прадедах. Под той, зеленой, много жирной земли, которую можно будет пустить в дело, а эта, черная, на самых дверях. Можно будет молиться ей, не выходя за порог. Не придется мокнуть в дождь, вынося жертвенные дары к ее корням...

Иаван подозвал Фираса.

- Эта черная Ель хороша?

- Да, отец!

- Как только Солнце снова выйдет на Небо, мы с тобой срубим зеленую Ель.

Фирас задрожал:

- Мне страшно, батюшка...

- Для тебя стараюсь, дурак! Хлеб есть хочешь? Поле большое будет! Хлеба больше посею! Зачем освобождать дальние края поля, если можно сеять здесь?

Ель чувствовала, что люди пришли не с добром. Она слышала, что они взволнованно переговаривались под крышей.

Она наклонилась и произнесла имя внука Жреца:

- Иаван?!

- Ель! Не обессудь. Мне нужна земля, на которой ты растешь.

Земля изо всей силы обняла Еловые корни, пытаясь их защитить, и зашипела:

- Опомнись! Что творишь, безумный?!

Небо прогрохотало:

- Я никогда не приму тебя, если ты тронешь Древо жизни!

Звери лесные, которые весело болтали о своих звериных делах, замолчали - прислушались. Закапал дождь:

Капельки забились по листьям кустов:

- Так ли? Так ли? Так ли?

И листья, прогибаясь, всхлипнули:

- Не так, не так, не так

Дождь старательно смывал лицо, нарисованное Иаваном на стволе Древа жизни.

- Ель, я узнал, что могу создать все. Вот уголь в моей руке - видишь? Это моя сила. Я долго молился тебе, а ведь я, оказывается, сильнее, чем ты. Ты должна мне молиться. Но если так повелось, что я приношу тебе дары, пусть обычай сохранится и впредь - это будет моя благодарность за то, что я заберу твою землю. Не бойся - точно такая же ель, как ты,

теперь живет в дверях моего дома. И маленьких елей, твоих детей, немало. Зачем тебе жить?

- Иаван, они - это не я. Они не видели того, что видела я! Они не помнят первых людей!

Иаван усмехнулся.

- Фирас - попыталась Ель обратиться к юному прапраправнуку Жреца, который испуганно стоял в стороне. И - не успела. Иаван ударил топором по ее стволу. Ель долго не сдавалась. Наконец она покачнулась:

- Фирас, поддержи! - закричал Иаван, и накинуд на ствол толстую веревку.

Ель последним усилием рванулась из петли, которая тянула ее влево, и с грохотом качнула себя вправо. И упала на крышу дома Иавана. Падая, она попыталась лапами подмять под себя Фираса. Он охнул и отскочил, приволакивая ушибленную ногу.

Иаван растерянно заморгал.

К счастью, крыша не сильно пострадала. Поначалу дыру закрывали огромными еловыми лапами. А вскоре крышу и вовсе починили. Иаван закрыл пробоину досками, напиленными из великой Ели.

Когда Иаван выкорчевывал изогнутые корни, они словно цеплялись за землю. Приходилось поджигать их. И тогда около дома было тяжело дышать.

Иаван прожил еще два снега. Он был слегка не в себе, все к чему-то прислушивался. И Фирасу казалось, что за пределами дома все непонятным образом изменилось. Однажды Иаван догадался. Он прошептал сыну:

- Чувствуешь, как тихо? Небо молчит. Земля молчит. Звери, деревья, птицы говорят, но я ни слова разобрать не могу - говорят не по-нашему...

Мир отказался от человеческого языка. Человек остался один.

Перед смертью Иаван очень тосковал. Он подозвал Фираса к своему одру. Тот наклонился и слышал сбивчивое:

- Может, я не так изобразил ее, а? Может, не всю? Ты видел ее, вспомни. Дорисуй!

Фирас не знал, как исполнить волю отца. Оказалось, что ему не дано той власти над линиями, какой обладал Иаван. Самые лучшие угли не слушались Фираса.

- Неужели нет искупления вины нашей? - сокрушался он.

Он подошел к одной из молоденьких елочек и протянул к ней руку - погладить.

- По матери тоскуешь?

Ель молчала. Но Фирас и не ждал ответа. Он прикоснулся к лапе... и тут же отдернул руку. Прежде пушистые лапы ели оказались острыми, больно кололи кожу. Ощущение было такое, словно прикоснулся к огню.

Фирас вдруг произнес:

За что зеленая игла
Мне руку болью обожгла?
Другую раньше Ель была,
Как...

Слова звучали по-особому. Но последнего слова не хватало. Какой же именно была эта Ель? Что, если «нарисовать» Ель не углем, а словами? Она, конечно, оживет! И простит!

Хромой Фирас шел по бесконечному полю, странно улыбался и повторял:

- Метла, дела, бела Нет! Зла? Сейчас, сейчас Ведь раньше Ель была другой - пушистой, мягкой и...

Фирас был счастлив. Его больше не угнетала тишина.

ЕЛИЗАВЕТА ЧЕГОДАЕВА (ВОЛОГДА-МОСКВА)

ТОТ, КТО ЖДЕТ

Ах, эти рюмки и плащи!..

Ах, этот август, «Август в Михайловском»! Что и говорить, я надолго запомнила эту поездку в сельцо Тригорское! Но, думается, больше всего она поразила не меня и даже не остальных участников фестиваля Потрясен (до основания) был уютный домик для гостей, когда туда ввалилась наша веселая компания!

Неудивительно, что на следующий же день мы все стали замечать что-то странное. Нет, упаси Боже, никакой бьющейся посуды и шагов по ночам, но нечто неуловимое явно присутствовало.

За завтраком мы наперебой делились впечатлениями. Ася уверяла, что энергетика у здешних мест хорошая, и опасаться нечего. Все согласились, но не упустили случая поинтересоваться у Курбатова - неужели что-то и вправду есть?.. Валентин Яковлевич просиял: «Конечно, есть! Это же здешний старейший житель! Хотите проверить - поставьте ему на ночь рюмку с водкой!».

Разумеется, в тот же вечер эксперимент был проведен. Наутро радостный Сережа Ивкин сообщил, что рюмка опустела. Что и требовалось доказать...

Впрочем, сами мы тоже оказались не промах и вскоре внесли свою лепту (ну, по крайней мере, попытались) в мистический фольклор Тригорского...

Ночь накануне отъезда, 30-е, а если подумать, то и 31-е августа...

Надо сказать, днем, после поездки в Петровское и прекрасного обеда молодежь (в том числе и я) без сил упала в кровати - отсыпаться после вчерашних бдений. Но к двум часам ночи мы все, не сговариваясь, выплыли на неуверенных ногах в гостиную, где чинно беседовало старшее поколение. Тут-то и прозвучал призыв Ирины Бениаминовны: «А идемте искать светляков!».

А мы что, мы ничего, мы всегда готовы! Тем более что выпались...

Улица. Морозно так, что волосы шевелятся на голове. Но нас гольми руками не возьмешь - кутаемся в теплые одеяла и отправляемся на променады. Между прочим, гордо оставляем за собой незапертый дом, возлагая все надежды на «старейшего жителя». Авось, он не даст наши скромные пожитки в обиду...

Глубокая ночь.

Светят фонари, а в домах - ни огня.

И тишина.

И дорога.

Ирина Бениаминовна и Владимир Монахов, как нормальные люди, одетые в куртки и свитера, степенно идут впереди. А за ними радостно шагают пять фигур, завернутых в одинаковые одеяния. Клетчатые. До пят. Я тихо радуюсь за местных жителей, успевших мирно заснуть, а то ведь увидишь это такое ночью - кондратий хватит...

Нина:

- Интересно смотримся, будто в плащах.

Антон:

- Ага, как тайный орден.

Я:

- Паломники и есть паломники...

А в небе - удивительная луна, но не страшной, а улыбочивой красоты. Круглый огромный диск, а вокруг кольца, кольца из облаков, как у Сатурна! Завороженно задираем головы вверх. Ивкин вполголоса объясняет это явление. Лес чернеет вдаль, белеют пушкинские скамейки. Мы начисто забыли о светляках!

Шорох шагов по дороге, блеск глаз в темноте. Ночные тропки и причудливые тени вокруг. Луну уже заволокло тучами, зато высыпали звезды. Не с моим зрением искать медведиц и компанию, зато Нина находит одну за другой.

Наконец, мы решаем, что на сегодня достаточно экстрима, и неспешно возвращаемся домой.

Домой А дома тепло, даже жарко. Все расходится по комнатам - благо уж почти четыре утра, а я остаюсь в гостиной и забираюсь с ногами в кресло. На коленях - дневник. Завтра (ах, уже сегодня) - в дорогу...

10-12 сентября 2007 года.

Тот, кто ждет

Он по ночам плачет, ты не знала?

Он в комнаты входит - у нас же все ключи одинаковые - он на кровати садится.

У всех по утрам подушки мокрые, но ведь никто не признается. Валят все на нервы почему зря.

И никто еще ни разу не проснулся, представляешь?

Он нашими руками слезы со щек стирает. Он каждый раз ждет, а мы спим, как убитые.

Я вчера поняла - я его по лицу гладила, я его лицо вспомнила. Оно печальное было и сонное немного. И губы горькие-горькие, и глаза закрыты намертво. Он же спит. Только во сне плачут и по комнатам ходят. Наяву слезы глотают и в ванной запираются. А ночью он спит, и себя отпускает, и боль отпускает...

ет, и плачет. Он ждет, чтоб его разбудили и утешили, а мы молчим и век не поднимаем.

Я сегодня ночью проснусь, обязательно.

Может, совсем спать не ложиться? Нет, так нельзя. Надо чтобы по правде, а то ничего не получится.

Я проснусь сегодня. Я ему слезы выпру, я его по голове гладить буду.

Только ты если увидишь - не говори ничего. Я его сама разбужу. Я смогу, вот честно - смогу. Только надо, чтобы честно. Чтоб по правде.

27 октября 2007 года.

Незванное

- Подожди немного, - горячо шепчет он. - Я скоро стану другим, я изменюсь... Верь, я изменюсь, просто мне нужно время, я так долго жил той жизнью, что в одночасье Понимаешь?

Она все понимает, но происходящее - слишком даже для нее. Мозг перегружен, и нет даже намеков на то, как с этим бороться. Она безразлично смотрит кругом. Слабо подмигивает экран телевизора, разбросанная по стульям одежда хищно выгибается, мелкие предметы на столе неслышно двигаются под ее мертвыми руками... Умоляющий шепот:

- Еще немного, я не могу сейчас...

- Да-да.

Она рассеянно целует его и выходит из комнаты. Тщательно, тщательно прикрыть дверь, чтобы ни луча тьмы не выскользнуло в освещенный коридор.

А теперь - дернуть задвижку и вырваться на холодный балкон из душной, *душащей* квартиры... Да, а потом ударить кулаком по стеклу и наслаждаться сотней осколочков, впившихся в тело...

Но весь нечеловеческий напруг выплескивается лишь в судорожных щелчках зажигалки.

- Что с тобой?

Она резко поворачивает голову. На соседнем балконе - невысокий человек. Темно, лица не видно. Но ей достаточно красного огонька сигареты.

«Те, кто курит с тобой - им ничего не нужно объяснять. Просто молчать и курить» - бродит в ее усталой голове.

- Ничего. А что?

- Ты так... целеустремленно вышла сюда Какие-то проблемы?

Нет, объяснять все же придется. Или нет?

- Так... мелочи жизни.

Молча. Задумчивый дым в небо. Отвлечься, окупаться в случайного брата по ночному балкону.

Глуховатый голос:

- Не переживай. Сколько тебе лет?

- Восемнадцать

- Это мало. Это почти совсем ничего. Не переживай, еще столько всего будет

Сквозь затяжку:

- Знаю. Вообще - ерунда. Все пройдет. Возможно, даже завтра. То есть, уже сегодня.

- Да.

В клубах дыма покачивается бледная луна. На измученное тело опускается темный прохладный ветер, на душу - созерцательное спокойствие.

- Скоро рассвет. «Скоро рассвет, выхода нет». Нет, выход есть всегда.

- Ты сильная.

Вторая сигарета в тонких пальцах.

- Может быть. Я хочу жить, я буду жить. Думаешь, у меня выйдет?

Светофор мерцает сквозь ресницы то красным, то зеленым. Странно, в детстве учили еще и оранжевый...

Эхом в ушах:

- Да. У тебя все получится. Ты такая молодая, такая необыкновенная девушка

Щурясь на бессонные окна вдали:

- А красивая?

- Безусловно Хотя я и не вижу.

Удивленно склоненная голова, пролившиеся на плечо волосы.

- Я слепой.

Брови на секунду приподымаются, русые пряди рассыпаются по спине.

- Я понимаю, это немного не вовремя...

О нет, нет, он и не представляет, насколько это вовремя, насколько кстати...

Молчание. Два балкона, два человека. И несмолкающий город внизу.

Огонек зажигалки взвивается в третий раз.

- Ну как, сигареты помогают?

- От нервов? Как ни странно - да. По крайней мере, это лучше, чем пить пустырник.

- А как насчет валерьянки?

- Это еще хуже. Знаешь, прежде я лечила переживания исключительно семечками и мороженым.

- Почему именно?..

- Семечки - монотонные, мороженое - сладкое

- А теперь - горький дым. И горький кофе, наверное?

- Да. Вот такая жизнь.

Балкон едва слышно поскрипывает, хотя ветра нет.

Она бездумно берет прядь своих волос и начинает аккуратно подпаливать кончики. Крошечные язычки огня радостно пожирают то, что было ею секунды назад.

Как это - слышать чужое дыхание сквозь гудение ночных улиц - и не видеть?

Как это - самому отказываться от того, что принадлежит тебе от рождения, потому что уже тогда - *было сказано?*

Как это - отдавать часть себя красным уголькам сигареты? Прозрачные нити с тихим шипением превращаются в черную проволоку...

Под воротник кофты закрадывается холод, которого она до сих пор не чувствовала. Все, хватит. Глубокий вдох - чтобы весь дым вошел в ее грудь - и забрал, и унес ввысь все, что... Все, что.

- Доброй ночи.

- Доброй ночи. Будь счастлива.

- Спасибо. Ты - тоже...

Короткое движение безымянного пальца - и последний пепел летит с пятого этажа, и разбивается о жесткий асфальт.

15 ноября 2007 года.

Она ждет меня.

Сейчас все тает, даром, что конец ноября. И она всей сыростью дорог, всем шипением колес зовет меня...

Серое небо, черные деревья и белый снег. Он не остывает от мелких капель, непрерывно падающих с неба, это не городские вялые сугробы. Он лежит на полянах, он не исчезнет до весны. Деревья стучат ветвями, ритм, ритм Она знает, что я влюблена в звуки, она хитрит и заманивает меня.

Всей собой тянется к моим ногам, просит их вновь вступить на шершавый асфальт, просит вернуться. Тщетно.

И тогда серое небо морщится от тоски, и плачет, и всхлипывает над ней. Стонут черные деревья в борах, птицы стирают крыльями соленую влагу с коры. Даже снега роняют скучные слезы.

Она рыдает по мне. Но зачем так скорбеть? Я живу, я жива. Я счастлива в своей новой жизни. Но я счастлива без нее. И трасса «Вологда-Череповец» захлебывается плачем...

25 ноября 2007 года.

Танец

«Ре! Фа! Соль! Ля!»...

Рука обнимает мою талию много крепче, чем надо, скользит по белым складкам кофты, рука счастлива снова прикасаться к моему телу...

Бешеный темп, волосы летят, напрочь уничтожая ровный пробор. Пол холодный, скользкий, он уже полит бензином наших эмоций и теперь охотно вспыхивает под горячими ступнями. Знаю, нам говорили, за секунду выгорает метр. Посмотрим, что останется от этажа через три минуты нашего вальса. Я не в ладах с математикой, посчитай ты. Я отсчитываю такты: «Ре! Фа! Соль! Ля!». Музыка помогает, хочется над нашей глупостью, над надеждой обойти в этом сумасшедшем танце все уготованные нам ямы и трещины в гладком на первый взгляд полу - ремонт сделали аляповато, чего уж там...

Не отпускай мою руку, ее пальцы меньше твоих в полтора раза. Они чуть дрожат, сжимай их крепче, слей со своими в одно. Красные огни отражаются в накрашенных ноготках - я же девушка А девушки, они такие, они могут *все* - поэтому не требуй от меня многого. «Ре! Фа! Соль! Ля!» - пока я способна лишь на это. Но разве этого мало? Я дарю тебе свое тело на целых три минуты, дарю свое лицо, оживленное чем-то большим, чем вальс, неужели ты не понимаешь? Пользуйся мгновением, останавливай его, вписывай на скрижали. Учись принимать, учись брать.

Я чувствую твою руку на своей талии, я чувствую *все* тебя Ты способный ученик.

«ЧЕРНОЕ ЗЕРКАЛО»

Зеркало всегда было символом отражения и удвоения, его воспринимали как тонкую грань между этим и иным мирами. Зеркало всегда было предметом, обращение с которым требовало особой осмотрительности. У русских, как и у всех славян, издавна существовал запрет смотреться в зеркало ночью, когда активизируется всяческая нечистая сила. В Рязанской губернии верили, что можно накликасть на себя смерть, если на ночь смотреться в зеркало.

Во время грозы непременно следовало завесить зеркало, а также закрыть окна, двери, печную трубу. Кое-где существовал запрет смотреться в зеркало беременной женщине, что бы не повредить будущему ребенку. В Витебской области, откуда родом мой отец, считали, что нарушение этого запрета сулит младенцу косоглазие. Ребенка до года, а так же еще не крещеного, старались не подносить к зеркалу, так как он будет плохо расти или его может подменить нечистая сила.

И поныне повсеместно существует обычай сразу после смерти человека завешивать зеркало, отворачивать к стене или выносить из комнаты, где находится покойник. Считается, что при открытом зеркале отражение в нем покойника может вызвать смерть близких покойного.

Во Владимирской губернии существовал запрет смотреться в зеркало в понедельник на Страстной неделе, так как в этот день можно увидеть в зеркале покойника.

А при обработке льна на Вологодчине и в Смоленской губернии напротив, старались получить в зеркале отражение льна, чтобы лен *гляделся* в зеркало. Считалось, что льна от этого становится больше.

А сколько всяческих гаданий было связано с зеркалом! Чтобы узнать своего суженого-ряженого, девушки укладывали на полотенце зеркальце, на него ставили рюмку с водой, в которую опускали кольцо. Нужно было неотрывно смотреть в кольцо, чтобы увидеть лицо жениха.

В Новгородской губернии девушки устанавливали зеркало за хомут, и говорили: «Суженый-ряженный, приходи в зеркало глядеться».

В северных губерниях, чтобы узнать, сколько человек будет в будущей семье, устанавливали зеркало против луны; сколько лун в зеркале, столько и человек в семье. Это гадание кажется загадочным лишь для тех, кто не видел старых зеркал кустарной работы. Мутные, волнистые В них можно было увидеть не одно отражение одновременно.

Одним из самых страшных было гадание с зеркалом на перекрестке или в бане, в полночь. В обоих случаях, когда девушки пытались рассмотреть в зеркале будущего жениха, следовало соблюдать особую осторожность и вовремя прервать опасное занятие; если промедлить, то выходящая из зеркала нечистая сила могла нанести физический вред - ударить, задушить и проч.

В общем, к зеркалам всегда было отношение особое - им издавна приписывают магические свойства, используют в качестве инструмента для гадания, с ними связано множество легенд и преданий. Как осколки разбитого зеркала, мне удалось собрать в разных источниках разрозненные фрагменты бытовавшей некогда в Вологде легенды о «черном зеркале».

Из времен глубокой древности из поколения в поколение передавалось на Востоке умение изготавливать зеркала с особыми свойствами - они могли показывать прошлое и будущее.

Алхимику Кристоферу Вагнеру в XVI веке удалось добыть секрет изготовления таких зеркал и сделать несколько штук.

Одно из них попало к знаменитому польскому чернокнижнику Яну Твардовскому, от которого перешло к княжескому роду Друцких-Соколинских и хранилось в родовом имении Аполье. Один из владельцев имения, князь Яков, в молодости заглянул в зеркало и увидел себя, глубоким стариком. Больше в зеркало он никогда не смотрел, и по его приказу зеркало закрыли портьерой.

Во время похода на Москву в поместье останавливался Наполеон. Сняв покрывало, он долго смотрел в зеркало, потом, внезапно побледнев, схватил подсвечник и запустил им в зеркало. Зеркало не разбилось, на тусклой поверхности остались лишь небольшие трещины...

Альтютант императора рассказывал, что в зеркале Наполеон увидел себя, в заключении на острове св. Елены.

Когда «черное зеркало» появилось в Вологде, в точности неизвестно; по одной из версий оно появилось здесь при Иване Грозном и некогда принадлежало самому царю; по другой - его привезли в 1815 году из Европы среди вещей штабс-капитана Константина Батюшкова. Не очень большое, примерно 15 на 50 дюймов (40 на 120 сантиметров), оно было без оправы, в ящике с сеном. Резную раму для зеркала изготовил вологодский мастер, по мерке. По мерке - потому, что предыдущий мастер подвинулся рассудком, увидев, как из зеркала высунулась рука и взяла с верстака стамеску.

Внимательный читатель может сказать, что вероятно, мастер сначала сошел с ума, а потом уже УВИДЕЛ. Но отражение стамески в зеркале видели и другие люди, хотя на верстаке перед зеркалом ничего не лежало. И еще несколько дней стамеску было видно в зеркале, хотя его перенесли в другое место. Изображение по-степенно становилось все более тусклым, и какое-то время на его месте было видно мутное пятно.

И позднее замечали, что зеркало поглощало железные предметы; оно как бы подпитывалось ими; после этого тусклое зеркало становилось как новенькое.

Слуги рассказывали, что Батюшков подолгу сидел в комнате, глядя в зеркало; когда кто-либо заходил в комнату, он поспешно накидывал на зеркало покрывало. Зеркало было всегда закрыто по-

крывалом после того, как вырвавшийся из него луч яркого света вызвал пожар в доме, впрочем, быстро потушенный. После 1820 года опекун Батюшкова, заметив странное пристрастие поэта, велел убрать зеркало, что бы его вовсе не было в доме.

После этого зеркало долгое время было в доме купца и вологодского бургомистра Витушешникова.

Император Александр I во время своего визита в Вологду в 1824 году останавливался в доме Витушешникова, и зеркало в поновленной раме было в покое, отведенных его величеству. Что увидел в зеркале монарх, нам неизвестно, но только в следующем году произошла то ли таинственная смерть Александра, то ли его не менее таинственное исчезновение. Во всяком случае, запланированное бунтовщиками цареубийство не состоялось, а взойшедший на престол Николай I проявил удивительную осведомленность о тайных замыслах декабристов.

Бывший короткое время в вологодской ссылке в 1911 году Иосиф Сталин определенно что-то искал в Вологде. В общей сложности он прожил в Вологде меньше 4 месяцев, но сейчас достоверно известно по крайней мере 6 адресов, по которым он жил в Вологде. Один из этих адресов, дом Константинова на углу улиц Пятницкая и Обуховская (Кирова и Мальцева, дом не сохранился) находился совсем близко от стоящего дома и поныне дома на Большой Дворянской (Октябрьская 15) принадлежавший тогда купцу Попову.

Ссылному Джугашвили удалось наедине посмотреть в зеркало, которое хранилось в одной из комнат этого дома, постоянно завешенное плотной портьерой черного бархата. Думается, это было несложно для боевика Джугашвили, перед которым легко открывались окованные железом сундуки Государственного банка То, что он увидел в зеркале, позволило боевику Джугашвили тут же стать членом Центрального Комитета партии большевиков, главой русского бюро ЦК. И впоследствии он проявлял, временами, необъяснимую осведомленность о тайных делах своих врагов и соратников, которую не всегда можно было объяснить успехами спецслужб.

В 1918 году в этом доме жил в ссылке великий князь Георгий Михайлович.

В письме дочери в Лондон он писал: «Вчера вечером я переехал на новую квартиру, и теперь у меня чудная комната, электрическое освещение, прекрасная ванна и WC».

Еще в комнате было зеркало, задрапированное черным бархатом.

Увиденное в зеркале начисто лишило воли как самого Георгия, так и его брата Николая, и кузена Дмитрия Константиновича, находившихся в Вологодской ссылке. Они отказались бежать в Мурманск, где в то время находились англичане, как им предлагал Георгий Ермолаевич Чаплин, находившийся в Вологде как мистер Томсон, начальник британской военной миссии. Великие князья Романовы покорно дали себя арестовать, хотя знали о предстоящем аресте, сидели в губернской тюрьме, откуда не сбежать в то время мог только ленивый.

В губернской тюрьме (на Советском проспекте) в то время не было других заключенных, кроме великих князей, не было и профессиональной охраны.

Охрана, из латышских стрелков, им благоволила: «Они обращаются с нами, как товарищами и не запирали наши камеры после второго дня». В общем, они с легкостью могли уйти за границу, но, тем не менее, остались, хотя и знали, что их взяли в качестве заложников.

Они покорно пошли скорбным путем, в конце которого их ожидала расстрельная стенка. Известно лишь, что в начале 1919 года их расстреляли в Петрограде. Место их захоронения до сих пор неизвестно...

Внимательно просматривая все рассказы, связанные с «черным зеркалом», я выявил такую закономерность - все, у кого находилось зеркало, берегли его, но в то же время с легкостью отдавали его. Так оно и странствовало по городу, ненадолго появляясь в жизни разных людей, круто меняя жизнь этих людей или укрепляя в пути, по которому они шли.

Какое-то время оно было в доме священника Тихона Шаламова; по времени его мог видеть сын его, Варлам, но когда я спрашивал его об этом в 1981 году в подмосковном интернате для инвалидов, он ничего об этом не сказал, просто промолчал, хотя битый жизнью ЗК мог с легкостью «раскинуть туфту». Возможно, его насторожили мои спутники, студенты Московского политехнического института, благодаря которым мне и удалось встретиться с Шаламовым. Что? Не было никогда такого института? Да, действительно, не было, но студенты со студенческими билетами этого ВУЗа были. Позднее в тех студенческих билетах писали - Краснозаменный, имени Андропова, институт КГБНу, и так далее.

Но Варлаам Тихонович отказался беседовать на эту тему и позднее, когда я приехал один и привез ему портативную пишущую машинку «Москва». В те времена купить машинку было архи-сложно, требовалась непременно регистрация в милиция. Но я некоторое время работал в «Рембыттехнике», и запасая парой списанных, не существующих в природе машинок.

За машинку он поблагодарил, взамен отдал мне раритетную машинку «Прогресс» 1914 года, со шрифтом еще с «ятами». Машинка эта послужила началом моей уникальной коллекции.

Но про зеркало говорить отказывался, молча прожигая меня белесо-голубыми глазами, как выгоревшее небо пустыни...

Вспоминая этот взгляд, меня не оставляет ощущение, что эти голубые глаза когда-то смотрели в зеркало, показывающее будущее, потому и следовал он всегда старому принципу - «Не верь, не бойся, не проси!»

Позднее, в 1997 году, когда я разговаривал на эту тему с Мариной Вороно, меня поразило, насколько похож был взгляд искусствоведа на взгляд гремевшего котелками по зонам ЗК.

Лишь недавно, когда произошла трагическая, нелепая гибель Марины, я понял, что она видела в зеркале что-то из своей будущей жизни...

Во время войны зеркало было в эвакуогоспитале № 1538, в здании 33 школы (сейчас школа № 8), и спасло как врачей госпиталя, так, по сути, и сам госпиталь. Некий особо бдительный политработник вдруг обнаружил, что все ведущие специалисты госпиталя - дети священников. Он уже собрался раскрыть вредительский «заговор поповичей», но тут его почти насильно усадили перед зеркалом, и, кроме всего прочего, он увидел, как в 1951 году ему спасают ногу от неизбежной, казалось бы, ампутации. Хирург, проводивший увиденную в зеркале операцию и был главный хирург ЭГ №1538, сын священника из Витебской губернии Николай Евгеньевич Слупский. В сентябре 1945 года госпиталь расформировали.

Вскоре после этого зеркало исчезло, казалось, навсегда. Его никто не видел, хотя оно все время висело на стене. Никакой мистики - кто-то, неплохо знавший психологию, закрыл его другим, обычным зеркалом.

В 1987 году оно висело в вестибюле двухэтажного деревянного здания, в котором находилось несколько государственных учреждений. (угол Ветошкина и Зосимовской, ныне на этом месте выстроено шестиэтажное здание). Зеркало исчезло со стены среди белого дня - вечером заметили, что на стене, где висело зеркало в резной раме, остался только крюк. Кому понадобилось старое зеркало, куда оно делось - было непонятно. Вспомнили, что вроде бы видели человека в черном комбинезоне, который на виду у спящих туда и обратно людей снимал и тщательно упаковывал зеркало, но вспомнить, как он выглядел, никто не смог.

С тех пор это зеркало находится у весьма известного в среде коллекционеров жителя Вологды С.* Возможно, именно тем, что «черное зеркало» находится у него, и объясняется его удивительная успешность в деле собирания предметов старины и его непотопляемость в бизнесе - сколько раз на него всей мощью обрушивалась государственная машина, сколько раз его пытались сожрать конкуренты - он по-прежнему благоденствует.

Я лично этого зеркала не видал, но достоверно известно, что в одной из его квартир на стене висит нечто, плотно закрытое черной тканью. А стена напротив зеркала покрыта листами асбестового картона. В противопожарных целях...

ГАЛИНА ЩЕКИНА (вологда) ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ (1 тетрадь)

Июль 2001. ЭМИССАРЫ ИЗ ЦЕНТРА

В дождливое июньское утро меня вырвал из домашней суеты взорвавшийся аварийным сигналом телефон. Это позвонил Олег Павлов, приехавший вместе Алексеем Андреевым из журнала «Октябрь» в Вологду за литературной рудой. «Центровой цело-

век», как сам говорит. Я отпросилась с работы и пошла. Рассказ Олега был увлекательный. Узнала про Конгресс русской интеллигенции, программу «Молодые писатели России», охватывающую 18 российских городов. Про то, что собранные и присланные туда рукописи будут читать редакции нескольких толстых журналов. Почему Вологда? Потому что они отбирали города, про которые можно сказать: Воронеж литературный, Ярославль литературный. По его мнению, о Вологде так сказать можно, она запомнилась Павлову по Костромским открытым литературным чтениям, которые нынче там идут в третий раз. «В прозе запомнился Андрей Наугольный, в поэзии Ната Сучкова, Яков Авербух, Александр Дудкин...».

Писатели выступали в библиотеке им. Бабушкина (там сидели тихие библиотекари, которые не читают толстых журналов), посетили местную писательскую организацию (СПР), были на пресс-конференции в областном «Красном Севере», обещали прийти на заседание литературной артели «Ступени» - потом не пошли: «Зачем? Ты сама им все расскажешь». И пошли пить вино. Я рассказала, разумеется, но литераторский люд меня высмеял. «Приезжали эмиссары, толку-то с того». О, наша провинциальная Вологда помнит визит господина Юрия Орлицкого осенью 1999 года по поводу акции «Культурный герой XXI века». Книгу потом выпустили в Москве, а в тот вечер в Доме актера собрались все, кто был заинтересован - несли Орлицкому книги, сборники, рукописи. Метель страшная, некоторые бежали пешком километр до дома в пригороде и обратно в Дом актера. Господин Орлицкий был мил, любезен, сидел в баре, весело общался, кого-то звал в Москву, потом забрал кучу книжек и ушел на вокзал. Спустя месяц- другой эти книжки валялись у Даниила Давыдова, в коридорах общежития литинститута, где придется. Поэтому призывы господина Павлова мало до кого дошли. Что касается меня, то я привыкла верить людям, за что и наказана не раз бывала. И теперь отнесла солидную гору рукописей Олегу Павлову. В основном, не своих, конечно («молодые»).

Запомнился он еще по Костроме, по мастер-классам: двухметровый бородач, бас и апломб, и я с ним поспорила на первом же заседании. Якобы в тексте должна быть почва, земля, на которой произрос автор. Я перебила его - ничего нет такого, что должно быть. Хочет - описывает, не хочет - не описывает, а может, и вовсе нет этой почвы, а пишет бесподобно. Олег стал перечислять журналы, в которых он напечатался - да, везде напечатался в свои тридцать. Квартиру в Москве заработал. Ну, очень успешный писатель. А тут после его отъезда мне принесли один из номеров «Октября» (кажется, из «Степной книги»). Я прочитала его с жадностью и задумалась. Павлов исследует русский ад, так, хорошо. Почва есть. Есть ли человек? Есть, только растоптанный. «Русские письма» - в воронежском «Подъеме» просто тяжелы для восприятия.

Публицистика и не ставит задачи создания нового мира, она только фиксирует. Но разве это задача пи-

сателя? Он в героях существует Вот капитан, который мучил солдат за краденые сигареты. Что он им доказал? Что он полный скот. Женщина-алкашка, которую привел вместо жены. Те же солдаты затаскали Собаку убили. Все воздалось человеку. Нет ничего, чем был он мог спастись! Запомнились ребята, которые гоняли на грузовике по степи и давили овец («Петушок»). Оглушительные дебилы. Поняли, что обнаружены пастухами - давай и их убивать. В грузовике возили парня, которого имели, на него и свалили. Описано виртуозно, топоры в крови, степь, машина, грязь, темный ужас. В «Казенной сказке» Матюшин, пытаюсь любить брата, только ненавидит его, а тот, еще сильнее ненавидя родителей, «отравляет Матюшина своей правдой»... Любовь-мука, мир наизнанку.

Павлов мастер живописаний, душа просто орет, а как жить дальше? Я задыхаюсь, хочу запить ожог и вот, вот ключевой глоток русской прозы - вологжанина Дмитрия Шеварова, «Жители травы» (М., «Воскресенье»). Причем возросший тоже из публицистики, журналист со стажем. То ли он не видит русского ада, то ли его и нет вовсе. Шеваров описывает юного доктора Дюкова, который вместо каникул работает в деревенской больничке и любит Соловьева. «Белые крахмальные халаты здесь видели не чаще белых ворон». «Я везде возил эту пленку с собой, и, когда скверно было на душе, в сотый раз слушал про дорогу дальнюю, и ночь лунную, белую акацию и маленький плот, который уплывал в мир счастья и покоя. А счастье и покой были с нами в ту июньскую ночь, когда я, корреспондент вологодской «молодежки», вместо интервью со своими героями записывал зачем-то и эти песни, и эту ночь, и случайные разговоры за столом. Мне было хорошо с этими людьми и было жаль, что надо писать статью о деле, о проблемах, и мне никогда не удастся объяснить, почему так хорошо здесь, в двадцати километрах от северного городка Никольска С уходом Эдика Дюкова дверь в ту июльскую ночь для меня закрылась...

Эдик: «Здесь по-особому себя чувствуешь, есть некая миссия, которую ты выполняешь. И не потому, что мы здесь великие диагносты, взяли и пошли в народ, не надо об этом Можем приехать, можем уехать, но общение с человеком, когда он видит заинтересованность в его жизни, никогда не пропадает напрасно. Здесь людям этого гне хватает. Они много работают, но при этом каждый раньше. А наше отношение он чувствует. Бескультурие, говорят. Нет, я не согласен. Вся наша культура - отсюда, с Севера пошла. К этому нельзя так: «Ах, глушь, темень...». У нас, врачей, острая реакция, мы видим то, что, может быть, другие не видят. Здесь очень хорошие люди в душе своей... Соловьев очень важен для меня. Я нахожу в нем опору. Может, нам это не дано, и не в смысле религиозности. У него работа есть интересная о Пушкине, закономерна ли гибель Пушкина Он больницы единомышленники и надеялся, что церковь ему поможет. Он мечтал о такой детской больнице, где высший уровень чисто медицинского лечения соединился бы с традициями русского милосердия, духовного врачевания. Незадолго до смерти Эдик жи-

вил ребенка, у которого не было пульса. Родители принесли розы, засохли, санитарка их выбрасывала, а он доставал из ведра и снова ставил их на стол».

Я не сравниваю. Нет, я сравниваю. Но не по критерию талантливости. Я просто начинаю дышать и жить, поскольку есть ради чего. Мысль описывает круги и внезапно попадает в болевую точку. И я думаю уже о своем читателе, может ли он дышать после моих рассказов. Одна женщина после моей повести «Графоманка» попала в психдиспансер, я поехала туда, и она мне все рассказала. Ее муж бил за стихи, а тут и я добавила. Ей не попался Шеваров! Но о том, сколько добра и зла в моей прозе, я не думать не могу. Это сначала пишешь на потоке эмоций, торопишься изречь, ну, а потом все равно приходится смотреть правде в глаза.

18 июля 2001. ЧЕРНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Когда написала «Графоманку», у меня было радостное мстительное чувство. Вроде того, как я на всех конференциях поливала местный департамент культуры... Делая это в езде, начиная с областного радио, кончая корреспонденткой радио «свобода» Машей Ряховской. И эти поливания как-то доходили до главы департамента и люди качали головой: зачем она нас позорит? А затем, что вы меня погубили! И не только меня... То есть я понимала, что этой «Графоманкой» я пишу черную летопись. Но хоть здесь могла говорить правду. Первые муки и сомнения начались с Ольги Фокиной, знаменитой поэтессы. «Ты что думаешь, у меня не было горя?» - спросила она. - Было. Но я же не сую его людям в лицо».

А я сую! Я не глотаю свое горе, не давясь им, а - нате, другие со мной давятся. Я ахнула. Люди захотят во мне сил черпнуть, а я им - рраз! - и наотмашь. Пришли в эту книжку, как в дом к помощнику, а здесь - наоборот.

Вот эта женщина в районе, Дина (имя изменено), видеть надо было, как она стихи читала, волосы тягелые крутила на затылке и говорила свои стихи - целый час, может больше. И никаких тетрадок, все в голове, а тетрадки муж пожег, порвал, а ее напинал. И она не возмущалась. А еле шевеля разбитыми губами все равно - люблю, люблю... И она стала читать «Графоманку» и возмутилась всей собой - не за себя. Такие только чужое больно понимают, такие они, русские женщины. Она стала спину разгибать, напекор семье идти, мужу военному, свекрови, и стихи записывала, и не скрывала, что про любовь. А в деревне так нельзя. У нее внутри одно, в жизни другое. Так что же? Как говорит Сопин: сколько дерьм (реактор) не заливай бетоном, все равно рванет. Вот и рвануло. У Дины началась хворь. Ее начнут оскорблять всяко, по хозяйству утыкать, а она уже понимает, что они ничтожества. И говорить им бестолку. Она начинала задыхаться - это началась от нервов такая «жаба». Потом ее без памяти увезли на отделение. Я поехала к ней, она рассказала мне все. Потом я долго отойти не могла. Думала, с ума сойду. Разве я помог-

ла ей? Наоборот, сделала хуже. Она решила, что сможет пробиться, и не смогла. Так и бросила потом писать. Просвещенные эзотерикой люди говорили, что книжка «Графоманка» просто напитана негативом. Мои родные! Почитайте «Черное зеркало» Мамлеева и вообще Павлова! Я против них цыплок неоперенный. Проблемы с прообразами, да. Не такие, как у милой Нины Горлановой. Наоборот, я успела написать героя по имени Упхолов (ну и мерзкое имя, - говорили мне, - просто в горле першит!) со своего приятеля и дала ему прочесть черновик. Он стал смеяться, ему даже понравилось. А там такая как бы карикатура!

Я говорю - ну что твои стихи валяются - дай я вставлю их. (Чем выдумывать поэта - вот же пропадает настоящий поэт). Все равно ты не будешь их печатать! - Ладно. Вставила. А он умер потом, приятель. И все опять головами качают - как ты могла! Без ссылки! Так разве я думала? А на родину поэта мне теперь приходится ездить, потому что надо же кому-то в библиотеке районной выступать. А он там в «Графоманке» таким алкашом представлен, что боже мой. Пришлось настоящую книгу делать с его наследием. И про другого писателя написала правду, но все говорят - если он это прочтет - его удар хватит. Лучше жди, когда сам умрет. А он же дорог мне, так что ж, я смерти ему пожелаю? Нет, лучше не писать, не печатать ничего. Так и не выпустила книжку, о приятеле из «Графоманки» помня. Кому нужна правда? Да Бог с ней...

И так меня грызла совесть, что в следующем сборнике я выпустила рассказы совсем в другом тоне - «Ария», благодарность и примирение. Теперь думаю - совсем рехнулась, так прогибаться перед жизнью. В конце концов, я не просто летописец. Вот Руслан Киреев говорил - это мол, физиологический очерк. Но это фон. Основное - это я. Я хочу о себе рассказать, но приходится как той Дине, прикрываться образом. Не то напинают, а тетрадки пожгут. И я пишу повесть про художника-самодельщика, который не учился, а просто так, на порыве писал. И что из этого вышло. Почему художник? Люблю художников.

Психология творчества - такая могучая вещь, ей невозможно не подчиниться. Я и подчиняюсь. Смотрю теперь на эту «Графоманку» и удивляюсь - отчето они про негатив? Она же лучше меня, героиня, то есть это моя мечта - такой быть, только ее заставили не писать, а я не поддалась. Теперь я заканчиваю повесть про художника и меня ошарашивает: история повторяется! Опять! После «Графоманки» была умильная «Ария», а после пьяночной и наглой «Ностальжи» - опять, значит, такое? Вроде бы никто меня не заставлял каяться А вот так вот! Знай свое место, писака. Может быть, у кого-то тоже такие казусы. А может, еще похлеще. Наверно, мудрость в том, что само небо заставляет меня соблюдать равновесие. Чтобы я вконец не изолзлталась. Не Фокина, допустим, а нечто выше. Хотя Фокина это почувствовала раньше...

А если - совсем без масок? Что получится?

Вся моя семья весной смотрела передачу про закрытие НТВ. А перед этим вся семья смотрела митинг в знак солидарности НТВ. У меня было двойственное чувство: вроде бы все правильно, наши победят, должны бы победить... Но не победят. Уже не победили. Они в панике, они слишком близко подошли к этой пропасти. В которую я падала тоже, и упала еще раз. Только в мою честь никто митингов не собирает. Потому что масштабы трагедии не те. А ситуация та же самая. Несмотря на то, что трагедия произошла в самом тихом месте на свете - библиотеке. Второй раз вылететь с одной и той же работы - то же самое, что второй раз развестись с одним и тем же человеком. Кажется, все уже знаешь, все предвидишь. А когда тебя бьют - не ожидаешь. Когда я уходила в первый раз, никто не шелохнулся. На общей планерке сидели заведующие 20 филиалов библиотечной системы. Он знали меня как энтузиаста по массовой работе и перед этим спокойно выслушали мой восторженный доклад о творчестве писателя и как его книги можно преподнести для читателей. А затем - сообщение о том, что якобы я, получив доступ к компьютеру, печатала на нем книги поэтов и использовала его как средство наживы. Какая от поэтов нажива - это еще вопрос. Но никто не стал спорить с официальным заявлением, что я воровка. И я конечно, ушла. Зачем мне было оставаться с людьми, которые считают меня такой? Стило ли ради них все это терпеть? Но гостиная в библиотеке мне буквально снилась. Произвол начальника разлучил меня с любимой работой, с людьми, которые любили ходить в гостиную. На это грех подымать руку, но она подняла, и надеюсь, судьба ее накажет соответственно. Я создала там пространство, в котором пересекались жанры. Знакомились люди, совершенно необходимые друг другу. Поэты и композиторы. Писатели и читатели. Художники и покупатели. Барды пели. Дети получали новые представления. Усталые отдыхали. В общем...

Пришлось пройти множество мест, откуда я вылетела еще быстрее. И вернуться обратно. Где-то не платили, где-то платили, но не делали запись в трудовой книжке. И, главное - нигде, нигде не было праздника общения. И нигде я больше не могла соединить литературу и жизнь, понимаете. А там она соединялась сама собой. И я решила вернуться. Я была согласна не спорить, сносить унижения, лишь бы вернуть то чувство нужности людям, которое было потеряно невозвратно. И тогда меня выгнали во второй раз. Я сопротивлялась. Люди, которые любили меня, должны были, наконец, понять, что надо отстаивать право на нормальную работу и интересную жизнь. Неужели им легко было смотреть, как меня топтали? Но смотрели. Если в первый раз прошла такая туфта, то во второй раз средство было посильнее.

Они взяли и закрыли гостиную. И сколько бы ни писали возмущенные читатели, что не согласны - все это «производственная необходимость». Но это ложь. Необходимость для администрации. Читатели ведь...

Почему личные амбиции начальницы поставлены выше, чем интересы читателя? Потому что она не терпит рядом с собой никого, кто с ней не согласен. Она требует единомыслия. А если его нет - сетует на отсутствие коллектива. А зачем Кабанихе коллектив?

Для прикрытия произвола. Однако коллектив родился понемногу. Если в прошлый раз ВСЕ МОЛЧАЛИ, то в этот второй раз НЕКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК выступили в мою защиту. И не то, чтобы я так любила грубую лезть. Просто было видно, что они уже не так боятся.

А чтобы и дальше сидеть, смаргивать оскорбления? Так нет - клуб, видите ли, Маша Арбатова засорила, иными словами головы людям засорила, толкнула на вольнодумство. Люди дрогнули и вспомнили о достоинстве. И совершенно зря. Потому что месть свершилась. Меня вместо гостинной посадили за шкаф покрываться пылью. Люди, ходившие в гостиную, остались сиротами. Я лишилась работы, которую лучше меня никто не сделает.

Пришлось опять искать... Ну, хорошо, меня ушли. Доказали, что я ничто. Я унесла ноги, а сама знаю, что будет с теми, кто станет следующей жертвой. С НТВ то же самое. И вроде все ясно, и крыть нечем, но лучше не смотреть друг другу в глаза...

Вчера вышла в областной газете «Красный Север» очередная статья вологодского писателя Василия Белова, опозорившего это звание. Статья, где он поливает грязью всех подряд и в частности хорошего человека, директора картинной галереи Владимира Воропанова (авторитет не просто областного, но международного), отвечает на вопросы REN-TV. В кафе вчера седой профессор, Соросовский учитель сидел с этой статьей сам не свой (он тоже в числе «заклейменных»). Всем стыдно, все понимают, что клиника налицо, все опускают глаза. Чтобы не смотреть друг на друга...

2001. ПИСЬМО К ИРИНЕ ПОЛЯНСКОЙ

Здравствуйте, Ирина Николаевна. Вам пишет Галина Шекина из Вологды. Вы не можете меня знать, скорее всего, мы вообще не знакомы. Но мне после прочтения вашей книги «Прохождение тени» кажется, что я знала вас и до книги. Был семинар в Вологде в 1990 году, его организатор Нина Веселова. Это был семинар пишущих женщин Северо-Запада и я точно вспомнила, что читала вашу рукопись, и том, что я старомодный автор и читатель, а ваша повесть и рассказы просто захватили меня в плен. Очарованная и отягощенная этим драгоценным грузом, я давала вашу книгу разным людям (их шесть человек) и они тоже очень удивлялись - ну, откуда такое явление в наше время? Действительно, дико - в быстроте всеобщей - вдруг медлительность, в игре - подлинность, в клипах - не поверхностный взгляд, а глубина и философичность. Столь красивого и богатого языка давно мне не встречалось. И сложнейшие вещи описаны просто, без лишних наворотов. Особенно все, что с связано с родителями. У меня с родителями пло-

хие отношения, на если смотреть на их жизнь как на свою, как пишете вы - со всей любовью и смутой, то все примиряется и увязывается воедино.

Повесть родственна мне показом творческого человека, который все видит и чувствует особо. Именно это кажется мне самой невянушей темой... После В. Пелевина и Т. Толстой (которые нравятся, интригуют) - это просто летний дождь, шквал очистительный.

Говорят, что природный ресурс литературы и лютого искусства теперь выбран, все в кризисе, застое, болоте. Но не все! Музыка - та среда, в которой живут и постигают жизнь герои романы (и рассказы тоже). Музыка приближает из к божественной ипостаси жизни. Так о музыке и о ее влиянии на человеческую жизнь не писал никто (то же самое в «Жизели»).

Спасибо вам. Дочка Даша, которая учится на дирижера на 3 курсе, она еще не может этой книги понять, но я мечтаю о том, что она повзрослеет и прочтет ее.

Ирина Николаевна, я не ведаю о других ваших читателях, наверно. они есть, их много, и каждый понял вашу прозу по-своему. Но я поняла ее так, что это обогатило мою жизнь. Ваш адрес мне дала Светлана Владимировна Василенко, она сказала, что вы болеете, (она сама недавно перенесла инсульт). Если это помешает вам писать ответ, не печальтесь, главное, чтобы моя неопишуемая, до слез, благодарность дошла до вас. Надеюсь на это.

Галина Шекина Вологда. 2001 dailapy@yandex.ru

30 августа 2001. МЫТАРСТВО

«Цель русского писателя - работать на благо России», - говорит председатель Вологодской писательской организации Роберт Балакшин, именно так называя себя и своих коллег, а не отделением Союза писателей России. Потому что это особые, отдельные писатели, не желающие быть частью общего. Сорок лет организации отмечено обширным интервью Р. Балакшина в «Русском Севере», где он снят молоденький, в косоворотке. Человек искренне верит, что он работает на благо России. Потому что вологодская писательская школа, оплот почвенничества и патриотизма. А то, что на пороге сорокалетия ни одного молодого соратника рядом - это ничего. На торжестве в честь сорокалетия вологодской организации в областной филармонии ожило кладбище: хор голосов пел о том, что РАЙисполкомы при старой хорошей жизни - это от слова рай, АДминистрации нынешние - от слова ад...

Вот проблемы у людей, любящих слова... А я не организация, просто Галя Шекина, и я обиваю пороги, чтобы выпросить помещение для литературного объединения, которому тридцать лет, немного поменьше. чем титулованным писателям. Где только мы не заседали! В заводской редакции, библиотеки, кафе, культурные центры - и снова на улице. Потому что безарендно просим, а везде и у всех самокупаемость. Двадцать человек, иногда больше, иногда

меньше, но вечная тяга найти золотой абзац. Интерес друг к другу, к литературе. Много наших поступило в литинститут, многие опубликовались в книжках и разных изданиях.

Неважно. Сидите в подполье! Литобъединение и у Балакшина есть. Его ведет знаменитая Ольга Фокина - пожалуйста, господа, в уютный особнячок департамента культуры, заседайте на здоровье. Но по нашим законам и правилам. «Потому что другое, если оно нам не нравится, не существует вообще». И вот я снова звоню, и хожу, везде лишняя, ибо понимаю - если я их брошу, то кому они будут нужны, неизвестные миру поэты? Последняя наша акция - презентация книжки «Мед» 19-летнего Антона Черного (не псевдоним), потом три месяца бездействия.

Сейчас последний хит - книга Веры Белавиной о Сопине - «Нет, жизнь моя не горький дым». Она первая описала то, что никто не смог... И я не смогла! Лет семь назад написала черновик о нем, литературная запись авторской речи. И не могу издать. Говорят, это жестоко, это убьет его (ему 70). Почему? Потому что с нею Сопин проявил терпение, позволил делать, что хочет, вникал в процесс. А то, что я написала - было отвергнуто раз и навсегда. Я должна ждать его смерти? В книге Белавиной Сопин велик и мудр как Ленин. В моем переложении он и велик, и ничтожен, как все люди. Нет, конечно, я верю, что Вера искренна, но ей позволено, мне нет. (Не смог и никто из группы Балакшина). Будем ли обсуждать это - и где? Мы - вне закона. Только за последнюю неделю мне отказали в трех местах!

Так, передышка. Кажется, директор городского ДК Зверева пошла нам навстречу: «Если будете выступать перед ветеранами». Да будем мы, будем. На все согласны за пустой класс два раза в неделю. Я думаю - ну, хорошо, я напрягусь и созову людей еще на одну акцию.

Ну, прочту еще десять рукописей, по году на каждую потрачу, если талантливо. Ну, три человека найду, достойных для союза. Ну, не брошу свое лито. Чего бы мне ни стоило. Но все равно это будничная работа, это не войдет в историю. Они не позволят.

Лет десять назад мы с Балакшиным совпали в одном автобусе и в одной деревне картошку у фермера копали. Тогда мы, кажется, были равны во всем. Он даже шутил со мной, делился замыслами, весь простецкий, сощуренный такой, в драной куртке. Мы, наверно, даже годами одинаковы. А что теперь произошло? Мы были председатели разных союзов, говорю «были», потому что даже мои люди меня отвергли, те, которых я сама находила и любила. И что-то для них делала, книжки, рецензии, презентации, в печать, да и просто - звонила, выслушивала, где заколодило. Меня мои коллеги по перу выбросили из председателей, и даже Света Василенко перестала со мной общаться, не отвечает на письма А вы говорите - эпоха Водолея, женщины займут,

наконец, по праву свое место в обществе. А вы говорите - Бог испытывает тех, кого любит. Судя по испытаниям - да...

19 октября 2001. ДРУГОЙ МИР

Во Дворце творчества детей и молодежи прошел потрясающий конкурс чтецов. Для меня это сильнейшее испытание. Корневики и деревенщики, составившие славу вологодской литературной школы: Белов, Романов, Фокина, Рубцов, Яшин, Леднев - вот авторы, которых читали наизусть школьники. И не строчками! Страницами! Наизусть! Со слезами на глазах! Я не отношусь к поклонникам вологодскости, и не потому, что разные союзы, а просто скучно. Сергей Саканский, редактор сетевого литжурнала, однажды смешно напомнил про Ромуальдыча, который заколдовался от запаха портянок. Так этот Ромуальдыч точно был бы счастлив, как был счастлив Мануил Свистунов, который проскрипел в микрофон: «Ди-и-вный конкурс!». И так три дня. То рубцовское «Живу напротив храма», где стирают женщины белье, то фокинская нетопленная печка, то яшинский поезд, где покупают кулечек влажной клюквы, то ледневский царь, заставляющий хромого Ивашку играть камаринского на колоколах. И по десять-пятнадцать раз одно и то же. Известный стих Рубцова «Вологодский пейзаж» прозвучал чуть ли не двадцать раз! Это большое испытание даже для тех, кто очень любит поэта. А уж для меня, поперечной... Честно говоря, просто выучить стих для маленького первоклассника - и то подвиг. А уж рассказать его выразительно, не боясь оторвать руки от тела - и вовсе трудно. Потому можно представить, какую громадную работу проделали педагоги, готовясь к этому конкурсу! Но я не о том, я о самих текстах. Почему они это выбирают? Их же никто не заставляет! Они сами выбрали, сами захотели. Значит, нравятся людям! А мне нет! Ну, и зачем, казалось бы, делать из этого трагедию? Но я всей шкурой почувствовала ужасающую несправедливость этого простого факта. Я пишу не хуже, - говорила я себе, - не хуже. Просто у меня не было тысячных тиражей и меня никто не знает. И я примерно слушала, тарашилась и выставяла баллы, торчала в этом жюри, билась, сопереживала. Но чем больше я сопереживала, тем больше подкатывало к горлу. Почему со сцены идет текст - но не мой, не той же Сучковой, которую так хвалят в Москве, а тут забыли и думать, почему не Кузнецовой, она даже на Шукшинском конкурсе побеждала... Да я не против Яшина и Рубцова, просто я тоже есть, но я должна сидеть и только ставить баллы! И все! Ольга Кузнецова мне с улыбкой сказала: «Да не будут они нас читать, Галя!» И от этого мне стало еще хуже. То есть никто даже не возражает вообще. Да почему опять? «Потому, что была система, - говорит Оля, - госкиноиздание плюс пропаганда по всем школам, детсадам, библиотекам. И это в течение сорока лет! У них было схвачено все. А ты занималась пропагандой всего десять. И в одиночку. И результата никакого».

И я сразу как-то устала. Я рассеянно отсидела этот конкурс, только одному из организаторов, Шахову - сказала: «Надо и других!» - «Да, - подхватил он, - сам знаю. У нас целый шкаф новых авторов. Ты дала нам Гальского - мы его поставили на сцене. Тебя хотим поставить. Вот Наташа Бурлова будет читать твою Басю...». И да, была потом моя Бася. Настоящая такая, с глазищами. Целый рассказ выучила, непостижимо. Я даже держала ее за руку. Но этого было мало. Одна Бася сражалась с моим унынием за тридцать талантов, которых никто не знает! Нет, вру, не одна. Там еще четырех авторов из новой обоймы читали. Но Шахов хочет, чтобы новые авторы сами приходили в народ. И я заставила прийти своих четырех авторов на гостиную к его детям, а дети к тому времени поутомились, все смотрели на дверь, хотели есть, уроки не сделаны. Все так смялось почему-то! Я просто не узнала поэтов, которые блистали за рюмочкой, а как публику им привели - сразу поскучились. И сами поэты мне кучу негатива высказали! Нет, надо не так. Не так. Надо создать каналы, по которым это новое шло бы постоянно! А впрочем... Разве мне это под силу?

12 ноября 2001. КТО Я?

На днях состоялась пышная презентация второй книги 16-летней поэтессы Леты Югай. Стихи хорошие для ее возраста, читаны не однажды на городском конкурсе чтецов, на различных вечерах, печатаны в журнале «Мезон», в газетах. Я всегда с радостью смотрю на такие явления, единственное, что меня бесит - это хождение гения везде с мамой. Народ посмеивается добродушно: маленькая еще. Я возьми и скажи им обьем об этом. Говорю: пора уже самой ходить на лито, на вечера и так далее, Цветаева, сами знаете... Пригласила на лито обсудиться, а у нас там ведь жестокая критика бывает. (Накануне мой рассказ разнесли просто в клочья: «и композиции нет, и что с героями делать, не знаешь, и описаний слишком много, и, коли нет личностного опыта, не пиши об этом», в общем, надо забыть, как страшный сон).

Лета согласилась, пришла без мамы, обсудили серьезно, со всеми минусами, она парировала, спорила, улыбалась, еще рассказала, как съездила в Питер, выступила в «Бродячей Собаке», где выступала когда-то Анна Ахматова. Короче, понятливая девчонка, не какая-нибудь мямля. Понятно, что деньги папы плюс энергия мамы дают свои плоды. Но и сама при желании себя покажет.

Тут на днях Лета позвонила и попросила, чтобы я выступила на презентации ее книги «Сиреневый лес». Я согласилась. То, что было на презентации, не поддается описанию. Там был зам. главы областного департамента культуры Чирьев с таким букетом! Метр в поперечнике. Дальше - больше. Сотрудник обл. картинной галереи Дементьева, искусствовед и важная фигура! Известная всеми уважаемая личность, педагог и просветитель, руководитель кружка литературоведов Канунникова! И с ней двадцать человек юных

литературоведов. Директор музея забытых вещей Касьяненко! Классный руководитель Леты: мне повезло с классом и ученицей. Все чуть ли не плачут от счастья. Завалили цветами. Мол, это наша звезда и все такое. Конечно, сплошное величание и никаких разговоров по теме. Бедная девочка, где ей понять...

Что касается меня, то мне выступать не пришлось: меня поймал высокопоставленный папа и запретил открывать рот: «Нам не нужно ваше выступление, молчите. Дочь не обидится, я сам разберусь». - «А если я представитель журнала, мне материал нужен? Вы думаете, что можете мне так сказать? Имеете право?». То есть папе на мощной раскрутке дочери никак нельзя демонстрировать персону нон грата. То есть меня.

Они чураются меня, стыдятся. Кто я в их глазах? Он хоть понял, что он себе позволил и каким эхом для дочки это отзовется?

И поняла ли сама Лета, почему я промолчала? И поняла ли она что-нибудь, когда я вообще перестала с ней разговаривать? Я пришла домой и стала рассказывать. У меня было странное состояние, мне хотелось что-нибудь разбить. Муж стал говорить, что они меня, наверное, так боятся. Девчонки забрели на чай, стали смеяться. Но больше всего смеялись дети. Мама - шухер. Мама - Кинг Конг. Смеялись, пока не закашлялись и чай не поразливали. Вот и все. Конец фильма.

Очередной мой провал - в конкурсе спортивного рассказа на «Спорт-Экспрессе». Номинатор обозвал мое произведение соплями. Я посмотрела - а какие страшные там рассказы на конкурсе, сколько негатива. Хруст мышц и черепов. Саканский вообще ненавидит спорт и правильно делает. А я среди участников была одна женщина. Куда полезла, в самом деле. Подумала, что не обязательно черепа крошить, подумала, что околоспортивное тоже пойдет. У моих героев спорт не на первом месте в жизни, зато он по-своему раскрывает людей. Оказывается, надо все не так. Не то что призового места не будет, а и в финал не вошла. Остается утешение: писатель Александр Нилин единственный готов был отдать и вторую руку, но не для того, чтоб ее отрубить, а чтобы голосовать, что мой рассказ написан одаренным человеком. В общем, время обломов. Дописываю новую повесть и с дрожью думаю о том, на что ее издавать. Где выпросить три тысячи, не понимаю. (Столько долгов. За обучение в институте еще не все отдали. За ремонт птюхинской антикварной виолончели.)

А если не издавать - зачем я пишу тогда? Говорят, с такими мыслями нельзя заниматься творчеством. Но мое творчество не боится и более грубых мыслей: почему мужики не привезли мне обещанную картошку, три мешка, потом хоть можно было бы сказать, что вот, помогали писательнице выжить. Почему мои дорогие мужчины поставили на машину Wind 2000 вместо Wind 1998, при этом вырубился сканер, без которого я не могу жить. Это что, мужской шовинизм или нет? Ясно одно: если к ним придут биогра-

фы и спросят, какова была писательница в быту, они скажут: капризничала из-за всякой ерунды типа Wind 1998.

12 марта 2002.

ЧТОБЫ ПЛЕСЕНЬЮ НЕ ПОКРЫТЬСЯ

После визита в Москву: впечатлений тьма. Конференция по гендерным вопросам в Доме Журналистов у Ажгихиной. Когда я узнала, что это не литературное мероприятие, то разочарованно вздохнула. Но я упорствовала, ведь еще немного и я покроюсь плесенью от неподвижности. Я понимала, что могут не оплатить дорогу, меня там никто не ждет теперь (при правлении Тайтановой). Но взяла в себя в руки. Мне понравились доклады Гошило из США (хотя умственная игра в дочки-матери - вычурно), из Литвы, из Грузии, Узбекистана... Ислам - это значит, посадят феминистку на осла и вперед, под плети. Ужас. И на фоне этого некоторые так и говорили - а вот мы героини, мы бьемся над самиздатом... Мы героини - нас три человека в Вологде, которые болеют за литературу... Стыд. А я на конференции действительно неплохо выступила, и Ажгихиной понравилось, и Василенко, и потом, они оплатили дорогу. Моя идея самоцензуры: как мы сами себя привыкли опускать, так и в статьях, и в книге выходит. Не очень-то привлекательный образ женщины создают наши вологодские журналистки... Да, «любит у нас Галя отрабатывать котлеты» - ехидничали некоторые. Не то что эти некоторые: просидят четыре часа и не пикнут, а на фуршете крутые. Когда жульен подают.

Другое - познакомилась с Ракитской и хотела с ней прийти на конференцию. Но Василенко сказала - «только попробуй». У них старые счеты. А жаль. Ракитская бесподобна - сама поэт, муж поэт и при этом издательство не загнулось. А какие книжки классные стряпают! Мне просто завидно стало. Ракитская говорит: я страшная. А сама такая обаятельная, черноглазик. Суровый муж Богатых «не любит людей». Дал мне рассказ «Сучья власть», говорит - был в Вологде. Что ж, попробуем встретиться в Вологде...

Интересно на семинаре Г. Седых в литинституте, я пошла туда из-за О. Нечаевой (ассистентка). Умница невероятная. Мне б такую на наше лито. Вообще, мне как старосте лито, полезно знать их технологию.

Выступают меньше, но глубже. Алка ходит с моськой по аудитории, моська прыгает по столам. Девушка грохнулась в обморок (потом оказалось - хорошо сыграла) - пол-семинара Рейна убежало. Едят пирожки на занятиях - я это не разрешаю. Но значит, расписание худое. Сучкова плохо себя ведет на уроках, болтает с Долинской. Я бы их выгнала. Унижают других невниманием. Першин записывал слово в слово за Нечаевой - и этим заслужил мое одобрение. Но зато говорила Сучкова дело. Заглядывала в дверь Т. Бек, я чуть за ней не побежала. В конце занятия девушка рассказывала про молдавские праздники и давала фенечки красно-белые. Скрипки жалобно пели, а я думала - что неужели ничего не напишут про это? Вот интересно...

Однажды пришел Наугольный и сказал, что тему про армию надо закрывать. Хватит уже! И тут же приносит рассказ опять про армию. Я прочтала и говорю - да ты всю жизнь будешь писать про армию, ты обречен. Он снова: закрою тему. И так уже три рассказа, один страшней другого. И тут приходит Диплом Артиады народов России из Москвы, дали Наугольному Диплом за книгу «ПМ». Ему еще кличку дали - АН-ПМ (Андрей Наугольный, «Пистолет Макарова»). Я хватаю рассказ и к редактору. А он почитал-почитал и, не сказав мне ничего - молча - вышестоящему шефу, который вообще не вникает в журнал. Я ничего не знала. Вдруг смотрю - на моем столе рассказ Наугольного и ужасная резолюция шефа. Я ее приведу. «Рассказ написан абсолютно недоступным мне языком, даже понять суть трудно, о его литературных качествах судить не берусь, однако правда в нем есть. И если бы он еще был написан на русском языке, его обязательно стоило бы опубликовать. А так решайте сами». Ну, редактор так и решает - когда хочет, то ставит, а когда не хочет, то спихивает на шефа. Я смотрела на эту резолюцию и заливалась краской. Значит, не по-русски. Значит, комитет Артиады - этого не понял? И я, раз эту книжку делала - тоже не поняла? Тем самым редактор указывал мне на мое место, мне, скромному члену писательского союза.

Я вдруг схватила толстые листы и порвала их что было силы. Гнев мой был страшен. Я клянусь, что ничего не видела перед собой. ПРАВДА! Литература не виновата! Ее и так уже изнасиловали все, кому не лень! Принимают ее за девочку по вызову. Через несколько минут меня вызвали к шефу и попросили вернуть документ. Я сказала- его больше нет! И тогда шеф стал учить меня жить. Он потребовал, чтоб я все склеила. Что есть дисциплина и все такое. Я долго смотрела и дрожала. Потом долго склеивала. Детям-то надо ведь еду на что-то покупать. Я была почти без сознания. Мне вернули документ и велели положить в папку входящих, чтобы я всегда смотрела. И помнила. Я сказала: «Господи, я так разочарована. Если бы вы хотели поговорить со мной о литературе, так я бы с удовольствием. Но теперь вижу, что больше такой возможности у вас не будет». Я была красная как рак. Задышалась даже. Понятно, никто из участников интермедии и не думал ни о какой литературе, которой адски больно, когда по ней топчутся люди с деньгами. А я думала только о ней! Да черт с ней! И этот рассказ я посылаю сегодня Саканскому. Чтобы и Саканский, и все остальные понимали, где мы живем...

ЕЛЕНА ЮШКОВА (вологда)

«КАЩЕНКА»

Я проснулась оттого, что мимо меня кто-то ходит. Шаги то приближались, то отдалялись, мерные, методичные. Звук пробивался даже через снот-

ворное, которым меня напичкали перед сном. Я лежала в коридоре какого-то отделения больницы имени Кашенко - передовом крае советской психиатрии. Во время глубокого искусственного сна вчерашний кошмар прихода сюда слегка забылся, и вот теперь реальность начинала вырисовываться во всей ее красе.

В отличие от большинства обитателей этого легендарно-зловещего места, заснула себя сюда я сама. Мимо Кашенки мы проезжали каждый день на трамвае - она была в нескольких остановках от нашей общаги. Кашенке посвящалась большая часть нашего общаговского фольклора. Рассказывали, кто и как свихнулся, как туда попал. Зачем меня туда понесло - я так и не поняла. Как потом сказал знакомый психиатр, для писательского опыта, наверно. Писательский опыт оказался еще тот.

Я-то просто наивно хотела расстаться с военной кафедрой - кто не учился в те времена, тот не поймет, что это было. Наверно, нельзя было воспринимать ее так болезненно - но кто бы это тогда мне сказал... Конечно, был и нервный срыв от жизни в большом городе и большом общежитии, и всякие личные проблемы, и - само главное - некоторое помутнение сознания, ведь в здравом уме даже ни страх перед военной кафедрой, ни нервное расстройство не могут заставить человека добровольно перешагнуть порог такого заведения.

Да и сама цепь событий выстраивалась так, что меня туда вела какая-то таинственная злая (или добрая?) сила. Сначала я обратилась по совету однокурника к платному психоанализу, тот посоветовал обратиться к психиатру, а уж психиатр из районной поликлиники выписала направление в этот замечательный санаторий. И даже с бумажкой на руках у меня еще был шанс туда не пойти, но... В приемный покой, куда я пришла по собственной воле, людей заталкивали со связанными руками санитары. Билась в страшной истерике явно очень буйная женщина, кричала, вырывалась из нежных объятий людей с каменными лицами. Другие обитатели приемного покоя производили не лучшее впечатление - хоть и не так буйствовали, но на лицах их можно было разглядеть характерную отметину.

Всех нас, новеньких, загоняли в душ - большое, холодное и грязное помещение, обливали водой из шланга (или душа), и, отобрав всю одежду, выдавали больничное - ночную сорочку и халат. Халат был неприятного розовато-серого цвета, без пуговиц, на завязках. Не оставили даже, пардон, лифчика.

После душа в таких вот нарядах загрузили в зарешеченную машину и повезли неизвестно куда. Тут я только начала понимать, что обратной дороги нет. Буйная женщина нежным голосом шептала мне прямо в ухо:

- Здесь они такие звери, они тебя замучают. Ты, наверно, первый раз, бедная. Они меня все время здесь мучают, потому что меня сын сдает.

Как ни странно, она выглядела вполне адекватно, а спутанность сознания по ее лицу и поведению лично я не замечала. Знала бы я, какой она будет через месяц...

Был уже вечер. Нас, как арестантов, вывели из зарешеченной машины и провели в зарешеченное здание. В дверях, которые санитары открывали одну за другой, нигде не было ручек. Открывались двери только специальными ключами.

Наконец нас провели в отделение. Тут уже я впала в оцепенение и прокляла все свои намерения освободиться от военной кафедры и всю свою депрессию, не дававшую жить спокойно. Мне поставили в коридоре раскладушку и дали кучу таблеток. Естественно, заснуть я не могла, поэтому проглотила снотворную пилюлю и очнулась только от мерных утренних шагов. Больные совершали в коридоре утренний моцион. Все они были в таких же лянальных халатах на завязках, руки держали почему-то за спиной и шли с одинаковыми угрюмыми лицами, разворачиваясь около окна, где стояла моя раскладушка.

Я села на раскладушке и почувствовала себя как в страшном фильме. «Ладно, скажу врачу, что я передумала, пусть они меня отсюда выпустят. Не надо мне никакого освобождения от военной кафедры».

Самое интересное, что глубокая депрессия, приведшая меня сюда, в момент улетучилась. Мне хотелось не просто жить, а жить на воле!

Врача звали Майя Маджилдовна. Она смотрела на меня такими же иронично-хитрыми глазами, как и те психиатры, которые отправили меня сюда. «Все про тебя понимаю, - говорили их взгляды. - Не таких еще видели».

- Что тебе здесь было надо? - спросила она меня.

Я начала рассказывать ей про историю своей депрессии, в которой она, как ни странно, углядела скрытый для меня самый факт - неудачную влюбленность.

Потом я не выдержала:

- Выпустите меня, пожалуйста, отсюда, - сказала я.

- Я уже чувствую себя нормально.

И тут она сказала мне страшную вещь:

- Нег уж, дорогуша, отсюда так просто никого не выпускают.

Я вздрогнула, на глаза навернулись слезы, но поверить просто так в сказанное я сразу не могла

- А ты как думала? - с милым садизмом продолжала она.

- Когда меня выпустят? - сдерживая рыдания, выдавила я.

- Сначала мы на тебя посмотрим. А если будешь нормально себя вести, то в лучшем случае через полтора месяца.

- Как это через полтора?

- А так, это самый минимум. Меньше здесь не лежат.

Мне уже нашли место в палате для тихих. Там было человек десять. Я рухнула на кровать и стала плакать. Мне казалось, что слезы не остановить ничем, они лились и лились.

- Лучше успокойся, - услышала я тихий голос. Сердобольная соседка по палате из новоявленных тихих прошла здесь огонь и воду, ее перевели сюда из палаты для буйных. - Будешь так себя вести, они тебе уколы начнут делать. Галапиридол (или аминазин?). У тебя отнимется нога, и ты вообще не сможешь двигаться.

Ее слова подействовали отрезвляюще. Соседка по зарешеченной машине оказалась в более сложной ситуации. Ее разместили в самой крайней палате (то есть в самой буйной) - палаты располагались по нарастающей), привязали к кровати и кололи тот самый аминазин или галапиридол. Правда, сразу он на нее не подействовал, поэтому она кричала нечеловеческим криком первые две-три ночи.

Недели через три я встретила ее в коридоре и не узнала.

Вместо крепкой жизнерадостной (или болезненно-перевозбужденной?) женщины мне навстречу шла, а вернее, тащилась, волоча ногу, старая сторбленная старушка. Ее глаза ничего не видели, и она меня не узнала. Была ли она действительно больна - я так и не знала. Или же просто жертва карательной советской психиатрии?

В больнице все напоминало тюрьму. Не только решетки на окнах, двери без ручек и тюремный распорядок. Здесь вообще было негде уединиться. Даже в туалете не было никаких кабинок. Там устроили курилку. Из передач с воли местные контролеры вытаскивали все сигареты и выдавали женщинам определенное количество на день. Поэтому сигареты были товаром: их обменивали, ими поощряли или, наоборот, отбирали, если что не так.

В курилке всегда лидировала невысокого роста женщина с низким резким голосом и вполне приятным, только слегка злым (а с чего быть добрым?) лицом. Говорили, что она совсем нормальная, но сын запер ее в психушку, чтобы избавиться и освободить жилплощадь.

Она ко всем цеплялась, разговаривала исключительно матом, но меня почему-то не трогала. Ее побаивались и безропотно отдавали ей свои сигареты.

Она неизменно сидела на одном их унитаза, окруженная свитой прихлебателей и резко высказывалась по поводу всего происходящего: врачей, больных, своих родственников...

- Сын не будет ее отсюда забирать домой, - прошептала мне как-то в ухо давно обитающая тут женщина. - Он уже подписал отказ, и поэтому ее скоро переведут насовсем в психушку в Подмоскovie.

Эта психушка была не менее знаменита, чем Кащенко. В нее отвозили на пожизненное заключение.

То ли у меня не было достаточно опыта в общении с нездоровыми людьми, но я их почему-то всех воспринимала как здоровых. Все они что-то говорили внятное, рассказывали разные истории про родственников, про жизнь. И лишь под конец я уже научилась замечать спутанность в их речах, невнятности, подобие бреда, навязчивые мысли.

Иногда нас выводили гулять. Во дворик, тоже огороженный решетками. Так что иллюзия тюрьмы была полной. Мы сидели на скамейке, разговаривали. Или просто ходили.

У меня даже появилась одна подруга. Девушка выглядела абсолютно нормальной и утверждала, что ее отправляет сюда мать, чтобы та перестала вести разгульную жизнь. Ее в жизни мало что интересовало, кроме мужиков. Она все время охотилась на них, но

только на состоятельных. Охота у нее и ее подруг не прекращалась никогда. Они все время устраивали какие-то оргии.

И на юг она ездила отдыхать очень своеобразно.

- Денег надо только на дорогу туда и на один день в самой дорогой гостинице, - рассказывала мне она. - Приезжаешь, снимаешь номер. Потом знакомишься с каким-нибудь богатым мужиком, переселяешься к нему и гуляешь целый месяц по ресторонам.

Я все время пристально смотрела на нее и никак не замечала следов потрясающей красоты, чтобы вот так вот мужчины сразу сходили с ума. Рассказывала, как они с подругой заманивали женатых провинциалов, приехавших в Москву в командировку.

- Женатые, значит, чистые, - пересказывала она обсуждения мужиков с подругой. Потом она приглашала мужиков на квартиру к подруге и у них начиналась оргия с пьянкой на деньги пойманных мужиков, про которую она тоже рассказывала во всех подробностях. В больнице этой девице сделали аборт. Ее под конвоем водили в соседнюю гинекологию, не спросив ее разрешения. А какое может быть разрешение, если ее, как и всех, пичкали горстями разноцветных колес. Уже после больницы я вспомнила про нее. Проходя по Калининскому, я зашла в цветочный магазин, где она работала и спросила, где Наташа.

Мне ответили, что ее нет. Тогда я позвонила ей домой, но разговаривала с ее матерью, которая прикидывалась Наташей. Про это я тоже знала от самой «подруги». Видимо, дочь в очередной раз была куда-то отправлена, а мать изучала людей, звонящих ей.

Скоро, когда мои бесконечные рыдания прекратились и я смирилась с жизнью в зарешеченной тюрьме, я была вознаграждена. Меня перевели в местную элиту, в привилегированное положение. Привилегия была одна: после каждой еды мы выносили мусор из отделения во двор больницы. Это значило, что мне и еще одной усмиренной тетеньке предоставлялось чуть больше свободы. Мы могли гулять целых три лишних раза в день, да к тому же не в зарешеченном дворе нашего отделения, а где угодно! Поскольку кормили психов три раза в день, то у нас получалось целых три прогулки на воле! Мусор был двух видов: пищевые отходы и просто мусор. Мы брали по два ведра и отправлялись в путешествие.

Потом мне неожиданно разрешили ходить на гимнастику в другой корпус. Правда, в сопровождении медсестры, но с той мы уже подружились и ходили как две подружки.

По дороге я разглядывала один очень интересный корпус.

- Это для невротиков, - комментировала медсестра. - Блатных.

Среди мрачного тюремного однообразия этот корпус казался настоящим миражом в пустыне - само здание в изысканном архитектурном стиле, а что вокруг! Вокруг росли настоящие пальмы! Они окружали аккуратные дорожки и красиво расставленные скамейки.

- Курорт, - не удержалась я.

Я тоже считалась невротиком, но полечиться здесь никто мне не предложил.

Когда я стала мусорщиком, то ко мне начали обращаться со странными просьбами. Группа больных с наркоманским прошлым не собиралась расставаться со своими старыми привычками, особенно ее неформальная лидерша - высокая, тощая и очень грубая девица. Она совсем не могла без допингов, а остальные, из свиты, просто составляли ей компанию.

Она подошла ко мне и сказала тоном, не терпящим возражений.

- Ты когда пойдешь выносить мусор, то подойди к забору - там есть дырка, и выйди... Недалеко аптека - купи эфедрин, от кашля.

Кажется, пару раз я и сходила. Но может быть и нет - не помню. Только ее просьба доставила мне много страданий. Я не хотела быть на побегушках, к тому же неприятностей мне на свою голову тоже не особо хотелось - могли лишиться почетного права выносить мусор.

Но отказать этой командирше было трудно - у нее свита и ощущение власти.

Долго я мучалась, даже не спала ночью.

Потом все-таки решилась и отказала.

На удивление, мне никто не набил морду (кому хотелось сесть на аминазин?), просто мы с ней перестали разговаривать.

Посещения Маджидовны постепенно становились для меня все большим и большим испытанием. Наконец я поняла, вернее, нутром почувствовала, что это не тот человек, с кем можно говорить откровенно. Каждая невольная прорвавшаяся откровенность заканчивалась увеличением дозы лекарств, а это значило, что таблетки становилось труднее выплевывать.

- Ну-ка, покажи рот, - говорили медсестры после обеда, раздав горы разноцветных колес.

Говорили не всем, поэтому иногда можно было даже и не брать их в рот. Но когда проверяли, то приходилось делать судорожное глотательное движение и прятать их где-нибудь во рту. Потом сразу бежать и выплевывать в унитаз.

- Таблетки-то пьешь? - иногда ласково спрашивала Маджидовна.

- Пью, пью, - говорила я, пытаюсь изменить выражение ее ехидных глаз.

- Выпишу-ка я тебе микстуру!

С микстурой было сложнее. Ее капали прямо в рот, естественно, в жидком виде.

Но выплюнуть большую часть все же получалось.

Поэтому я с абсолютно честным взглядом отвечала на вопрос о таблетках.

- Ну, как ты себя чувствуешь?

- Гораздо лучше, - каждый раз отвечала я и радостно улыбалась.

Однажды Маджидовна сделала мне, как ей показалось, подарок, которого я от нее никак не могла ожидать. Вынося в тот день мусор после обеда, я вдруг поймала на себе чей-то взгляд. Подняв голову, я оторопела. Среди мрачных корпусов и решеток стоял мой приятель, которого Маджидовна сочла причиной моих душевных страданий.

- Привет, - сказал он, явно смутившись и моим видом, и моим занятием.

- Привет, - ответила я не своим голосом. - А как тебя сюда пустили?

- Пустили.

- А ты поправились, - сказал он, окидывая взглядом мою фигуру в ужасном линялом халате на завязочках.

- Наоборот, похудела.

Но спорить было бесполезно - видок был еще тот.

Совсем уж удивительно, но ему разрешили подняться в отделение и весь тихий час просидеть со мной в холле! Естественно, тогда я даже этого не оценила толком.

Я рассказала ему про весь путь, проделанный мною перед тем, как попасть сюда. Про то, как другой приятель отвел меня к платному психоаналитику, к которому ходил сам. Про то, как та дама (тоже с ехидной улыбкой) отправила меня в районную поликлинику к психиатру, чтобы тот направил меня куда-нибудь на лечение. И вот - результат...

Мы поболтали о том, о сем.

Потом Маджидовна более пристально, чем раньше, меня изучала - правильную ли манипуляцию она проделала!

Как же я ее ненавидела! Теперь-то, конечно, понимаю, что она не была ни злой, ни пакостной. Она делала свою безрадостную работу, которая давала ей много власти над другими. В общении с ней я впервые почувствовала, что такое абсолютная власть одного человека над другим. И все во мне протестовало против власти надо мной. Наверно, протест был и у тех несчастных, заколотых аминами до полусмерти, но они не могли с ним справиться.

У меня хватило ума себя обуздать и начать прикидываться радостной дурочкой. Помогли и уроки «старших» собратьев. Поэтому ровно через полтора месяца я распрощалась со своими новыми друзьями и отправилась жить дальше и разбираться со своей многолетней депрессией без посторонней помощи. А в тот момент и вообще было не до депрессии. Началась моя практика в одной из самых лучших газет того времени, куда я ходила как на праздник. Да и освобождение от военной кафедры в районном военкомате на Красной Пресне хоть и со скрипом, но дали, благодаря чему у меня появился свободный от маразма день.

КРИТИКА, ЭССЕ

СЕРГЕЙ ДОНЕЦ (вологда)

**ПОЧЕМУ МНЕ ПРЕТИТ
СЛОВО «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»**

Понимаю, что прямо тут не ставился вопрос о происхождении интеллигенции в России. «Некая статья написана под острым впечатлением от ужасающей опущенности речи нашего населения, от ужасающей безграмотности вчерашних троечников, а ныне - народных избранников». Мы не будем злоупотреблять вниманием любознательных соотечественников и не станем слишком широко раздвигать рамки дискуссии (а надо было бы еще задеть вопросы образования, раз речь идет о троечниках депутатах, и пр.), но без определения самого понятия «интеллигенция» нам не обойтись.

Зачем мы так небрежно манкируем комиссарами (да не к ночи будь они помянуты), с большевистской прямою задавая вопрос: «Кто же, по-Вашему, должен быть и будет двигателем прогресса в России? Рабочий класс? Крестьянство?» А далее и вовсе курьезно сокрушаемся: «И если не анализировать факты, а затем синтезировать их выводами И если не интеллигенция будет выполнять эту миссию, то кто?». Судя по таким убеждениям, мы там, за горизонтом конца 19-го, начала 20-го века и остались. Я советую обратиться к работам профессора университета имени В. Гете из г. Франкфурта на Майне (ФРГ) Дитриха Байрау. В своих работах профессор значительное место уделяет социологии вопроса, возникновению и становлению интеллектуальных профессий, прослеживает процесс изменения функций интеллигенции в государстве и обществе, ставит проблему противостояния интеллекта и власти и что самое важное: выделяет из сферы интеллектуальной деятельности науку, литературу и искусство как самый важный инструмент влияния интеллигенции на общество, государство, а, значит и власть. Д. Боффа и Н. Верт в своих капитальных работах по истории СССР важное место отводили взаимоотношениям творческой интеллигенции и власти. Но это - отдельная тема.

Главный же наш тезис заключается не в порочности интеллигенции как таковой, а в том, что на буржуазном Западе стало родом занятий, в аграрной России превратилось в мистическое сословие - проводника идеократии народничества, а стало быть революционных идей, по мнению С. Н. Булгакова, породило эсхатологическую мечту о граде Божьем, царстве правды, чувство вины перед народом, которое ведет к «социальному покаянию».

Сто лет назад в России, не в пример современности, мощными темпами нарождалось общество. Шла ожесточенная борьба за души и умы сограждан. П. Б. Струве тогда говорил, что русская интеллигенция идейно подготовлена в сороковые годы 19-го века и как политическая категория зарождалась во времена реформ, начиная с 1861 г., пройдя революцию

1905-1907 г., постоянно пребывая «отщепенкой» по отношению к государству, породила анархизм и социализм как своего рода религию и единственным спасением от влияния интеллигенции на развитие общества может быть подъем культуры и творческая борьба идей. С. Л. Франк в своей статье «Этика нигилизма» к порокам интеллигенции, названным Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном и Струве, присоединяет «морализм», «неразвитость совести», «фанатизм» и «нигилизм». Особенно досталось от Франка Писареву с его «варварским иконоборством», - борьбой с чистым искусством. Солидарны с классиками и современные историки. Так, А. В. Кива считает, что все революционные вожди как большевиков, так и меньшевиков и эсеров принадлежали к интеллигенции, именно они были проводниками революционного сознания. В. Егоров выделяет нравственную рефлексию интеллигенции, которая ориентирована на преодоление глубокого внутреннего разлада, возникшего между интеллигентами и их собственной нацией, между ними и их же собственным государством. Ученый подчеркивает, что в современном мире в этом смысле интеллигенции не существовало нигде и никогда. Большая часть русской интеллигенции, поработав на революцию, была потрясена красным террором и, подобно Горькому, хотела бы дать задний ход, но увы...

В 1922 г. заканчивается вместе с эмиграцией вся славная российская история русской интеллигенции и начинается перековка оставшихся интеллигентов в связи с задачами пролетариата. Начинаясь новая эра, в которой не было места богоискателям и тираноборцам. (Кива. А. Затея в духе старых добрых времен// Независимая газета. - 1997 г. - 9 декабря.).

На этом месте можно было бы поставить точку. Но случилось в СССР 1991 г. Интеллигенция опять оказалась на баррикадах и в первых рядах разрушителей устоев теперь уже советской империи. Подхватила. Поверила в свободу, социальную справедливость, правовое государство, гласность, демократию, перестройку и бог еще знает какие диковинные вещи для русского человека. Поверила и стала потихоньку приторговывать спичками и китайским барахлом, чтобы не сдохнуть с голоду. Самых верных приблизили и не позволили шататься по барахолкам, а дали возможность воспевать и красиво каяться перед обобранным народом. Круг замкнулся. Какие тут нужны словесные пророки - ясно как божий день.

АЛЕКСАНДР ДУДКИН (кладуш) ГОВОРИТЬ О НЕМ ТРУДНО

Писать и говорить об М. Сопине трудно, почти невозможно, ведь мысли, пусть передуманные тысячу раз со всех сторон, будут мелкими, никчемными, ничего не значащими, потеряют рядом с сопиной силой абсолютно все, что ты в них пытался вложить. Опыт твой покажется тебе бедным, прожи-

тая жизнь бессмысленной, знания мизерными. Поэтому прагматичнее и безопаснее М. Сопина прочитать, поразиться и... промолчать.

«Ну и не пиши, раз безо-пас-нее!» - съязвил бы, пожалуй, Сопин.

М. Сопин - «Мальчишка-воин», «Мальчишка с огненной дуги» Книга убеждает что Ахматова была права, когда говорила что поэт всегда прав.

Если верить изданиям официальным и документальным, то в 1942 году под Харьковом был глубокий дремучий и беспросветный фашисткий тыл, а в стихах Сопина - «Харьков. Танки. Ночь. Основа. / Под Мерейфой - до огня», а в стихах Сопина «Одинокое стонет кляча / Дико загнанной души». И возможно права Татьяна Петровна, во вступительной статье обронившая, что «поэзия вообще едва ли должна претендовать на историческую достоверность». Только вот я с этим категорически не согласен, я-то убежден, что на достоверность кроме поэзии и с некоторыми натяжками оговорками, художественной прозы - больше ничто не может претендовать. Даже документы, которые процитированы Татьяной и Петром Сопиными не способны донести до людей, не знавших войны, ее ужасы и страхи, ее бесчеловечности безбожие. Чтобы постичь природу войны, узнать ее норы, нужна проза Астафьева, Быкова, Бабченко, стихи Сопина. Ибо в настоящих стихах и стихах Сопина тоже, глобальное переплетено с мелким, божье с человеческим, в них увиденное участником увидит история. «Слышу, вижу, как идут бои./ На бегу рдеющие части/ Годы уходящие мои».

Поэзия Сопина, если рассматривать ее не отдельно, но зная прошлое-настоящее-будущее, внятно говорит об острой необходимости Поэзии для отдельного человека и всего народа. Поэзии вообще, как явления жизни, как проявления души и духа. Ведь если поэт что-то и выдумывает, то выдумывает правду, если ему что и мерещится, то мерещится истина, если и заговаривается, то не с сами собой, а с Богом.

Переписка Михаила и Татьяны Сопиных относится к тем годам М. Н, которые можно назвать предсвободными, так как самая страшная, глухая неволя (зона) для него была позади. Как он сам писал: «Если грядущее видно из настоящего как неясный свет, то прошлое - это уже ясная тьма». Читающего переписку мучают две эти тайны. Тайна ясной тьмы - как не сумела зона сломать, исказить изувечить извратить, переделать поэта Сопина в заурядного урку или вора в законе. И тайна неясного света: сможет ли Сопин, избавившись от надзора явного, при надзоре хитром и замаскированном, противостоять обществу не заключенных, но жесткой иерархией и субординацией, с двусмысленными правилами и с не менее жестокими законами? И если вторую тайну мы, читатели сопиных стихов годов 70-90-х, худо-бедно разгадали, то первая тайна до сих пор скрыта в полностью не расшифрованных «Лагерных тетрадах». Назвал те годы

на поселении предсвободными и осекся. У свободно-го человека, где бы они ни находился, на тюремных нарах или в казарме, на крайнем севере или в жаркой Африке, мысль свободна всегда. И никакие границы, никакие ограничения, если они установлены властью, авторитетом или силой (но не самим собой или Богом) не довлеют над умом, чувствами, подчеркиваю - внутренне независимого человека. И многие его письма ничего не скажут ни об опыте, ни об окружении, только о муках внутренних, поэтических, о поисках себя. «Разум мой - яд, время - враг, который должен подсыпать это снадобье».

Я все больше и больше начинаю жалеть людей, но жалость эта... страшная. Если человек - частица общества, которая живет одними с ним законами, люди должны, обязаны простить мне ВСЕ! Если же я сам по себе, то мне НИКТО и НИЧЕГО не должен прощать, я не грешен. Иным быть не могу, потому что не знаю - каким быть. Где-то в самой своей сути человек не подвластен себе, не знает самого себя. никогда не узнает. Он может только сравнивать себя с кем-то. А такое познание - грустная радость... Та песня, которая спета не в унисон - достижение. Если мне когда-либо скажут, что цель поэзии- отражение реального и конкретного -я буду знать, с кем имею дел. Такой человек либо наделен не музыкальной душой, либо его сердце лишено поэзии, и он не может музыку превратить в стихи, не насилуя, не деформируя ее».

Вот два героя, вот две заботы Михаила Сопина тех лет, я думаю - это человек и общество, поэзия и стихи. Вот что его беспокоило и привлекало, вот чему он посвящал свои письма, вот чему он собирался посвятить жизнь, которая должна была вот-вот начаться на свободе.

Ответные письма Татьяны Петровны, они всегда о Поэте и Человеке Сопине. «У моих стихов есть своя жизнь, - писал Михаил Николаевич, - есть будущее и настоящее».

Не знаю, мог ли так сказать поэт до появления Татьяны, скорее всего нет. Эта уверенность пришла вместе с ней, она ее принесла. Внушила, доказала. Подспудно, неосознанно даже, но доказала. И они были правы, ведь то же самое сейчас говорит самый наш главный правдолюбец и правдовешатель - неутомонное время.

Да, безусловно, Михаил Николаевич умело, а чаще виртуозно пользуется повторами. И повторы эти в разных случаях преследуют, что удивительно и что доказывает поэтическое мастерство Сопина, разные цели.

Например, дважды используя в стихотворении «Россия, Россия...» строчку «Приснись мне, Россия...», поэт подчеркивает, что просьба его насущна. Он желает сна о России не просто так, по прихоти своей, а сон ему, то есть ушедшая в прошлое, в небытие Россия, жизненно (или смертельно?) необходим. Замечу, что в самой моей любимой сопинской книжке «Молитвы времени разлома» (издана в 2002 году, стр. 165) в этом стихотворении эта строчка в таком

виде, в каком процитировал ее И. Письменный, не повторяется. Предполагаю, что с течением времени, теряя Россию наяву, в реальности, Михаил Николаевич все острее и острее нуждался в ней. Поэтому-то от строчки «с дождями слепыми» и отказался. И теперь мы имеем, думаю, два очень похожих, но и очень разных, благодаря вроде бы не очень существенной замене, стихотворения. Ведь было:

Прошу на прощанье,
Пока не ослеп,
С дождями слепыми
Приснись мне, Россия,
С багровым закатом
В полынную степь.
А стало (?):
Прошу на прощанье,
Пока не ослеп,
Приснись мне, Россия,
Приснись мне, Россия,
С багровым закатом
В полынную степь.

А вот таким повтором: «Убиты,/ Убиты,/ Убиты,/ Отпеты, пропиты, забыты!» поэт не только и не столько создает «эффект усиления мысли», сколько убеждает читателя в немыслимом, невероятном количестве убийств и убитых.

И со всеми иными - конкретными - умозаключениями, сделанными И. Письменным при анализе конкретных и отдельных стихотворений, я, конечно же, согласен.

В каждом отдельном случае согласен, а вот с выводом: дескать, повторы есть особый сопинский прием - нет. Категорически - нет.

Я вот еще раз полистал книжку «Молитвы времени разлома», но и после этого не могу сказать, что повторы бросаются в глаза, что их так уж много, что следует говорить о злоупотреблении ими поэтом или же называть их какой-то особой чертой сопинской поэтики. Нет, особенность Сопина не в этом, она, скорее всего, в его лаконизме, короткой строке, бескомпромиссности суждений, в осознании собственной правоты, может быть, в чем-то еще, но только, повторяю, не в повторах. Он их, соглашусь с Письменным, делает не специально, не нарочно, а просто потому, что этого требует само стихотворение. И потом, какой же поэт (стоцентных верлибристов в данном случае выношу за скобки) не любит повторов. Ведь и рифма есть не что иное, как повтор. А еще существуют аллитерация, ассонанс, анафора, эпифора, стык... Видите, сколько названий придумали ученые-стихovedы, чтобы отличать один вид повтора от другого Повтор, ритм нужны поэту не просто так, они необходимы для того, чтобы передавать пульс современной жизни, чтобы читатель смог ощутить биение сердца эпохи или того народа, который поэт представляет. Не даром же утверждают, что если какой-либо народ продолжает рождать поэтов, то, значит, что жив еще этот народ и у него есть надежда на будущее. Потому что живой народ, как и живой человек, должен слышать стук собственного сердца.

АЛЕКСЕЙ ПИДЖАКОВ (КАДУЙ) КЛАССИК ПРОВИНЦИИ?

Лично для меня при анализе творчества Сопина оказались важными следующие вопросы:

1. Является ли Сопин: а) представителем «лагерной» поэзии и прозы? б) вологодским писателем (учитывая разнообразную географию проживания и украинские корни)?

2. Как менялся стиль, лирический герой, темы и образы на протяжении творческого пути и какие примерно периоды можно выделить?

3. Каково мировоззрение автора, его взгляд на историю страны?

4. Каково его место в российской литературе?

Два слова о моем отношении к автору. Нельзя быть вполне отстраненным от объекта изучения, если речь идет о таком самобытном даре. Как человек Михаил Николаевич вызывает у меня искреннее восхищение мужеством, проявленным им в самых различных обстоятельствах, и неизменной душевной теплотой. Уже этого одного, не считая его особенного стихотворческого таланта, хватило бы на многих. Впрочем, я не стану отвлекаться на тему «Поэт и толпа».

1. Ценителям творчества Сопина вопрос может казаться надуманным. Он адресован любителям развешивать ярлыки. Итак, под лагерными писателями понимаются главным образом политические заключенные (формальный признак), чье творчество почти целиком посвящено лагерной теме (ярчайший пример - Шаламов). М. Н. Сопин не относится к этому течению ни формально (уголовная статья), ни творчески - хотя тема лагеря и занимает важное место в стихах 80-ых годов, но это лишь часть счета, предъявленного писателем Родине.

Любой знакомый со стихами Сопина человек отвергнет и попытку отнестись, скажем, ранний период (см. ниже) его творчества к «тюремной», вернее, блатной «лирике». Михаил Николаевич не просто культурно много выше субкультуры радио «Шансон», абсолютно чужд ей. Даже в лагерных больше погружения во внутренний мир и напрочь отсутствуют такие черты блатной «поэзии», как идеализация «свободы» и воспевание воровского «кодекса чести». Лагерную лирику Сопина я воспринимаю, как лирику человека, внутренне свободного (что вообще является характерной чертой его творчества), сжатого лишь внешними условиями, но не исключенного духовно. Он страдает живому - это в традициях русской культуры, но не «блатной», где жалость, как и в реальности уголовников, является чем-то постыдным.

Второй вопрос формально более сложен. Сопин жил и писал в Вологде более двадцати лет (1982-2004), это период исторических обобщений (см. ниже); в Вологде вышел первый его сборник. Таким образом, думаю, мы имеем право называть его вологодским автором. Вообще же принадлежность писателя, художника к той или иной местности понятие для России, учитывая, в частности, постоянные перемещения, переезды

людей многих профессий на различные «стройки» Советского Союза. Короче говоря, почему бы и нет?

2. Пока я не имею возможности ответить на данный вопрос углубленно. Думаю, может подойти примерно такая разбивка на периоды (разумеется, весьма схематичная, а не тщательно выверенная): 1) шестидесятые - начало восьмидесятых: живопись. Особая четкость видения, точные и неожиданные сравнения, глубокое внимание к природе и внутреннему миру. Обилие троекратных повторов, фольклорность; 2) начало 80-ых - середина 90-ых: гражданская лирика. Углубленное понимание истории, вызванное попыткой осмыслить свою судьбу, судьбу поколения. Человек, осужденный в 1955 г. и отбывший 15 лет по уже упраздненной статье, вряд ли может поверить в безгрешность преемников Сталина. Дорогой ценой обретя трезвое мышление, нельзя не попытаться донести до окружающих свои прозрения, это психологически невыносимо. И понемногу (больные воспоминания!) автор рассказывает и анализирует, принимая все глубже (окружающие же или не видят этой реальности, или склонны идеализировать свою мелочную «борьбу с Системой», а позднее - обычно просто равнодушны). Объявляя советских правителей преступниками, он отнюдь не идеализирует дореволюционной России, справедливо видя в вековом бесправии крестьян одну из причин общей беды. Реализм - вот основная черта его творчества, высокий реализм, порой объективный до беспощадности; 3) вторая половина 90-х - 2004: философская лирика. Возвращается прежняя вдумчивость, почти вытесненная болью и патетикой. Повторяются размышления о личной ответственности каждого перед будущим. Смерть дается в стихах, как нечто неизбежное, но не как мучительное проклятье, то есть, по-моему, его мировоззрение близко стоицизму (впрочем, я не философ).

Одной из сквозных для всего творчества Сопина тем является память (личная и историческая), поэтому так больно для него беспамятство массы, удобный способ уйти от ответственности. Поражает яркая образность стихов всех периодов, обилие символов (совершенно лишенных нарочитости, надуманности)...

3. Думаю, описывая «2-й» период творчества М. Сопина, я достаточно полно ответил на этот свой вопрос. Пользуясь случаем, хотел бы отметить одну особенность стихов этого времени: трагическое ощущение бесправности и бессилия заключенных передано очень сильно благодаря некоторому смещению дат: в реальности между концом войны и началом заключения пролегло целое десятилетие, вместившее, как мы знаем, военную службу и «попытку бунта». В стихах «сиротские рати» выдернуты из одного ада в непосредственно в другой.

Еще большим шоком для поэта оказалось духовная несвобода вне лагеря. Многие не выносили жизни «на воле»: Сопина, думаю, удерживала семья. Впрочем, углубляться не стану.

4. Очень спорный вопрос. Боюсь показаться самоуверенным дилетантом (впрочем, я уже проявил, скажем так, непрофессионализм критики и наделал массу ошибок), но, полагаю, место Сопина в русской по-

эзии еще не вполне осмысленно. Этому мешает, главным образом то, что он жил и работал в провинции, не слишком старался привлечь чье-либо внимание. Для известности же зачастую полезно поступиться некоторыми принципами. Но если попытаться судить объективно, то по мастерству, наличию неповторимого стиля (отмеченного многими!), независимости мышления и философской глубине, подчас космичности масштабов, наконец, просто как афорист (чего иногда и хватает для известности. он достоин зачисления в классики. Что, думаю, и ждет его в будущем.

ИГОРЬ ЗАХАРОВ (ЧЕРЕПЕВЕЦ) ПОЧЕМУ «ОР»?

Еще в процессе чтения, ассоциативно вспомнилось стихотворение одного из самых почитаемых мной поэтов Серебряного века Анатолия Штейгера:

У нас не спросят: «Вы грешили?»

Нас спросят лишь: «Любили ль Вы?»

Не поднимая головы

Ответим горько: «Да, увы,
Любили, как еще любили».

И ближе к концу вспомнилось еще одно его же:

Так от века уже повелось,

Чтоб одни притворялись и лгали,

А другие им лгать помогали

(Беспощадно все видя насквозь),

И все вместе любовью звалось...

Конечно, это повесть о Любви. О том, какой она может быть прекрасной и, в то же время, горькой и невыносимой. О том, как ей трудно существовать в условиях условностей и правил.

Тимоша мне представляется очень цельным человеком, имеющим тот самый внутренний ценный стержень, за что его и любят сознательно или интуитивно. Жизнь тащит его через такие испытания Любовью, что можно неоднократно руки на себя наложить! Однако, сознавая свою греховность, он все же духовен и честен перед самим собой, и не нарушает одну из главных заповедей - не убий, относя это в первую очередь к себе.

Начальная часть повести - описание среды обитания Тома - перекликается потом со схожей ситуацией в лице Ларисы. И таких разнесенных параллелей при желании можно найти еще. Эти сопоставления не случайны - мы видим возможные варианты развития ситуаций. В первом случае: Тома собралась с силами и поехала к матери в роддом, во втором - Лариса убежала из дому.

Рисую природу, Тимоша отождествляет людей с деревьями. Очевидно, в Томе он угадывает, что, как дерево может выпустить очередную ветку в любую сторону, так и Тома может развиваться в абсолютном любом направлении. И, любя в ней женщину, он помогает, подсказывает, подталкивает ее - еще под-

ростка - развиваться в направлениях, в которых сам хоть что-то смыслит.

Любовью за любовь - именно так можно описать его отношения с женщинами. Каждый раз он влюблялся и любил искренно, всецело отдаваясь чувству. Как человек, наделенный чувством прекрасного, он не мог не ценить красоту - не абсолютную, а сиюминутную и местечковую: вот этого леска, вон той речки, вот этой девушки, вон той женщины...

Занятие живописью в зрелом возрасте, казалось бы, зачем? Однако, именно это делает его активным. Творческие муки, активная мозговая деятельность позволяют ему сохранять и физическую активность. Что также вызывает наравне с иронией уважение - не мальчик, вроде, а какой живчик! И он творит, творит запойно, порой забывая о любимой. Но и любит он так же запойно, забывая и о живописи, и обо всем на свете.

Повесть также подкупает своей естественностью, хотя есть моменты киношности - перескакивания с сюжета на сюжет, включения элементов фэнтези. Но язык повествования - мастерский! Описания чего угодно - картин, природы, быта, переживаний - очень зрими. И в этом смысле, повторюсь, не повесть читается, а фильм смотрится. Также о мастерстве автора говорит то, как Галина раскрывает Тимошины мысли, чаяния, переживания, т. е. пишет от лица мужчины и по-мужски. Выводит характер, который, возможно, многие найдут неправдоподобным. Но мне лично он близок и понятен. Здесь происходит некоторая ломка стереотипа - женщины чувствуют глубже и тоньше, но лучше говорят об этом мужчины.

Все действующие лица создают Тимошино окружение, как довольно случайное. Но именно из таких случайностей жизнь и складывается. И Тимоша, понимая это, плывет по течению, уповая на Бога, стараясь просто соответствовать той или иной ситуации. Хотя читатель вправе ожидать от такого целостного самобытного мужика поступков в духе Рэмбо или Терминатора. Что он однажды и доказал в схватке с собакой. Но это единственный случай, когда сила пошла на силу. В остальных эпизодах - махровая провинциальная интеллигентность, даже застенчивость.

Разбирать по косточкам характеры тех или иных персонажей смысла нет. В данный сюжет, в зависимости от желания автора, можно было включать любой подходящий типаж и развивать действие ситуационно. Они лишь дополняют, играют роли второго плана.

Название повести до поры, до времени остается непонятным. Но потом все становится на свои места. Именно ор, а не крик, или плач, или еще что-нибудь. *«Кажется, если можно было бы выкричать эту боль, если можно было закричать так, чтоб содрогнулись небеса, так наверно, в голос все ушло бы, отпустило. Это был бы ор человека, всегда огорченного, всегда недовольного своей судьбой, что бы он ни попросил! И что бы ему ни пожаловали по жизни небеса!»*

РЕГИНА СОБОЛЕВА (вологда)

**БРУТАЛЬНОСТЬ ПОДВОРОТНИ,
или Помни о возрасте**

Макс Кулаков - это парень моего возраста, написавший повесть, сразившую меня правдивостью и жесткостью. Повесть - детская. То бишь - о детях. Пятый, шестой, седьмой классы. 10-13 лет. Представьте! Малышня, только-только вылезшая из песочниц. Наши взрослые дети. А ведь дети ко всякой игре относятся с серьезностью жизни. Каждый ребенком выходил на улицу, каждый знает, что такое «район», «стрелка» Думаете, ребяташки минуют спокойно все канавы и рытвины обыкновенной детской площадки? Над детьми не издеваются? Дети не издеваются? Они не бьют, не дерутся, не оказываются побитыми и униженными?

Повесть целостна. Бьет в цель, как кулаком с натренированным ударом. Сама стилистика, синтактика создают порой ощущения дневника, читательского дневника в начальных классах. Вот прочел это, там такие-то герои, все понравилось и «ладно, не важно это, забейте». Вроде как: случайные события, случайные герои находят друг друга в случайных обстоятельствах, просто потому что так кто-то что-то увидел из своего окна. Но все сходится, все линии связываются воедино, и все дороги ведут в Рим - «Пускай все будет настолько хорошо и настолько плохо, насколько это оптимально и пускай все будет, как есть». Для каждого - свое испытание силой и свое обретение этой силы. И надо быть сильным, иначе будешь слабым.

«Аз емь пацан» состоит из 29 глав, включая эпил로그. Каждая из этих глав могла бы стать отдельным рассказом. Автор выжимает из себя слова - набор коих скуп, но абсолютно достаточен. Каждый из рассказов выполнен в силе «Ничего лишнего» или «Забили! Поехали дальше!» (всегда - дальше, дальше и дальше - синоним бесконтрольного и безостановочного движения, перемещения, широкого охвата пространственно-временного кругозора главного героя). С временем действительно обходятся порой вольно. Но, как ни странно, работает даже и это. Мы забываем, что десятилетнему мальчику 10 лет, мы относимся к нему с позиций равных величин, и позиция изменяющегося времени перестает для нас существовать. Все в произведении держится на персонажах (бесперсонажное чтение - стало бы в итоге огромным открытием - подаю бесплатную идею - дерзайте, господа!). Герой «Аз емь пацан» меняется только в сфере мыслительных процессов, растет нравственно и психологически, крепнет. Это и есть взросление ребенка? Не думаю. Скорее еще один момент подростковой мимикрии. Мыслить надо, хотя бы просто чтобы выжить морально.

Стилистику текста можно охарактеризовать двумя основными тенденциями: словесная скупость и яркая натуралистичность образности. И то и другое создает особую атмосферу честной тяжелой мужской прозы. Это всегда - нетенденциозно и неприятно. И тем не менее, это всегда доставляет удовольствие.

А, знаете, дорогие мои, что действительно удивляет: несмотря на жесткость существующей правды в произведении, главный герой ее не ожесточается, не разочаровывается, но находит для себя свой путь. Основная тенденция современной мужской прозы (вспомним хотя бы «Гастарбайтера» Багирова) - сильный человек в обстоятельствах, что превосходят его силы, вызывая лишь способность силы эти удвоить. Хемингуэвский мотив борьбы, яростной, яркой, красочной, сводящей с ума, синонимизирующей собой жизнь. И то и другое нельзя не любить, нельзя не получать радость от каждого глотка себя самого на своем пути, если этот путь выбран осознанно. Победа и Правда в самом факте окончательного прозрения, принятия решения и выбора, внутриличностного, а оттого - самого сложного. Забавно, что путь человеческий тут пересекается с движением по железной дороге, когда что-то помимо воли уносит в пункт назначения. Авторский намек? Но это остается за кадром киноповести, за той станцией, к которой нужно было прибыть.

НИНА ПИСАРЧИК (вологда)

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

Стихотворная книга Н. Усановой «Внутри»

О Наташе Усановой я могу говорить только в превосходной степени. Прежде всего, она в свои двадцать лет - уже состоявшийся поэт. Мое мнение может быть субъективным, но то же самое мнение я слышала от Ольги Александровны Фокиной, а также от «продвинутых» приезжих литераторов на недавнем фестивале актуальной поэзии. Я, конечно же, сужу как читатель, но я именно зачитываюсь уже вторым Наташиным сборником. У нее нет «проходных» стихов. Каждое - как исповедь. Ее лирический герой на голову выше рядового человека. Он не боится знать правду о себе.

«Ах, березки под небом синим...

Знаю, слышал сто раз уже,

Ты скажи, какие осины

У тебя дрожат на душе?»

Но герой ее не «сверхчеловек»:

«Я пользуюсь званием Божьего сына.

Одно вызывает печальные вздохи:

Я сделан из мягкой, прилипчивой глины.

Всегда оставляю следы на дорогах...»

Меня поразили, что везде, почти везде, она говорит о себе в мужском роде... Вот только один пример:

Один, замел свои следы.

«Я наконец нашел покой.

Стою, счастливый, у воды.

Наедине с самим собой».

Что интересно, стихи в «мужской» ипостаси - более интеллектуальные, более рассудочные, более философские. Там же, где царствует ее женская природная суть, стихи становятся очень лиричными, глубокими, эмоциональными:

«Мне легко в метелицы,
 А от весен с грозами
 Под корой шевелятся
 Слезы - сок березовый»
 Меня восхищает афористичность стихов Усановой:
 «Бойся правратиться в лед и снег -
 Их весной по слякотям несет.»
 «Если выйдешь, каждый шаг туда
 Будет превращаться в шаг отсюда.
 А о том, что будет впереди,
 Не по силам смертному судить...»
 «Плод познаний по-прежнему ядовит...»
 «Хозяйские законы не писаны котам...»
 «Любому системному блоку
 По собственной серой мышке».
 «Обручальных колечек ряд
 Для меня и моих свобод».
 «Воздух - стихия страха»
 «Душа счастливая слепа,
 А книги очи открывают».
 «Бывает, я вижу, как кто-нибудь плачет.
 Обнять бы, дать руку... А если прилипну?»

Мне кажется, именно афористичность языка делает стихи уникальными. Ход мыслей в них непредсказуем. И только чувства чуть-чуть зажаты сознательно. Хотя есть природная эмоциональность, даже страстность. В связи с этой страстностью я совершенно не согласна с тем, что в предисловии к книге Наташа назвала себя «Снегурочкой». Она скорее «тургеневская девушка» - ранимая, порядочная и надежная, глубоко чувствующая. Наташа - очень теплый человек с положительной энергетикой, какая же она «Снегурочка»...

О Лене Смиренниковой

Она из тех, «вокруг кого всегда светло». Это цитата из ее стихов. Не знаю, себя ли она имела ввиду, но к ее образу подходит идеально! Лена обладает истинно даром Божиим - харизмой. Я это ощущаю. Отблеск ее личного обаяния есть в ее стихах. Ее поэзию не назовешь «женской». Мне кажется, у поколения двадцатилетних нет деления на мужскую и женскую прозу или поэзию. Унисекс в творчестве... Не знаю, хорошо это или плохо. Хорошо, если исчезнет дискриминация по половому признаку. Гораздо важнее, как конкретная личность себя выражает.

Лена Смиренникова пока побаивается себя выражать. У нее мало присутствует местоимение «Я», замененное нейтральным «Ты»: «Мир твой узкий, как кровать...».

«Мир... узкий» не от узости мышления. Она - созерцатель. И направление взгляда - не вовне, а внутрь себя. Молодые думающие люди неизбежно проходят эту фазу развития.

«Мир этот станет шире
 На километры и мили,
 Если ты сдвинешь гири,
 Гири своих оков»

Лена Смиренникова прекрасно понимает, куда ей расти дальше. Единственный мой совет: не развивать

тему одиночества. Одиночество нужно воспринимать как свободу для творчества. Я уверена, что одиночество Лене Смиренниковой не грозит!

О Регине Соболевой

Регину Соболеву до сих пор я знала, как литературоведа и литературного критика. Причем, критика блестящего, прирожденного. У Регины острый ум, великолепная реакция и довольно жесткий для молодой девушки характер. Мне нравится в Регине ее саркастичность. Что в ней хорошо: она не мелочна, не мстительна, не хитра. Она бесстрашна, не боится нажить врагов. Прямолинейная, волевая, она напоминает мне «народоволку» конца девятнадцатого века.

Эта девочка производит впечатление очень одинокой личности. Она контактна, но не подпускает людей близко. Будет плохо, если свою природную критичность она направит, как лупу, для разглядывания человеческих пороков и несовершенств. Ехидность и высокомерие еще никого до добра не доводили...

Впрочем, когда-нибудь Регина станет матерью и, безусловно, станет мягче. Мягкость ее только украсит!

Пока она свободна, нужно писать и писать, чтобы сделать себе имя именно в литературоведении!

По поводу сборника стихов «Черно-белый альбом»: мне стихи показались слишком интеллектуальными, а это мне не близко. Поэтому и судить не берусь. Как читатель, могу сказать, что понравилось, а что не понравилось больше всего...

Понравилось - «Пушкинский мемориал» - настроением, страстью. Там есть эффект присутствия и такое сопереживание с героями, что дух захватывает!

Не понравилось - «Милосердие». Здесь страстность автора вводит в ступор. Если автор на стороне мучителей, - это свирепость, безумная ярость, садизм. Если же ставит себя на место избиваемого нищего, - в ней нет сочувствия даже к самой себе. Какое-то упование от жестокости мира.

Вообще, страстность автора есть во всех стихах, от этого они приобретают энергетику. Но образы настолько мрачные, что кажутся нарочитыми. Видишь только игру ума, богатое воображение со знаком минус.

Читая Щекину...

Новая повесть Галины Щекиной «Ор», по моему мнению, украсила современную вологодскую литературу. За годы писательской деятельности Щекина выработала собственный узнаваемый язык. Его элементы складывались еще в период работы над «Графоманкой». Тогда в прозе Щекиной местами проглядывало чужое влияние, в частности, Виктории Токаревой - кумира тех лет. Сюжет из реальной жизни пишущей женщины захватывает так, что избирательные средства писателя как бы не важны. Тем временем, в процессе работы над романом автор заодно со своей героиней развивается в писателя. Периодами возникают громадные речевые куски - острова, на которых хочется жить! Поэтому роман

«Графоманка» выглядит неоднородным по языку. Последующие рассказы Шекиной увлекательны и однозначно талантливы, но язык в них меняется от рассказа к рассказу... Он все еще неустойчив, словно автор нащупывает, какими средствами может заявить о себе в полный голос...

И вот повесть «Ор», где Галина Шекина - вполне раскрывшийся мастер со своей особенной речью. Герои повести из того же времени, что и в «Графоманке». Здесь главный герой, самодея-тельный художник, настолько зрел и состоятелен лично, что жалеет лишь об одном - слишком мало времени осталось для самовыражения... В жертву творчеству он приносит свою неповторимую любовь Веритиса в реальность героя, так зримо он описан автором. Работящий, добрейший, безответный Тимоша всем должен по жизни (он сам так считает!), поэтому и тянет воз обязанностей. Его единственный «порок» - влюбчивость, а происходит она из поклонения красоте. Совестьный человек, он «отрабатывает» свою любовь-обильность. А любит он не только красивых женщин, но и саму жизнь, и природу, которую жадно пишет со всем умением. «Спасибо, Господи, что не до смерти», - любимая поговорка Тимоши. Молитва жизнелюба, принимающего свой крест достойно. Автор признается, что Тимофей Тесков - это она сама. Что ж, логично, ибо каждый человек, независимо от пола, несет в себя мужские и женские гены и свойства обоих полов. Тимоша - мужская часть личности Галины Шекиной. Тем не менее, герой - мужчина, истинный мужик, и сомневаться в этом не приходится. Да, он добр... Но, доброта - качество, независимое от половой принадлежности. Главная, основная черта Тимоши - умение и стремление брать ответственность на себя: «Кто тут у нас мужчина?»...

Ноша Тимофея Тескова немыслима для многих наших современников: содержать три семьи, раздавать направо-налево свое здоровье, свои силы, свое время!... Ничего для себя! Лишь минуты счастья, любовь это или творчество... Но, и эти минуты искуплены часами раскаяния, муками совести. Хотя, за что винит себя Тимофей? За природное жизнелюбие? За умение видеть и понимать красоту? Разве Тимоша - развратник, растлитель малолетних? Он сравнивает себя с Гумбертом из «Лолиты» Набокова, но аналогии здесь неуместны. Набоковский герой возлюбленную делает своей пленницей. Герой «Ора» сам становится пленником, даже рабом возлюбленной. Повесть можно назвать «психологической прозой». Это говорит о духовной зрелости автора.

Великолепна описательная часть повести: картины природы, бытовые зарисовки, портреты героев, их характеристики. Невозможно добиться этого без красочного, лаконичного, образного языка, наработанного автором. Для меня, как читателя, язык первичен. Так вот, языком повести «Ор» я упиваюсь!

Шекина: человек и позиция

Знает ли это имя литературная и околотитулярная Вологда? «Хохлушка», как она себя на полном серьезе называет, родом из Воронежа, стала корен-

ной вологжанкой. В данном случае коренная - значит укоренившаяся, давшая корни. Ее корни - это трое детей, что для женщины, безусловно, главный козырь, а вот как подсчитать количество, уйму, орду людей, с которыми у Галины Александровны единая корневая система в сфере ее общественной деятельности: это и работа с молодыми в центре «Северная Фиваида», и поиск новых поэтов для «Илья-Премии», и постоянная связь с библиотеками, и кино клуб...

Традиционная жизнь вологжанки-горожанки такова: работа - дом (семья) - дача. Большинство женщин не выходит из этого круга годами, да и понятно: тройная ноша не дает и головы поднять. Какой энергией должна обладать личность, шагнувшая на ступеньку-две-три над обыденностью, не пренебрегая этой обыденностью! То есть: работа, пусть не любимая, но необходимая для прокормления семьи; та же дача в российском смысле этого слова; дети - не один, как у большинства, а трое. А сверх всего - тяга к литературе, к писательству; от бога данный журналистский талант.

Этот дар включает в себя человеческий фактор: умение притягивать людей и контактировать с ними на их «языке». Главное же - умение видеть, находить одаренных людей. И, непонятное большинству, стремление помогать.

Как я ее понимаю! В ушедшем двадцатом веке не все было так безнадежно плохо... В нем родились люди, искренне верившие: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!» Не фиглярство, а сознательно выбранная позиция. Это поколение не может заявить человеку: «Ваши проблемы - это Ваши проблемы». Осмеянные «совки» - вполне приличные люди, за нищенскую зарплату честно выполняющие свою работу, вырастившие детей порядочными людьми, не бросившие больных родителей, посадившие за жизнь не одно дерево... Вот особняки они не построили, но это не их вина, а особенности их времени.

Даже на фоне лучших людей своего поколения Галина Александровна - явление. «Мякотелой» ее не назовешь, на шею к ней не сядешь. Но, если она разглядит в тебе искру таланта, сама посадит на свою шею, станет решать твои проблемы, будет подталкивать тебя к творчеству. Сколько молодых и не очень молодых литераторов вывела «в люди» Галина Александровна Шекина!

Писать сама она успеваешь неизвестно когда. Пишет все лучше, о чем свидетельствуют публикации. Последняя по времени повесть «Ор» замечена и очень положительно отмечена вологодской литературной средой.

Конечно же, прямолинейная и недипломатичная Галина Шекина умеет нажать недоброжелателей, но без этого... Такой вот «Дон Кихот» в женском облике, воюющий с «мельницами советских и постсоветских времен».

Что отраднее: бывая в разных кругах творческой интеллигенции Вологды, при упоминании имени Шекиной, я чаще видела положительную реакцию. Разве это не награда за труды?!

Для начала я процитирую мнение Сергея Фаустова о поэте Валерии Архипове из книги «Харизма вологодской литературы»: «Архипов ... нашел для себя направление в творчестве и идет в этом направлении практически в одиночку. Он не удаляется от нас. Он тащит нас за собой, и мы «тащимся от него». За прошедшие десять лет субординация не изменилась. Архипов так же обособлен в вологодской литературе, так же одинок и так же мало понят.

Лично у меня от стихов Архипова возникает ощущение поэти-ческой и духовной высоты, недостигаемости. В нем нет приземленности. Я не всегда понимаю стихи Валерия Архипова, но я его не понимаю с тем же чувством, как не понимаю Бога. То есть, душой я знаю что Бог - есть, он существует, но что это за явление, - от меня скрыто... Бог первичен, я - вторична. Бог может меня судить! Я его - нет! Так и в случае с поэтом Архиповым: он на несколько ступеней выше меня. Он меня может судить, я его - нет.

Безусловно, это та высокая поэзия, которая и должна нести непостижимую тайну.

Я улавливаю только смысл стихов: они все о любви! У него нет знакомых мне образов. А я, как человек профессионально начитанный, невольно ищущу в любом тексте знакомые символы. У него все свое: образы, символы, свой язык. Даже привычные уху словосочетания: «ни сном, ни духом», «Древний Рим», «рыцарь бледный», «Последняя осень», «родительский дом», «разбитый рояль», «на тонком льду» и тому подобные в контексте архиповских стихов выглядят единственно возможными, естественными и точными. Техника стиха - безукоризненна. Пожалуй, Архипов - гений в этом смысле.

Я высказываю здесь свое отношение к Архипову - поэту, а вот творчество его требует специального исследования. Нужен критик новой формации, который любил бы поэзию Архипова и углубленно изучал бы ее.

О «Больших Бабах» и не только...

Прочла «залпом» тонкий, но емкий сборник Елены Волковой «Большие Бабы». Короткие рассказы в стиле комиксов: непрерывность действия, карикатурность персонажей, комичность ситуаций...

Открывает книгу повесть «Здравствуй, Сомова!». Двадцать три странички текста вместили жизнь женщины от младенчества до зрелого возраста, не утомив читателя, а, напротив, приятно возбудив. За легкой иронией скрывается многообразие переживаний. «Сказка ложь, да в ней намек...»: Сомова живет в конкретное время, в определенных условиях, попадает в узнаваемые ситуации. Она - воплощение женственности, поэтому близка любой читательнице, хотя не каждая родилась в любящей семье, не каждая вышла замуж, не всякая имеет любовника, не всякую сокращали с работы... Сомова - свидетельство явления, называемого феминизмом. На самом деле наша страна в этом отношении - передовая. Российские женщины только

вид делают (в силу менталитета), что мужчина - главный в семье и на производстве. Между тем, женщины создают материальные ценности, выполняют домашнюю работу, воспитывают детей (все чаще без кормильца), непрерывно учатся, развиваются да еще о внешности своей заботятся!

Исторически сложилось, что страну потрясают то моры и глады, то революции и войны (включая те, что за пределами страны)... А гибнут в катаклизмах, как известно, самые лучшие и совестливые представители мужского пола. Оставшиеся в меньшинстве мужчины повышаются в цене, не улучшаясь качественно. Поэтому заполняют собой особо удобные места, включая сидячие места в городском транспорте. Таким образом, царствуют, не правя! А правит всем женщина - из кухни, из спальни, из приемной большого начальника... Так что, с феминизмом у нас все в порядке, только вот любви маловато. Вот и приходится утешаться чувством собственного достоинства, в чем и преуспела Сомова.

Рассказы Елены Волковой, как и повесть, написаны в легком юмористическом жанре... Как бы шутя автор затрагивает темы глобальные: разрушение экологии в «городе детства»; превращение мелкого советского жулика в уважаемого частного предпринимателя; пердел собственности в условиях базарно-рыночного капитализма. И конечно же, тему, неразрешимую во-веки: войну полов...

Нет в книге Волковой гражданского пафоса: не ставятся ею вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?».

Зато прослеживается мудрая мысль: «с прошлым надо расставаться, смеяться!» Только посмеявшись над собственной дуростью, можно подняться над самим собой и с новой энергией двигаться дальше...

СЕРГЕЙ ФАУСТОВ (вологда) АЛЛЕГОРИЯ

В Вологде однажды проходил фестиваль под названием «Новое кино России». Под закрытие показывали фильм «Возвращение». Сцена была украшена шарами и цветами. Играл духовой оркестр Дворца культуры, кстати, хорошо играл, преимущественно американскую музыку. Администрация дарила режиссерам и артистам подарки и цветы, были выступления и т. д., все длилось полтора часа. А уж потом и кино.

На фильм «Возвращение» приходишь с готовой установкой, что этот фильм хороший: он получил главный приз, даже два, престижного кинофестиваля. Такая установка не мешает восприятию, однако, ценнее те случаи, когда до этого доходишь сам, а потом вдруг оказывается, что хорошая собственная зрительская оценка подтверждается и победой фильма на кинофестивале. Но это к делу не относится. Этот абзац для разгона мысли... И вот она разгоняется.

В фильме показаны три протагониста - отец и два его сына-подростка, с которыми отец не виделся с их младенческого возраста. Они отправляются в та-

инстинктивное неизведанное путешествие. Таинственное как для детей, так и для зрителей. Режиссер постоянно показывает происходящее глазами младшего сына. Отец немногословен, суров, даже слишком. Вырвавшиеся из-под опеки матери и бабушки, братья испытывают и нечто, похожее на почитание отца, но больше сопротивление его непомышленным, непосильным требованиям, иногда доходящее до рукоприкладства, разбитого носа, слез и... ненависти к отцу.

Он жесток, но справедлив, он добр, но справедлив. У него непререкаемый авторитет взрослого для старшего сына и ощущение постоянного сопротивления со стороны младшего. В фильме идет непрерывный показ становления характеров. О чем фильм? Мальчики становятся мужчинами, приобретая волю, характер, силу, терпение и прочие атрибуты, необходимые для жизни в суровой действительности. Но именно так жизнь и учит. Именно так, человек, выходящий в жизнь, получает синяки, набивает шишки.

Отец очень странный. Он не умеет улыбаться, он разговаривает только в повелительном наклонении. В нем есть тайна и о ней можно только догадываться, откуда он? Из зоны? Из плена? Из разведки? Из милиции? Из коммерсантов? Ясно только, что не из журналистов, не из телеведущих.

Троица отправляется в путешествие, о цели которого знает только отец. Но зритель оказывается свидетелем того, что они едут долго по полям, по лесам, нынче здесь, завтра там, потом по воде, добиваются до острова, там в заброшенном доме под полом закопан в яме ящик, а в нем спрятан сундучок. Что в сундучке? Богатство? Никто не знает! Линия русской народной сказки - «найди то, не знаю чего». Только отец знает, что в нем.

Отец ломает характеры детей. Старший Андрей, бывший вначале смелым, независимым, становится при отце покладистым, ведомым и подчиненным даже младшему брату. Младший, Иван, бывший в начале трусом, при отце стал ершистым, гордым, независимым, самостоятельным лидером, который не потерпит второго медведя в своей берлоге. После смерти отца Андрей вновь стал ведущим, а Иван сопливым - не стало объекта ненависти.

Отец же только в конце был вынужден считаться с детьми, как с личностями и в этом его убедили своим яростным сопротивлением его же дети. Сцена, где отец бежит за Иваном (он заставил его!), одна из сильнейших в фильме. Здесь видно, что не отец руководит событиями, а Иван. Но мы не увидим и не узнаем, как он, отец, изменится. Тайна и фабула фильма этого не позволяет. «Бог» умер! Иван в конце погони забрался на вышку, а отец, догоняя его, сорвался с нее и разбился.

Отец. Отчизна. Именно так Отчизна, Родина, Россия обращается со своими людьми - жестко, жестоко, мордой об стену, до крови, пощечинами, силой, законами, правилами, установлениями, директивами, бюрократией, государственной властью. У Отчизны в недрах спрятаны богатства, но Отчизна не дает их своим детям, не дает знать о них и видеть

их. Так она и пропадает вместе с ними, обрекая детей своих на страдания и невзгоды. Кто подлаживается под силу государства (Андрей) и доволен услужить власти, тот сыт, кто сопротивляется (Иван), вынужден бежать. Или вынужден копаться в «недрах» в поисках червей и самому добывать себе пропитание, лова рыбу на полузатонувших полуистлевших баржах. Иван делал и то и другое. И копался в червях, и рыбачил, и бежал.

Понял ли Путин государственную аллегория фильма, вызывая режиссера А. Звягинцева к себе в Кремль? Об этом ли они говорили? Я не знаю. Операторская работа напоминает то ли полузабытого Антониони, то ли еще каких-то западноевропейских операторов, снимавших известные фильмы. Жестокость же фильма напоминает японский характер, показанный еще в 60-х годах («Голый остров», например). Но фильм русский, что тоже экзотично. Наверное, эти три фактора объясняют победу фильма на кинофестивале. Я, как зритель, конечно же рад, тому что российскую интеллектуальную собственность покупают в мире. Это лучше, чем богатства недр, они нам и самим пригодятся.

В фильме отец выкопал сундучок и спрятал его в лодке. Когда он разбился, дети долго тащили его на ели к лодке и долго плыли с ним, а потом доплыли до места и пока разгрузались, лодка с телом отплыла от берега, вода просочилась и все утонуло и сундучок тоже. Почему бы не сделать хэппи энд? Дети находят и открывают сундучок, а там золото! Ан нет, фильм-то русский...

СЕРГЕЙ ФАУСТОВ

«ПОНТТ»

Речь пойдет о герое нашего времени.

Под нашим временем подразумевается начало третьего тысячелетия, а под героем - положительный образ современности, но его нельзя назвать героем.

Сегодня героев не существует, кроме лирико-литературных. Сегодня звезд не существует, фабрики звезд выпускают ширпотреб. Если бы я был писателем прошлого века, то написал бы роман под названием, например, похожим на «Повесть о настоящем человеке» («ПОНЧ»), а затем написал бы аннотацию. А повесть о маленьком настоящем человеке я сабвентирировал бы как «ПОНЧик».

Но сегодня я сэкономлю время и сразу напишу аннотацию к ненаписанному роману. Итак, его название «Положительный образ начала третьего тысячелетия», сокращенно «ПОНТТ».

Окружающее пространства сегодня открыто и доступно как никогда. Границы стали легко преодолимы или их вообще нет. Возможность перемещения ограничивается только деньгами и фантазией.

Время сегодняшней жизни сжатое, плотное, ПОНТТ очень остро это чувствует. Секундное промедление в высказывании фразы делает ее ненужной, с потерянным смыслом. Длинная речь, о чем бы там ни говорилось, бессмысленна. Наиболее удоб-

ная форма мысли - смс-ка. Высказывание прошлого века: «Шустрый как электровеник» - ныне не работает, не нужно ни само высказывание, ни сам «электровеник». Нужна не механическая шустрость, а «чувствительная», реагирующая на отличие естественного от искусственного (надуманного), документального от метафорического, надуманного от реального. ПОНТТу скучно от метафор, поэтому он не любит литературу, а заодно и кино, и ТВ, даже музыку с ее гармонией и диссонансами, которые мешают чистому ритмичному драйву.

ПОНТТ очень открыт и доступен, потому (или оттого?) честный. Его можно спрашивать о чем угодно, и он ответит без экивоков или хитрости. Полное отсутствие шелухи скрытности и маскировки. Камуфляж смешон, как неудачный аттракцион (метафора - тот же камуфляж).

Хитрость и обман остались в прошлом веке, а все потому, что невероятность факта стала более привлекательна и ценна в сравнении с невероятностью обмана. Первоапрельские шутки ушли в прошлое, сейчас любой день года может считаться all fools day.

Честность - признак свободного человека. Если у ПОНТТа есть стена, огораживающая его от окружающих, то ее надо рассматривать как естественную границу личности, которая необходима каждому, - и государству тоже; граница, которая «заставляет уважать». Это при взгляде со стороны, а сам же человек свою границу не ощущает. Эта кажущаяся граница прозрачна и так же легко преодолима для любого другого человека. Такая «граница», скорее, не отделяет, не разделяет, а привлекает возможностью легкодоступного нарушения и уважительного приема.

Есть у ПОНТТа что-то обостренно витгенштейновское: «О чем человек не может говорить, о том он должен молчать», имея в виду, что язык, слова, фраза передают не то, что чувствуешь, думаешь, а другое, свое, ему - языку, а не человеку - присущее. Осознание этого обескураживает, разочаровывает, в поисках сублимации выход обнаруживается в неординарности поведения или внешнего вида (татуировка, например) или серьга.

Концепция молчания и неординарность - плата за недостатки языка, который оказался тормозом в сегодняшних условиях. «Не тормози - сникерсни» - это значит, помолчи.

В этом смысле ПОНТТ очень родственен искусству (которого он терпеть не может), поэзии, более того - он и есть ее воплощение, потому что у них общие задачи.

Как писал Клейст: «... то, чего поэт желал бы добиться - это обрести способность выражать мысли сами по себе, без помощи слов».

Так происходит обоюдная самоорганизация человека и искусства, они тем сильнее проникают друг в друга, чем сильнее отгораются. Эволюция искусства проявляется в ПОНТТе.

ПОНТТ сам скажет, а главное - сделает(!) то, чего люди ждут от него.

ПОНТТ не заставляет себя ждать.

ПОНТТы идут! Смотрите на них и молчите!

СОБЫТИЯ ГОДА

ВЕРОНИКА БАШКУРОВА ТРЕТИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ, НИЖНИЙ НОВГОРОД

Первый фестиваль «Молодой литератор» состоялся в 2006 году. В нем приняли участие более семидесяти молодых авторов. Второй фестиваль имел статус областного и собрал более 250 участников. По его результатам готовится к выпуску сборник с произведениями лауреатов и жюри фестиваля. В состав жюри входили: Захар Прилепин, Лев Харламов, Ильдар Абузяров, Арсений Гончуков, Леонид Большухин, Евгений Прошин, Марина Кулакова, Евгения Риц. Третий получил дополнительный подзаголовок «Уроки литературы» - на них ученики могли превратиться в мастеров. Города-участники - Нижний Новгород, Казань, Саратов, Вологда. Общее число участников около 250, очный тур - 30 человек.

Для меня это было первое участие в серьезном литературном конкурсе. Он проходил в два этапа заочный и очный. Заочный предлагал выбор автором своих лучших строк (150 в поэзии и 250 в прозе) и отправку сего добра, а может зла, по интернет-адресу «Массолита». По итогам заочного конкурса определились 30 финалистов, в их число вошли 20 поэтов и 10 прозаиков, которые получили приглашение на очный тур. В том числе и я. Из отосланных мною работ более высоко оценили прозу и пригласили в качестве прозаика. Собрали нас у ННГУ им. Лобачевского в Нижнем Новгороде и повезли в Зеленый Город, на базу отдыха.

Сразу после обеда разделили на группы. Моя группа № 6 оказалась у Ильдара Абузярова (исполнительный директор журнала «Октябрь», Москва). Он скромно не признал свое общение с нами мастер-классом. Мы познакомились друг с другом, побеседовали о предпочтениях в литературе, кино и музыке, потом стали читать и обсуждать свои произведения. У кого-то за плечами были небольшие рассказы, у кого-то уже романы, у кого-то, как определили одна участница, работающая в Казани над собственной постановкой - «легкое», «летучка». Нам показалось, что времени отвели чрезвычайно мало, и мы решили еще встретиться после десяти вечера (в свое свободное время). Далее с нами работал Лев Харламов (актер, театра одновременной игры Зоопарк и радиоведущий, Н. Новгород) - безумно интересный и веселый человек. Он поведал нам о секретах сценической речи, раздал задания, в которых каждый участвовал в качестве актера.

После конкурсных чтений, потрясающих по оригинальности подачи, по глубине содержания и по формам выражения, мы до глубокой ночи обсуждали выступления друг друга. Мне больше всех запомнилась прозаик из Казани Анна Попова, хотя знакомств оказалось довольно много.

Очень интересные мнения сыпались на авторов и при этом все были невероятно деликатны, что меня приятно удивило. Насколько же ценно для пишущего, что его внимательно выслушивают, и хотя бы понять его замыслы! Да, была и критика, но необходимая, оптимистическая. Вообще у меня осталось прекрасное ощущение, я поверила в себя, стала даже более независимой от любой критики. Ведь там я услышала главное - я интересна, я достойна внимания. Многие согласились бы со мной: именно таким должно быть настоящее обсуждение

На следующий день - разговор с литературоведом Леонидом Большухиным - о литературе современной в целом и новая интерпретация наших литературных опытов. Отношение было очень серьезное. Участвовал Андрей Василевский (главный редактор журнала «Новый мир», Москва) который продолжил начатую тему лекцией о современном толстом журнале - на нее пришли и прозаики, и поэты.

Элегантный Захар Прилепин (писатель, лауреат премии «Национальный бестселлер», Н. Новгород) отвечал на любые интересующие народ вопросы. После чего распустил всех на отдых перед чтением полуфиналистов и финалистов. И те, и другие удачно импровизировали. Кто-то свои стихи инсценировал, кто-то спел под гитару, кто-то кричал их, пытаясь заглушить громящую музыку (которая служила лимитом времени для участников), срывая при этом плакаты со стен и распиная от себя стулья и микрофоны, ударяя кулаком по ним же или по бедному дивану, рядом с которым выступали...

На следующий день вернулись в Нижний Новгород и побывали на «Литпараде» - презентации всех литературных проектов города. «Заблудившийся трамвай» - это был настоящий трамвай с такой надписью, заполненный финалистами, которые читали в рупор свои стихи. В трамвай садились и «простые смертные», которые слушали это ораторство. Закончилось все Гала-концертом: выступления, раздача дипломов, читка стихов и прозы победителями и самим экспертами. В их числе были также Евгений Прощин - поэт, кандидат фил наук), поэтесса Марина Кулакова В общем, все было здорово. И вечно.

Апрель 2008 г.

ГАЛИНА ЩЕКИНА ПРАЗДНИК СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ МОЛОДЕЕТ

Дни Славянской Письменности и культуры в Вологде прошли в нынешнем 2008 году с невероятным размахом. В программе праздника оказались такие мероприятия как Акция «Поклон поэту» на Соборной горке у памятника К. Н. Батюшкову, цветов к могиле К. Н. Батюшкова в Прилуцком монастыре, Презентация изданий, посвященных творчеству К. Н. Батюшкова, в Библиотеке им. И. В. Бабушкина, - Центре чтения (ул. М. Ульяновой, 7). Но это далеко не все.

В Центре чтения 24 мая в 12 открылся по инициативе Вологодского отделения Союза российских

писателей очередной фестиваль «Плюсовая поэзия». Броский заголовок принадлежит Елене Волковой, председателю СРП в Вологде. Именно она выпустила в свет звуковой стихотворный сборник «Утренние стихи» (2004), где голос поэта соединялся с музыкой (голос плюс музыка). Отсюда и заголовок фестиваля, который собрал в Вологде поэтов из разных городов России, получилось: Вологда+Кадуй+Харовск+ Ярославль+Череповец+ Вятка+Москва Первый фестиваль-блок превратился в двойную презентацию. Во-первых, вышел в свет 7 номер московского альманаха «Илья». Свеженький номер в солнечной обложке представил публике рочкоушим басом череповчанин Эдвард Чесноков, финалист Илья-Премии, ныне студент Литинститута им Горького, один из авторов «Илья». Издание очень солидное, 200 страниц, авторы со всей России. А почему презентация «Ильи» случилась в Вологде прежде, чем в Москве? Потому что в проекте каждый год участвуют вологодские авторы, вот и 7 номер украсили публикации вологодского поэта Антона Черного и студентки Литинститута Елизаветы Чегодаевой. Ну, и счастливое совпадение...

Вторая презентация - это собственно сборник «Плюсовая поэзия», который выпущен при содействии ВОСРП и Комитета по делам молодежи. Приятно отметить, что зимой творческая молодежь города и литературная студия «Лист» участвовали в проекте «Молодежь. Единство. Будущее», где их активность была поощрена. И вот результат.

Итак, поэтический сборник «Плюсовая поэзия» под редакцией Антона Черного, посвященный 10-летию ВОСРП, вместил 30 авторов, где только 8 человек - члены союза, остальные 22 - яркая несоюзная молодежь. После приветствий Татьяны Кербут (заведующей Центром чтения), Елены Волковой, Левона Осеяна (член Правления СРП, Москва) звучали голоса молодых поэтов. Тут случилось немало сюрпризов, ведь многие, в том числе ведущий, не знали друг друга в лицо и познакомились только в момент выступления. Робко, но интересно показались на публике кадуйчанка Вероника Башкурова, череповчанка Аня Казакова, харовчанка Наташа Усанова.

Порадовали возмужавший Павел Широглазов из Череповца, его земляк Михаил Калинин, студент отделения журналистики ВГПУ, поэтесса с таинственным имиджем, которую мы узнали на фестивале М-8 - воложанка Наталия Боева...

Организаторы фестиваля наградили гостей за активность: публику пришла поприветствовать директор продюсерского центра Татьяна Кашина, которая прочла отличный стих Игоря Захарова, отчего присутствовавший тут же автор чуть в обморок не упал. Его выступление стало элегантным ответом.

Вообще на презентации «Плюсовой поэзии» стало ясно: фестиваль и сборник создали чудесное поле общения. После презентации сборник передан в подарок областной, центральной библиотеке и всем районным библиотекам области.

Начавшись в Центре чтения, фестиваль «Плюсовая поэзия» плавно переместился в музей «Литература. Искусство. Век XX», где состоялась встреча с Левон Осеяном, редактор международного журнала

«Меценат и Мир». Всегда очень приятно, когда молодой и озорной директор этого музея Нина Смелкова встречает гостей неизменным остроумием и приветливостью. Осепян рассказал о том, как он работает с авторами, продемонстрировал свой журнал - около 400 страниц! И ответил на вопросы.

И третий, главный блок фестиваля прошел в Детском музыкальном театре под руководством Юрия Ганичева, блестящего конферансье и давнего друга многих поэтических мероприятий. Третий блок - это Гала-концерт всех участников и гостей. Импровизированное жюри из семи человек выбирало поэтов на свой вкус и цвет, и награждало их подарками - мягкими разноцветными мишками. Один член жюри, симпатизирующий сразу двум поэтам, чуть не разорвал свою игрушку пополам - хорошо, что мишка расстался только со своим вышитым сердечком...

Всех поразили вятчи во главе с Андреем Жигалиным, они устроили из читки стихов целое тетральное представление. Ярославцы горячо откликнулись на дружбу. Они уже пригласили вологодских и вятских поэтов на свой фестиваль ЛОГАРИФМЫ в октябре 2008 года.

Май 2008 г.

ГАЛИНА ШЕКИНА К ИЛЬЯ-ПРЕМИИ

Один из важнейших проектов не российского, а уже международного статуса - это ежегодный литературный конкурс «Илья-Премия». За последние годы в нем поучаствовали авторы зарубежные - это Джинни Луис (Великобритания), Григор Замза (Украина), Ербол Жумагулов, Павел Погода (Казахстан), Екатерина Канайкина (Мордовия), Керен Климовски (США), Павел Антипов (Беларусь), Диана Биккулова (Башкирия) На самой заре в числе первых финалистов Илья-Премии были вологжане Дмитрий Гасин и Ната Сучкова. И почти каждый год вологодские авторы попадают в роскошные альманахи «Илья» - 1 Дмитрий Гасин - альманах 2002, 2 Ната Сучкова - альманах 2002, 3 Елена Юшкова, Антон Черный - участники Альманаха 2002, 4 Ольга Кожанова, Юлия Кобылина - дети, участники, альманах 2002, 5 Антон Черный - альманах 2004, 6 Павел Широглазов альманах 2004, 7 Светлана Синева 2003 (поощрительный), 8 Эдвард Чесноков (череповецкий финалист) альманах 2005, 9 Виктория Мастерчук 2004 (поощрительный), 10 Светлана Бажинова 2004 (поощрительный). В 4 альманахе «Илья» 2005 года - семь публикаций вологжан, так что появилась своеобразная вологодская диаспора в «Илье».

Работать в этом проекте непросто. Нужно не только найти способного автора, заинтересовать его, надо его информационно подготовить - кто такой Илья Тюрин, почему конкурс назвали в его честь, что он из себя представляет как личность. Иногда кандидаты выбирают тропку попрямее - взял стихи Тюрина, прочел, дал обзорную оценку, отправил ее в адрес конкурса вместе со своими стихами - и успокоился.

Но те молодые люди, которые столкнулись сопротивлением литературного материала, задумались,

стали копать - те как раз пошли по пути Тюрина, человека глубоко совестливого, думающего, по сути аналитика и философа.

Само творчество Тюрина задает интеллектуальную планку участникам: слабее него писать просто стыдно.

Нередко бывает и такое: даешь читать тексты Тюрина, а юный поэт дерзит: зачем это? Разве я должен писать так, как он? Объясняю - тексты Тюрина нужны для расширения сознания, кругозора, косить ни под кого не требуется. Иных отпугивает тот факт, что поэта нет в живых, дескать, ради чего устраивать мавзолей. А хотя бы ради того, чтобы иметь некий эталон. Для наглядности.

Мне импонирует как раз то, что жюри конкурса отбирает работы вовсе не по принципу похожести на Тюрина, то есть сам образ Ильи Тюрина никак не ограничивает будущих кандидатов. Мне по душе и то, что конкурс не имеет жанровых ограничений, принимаются на суд и поэзия, и проза, и эссе, и драма. Есть где развернуться.

Финалистов публикуют в альманахе «Илья». Обладатели Гран-при получают в подарок тираж своей первой книги. Последние годы чествование финалистов происходит августовскими днями в парке Сокольники, организуются поездки в Перedelкино и в Пушкиногорье. По возможности приезжают на праздник и прежние участники проекта. Это прекрасная высокая атмосфера, честное слово, дело стоит того, чтобы хоть раз там побывать. Более ста новых поэтов по России помог найти этот удивительный конкурс.

Вологодский фестиваль «Плюсовая поэзия» в октябре 2007 года в лице Антона Черного и Елены Волковой пригласил в гости президента фонда памяти Ильи Тюрина Ирину Медведеву, а это волшебным совпало с выходом 6 альманаха «Илья». Она приехала и привезла с собой новый альманах, а также памятную медаль Тюрина за поиск новых талантов для Г. Шекиной.

В декабре 2007 был объявлен новый тур конкурса, почти полгода шла работа. Условия изменились: теперь каждый соискатель должен предварительно появиться на литературном сайте-номинаторе (подробнее смотрите на сайте Илья-Премии <http://ilyadom.russ.ru>)

И вот в июне 2008 я попадаю на презентацию 7 альманаха в Москве. Поехала я туда тоже не пустыми руками: прочитав альманах, выступила с его обзором, в котором говорила о тревожной для меня теме - как работает образ смерти в творчестве молодых поэтов и прозаиков. Можно ли его считать категорией искусства?

На презентации для меня весьма ценными были встречи с Ефимом Бершиным, Алексеем Караковским, особо важно оказалось слово председателя жюри Марины Кудимовой, поскольку ее мысли перекалились с моими. Там же на презентации в библиотеке-фонде «Русское зарубежье» объявили шорт-лист финалистов 2008. Боже мой, в нем оказались фамилии четырех молодых вологжан! Это Александр Виноходов (поэзия), Михаил Калинин (поэзия), Регина Соболева (эссе), Елена Смиреникова (проза).

Я знаю только троих! Но скоро узнаю и четвертого. И не только я.

В январе 2008 Вологда во второй раз стала аренной фестивалю М-8, куратор Даниил Файзов. Обсужденные события зна форуму ВОСРП

<http://vosrp.artvologda.ru/forum/index.php> и
<http://ivan-bel.livejournal.com/81519.html>
<http://oratoria.livejournal.com/144547.html>

К 1 марта 2008 года трудами Е. Волковой общественной организации ВОСРП была зарегистрирована повторно - информация на форуме ВОСРП в разделе «Дела союзные».

Е. Волкова дважды лауреат в 2008 году - как сценарист фильма «Святитель Игнатий» - лауреат 12-го Международного кинофестиваля «Радонеж». И как журналист - лауреат Премии «СЕЗАМ» .

В марте 2008 года ряды ВОСРП пополнила талантливая кадульская поэтесса Мария Маркова.

Ее авторская страница <http://stihi.ru/author.html?markovna7>

В марте поставлена на учет Анастасия Астафьева, член ВОСРП с 2000 года, ее авторская страница <http://www.proza.ru/author.html?asiasta>

5 апреля 2008 в Москве в Центральной библиотеке им. Лермонтова состоялась первая презентация новой книги Галины Шекиной «ОР» - при содействии Ирины Медведовой и Натальи Морозовой. Выступление в Кадуе и Череповце - 12 апреля, в Вологде - 31 мая.

В апреле вышла новая стихотворная книга поэта Валерия Архипова «Выдумки Мага».

Его авторская страница <http://stihi.ru/author.html?valarhip>

При содействии ВОСРП вышли книги молодых авторов Натальи Усановой «Внутри», Регины Соболевой «Милосердие», Александры Логиновой «Гербарий». Комментарий на форуме ВОСРП, тема «Молодые». В «Архиве» - статья А. Черного «Три книги 2007 года» и ее обсуждение.

24 апреля в Доме Пантелеева состоялось чествование критика Сергея Фаустова по случаю его 60-летия. К этому событию приурочен выход 2 книг - «Гипотеза поэзии» С. Фаустова и «Фаустов крупным планом». Фото -

<http://fotki.yandex.ru/users/a-dudkin/album/35983/>
<http://flickr.com/photos/parusnik/sets/...742121805/>

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС

Редакция журнала «Свеча» объявляет конкурс на лучшую мини-рецензию в области современной текущей литературы 2005-2008 года.

Объем - 1 печатная страница. Тон рецензии, отрицательный или комплиментарный, значения не имеет. Авторы самых ярких рецензий будут премированы книгами, рецензии будут опубликованы в журнале. Срок подачи - до конца 2008 года. Информацию о ходе конкурса «Чтение и чтение» смотрите на форуме ВОСРП

<http://vosrp.artvologda.ru/forum/>

Материалы принимаются только по электронной почте (см. титул) Например.

ТРЕВОГА БЕЗ НАДЕЖДЫ (Тревога и надежда, М. Время, 2006. 1-2 тт.)

Однажды в Санкт-Петербурге на Пионерской площади в понедельник прошла акция, приуроченная к 15-летию августовского путча. Организатором мероприятия выступило движение «Свободные люди города Питера», передал Центр экстремальной журналистики со ссылкой на Интерфакс. В митинге приняли участие участники ОГФ, «Обороны», Движения гражданских инициатив, Республиканской партии и «Яблока». Представитель ОГФ с табличкой на груди «Самовластие», предлагал совершить процедуру гражданской казни над ценностями, достигнутыми за последние 15 лет. Два человека с табличками «Подручные» выводили на импровизированный эшафот оппозиционера, на которого последовательно наделились таблички с указанием этих ценностей: «Надежда на лучшую жизнь», «Правосудие», «Свобода слова», «Уважение к старости» и «Личное достоинство». Рядом также стояли человек с колоколом и табличкой «Услужливые СМИ» и оппозиционер с табличкой «Народ-правдолюб». По словам одного из участников акции, Пионерская площадь - бывший Семеновский плац - для проведения акции выбрана не случайно: «Мы хотим напомнить, что самовластное правление ведет к «гражданской казни» таких вещей, как человеческое достоинство, свобода слова и собраний, право избирать и быть избранным, право на образование и жилье, вера в будущее, надежда на лучшую жизнь». За акцией наблюдали несколько сотрудников милиции, в происходящее они не вмешивались. (21.08.06) То была символическая казнь демократических свобод... Не знаю, с каким чувством наблюдал бы эту сцену Андрей Дмитриевич Сахаров, ведь именно он заложил свою жизнь основы демократических понятий в России. Каково ему было бы видеть полное разрушение этих самых основ? Многие знают печально знаменитый текст Конституции, в котором выделены жирным шрифтом неработающие законы. Но если бы только в шрифте была проблема. Так вот, не случайно именно в 2006 году вышла книга статей, обращений и дневников Саха-

рова в издательстве «Время» под заголовком «Тревога и надежда». Книга составлена точно, следуя глубокой внутренней логике и одновременно хронике реальных ключевых событий. Такой ключ ко всей книге - это биография А. Сахарова, который после головокружительной научной карьеры не боялся развенчать само дело своей жизни и бороться против того, над чем всю жизнь работал. Потому что слишком острым было ощущение чужого горя - последствий термоядерной войны. Долг ученого и гражданина грозили взорвать саму личность этого человек - но не взорвали. Эта нравственная сила настолько бесспорна! Этот анализ взаимосвязи политических интересов и демократических свобод настолько верен, что верен до сих пор.

«Если государство представляет угрозу для своих граждан, оно будет представлять угрозу и для соседей». И мы после стольких лет нарушений удивляемся сдержанности по отношению к этому государству? Не стоит уже ничему удивляться. «Что же однако, делать, если некое тираническое правительство не уважает права своих граждан? Другие страны должны постараться принудить его уважать... Потому что права человека не знают государственных границ, каждый человек должен быть признан субъектом международного права в том что касается его прав...». В 60-годы Сахаров начал выступать за права человека в мире, в 1975 он - лауреат Нобелевской премии мира, в 1980 его репрессируют и высылают... По-позиции советской России и нацистской Германии в вопросе международной защиты прав человека совпадали. Этой позиции противостоял Сахаров. Два варианта рассматривал он в будущем развитии мира - гибельный и спасительный, и рассуждал не голословно, в числе надежд отмечал - наличие общемировой заинтересованности, сближающие экономические моменты в соц -, и капстранах, прогрессивные движения в разных странах, которые вне классов... Не заботясь о личной судьбе, тревожился о судьбах государств, вел диалоги с Правительством, то есть - писал «Памятные записки», не удостоенные высочайшим ответом.

Сегодня студенты и абитуриенты считают разговоры о демократии пустым звуком, и их цинизм объясним. Зачем говорить о том, чего нет? Но именно к этим студентам приходила я, не упуская случая напомнить о базовых вещах, о том, на чем держится мировоззрение человека. Именно с книгой Сахарова руках читала я на отделении журналистики лекции о демократических ценностях, подкрепляя свои доводы его словами. Абсолютно все слушатели до того ничего не знали о Сахарове (половина были школьники на курсах), но как загорались их лица, глаза, как нервно черкали они свои конспекты. Не давая им готовых выводов, я представила им самим хмурым лоб и делать нравственный выбор. Поэтому изданные труды Сахарова считаю обязательными для изучения в вузах. Они научат молодежь тому, чему нужно. Независимо от избранной профессии.

Галина Шекина

О книге К. Хромовой «ПРЕКРАСНЕЙ И СТРАШНЕЙ» (Вологда, Свеча, 2007)

Очень порадовал язык автора - Ксения умеет высказываться столь точно и красиво, что местами ее рецензии сами по себе напоминают произведения литературные, а не критические. Например: «Герои вместе только потому, что больше быть не с кем», «Он забирается под купол сцены (там место освобождено от упавшего неба)» и т. д.

К. Хромова не злоупотребляет терминологией, это радует. Она говорит понятно. Читать статьи можно одну за другой. Они не утомляют еще и потому, что каждая из них построена по-своему. Например, в «Поединке неравных» автор словно пишет репортаж - последовательно, по сюжету, обрисовывает все, что происходит на сцене, притом так, что создается эффект присутствия. Рецензия «Без костюмных формальностей» представляет собой следующую композицию: заметка-вступление и две основных заметки, в которых описывается, как жили на сцене во время спектакля две самые яркие актрисы. «Беспредел на чердаке» К. Хромовой создает как спор эпох. И, надо заметить, она делает это очень тонко - так и неясно до конца, какая эпоха лучше, какую выбирает она. Ксения стремится к объективности, поэтому не навязывает свое мнение. Хромова обязательно дает главную идею, которая держится на цепочке рассуждений-доказательств.

Привлекает романтическое восприятие автором театрального искусства, чувствуется, что она к нему неравнодушна.

Теперь скажу о недостатках. Иногда Ксения не дает достаточного представления о том, что послужило источником для спектакля - об исходном литературном произведении. Конечно, в случае с постановкой по Шекспиру или, скажем, по Горькому, это не обязательно. Произведения их программные, знакомые большинству. А вот об Алексее Арбузове сейчас мало говорят. Акунинская «Кыся» тоже известна не всем.

И, наконец, назову то, что мне больше всего не понравилось - композиция сборника в целом. Теоретическая статья «Что такое актерское искусство?» прекрасно смотрелась бы в начале, терпимо - в конце, но не середине. И вообще, мне показалось, что Ксения Хромова вполне могла бы написать три отдельные, самостоятельные книги: рецензии, портреты актеров, теоретическое исследование. Особенно ценными мне кажутся три теоретических страницы. Размышления о постмодернистском актере очень оригинальные и точные, кроме того, в них есть выход со сравнительно узкого уровня театра до сравнительно широкого уровня Искусства эпохи. Искусство нашей эпохи почти не изучено современными критиками. А у Ксении есть оригинальные мысли, в частности, теория освобождения, есть собственный творческий взгляд, знания... Нужно продолжение!

Наталья Усанова

